

**СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА
ДОНЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ**

ОТРАЖЕНИЯ

Первые опыты художественного перевода

Альманах

Выпуск 14

**Редакторы и составители:
К. С. Корконосенко, О. В. Матвиенко**

**Санкт-Петербург — Донецк
2024**

УДК 82-822=03
ББК 84(0)
О-862

Ответственная за выпуск А. В. Кузьмина

С предложениями и пожеланиями обращаться по адресу:

Донецк, 283001, ул. Университетская, 24. ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», кафедра зарубежной литературы. Матвиенко О. В.

Тексты для публикации можно также направлять по электронной почте kmlkf@list.ru или на адрес редактора сборника matvizar@gmail.com. Присланные материалы не возвращаются и не рецензируются.

Издание носит некоммерческий характер и не поступает в продажу.

Информационный партнер проекта — Международная ассоциация преподавателей русского языка и литературы

Рецензенты:

В. Е. Багно, член-корреспондент РАН, научный руководитель ИРЛИ РАН

Е. В. Филатова, д. филол. н., заведующая кафедрой английского языка для естественных и гуманитарных специальностей ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

Печатается по решению ученого совета факультета иностранных языков ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», протокол № 10 от 23.10.2024 г.

О-862 **Отражения. Первые опыты художественного перевода:** Альманах. Вып. 14. Ред. и сост. К. С. Корконосенко, О. В. Матвиенко; [отв. за выпуск А. В. Кузьмина]. СПб.; Донецк, 2024. 292 с.

В четырнадцатый выпуск сборника «Отражения» по традиции включены лучшие переводы золотого фонда классической и современной словесности, выполненные победителями Международного конкурса начинающих переводчиков им. Э. Л. Линецкой (2023 г.), который ежегодно проводится Институтом русской литературы (Пушкинский Дом) в Санкт-Петербурге. Рубрика «В переводческой мастерской» представляет цикл новелл кубинских писателей о соглядателях, пьесу современного польского писателя Ежи Журека «После Гамлета» в переводе коллег из Красноярска, авторскую подборку Д. Буракова. В разделе «Из Кастальского источника» опубликованы оригинальная поэзия петербургского автора и переводчика И. Матвеева, а также его англоязычные переводы русской классической поэзии и советских песен. Кроме того, в альманахе вошли тексты призеров республиканского конкурса для школьников «Мои первые переводы» (Донецк, 2024).

УДК 82-822=03
ББК 84(0)

ISBN 978-5-6051351-1-1

© Союз писателей Санкт-Петербурга, 2024

© Донецкий государственный университет,
2024

© Корконосенко К. С., Матвиенко О. В.,
составление, 2024

От составителя

Дорогой читатель!

Предлагаем Вашему вниманию четырнадцатый выпуск переводческого альманаха «Отражения», по объему значительно превосходящий все предыдущие.

Наш проект продолжается! Мы публикуем материалы очередного Международного конкурса начинающих переводчиков им. Э. Л. Линецкой, состоявшегося в 2023 году. Конкурс, который ежегодно проводится под эгидой Пушкинского Дома в Санкт-Петербурге и популяризирует классические традиции Петербургской (Ленинградской) школы перевода, объединил в виртуальном русскоязычном пространстве людей, увлеченных художественным переводом. Авторы присылают свои работы отовсюду, от дальнего зарубежья до Дальнего Востока, от Санкт-Петербурга до Донбасса. Благодаря конкурсу «Отражения» регулярно пополняются, по выражению классика, «хорошими и разными» переводами с английского, немецкого, французского, испанского, итальянского, венгерского, китайского, а в этот раз — еще и с арабского и турецкого! Публикуя лучшие переводы иностранной поэзии и прозы, надеемся, что читатели смогут обогатить свое представление о классической и современной словесности, порадоваться удачным переводческим решениям.

Рубрика «В переводческой мастерской» предлагает ознакомиться с талантливыми переводами Д. Буракова из поэзии Сары Тисдейл. Здесь же представлен цикл рассказов современных кубинских писателей о соглядатах из системы госбезопасности, переведенный в рамках тематического проекта в Перedelкино. Здесь же представлена пьеса современного польского писателя Ежи Журека «После Гамлета» в переводе коллег из Красноярска А. Сукиасян и М. Щукиной. В разделе «Из Кастальского источника» мы знакомим читателя с оригинальной поэзией петербургского автора и переводчика И. Матвеева, а также с его англоязычными переводами русской классической поэзии и популярных советских песен. В разделе «Опыт художественного перевода в Донбассе» опубликованы лучшие переводы начинающих — лауреатов республиканского конкурса «Мои первые переводы» (2024), который ежегодно проводится Донецким государственным университетом для старшеклассников Донбасса.

Пользуясь случаем, напоминаю, что редколлегия ждет Ваши переводческие подборки. То, что Вы переводите «для себя», чему посвящаете свободное время и отдаете душевные силы. Тексты, которые Вы шлифуете и совершенствуете, добиваясь идеального звучания, безупречного стиля.

Надеемся на дальнейшее сотрудничество.

Увлекательного Вам чтения!

Ольга Матвиенко

Слово о конкурсе

Каждый год, начиная с 2009-го, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) совместно с Союзом писателей Санкт-Петербурга проводит Конкурс начинающих переводчиков имени Э. Л. Линецкой. С идеей организации такого конкурса выступили ученики Эльги Львовны, бывшие участники ее семинара — Т. Н. Чернышева, М. Д. Яснов, В. Е. Багно и В. Н. Андреев.

Конкурс проводится при финансовой поддержке Института перевода в Москве; цель его — сохранение традиций отечественной школы художественного перевода, а задача — на конкурсной основе отметить лучшие переводы поэзии и прозы, выполненные начинающими переводчиками на материале предложенных заданий. Для участников Конкурса не устанавливается ограничений по возрасту, гражданству и месту жительства. Начинать может себя всякий переводчик, делающий первые шаги в художественном переводе, не состоящий ни в каком профессиональном союзе и имеющий не более трех переводных публикаций. В 2023 году оргкомитет принял выстраданное, но необходимое решение: не привлекать к следующему конкурсу многократных призеров прошлых лет. Таким образом мы открываем дорогу по-настоящему начинающим переводчикам, а сборник «Отражения-14» можно считать прощанием с нашими многолетними друзьями. Впрочем, для них всегда найдется место в рубрике «Переводческая мастерская».

Диапазон заданий год от года меняется: на конкурс предлагаются тексты на разных языках, в номинациях Проза и Поэзия. В 2023 году к уже традиционным английскому, венгерскому, испанскому, итальянскому, китайскому, немецкому и французскому мы добавили турецкий и арабский. Информация о конкурсе помещается на сайт Пушкинского Дома, а потом, уже без усилий оргкомитета, передается по социальным сетям.

Награждения в Большом зале Пушкинского Дома проходят и торжественно, и весело. Это праздник для всех любителей перевода. Отрадно, что на этом празднике завязывается общение лауреатов и с профессиональными переводчиками, и между собой, и этот заинтересованный диалог продолжается и потом, выходя за рамки конкурсных заданий.

Один из результатов такого общения — издание лучших переводов 2023 года в нынешнем выпуске «Отражений» под двойным грифом — Союза писателей Санкт-Петербурга и Донецкого государственного университета. Я живу в Петербурге, а мой соредaktor, многократная победительница Конкурса начинающих переводчиков Ольга Матвиенко — в Донецке. Ее ежегодную работу над альманахом я считаю подвижничеством.

Этот совместный проект интересен читателям, поэтому работа над ним продолжится и в будущем.

*Кирилл Корконосенко,
эксперт и организатор конкурса*

**МАТЕРИАЛЫ КОНКУРСА
НАЧИНАЮЩИХ ПЕРЕВОДЧИКОВ
ИМ. Э. Л. ЛИНЕЦКОЙ
(САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, 2023)**

ПЕРЕВОДЫ С АНГЛИЙСКОГО

АНГЛИЙСКАЯ ПРОЗА

Alison L. Randall. *Angel's Landing*

The only reason I decided to sign up for the geology field trip was because Lauren's name was on the sheet, two slots up. I printed my name, Nic Colter, and then glanced back at her. Those warm hazel eyes were fixed on the whiteboard at the front of the room, but they strayed my way. A soft, Mona Lisa kind of smile passed over her lips and then her attention turned back to the board.

Oh, yeah – I faced forward again – this would be excellent. I'd been trying to work up the nerve to ask Lauren to the Homecoming dance and a field trip would be the perfect time to test the waters. No sense diving in if the pond was going to freeze over.

But then I glanced through the rest of the list. Zach Rogan was there, too. He would probably be thinking the same thing, and he had the upper hand. He and Lauren were on student council together. I went to pass the sheet on, but jerked it back again. The subheading on the paper seemed to scream at me:

Field Trip to Zion National Park

Angel's Landing Hike

No. Not that one.

As I left the classroom, I pulled a permission slip from Mr. Beadle's outstretched hand, but couldn't help glaring at the top of his head. I thought we'd be taking an identify-the-rock walk through the canyon, maybe have a little water fight in the Virgin River. What were we supposed to do at Angel's Landing? Count the strata layers as we plummeted to our deaths?

"Nic!" A call came from behind me. I turned to see Lauren and her friend Aly.

"Hey," I said.

"So you're going on the field trip?" She pointed at the permission slip I death-gripped.

"Um, yeah," I looked at it, wishing for brilliant conversation to flow from my mouth.

Lauren smiled and my brain dislocated even more.

"Have you been there?" She pointed upward, as if the lethal butte were right there, in the middle of the hall. I looked up and she laughed. "Angel's Landing, I mean."

"No." Just thinking about it made my palms ooze.

"It's amazing." She patted my arm as she passed. "Trust me."

I stood alone in the middle of the after-school exodus and stared at my permission slip. Half of me wanted to rip it up. The other half, to kiss it.

I laid the slip in front of my mom. If I was hoping she'd fear for my life and forbid me to go, I was a sadly neglected child.

“Fun!” She scrawled her name across the line. “Can I go? Do they need chaperones?”

“Nope.” I snatched it back. Having my mother there to hold my hand was not what I needed.

Next stop, the internet. The search, how to cure fear of heights.

One article told me to think good thoughts. Right. Another said to desensitize myself. That might work. Maybe if I looked at pictures of the trail.

I typed in Angel’s Landing and something even better than pictures came up – a video a guy made with a camera strapped to his head. I clicked play and, for seven highly edited minutes, lived the hike through someone else’s eyes.

Red rock fell away to eensy green foliage a thousand feet below. Hands gripped a chain and feet tight-walked a narrow ridge of stone. When the motion finally stopped, my palms weren’t the only sweaty things on me. I was practically a puddle. And my stomach heaved.

I was in big trouble.

The day of the hike was, unfortunately, beautiful. I’d prayed for rain but Mr. Beadle must have been praying harder. As the bus drove into the park, the sky was a shocking blue against the crimson cliffs.

We spilled out of the shuttle at the Grotto stop and Mr. Beadle waved us into a huddle.

“We’ll gather at Scout Lookout for a snack,” he said. “If you’d rather not cross to the landing, that’s fine. One of our chaperones will stay back.” He grinned, then turned around and pointed straight up, about half a million miles, to the top of the sandstone monolith. “I’ll see you up there.”

Somehow, I fell into step beside Lauren and Aly. We passed a warning sign and I averted my eyes, trying hard not to see the tiny person tumbling to her tiny death. I maneuvered myself to be on the inside, next to the cliff wall, as we worked our way up the switchbacks.

Part way up, I scraped together my courage.

“So, who’s been asked to Homecoming?”

They listed a few names. No mention of themselves. So far, so good.

We paused for a picture at another sign – Sensitive Wildlife, it claimed.

Zach came up behind us. “Here, Nic.” He handed me his cellphone. “Take one of me and Lauren.”

They posed next to the sign with their fingers to their lips. Ssshhh.

I snapped.

“Thanks, dude.” Zach grabbed his phone from me, turned and started walking. He was now next to Lauren.

I watched him, his head bent her way, heard her laugh at whatever he was saying and saw my chances of a date dwindle with each step. Next thing I knew, we’d reached the top of the second switchback, Walter’s Wiggles.

Aly called for a breather.

“Go ahead,” Lauren said to Zach, and she sat down on a stone shelf next to Aly. I came up level with them but wasn’t sure what to do, whether they needed some private girl talk or not.

“So Nic,” Lauren motioned me closer with a finger, “who are you asking to Homecoming?”

“Uh . . .” I waited for inspiration in the form of a lightning bolt to strike. “It’s a secret.” So lame.

Lauren looked at Aly and they giggled.

Before I could interpret that, they jumped up and swept us into forward motion again. We rounded a bend and came upon an open area with restrooms and a few scrub trees. One of the chaperones handed out drinks and trail mix. Zach sat on a rock, sipping at a juice box. His eyes launched missiles at me.

I shied to my right and saw, in the not-too-far distance, what looked like the bony neck ridge of a giant dragon rising into the air. Some demented person had fastened chains to its neck and people were actually climbing it.

“Nic.” Lauren’s voice echoed like she was in a tunnel. “Are you OK?”

I pulled my eyes from the horror that was the upcoming trail and found Lauren’s hazel ones only inches away. Somehow, they revived me enough that I could sit, rather than topple onto whatever was behind me.

“You’re all white.” She sat on a log, facing me. “What’s wrong?”

Wrong was that here I went, devolving into a heaving puddle. Any second now and she would become revolted and walk away.

I waited. Still, she sat there, her face concerned, waiting back. “What is it, Nic? Are you sick?”

“I . . . it’s . . . heights,” I pointed to the jagged dragon’s neck, “I don’t think I can do it.”

“Heights bother you?” Her eyes widened, “but you’ve done really well so far.”

I shrugged.

“Did you know it would be a problem?” she asked.

I nodded.

“Then why’d you come?”

I glanced Zach’s way. Aly sat next to him, chatting. It had to be now, but scaling dragon spikes couldn’t be much harder. I sucked in a breath.

“I came because I wanted to spend time with you, maybe figure out if you’d go to Homecoming with me if I asked.”

That soft, Mona Lisa smile crept over her lips. “Nic, you didn’t need to come to figure that out, “I’ve been giving you hints for a while.”

“You have?”

She nodded and a breeze seemed to blow across the lookout, drying my sweat, soothing my stomach.

“I’ll stay here with you if you want,” she said.

“No,” I said, because she’d been looking forward to it. “I’ll be fine. Besides, I feel like I’ve done the hike already. I watched a video.”

“You did?” Horror struck her face. “No wonder! That’s a hundred times worse than doing it yourself. Come on.” She grabbed my hand and pulled me to my feet. “You can do it.”

She kept hold of me all the way to the beginning of the chain. “Just concentrate on the climb,” she said, “I’ll go in front in case you need me.”

She smiled, and this time my brain engaged. Good thoughts: Homecoming with Lauren.

Hands on chain, feet on rocks, I surmounted that red dragon. Whenever I faltered, Lauren’s hand was there. Then the top of the butte spread before me and the whole gorge lay at my feet.

It was amazing.

“Angel’s Landing.” Lauren squeezed my arm. “You did it.”

I did. And I discovered something along the way. The angel has hazel eyes.

Эллисон Л. Рэндалл. Приют ангелов

На геологическую экскурсию я записался только потому, что в списке двумя строчками выше было имя Лорен. Печатными буквами я вписал собственное имя, Ник Колтер, а затем снова взглянул на неё. Тёплый взгляд золотисто-карих глаз был прикован к доске, но вдруг устремился на меня. По её губам скользнула улыбка мягкая, как у Моны Лизы, улыбка, и вот она снова внимательно изучала написанное на доске.

Я обернулся обратно. Ну конечно, это отличный шанс. Последнее время я всё набирался духу пригласить Лорен на школьный бал, а на геологической экскурсии как раз можно было бы прощупать почву. Зачем ступать на землю, если та уйдёт из-под ног?

Затем я просмотрел остальной список. Там оказался и Зак Роган. Он наверняка размышлял похожим образом. К тому же у него было преимущество: они с Лорен вместе состояли в школьном совете. Тут я уже было передал листок дальше, как вдруг дёрнул его обратно. Я с ужасом обнаружил подзаголовок экскурсии:

*Выездная экскурсия в национальный парк «Зайон»
Подъём на скалу Приют ангелов*

Нет. Только не это.

Выходя из класса, я взял из протянутой руки мистера Бидла бланк заявления на участие в экскурсии, но смотрел на учителя с большим недоумением. Я думал, мы погуляем по каньону, похвастаемся знанием камней, может, немного поплескаемся в реке Вирджин. А что нам делать на Приюте ангелов? Считать пласты пород пока мы летим вниз навстречу смерти?

— Ник! — позвали меня сзади. Я обернулся и увидел Лорен вместе с подругой Али.

— Привет, — ответил я.

— Так ты едешь на экскурсию? — она указала на бланк, который я сжимал в руке со всей силы.

— А, да, — я посмотрел на листок, будто ждал, когда непринуждённый разговор пойдёт сам собой.

Лорен улыбнулась, и мой мозг дал сбой.

— Ты там уже был? — она указала наверх, будто роковая возвышенность была прямо тут, среди холла. Я поднял голову, и Лорен рассмеялась. — Имею в виду на скале.

— Нет, — руки у меня вспотели только от одной мысли о подъёме.

— Оттуда потрясающий вид, — она прошла мимо и похлопала меня по руке. — Поверь мне.

Я стоял посреди потока спешащих домой учеников, и тупо глядел на бланк. Одна часть меня хотела разорвать его. Вторая же — поцеловать.

Бланк лежал перед мамой. Надеяться на то, что она испугается за мою жизнь и запретит мне ехать, оказалось бессмысленно. Видимо, не любит она меня.

— Должно быть интересно! — она небрежно вписала своё имя. — Можно с вами? Вам сопровождающие нужны?

— Не-а, — я быстро забрал листок. Ходить по каньону за ручку с мамой мне было ни к чему.

С этим разобрался. Теперь интернет. Решил поискать, как побороть страх высоты.

В одной статье посоветовали думать о хорошем. Допустим. В следующей говорилось, что нужно морально подготовиться. А что, может сработать. Например, если изучу фотографии тропы.

Ввёл «Приют ангелов» в поисковую строку, и на глаза мне попало кое-что гораздо лучше, чем просто фотографии, — видео со съёмкой от первого лица. Я включил ролик и за семь отлично смонтированных минут пережил подъём глазами другого человека.

Красные камни срывались и летели к крохотным зелёным деревцам, к самому дну каньона. Руки крепко держались за цепь, ноги аккуратно переступали по узкой каменной гряде. Когда подъём наконец закончился, я обнаружил, что вспотели у меня не только ладони. Я взмок весь. Даже скрутило живот.

Меня ждали серьёзные проблемы.

К сожалению, день похода выдался ясным. Я молил, чтобы пошёл дождь, но мистер Бидл, судя по всему, молился сильнее. Автобус въехал на территорию парка, и перед нами на фоне ярко-голубого неба предстали кроваво-красные скалы.

Мы высыпали из автобуса на остановке Грот, и мистер Бидл жестом позвал всех к себе.

— Собираемся на обзорной площадке Скаут, там у нас перекус. Если хотите, можете не подниматься на вершину и остаться на площадке. С вами будет один из сопровождающих. — он ухмыльнулся и указал наверх, где на высоте около полумиллиона миль отчётливо виднелась скала. — Буду ждать вас наверху.

Каким-то образом я поравнялся с Лорен и Али. Мы прошли мимо предупреждающего знака, от которого я тут же отвернулся. Мне совсем не хотелось видеть изображённого на нём человечка, летящего навстречу бесславной гибели. Пока мы поднимались по серпантину, я старался держаться у скалы, подальше от края.

Когда часть пути была пройдена, я наконец набрался храбрости.

— Ну так что, кого-то из класса уже пригласили на бал?

Девочки назвали пару имён. Про себя ничего не сказали. Пока всё складывалось хорошо.

Мы остановились у ещё одного знака, чтобы сфотографироваться. Надпись гласила: «Охраняемая природная территория».

Сзади к нам подошёл Зак.

— Ник, на, держи.— он протянул мне телефон. — Сфоткай нас с Лорен.

Они встали около знака, приложили пальцы к губам. Ш-ш-ш...

Я сделал фото.

— Пасиб, дружище. — Зак выхватил у меня свой телефон, развернулся и направился вперёд. Теперь рядом с Лорен шёл он.

Я наблюдал, как он наклонился к ней, как она смеялась от каждого его слова и как мои шансы на свидание удалялись с каждым шагом. Глазом моргнуть не успел, как мы уже преодолели зигзагообразный серпантин Уолтерс Вигглз.

Али остановилась передохнуть.

— Можешь идти дальше. — сказала Лорен Заку и села на каменный выступ рядом с Али. Я подошёл к ним, но не знал, что делать. Может, они хотели остаться наедине и обсудить своё, девичье.

— Ну что, Ник, — Лорен пальцем поманила меня ближе, — кого ты хочешь пригласить на бал?

— А... — я ждал, что на меня внезапно нахлынет вдохновение. — Секрет.

Да, слабо вышло.

Лорен обернулась к Али, и обе хихикнули.

Прежде чем я успел даже подумать, что это могло значить, они вскочили и потащили меня вперёд. За поворотом нас ждала просторная площадка с редкими кустарниками и уборными. Кто-то из сопровождающих раздавал напитки и пакетики с ореховой смесью. Зак сидел поодаль на камне, попивая сок через трубочку. Его глаза прямо метали в меня молнии.

Я растерялся и, чтобы спастись от неприятного взгляда, отвернулся в сторону. Посмотрев направо, я увидел, что не так далеко от меня к небу тянулось нечто, напоминавшее шею гигантского дракона с острыми шипами.

Какой-то полоумный шутики ради повесил там цепи, а люди лезли туда всерьёз.

— Ник, — голос Лорен послышался как будто издали, — ты хорошо себя чувствуешь?

Я отвёл взгляд от ужаса, который мне предстояло пережить на подъёме, и буквально в паре сантиметров от себя увидел золотисто-карие глаза. Если бы не они, то я бы даже не смог сесть, а так бы и упал бог знает на что.

— Ты весь побледнел. — она села на бревно передо мной. — Что-то случилось?

Случилось то, что я, тяжело дыша, превращался в лужу. В любую секунду ей могло стать противно, и она бы ушла.

Я подождал. Она всё сидела на том же месте, обеспокоенно смотрела на меня в ожидании ответа.

— Что такое, Ник? Тебе поплохело?

— Это... из-за... высоты. — я указал на зазубренный драконий гребень. — Думаю, не смогу туда подняться.

— Боишься высоты? — она в удивлении раскрыла глаза. — Пока что ты вроде неплохо справлялся.

Я пожал плечами.

— Ты знал, что так будет? — спросила она.

Кивнул.

— Тогда зачем пошёл?

Я посмотрел в сторону Зака. Али сидела рядом, они о чём-то болтали. Лучше момента уже не представится, да и это не могло быть намного труднее, чем взобраться на шипастую драконью шею. Я втянул в себя воздух.

— Я пошёл потому, что хотел провести время с тобой и, может, выяснить, согласишься ли ты пойти со мной на бал, если я тебя приглашу.

Её губы вновь тронула мягкая, как у Моны Лизы, улыбка.

— Ник, чтобы это выяснить, не обязательно было идти на экскурсию. Я и так тебе уже некоторое время намекаю.

— Серьёзно?

Она кивнула, и по площадке словно пронёсся лёгкий ветерок, развеявший все волнения. Я почувствовал свежесть и небывалую лёгкость.

— Я могу остаться с тобой, если хочешь. — сказала она.

— Нет, — ответил я, потому что знал, как она ждала подъёма, — я справлюсь. Тем более я там уже как будто побывал сам. Видео посмотрел.

— Видео? — ужаснулась она. — Тогда всё ясно! Это в сто раз страшнее, чем сам подъём. Пойдём, — она взяла мою руку, помогла мне встать, — у тебя всё получится.

Лорен помогала мне на протяжении всего пути, до самого конца цепи.

— Просто сосредоточься на подъёме, — посоветовала она мне. — Я буду идти чуть впереди, если вдруг понадобится помощь.

Она улыбнулась, и тут мой мозг заработал как надо. Теперь думал о хорошем: на балу я буду танцевать с Лорен.

Крепко держась за цепь, твёрдо шагая по камням, я всё-таки покорил красного дракона. Если оступался, Лорен тут же протягивала руку. Наконец, вершина. Всё великолепие вида расстиралось у моих ног.

Это было потрясающе.

— Вот он, Приют ангелов. — она сжала мою руку. — У тебя получилось.

Да, получилось. И по пути я выяснил кое-что. У ангелов золотисто-карие глаза.

Перевод Ярослава Скворцова (fireflyer2049@gmail.com). Родился в Тюмени, живет и учится в Москве в МГПУ, второй курс бакалавриата, направление «Перевод и переводоведение – английский язык». Перевод занял второе место в номинации «английская проза» (2023)

Элисон Л. Рэнделл. Здесь ангелы с небес нисходят

В геологическую экспедицию я поехал только из-за Лорен. Увидел ее имя в списке, третьим с конца, вписал свое – Ник Колтер – и оглянулся. Она, казалось, внимательно смотрела на доску, но я поймал на себе теплый взгляд ее карих глаз. По ее губам пробежала мягкая улыбка Моны Лизы – и ее внимание вновь приковано к доске.

«Как же круто будет», – подумал я, отвернувшись. Я все никак не мог набраться смелости и пригласить Лорен на школьный бал, а тут такая возможность пустить пробный шар. А то еще получишь от ворот поворот.

Тут я решил пробежаться по остальному списку. Зак Роган, тоже записался. Не иначе как с той же целью, а шансов у него побольше – все-таки они с Лорен в студсовете. Я уже собирался передать список дальше по ряду, но тут мне в глаза бросился подзаголовок:

Экспедиция в национальный парк Сион

Подъем на гору Привал Ангела

Нет. Только не это.

Я готов был взглядом испепелить нашего препода, когда, уходя из класса, забирал у него бланк согласия родителей на поездку. Я-то думал, мы погуляем по каньону в стиле «угадай, что за камень», ну и, может, поплещемся в речке. Что нам делать на Привале Ангела? Падая в пропасть, считать пласты скальной породы?

– Ник! – раздалось из-за спины. Я повернулся к Лорен и ее подруге Эли.

– Привет, – пробормотал я.

– Тоже идешь? – она указала на разрешение, которое я судорожно сжал в кулаке.

– Ээ, ага, – я уставился на бумажку. Поразить бы ее сейчас своим красноречием...

Тут Лорен улыбнулась, и у меня отключилась последняя извилина.

– Ты там уже был? – она показала пальцем наверх, будто жуткая скала стояла прямо посреди коридора. Я уставился на потолок. Она рассмеялась.

– Я о Привале Ангела.

– Нет, – от одной мысли о нем мои ладони вспотели.

Проходя мимо, она похлопала меня по плечу:

– Поверь, там здорово.

Я стоял и пялился на бумажку в руке, а вокруг меня толпа школьников валила на выход. Меня раздирали противоречивые чувства: хотелось и разорвать проклятый листок, и расцеловать его.

Я положил бумажку перед мамой. Я-то надеялся, что она побоится за мою жизнь и запретит идти, но, похоже, ей было начхать на своего ребенка.

– Класс! – она поставила подпись. – Может, и мне поехать? Сопровождающие нужны?

– Неа, – я поскорее схватил листок. Еще не хватало, чтобы она там меня за ручку водила.

С этим все, теперь – Интернет. «Как перестать бояться высоты».

«Думайте о хорошем». Ага, щас. «Морально подготовьтесь». А это мысль. Может, фотки посмотреть?

Тааак, «Привал Ангела». О, нашлось кое-что покруче картинок – видео, которое чувак снял на камеру, пристегнутую к башке. Я кликнул «Воспроизвести» и семь минут смотрел тщательно смонтированную запись его восхождения.

Красная скала обрывается над зеленью листвы тремстами метрами ниже. Руки хватаются за цепь, ноги ступают по тропе, как по канату.

Наконец видео закончилось. Я весь взмок. И желудок скрутило.

Я попал.

Погода в день экспедиции была, к сожалению, прекрасная. Я молил о дожде, но, похоже, небеса услышали молитвы препода. Так что, когда наш автобус прикатил в парк, синева неба над красными утесами резала глаз.

На остановке Гротто мы высыпали из шаттла, но препода быстро собрал нас в кучу.

– Идем на смотровую площадку Скаутов, там перекусим, – объявил он. – Кто не захочет идти дальше – сможет остаться вместе с одним из сопровождающих.

Он ухмыльнулся и, обернувшись, показал на вершину скалы высотой в миллион километров:

– Увидимся вон там.

Я пристроился к Лорен и Эли и зашагал рядом с ними. По дороге нам попался предупреждающий знак, и я поскорее отвел глаза, чтобы не видеть крохотную фигурку бедолаги, летящего к смерти. Я перебрался от края пропасти к каменной стене утеса.

Часть пути была за плечами, когда я наконец собрался с духом:

– Кого-нибудь уже пригласили на бал?

Пару имен мне назвали, но о себе – ни слова. Отлично.

У следующего знака – «Животных не беспокоить» – мы решили сфоткаться.

Тут нас догнал Зак, всучил мне свой смартфон:

– Сфоткай нас с Лорен.

Они встали рядом со знаком и прижали пальцы к губам – тсссссс!

Я их щелкнул.

– Спасибо, чувачок, – Зак выхватил у меня свой мобильник, развернулся и двинулся дальше. Теперь он шагал рядом с Лорен. А я плелся сзади, наблюдая, как его голова наклоняется к ней, а она смеется над каждым его словом, и думал, что мои шансы на свидание тают с каждым шагом. За этими мыслями я даже не заметил, как мы дошли до поворотов Уолтера.

Тут Эли предложила сделать передышку.

– Иди дальше, – сказала Лорен Заку, садясь на плоский камень рядом с Эли. Я поравнялся с ними, не зная, стоит ли подойти ближе – вдруг они болтают о своих девчачьих секретах?

– Ник, – Лорен поманила меня пальцем, – а с кем ты идешь на бал?

– Эээ, – промычал я. Где вдохновение, когда оно так нужно?! – Это секрет.

Отстой.

Лорен с Эли переглянулись и захихикали.

Не успел я сообразить, к чему это, как они вскочили, и мы снова двинулись в путь. После очередного поворота мы вышли на окаймленную кустарником площадку Скаутов. Нам раздали соки и пакетики с сухофруктами. Зак сидел на камне, потягивая сок из коробки, и бросал на меня злобные взгляды.

Я повернулся и увидел совсем рядом что-то очень похожее на шею гигантского дракона, задравшего голову к небесам. Какой-то ненормальный приделал к ней цепи; мало того, по ним даже карабкалась парочка психов!

– Ник! – голос Лорен звучал будто издалека. – Что случилось?

Я с трудом оторвал взгляд от ужаса, который мне предстояло пережить, повернулся и увидел в паре дюймов от себя ее карие глаза. Они оживили меня, и я смог сесть, а не свалился в обморок.

– Ты весь побледнел, – она опустила на бревно напротив меня. – Что с тобой?

Я расплзся, как манная каша, вот что со мной. Сейчас ей станет противно, и она уйдет.

Я сидел и ждал, но она не уходила: обеспокоенно смотрела на меня и ждала ответа.

– Что с тобой, Ник? Тебе плохо?

– Я... это все... из-за высоты, – выдавил я, кивнув на дракона. – Я не смогу...

– Ты боишься высоты? – спросила она, широко раскрыв глаза. – Ни за что бы не подумала.

Я пожал плечами.

– Ты об этом знал?

Я кивнул.

– Тогда почему пошел?

Я глянул на Зака. Эли что-то ему щебечет. Нужно решаться. Сейчас или никогда. Да только это потруднее, чем одолеть дракона. Я набрал в легкие воздуха.

– Я пошел, потому что хотел побыть с тобой, выяснить, не пойдешь ли ты со мной на бал...

На ее губах появилась та же мягкая улыбка Моны Лизы.

– Ник, тебе совсем не обязательно было идти сюда, чтобы это узнать – я давно намекаю, чтобы ты меня пригласил.

– Правда?

Она кивнула, и мне показалось, будто свежий ветер пронесся по площадке, высушил мою футболку и унес прочь все мои страхи.

– Давай останемся здесь, если хочешь, – предложила она.

– Не надо, – сказал я, ведь именно такого ответа она ждала. – Я справлюсь. Тем более, я вроде как там уже побывал – посмотрел видео в Интернете.

– Господи, – ужаснулась Лорен, – тогда все понятно! Это же в сто раз хуже, чем подняться самому! Идем, – она схватила меня за руку и потянула.

– Ты справишься.

Мы с ней держались за руки, пока шли к началу тропы.

– Думай только о подъеме, – сказала Лорен. – Я пойду перед тобой – вдруг понадобится.

Она улыбнулась.

Теперь моя голова была занята только хорошими мыслями: Лорен идет со мной на бал.

Крепко держась за цепи, ступая по камням, я взбирался на шею красного дракона. Когда я чувствовал слабость, меня поддерживала рука Лорен.

Вдруг мы оказались на вершине горы, и весь каньон раскинулся у наших ног.

Вид был просто потрясающий.

– Привал Ангела, – Лорен сжала мою ладонь. – Ты справился.

Да. И кое-что понял по дороге. У ангела карие глаза.

Перевод Анастасии Сафиной (just_nameless@mail.ru), студентки 2 курса филологического факультета МГУ. Изучает английский, немецкий, французский и норвежский языки. Учится как письменному, так и устному переводу. В конкурсе переводчиков участвует впервые. Перевод занял третье место в номинации «английская проза» (2023)

АНГЛИЙСКАЯ ПОЭЗИЯ

Edmund William Gosse. A Dream of November

Far, far away, I know not where, I know not how,
The skies are grey, the boughs are bare, bare boughs in flower:
Long lilac silk is softly drawn from bough to bough,
With flowers of milk and buds of fawn, a broidered shower.

Beneath that tent an Empress sits, with slanted eyes,
And wafts of scent from censers flit, a lilac flood;
Around her throne bloom peach and plum in lacquered dyes,
And many a blown chrysanthemum, and many a bud.

She sits and dreams, while bonzes twain strike some rich bell,
Whose music seems a metal rain of radiant dye;
In this strange birth of various blooms, I cannot tell
Which spring from earth, which slipped from looms, which sank from sky.

Beneath her wings of lilac dim, in robes of blue,
The Empress sings a wordless hymn that thrills her bower;
My trance unweaves, and winds, and shreds, and forms anew
Dark bronze, bright leaves, pure silken threads, in triple flower.

Эдмунд Уильям Госс. Ноябрьский сон

Далёко ль, близко ль, в безвестных долах мечты моей,
под небом низким на ветках голых — цветы царят:
там шёлк лиловый укутал нежно шатёр ветвей
в расшитый новым цветеньем снежным роскошный плат.

В ветвистой сени сидит Царица, потупив взгляд,
и струи сини текут с курильниц над садом тем;
здесь возле трона цветущих вишен блестит наряд,
свежи бутоны, соцветья пышны у хризантем.

Она мечтает, покуда бонзы бьют в гонг литой,
и звон мерцает, и отзвук бронзы дождём прошёл.
Цветы рождаются — кто их посеял? Как знать, какой
цветёт на пальцах, землёй взлелеян, с небес сошёл?

В лиловых кущах ветвей цветущих Она поёт;
бессловно пенье, волной волненья покой объят.
Виденье рвётся, но вновь сомкнётся и сон совет —
там звон прольётся, и нить вплетётся в цветущий сад.

Перевод Веры Сергеевны Жарковой (netnetnet@rambler.ru). Работает в ЦНИГРИ заместителем главного редактора журнала «Руды и металлы». Переводчик-любитель; интересы — персидская поэзия, суфизм, Джалаладдин Руми. Перевод занял первое место в номинации «английская поэзия» (2023)

ПЕРЕВОДЫ С НЕМЕЦКОГО

НЕМЕЦКАЯ ПРОЗА

Wolfgang Borchert. Unterwegs. Generation ohne Abschied

Wir sind die Generation ohne Bindung und ohne Tiefe. Unsere Tiefe ist Abgrund. Wir sind die Generation ohne Glück, ohne Heimat und ohne Abschied. Unsere Sonne ist schmal, unsere Liebe grausam und unsere Jugend ist ohne Jugend. Und wir sind die Generation ohne Grenze, ohne Hemmung und Behütung – ausgestoßen aus dem Laufgitter des Kindseins in eine Welt, die die uns bereitet, die uns darum verachten.

Aber sie gaben uns keinen Gott mit, der unser Herz hätte halten können, wenn die Winde dieser Welt es umwirbelten. So sind wir die Generation ohne Gott, denn wir sind die Generation ohne Bindung, ohne Vergangenheit, ohne Anerkennung.

Und die Winde der Welt, die unsere Füße und unsere Herzen zu Zigeunern auf ihren heißbrennenden und mannshoch verschneiten Straßen gemacht haben, machten uns zu einer Generation ohne Abschied.

Wir sind die Generation ohne Abschied. Wir können keinen Abschied leben, wir dürfen es nicht, denn unserm zigeunernden Herzen geschehen auf den Irrfahrten unserer Füße unendliche Abschiede. Oder soll sich unser Herz binden für eine Nacht, die doch einen Abschied zum Morgen hat? Ertrügen wir den Abschied? Und wollten wir die Abschiede leben wie ihr, die anders sind als wir und den Abschied auskosteten mit allen Sekunden, dann könnte es geschehen, daß unsere Tränen zu einer Flut ansteigen würden, der keine Dämme, und wenn sie von Urvätern gebaut wären, widerstehen.

Nie werden wir die Kraft haben, den Abschied, der neben jedem Kilometer an den Straßen steht, zu leben, wie ihr ihn gelebt habt.

Sagt uns nicht, weil unser Herz schweigt, unser Herz hätte keine Stimme, denn es spräche keine Bindung und keinen Abschied. Wollte unser Herz jeden Abschied, der uns geschieht, durchbluten, innig, trauernd, tröstend, dann könnte es geschehen, denn unsere Abschiede sind eine Legion gegen die euren, daß der Schrei unserer empfindlichen Herzen so groß wird, daß ihr nachts in euren Betten sitzt und um einen Gott für uns bittet.

Darum sind wir eine Generation ohne Abschied. Wir verleugnen den Abschied, lassen ihn morgens schlafend, wenn wir gehen, verhindern ihn, sparen ihn – sparen ihn uns und den Verabschiedeten. Wir stehlen uns davon wie Diebe, undankbar dankbar und nehmen die Liebe mit und lassen den Abschied da.

Wir sind voller Begegnungen, Begegnungen ohne Dauer und ohne Abschied, wie die Sterne. Sie nähern sich, stehen Lichtsekunden nebeneinander, entfernen sich wieder: ohne Spur, ohne Bindung, ohne Abschied.

Wir begegnen uns unter der Kathedrale von Smolensk, wir sind ein Mann und eine Frau – und dann stehlen wir uns davon.

Wir begegnen uns in der Normandie und sind wie Eltern und Kind – und dann stehlen wir uns davon.

Wir begegnen uns eine Nacht am finnischen See und sind Verliebte – und dann stehlen wir uns davon.

Wir begegnen uns auf einem Gut in Westfalen und sind Genießende und Genesende – und dann stehlen wir uns davon.

Wir begegnen uns in einem Keller der Stadt und sind Hungernde, Müde, und bekommen für nichts einen guten satten Schlaf – und dann stehlen wir uns davon.

Wir begegnen uns auf der Welt und sind Mensch mit Mensch – und dann stehlen wir uns davon, denn wir sind ohne Bindung, ohne Bleiben und ohne Abschied. Wir sind eine Generation ohne Abschied, die sich davonstiehlt wie Diebe, weil sie Angst hat vor dem Schrei ihres Herzens. Wir sind eine Generation ohne Heimkehr, denn wir haben nichts, zu dem wir heimkehren könnten, und wir haben keinen, bei dem unser Herz aufgehoben wäre – so sind wir eine Generation ohne Abschied geworden und ohne Heimkehr.

Aber wir sind eine Generation der Ankunft. Vielleicht sind wir eine Generation voller Ankunft auf einem neuen Stern, in einem neuen Leben. Voller Ankunft unter einer neuen Sonne, zu neuen Herzen. Vielleicht sind wir voller Ankunft zu einem neuen Lieben, zu einem neuen Lachen, zu einem neuen Gott.

Wir sind eine Generation ohne Abschied, aber wir wissen, daß alle Ankunft uns gehört.

1947

Вольфганг Борхерт. В дороге. Поколение без прощаний

Мы поколение без привязанностей и без глубины. Наша глубина – бездна. Мы поколение без счастья, без родины и без прощаний. Наше солнце тускло, наша любовь жестока, а наша юность лишена юности. И мы поколение без границ, без преград и без защиты, – мы изгнаны из детской колыбели в мир, уготованный нам теми, кто нас за это презирает.

Но нам не дали с собой Бога, который смог бы поддержать наше сердце, когда ветра этого мира оведали его. Значит, мы поколение без Бога – ведь мы поколение без привязанностей, без прошлого, без признания.

И ветра этого мира, превратившие наши ноги и наши сердца в цыган на его знойных и на высоту человеческого роста засыпанных снегом улицах, сделали нас поколением без прощаний.

Мы поколение без прощаний. Мы не в состоянии пережить ни единого прощания, они не позволены нам, потому что с нашим оцыганившимся сердцем во время скитаний наших ног происходят бесконечные прощания. Или наше сердце должно связать себя на одну ночь, которая всё же простится с утром? Перенесли бы мы такое прощание? Да и пожелай мы жить прощаниями, подобно вам, непохожим на нас, испившим прощания до последней секунды, слезы наши вполне могли бы слиться в поток, который не сдержала бы никакая плотина, будь она даже построена самими праотцами.

Никогда не достанет нам сил прожить прощания, отмечающие каждый километр улиц, подобно тому как вы прожили их.

Не говорите нам ничего, ибо наше сердце молчит, наше сердце было бы безголосо, ведь не заговорили бы никакие привязанности и никакие прощания. Пожелай наше сердце проникнуться каждым прощанием, случающимся с нами, проникнуться искренне, с печалью и утешением, то крик нашего чувствительного сердца силой своей вполне мог бы (ведь наши прощания – легион по сравнению с вашими) поднять вас ночью в постели и заставить молить Бога за нас.

Вот почему мы поколение без прощаний. Мы не признаем прощания, покидаем его с утра еще спящим, когда уходим, предотвращаем его, сберегаем его – сберегаем себе и тем, с кем расстаемся. Мы, словно воры, украдкой выбираемся отсюда, неблагодарно благодарные, и забираем с собой любовь, и оставляем за собой прощание.

Мы полны встреч, мгновенных встреч без прощаний, подобно звездам. Те сближаются друг с другом, задерживаются рядом на световую секунду и расходятся вновь: без следа, без привязанности, без прощания.

Мы встречаемся под кафедральным собором в Смоленске, мы муж и жена – и выбираемся украдкой отсюда.

Мы встречаемся в Нормандии, и мы родители и ребенок – и выбираемся украдкой отсюда.

Мы встречаемся как-то ночью у озера в Финляндии, и мы влюбленные – и выбираемся украдкой отсюда.

Мы встречаемся в вестфальском имении, и мы отдыхающие и выздоравливающие – и выбираемся украдкой отсюда.

Мы встречаемся в городском подвале, и мы, голодающие, усталые, получаем даром вдоволь хорошего сна – и выбираемся украдкой отсюда.

Мы встречаемся в мире, и мы человек с человеком – и выбираемся украдкой отсюда, ведь у нас нет привязанностей, нет остановок и нет прощаний. Мы поколение без прощаний, которое уходит украдкой, будто воры, поскольку страшится крика своего сердца. Мы поколение без возврата домой, ведь у нас нет ничего, к чему мы могли бы вернуться, и у нас нет никого, рядом с кем наше сердце было бы в сохранности – так мы стали поколением без прощаний и возврата домой.

Но мы поколение встреч. Быть может, мы поколение, полное встреч на новой звезде, в новой жизни. Полное встреч под новым солнцем, с новыми сердцами. Быть может, мы полны встреч с новой жизнью, с новым смехом, с новым Богом.

Мы поколение без прощаний, но мы знаем, что все встречи принадлежат нам.

1947

Перевод Ирины Бобылевой (kursk.bobyleva@mail.ru). Учится в магистратуре исторического факультета МГУ (кафедра истории России до начала XIX века). Изучает английский, немецкий, французский языки. Художественным переводом

занимается «для души», поскольку это отличная возможность соединить любовь к богатству и гибкости русского языка с увлечением языками иностранными. С 2020 года принимает участие в различных переводческих конкурсах, была победителем конкурса переводов проекта «Читающий Петербург-2021» в номинации «Немецкий язык. Швейцария». Данный перевод занял второе место в номинации «немецкая проза» (2023)

Вольфганг Борхерт. В пути. Поколение без прощания

Мы — поколение без привязанностей и без глубины. Наша глубина — бездна. Мы — поколение без счастья, без родины и без прощания. Наше солнце тускло, наша любовь жестока, а наша молодость лишена молодости. И мы — поколение без границ, без запретов и без защиты: нас вытолкнули из детства, за перила детской кровати, в мир, который готовит нам встречу с теми, кто нас презирает.

Но они не дали нам с собой Бога, который мог бы сберечь наше сердце, пронизываемое ветрами этого мира. Поэтому мы — поколение без Бога, ведь мы — поколение без привязанностей, без прошлого, без признания.

И ветра этого мира, которые заставили наши ноги и наши сердца подобно цыганам скитаться по его раскаленным дорогам и сугробам в рост человека, сделали нас поколением без прощания.

Мы — поколение без прощания. Мы не можем отдаться прощанию, нам нельзя, потому что наше сердце, скитающееся по извилистому пути, который прокладывают наши ноги, переживает бесчисленное множество расставаний. Может ли наше сердце позволить себе привязанность на одну ночь, если утром всё закончится прощанием? Вынесем ли мы его? А если бы мы отдавались прощанию так же, как вы, в отличие от нас, испившие каждую его каплю, каждую секунду, то могло бы случиться, что наши слёзы слились бы в единый поток, который не удержали бы никакие плотины, даже построенные праотцами.

У нас никогда не будет сил отдаваться прощанию, поджидающему нас на каждом километре пути, отдаваться так, как это делали вы.

Если наше сердце молчит, это не даёт вам права говорить, что у него нет голоса, только потому что оно не выказывает привязанности и не произносит слов прощания. Если бы наше сердце при каждом расставании обливало кровью, искренне, скорбя, утешая, то могло бы случиться (ведь наши прощания — легион против ваших), что крик наших ранимых сердец стал бы так громок, что вы бы каждую ночь бодрствовали в своих постелях и молили бы Бога о нас.

Вот почему мы — поколение без прощания. Мы отвергаем прощание, не будим его по утрам, уходя, мы не даём ему наступить, избавляемся от него — избавляем и себя, и тех, с кем прощаемся. Мы тайком ускользаем от него, как воры, неблагодарно благодарные, берём с собой любовь и оставляем прощание.

Наша жизнь полна встреч, встреч без времени и без прощания. Мы — как звёзды, которые сближаются и, побыв рядом несколько световых секунд, снова отдаляются друг от друга: без следа, без привязанности, без прощания.

Мы встречаемся под сводами смоленского собора, мужчина и женщина — а потом ускользаем прочь.

Мы встречаемся в Нормандии, как родители и ребёнок — а потом ускользаем прочь.

Мы встречаемся ночью на финском озере, и мы — влюблённые — а потом ускользаем прочь.

Мы встречаемся в поместье в Вестфалии, наслаждающиеся и исцеляющиеся — а потом ускользаем прочь.

Мы встречаемся в городском подвале, голодные, уставшие, и совершенно даром получаем долгий и крепкий сон — а потом ускользаем прочь.

Мы встречаемся на этом свете, как человек с человеком — а потом ускользаем прочь, потому что мы — без привязанностей, без пристанища и без прощания. Мы — поколение без прощания, которое тайком ускользает от него, как воры, потому что боится крика собственного сердца. Мы — поколение без возвращения, потому что у нас нет ничего, к чему мы могли бы вернуться, и у нас нет никого, кто приютил бы наше сердце — так мы стали поколением без прощания, поколением без возвращения.

Но мы — поколение встречи. Быть может, нам суждено встретить новую звезду, новую жизнь. Встретить новое солнце, новое сердце. Может быть, мы найдём новую любовь, новый смех, нового Бога.

Мы — поколение без прощания, но мы знаем, что все новые встречи принадлежат нам.

Перевод Натальи Небогатиковой (natasha.nebogatikova@gmail.com), студентки 4 курса бакалавриата филологического факультета СПбГУ по специальности «Межъязыковая коммуникация и перевод (немецкий язык)». Перевод занял второе место в номинации «немецкая проза» (2023)

Вольфганг Борхерт. По пути. Поколение, которое не прощается

Мы – поколение людей, которое не привязывается. Наше содержание – это бездна. Мы – поколение без счастья и без Родины. Мы не знаем прощания. Наше солнце блекло, наша любовь – жестока, а наша юность уже не молода. Мы поколение без рамок, без берегов и без защиты. Нас выбили из привычного детства в мир, к которому нас готовят те, кто нас презирает.

Но они не дали нам в помощь Бога, который мог бы укрыть наши сердца от бурных ветров этого мира. Вот мы и стали поколением без Бога, ведь мы не привязываемся, у нас нет прошлого и признания.

И ветра мира, что превратили наши ноги и сердца в цыган, бродящих по его раскаленным и заснеженным улицам, сделали нас поколением, которое не прощается.

Мы – поколение, которое не прощается. Мы не можем пережить расставание, нам не положено, ибо в скитаниях нашим кочующим сердцам под ноги попадают бесчисленные расставания. Можем ли мы позволить сердцу привязаться хотя бы на одну ночь, зная, что утром наступит прощание? Вынесли бы мы расставание? Если бы мы прощались, как вы – те, кто отличается от нас и кто мог позволить себе прочувствовать каждую секунду расставания, то наши слезы хлынули бы потоком, которого ни одна дамба не удержала бы, будь она хоть прадедами построена.

У нас никогда не будет той силы, с которой вы переживали прощание, поджидавшее за каждым углом и на каждом шагу.

Не говорите, что это из-за нашего молчаливого сердца. Ему не нужно голоса, ведь оно не говорило бы «останься» и «прощай». Если бы наше сердце пожелало пролить кровь от каждой разлуки (коих, по сравнению с вами, целый легион), искренне оплакивая и утешая себя, получилось бы так, что крики наших чувствительных сердец стали бы неимоверно сильными, из-за чего вы сидели бы по ночам в постели и молились своему Богу за нас.

Поэтому мы – поколение, что не прощается. Мы отрицаем расставание. Уходя утром из дому, оставляем его спящим, не выпускаем, оставляем его – пусть оставит себе свои разлуки и того, с кем прощаемся. Мы, как воры, украдкой уходим, неблагодарно воспользовавшись любовью, забрав ее, оставив за собой прощание.

Наши жизни полны встреч. Они не имеют ни начала, ни конца, как сами звезды. Сближаются, мгновение ока находятся рядом, а затем отдаляются, не оставив после себя ни следа, ни связи, ни прощания.

Мы, мужчина и женщина, встречаемся у Успенского Собора – а потом украдкой уходим.

Мы, родитель и ребенок, встречаемся в Нормандии – а потом украдкой уходим.

Мы, влюбленные, встречаемся у финского озера – а потом украдкой уходим.

Мы, отдыхающий и выздоравливающая, встречаемся в имении земли Вестфалена – а потом украдкой уходим.

Мы, голодающие и уставшие, кому ничто не стоит хорошенько выспаться, встречаемся в подвале города – а потом украдкой уходим.

Мы, человек с человеком, встречаемся на Земле – а потом украдкой уходим, ведь мы не привязываемся, не задерживаемся и не прощаемся. Мы – поколение, которое не прощается. Мы, как вор, украдкой уходим, так как мы боимся крика своего сердца. Мы – поколение, что не возвращается, ведь у нас нет ничего, к чему могли бы вернуться, и нет никого, кому бы мы доверили свое сердце. Вот мы и стали поколением, что не прощается и не возвращается.

Но мы поколение, что готово явиться. Может, мы готовы явиться на новую звезду, в новую жизнь. Может, под новым солнцем, в новые сердца. А возможно – в новую любовь, в новый смех, к новому Богу.

Мы – поколение, которое не прощается, но мы знаем, что явиться нам ничего не мешает.

Перевод Константина Кроона (kostya-technolog98@yandex.ru). Четвертый год работает учителем иностранных языков. Очень любит читать зарубежную литературу и обожает смотреть фильмы, мультфильмы и сериалы на немецком и английском языках. Немецкий освоил в Германии, где я прожил 6 лет, а английским увлекся с конца 8-го класса. В качестве хобби иногда переводит англоязычные мультфильмы и небольшие романы на русский язык. Перевод занял третье место в номинации «немецкая проза» (2023)

Вольфганг Борхерт. В дороге. Поколение без прощаний

Мы – поколение, лишённое уз, лишённое глубины. Наша глубина – пропасть. Мы – поколение, лишённое счастья, лишённое родины и лишённое прощания. Наше солнце – подобно тусклому лучу, наша любовь – жестока, а наше отрочество – лишено отрочества. Мы – поколение, не знающее границ, преград и отеческой любви – изгнанное из младенческой люльки в мир, который нам был уготован и который потому нас презирает.

Нам не был дан Бог, чтобы сберечь наше сердце, в момент, когда ветра этого мира вихрем подхватят его. И потому мы – поколение без Бога, ибо мы – поколение без уз, без прошлого, без признания.

На улицах, раскаленных от жары и заметенных сугробами в рост человека, ветра мира обратили наши стопы и наши сердца в цыган, сделали нас поколением, лишённым прощания.

Мы поколение, лишённое прощания. Мы не можем прожить прощание, не имеем на это право, ибо отчаянные скитания наших стоп принесли нашим цыганским сердцам бесконечность прощаний. Или должно нашему сердцу обручить себя узами на одну ночь, которая меж тем неизбежно разрешится прощанием утром? Смогли бы мы вынести прощание? И хотели бы мы прожить прощание как вы, что так отличаетесь от нас и что оплатили прощание каждой секундой своего бытия, или возможно тогда наши слезы поднялись бы рекой, которую не сдержала бы ни одна плотина – будь она построена даже праотцами.

Никогда не будет у нас силы прожить прощание, подстерегающее на каждом километре пути, так как прожили его вы.

Не говорите нам, что если наше сердце молчит, то оно не имеет голоса, ибо не откликается привязанностям и разлукам. Если бы наше сердце хотело, кровотока, оплакать каждую разлуку, что с нами случается – таясь, скорбя и утешая – тогда могло бы случиться, что число нашим разлукам против ваших – легион, что вопль наших чувствующих сердец был бы таким громким, что вы проснулись бы ночью, сели в своих кроватях и молили бы Бога за нас.

Вот почему мы поколение без прощания. Мы отрекаемся от прощаний, оставляем их по утрам спящими и покидаем, препятствуем им, жалеем на них сил – жалеем их для себя и для тех, с кем следует проститься. Мы словно воры ускользаем от прощаний, неблагодарно благодарные, прихватив с собой любовь, а прощание оставив.

Мы полны встречами, встречами без сожалений и прощаний, как полны ими звезды. Они сближаются, замирают на миг друг подле друга, и отдаляются вновь: ни следа, ни уз, ни прощания.

Мы встречаемся под стенами Смоленского собора, мы – мужчина и женщина, миг – и мы исчезаем.

Мы встречаемся в Нормандии и мы – отец и сын, миг – и мы исчезаем.

Мы встречаемся однажды ночью на Финском заливе и мы – влюбленные, миг – и мы исчезаем.

Мы встречаемся в каком-то поместье в Вестфалии и мы – упоенные и исцеленные, миг – и мы исчезаем.

Мы встречаемся в одном из городских подвалов и мы – голодные, уставшие и даром получаем хороший сытный сон, а через мгновение – мы исчезаем.

Мы встречаемся в мире и мы – человек перед человеком – а затем мы исчезаем, потому что мы никогда не привязываемся, не остаемся, не прощаемся. Мы поколение, что ускользает от прощаний как вор, потому что боится вопля своего сердца. Мы поколение, которое никогда не вернется на родину или в отеческий дом, ибо не имеет ничего, к чему могло бы вернуться, и никого, кто берег бы наше сердце, – вот почему стали мы поколением без прощаний и без возвращений.

Но мы поколение новых встреч и новых рождений. Быть может, мы – поколение, предчувствующее встречи на новых звездах, в новой жизни. Предчувствующее встречу нового солнца и нового сердца. Быть может, мы – предчувствующие встречу новой любви, нового смеха и нового Бога.

Мы – поколение, лишённое прощания, но мы знаем, что все новые встречи и рождения принадлежат нам.

1947

Перевод Ксении Морабито (Morabitoksu@gmail.com). Родилась и живет в Москве. По образованию искусствовед. Немецкий язык начала учить еще в школе, несколько раз ездила в Германию по обмену. После школы поддерживала язык самостоятельно, в том числе читая художественную литературу. Несколько раз переводила статьи или произведения с немецкого на русский для себя, так как не находила издателя. В конкурсе перевода участвовала впервые, ранее не публиковалась. Любит языки и восхищается тем, как по-разному, но одинаково красиво могут звучать фразы и их смыслы на разных языках. Перевод занял третье место в номинации «немецкая проза» (2023)

Вольфганг Борхерт. В пути. Поколение без прощания

Мы – поколение без привязанности и без глубины. Наша глубина – бездна. Мы – поколение без счастья, без родины и без прощания. Наше солнце тускло, наша любовь жестока, а наша молодёжь лишена юности. И мы – поколение, не ведающее ограничений, запретов и защиты, выброшенное из колыбели в мир, который уготован нам теми, кто нас презирает за это.

Но они не дали нам Бога, способного уберечь наши сердца, когда вокруг них кружились ветра этого мира. Итак, мы – поколение без Бога, потому что мы – поколение без привязанностей, без прошлого, без признания.

А ветра мира, превратившие наши ноги и наши сердца в цыган, на раскаленных и заснеженных улицах, сделали нас поколением без прощания.

Мы – поколение без прощания. Мы не умеем прощаться и не должны, потому что во время странствий наших ног в наших цыганских сердцах происходят бесконечные прощания. Нужно ли нашим сердцам привязываться на одну ночь, исчезающую с наступлением утра? Выдержали бы мы прощание? А если бы мы захотели прожить прощание, как вы, непохожие на нас, и насладились бы каждой его секундой, возможно наши слёзы превратились бы в такой потоп, что никакие плотины, даже построенные далёкими предками, не устояли бы.

У нас никогда не будет сил прожить прощание, которое стоит на каждом километре дорог, так, как прожили его вы.

Не говорите с нами, ведь наше сердце безмолвно, у него нет голоса, когда о привязанности и прощании. Если бы наши сердца хотели, чтобы каждое прощание, случившееся с нами, было проникновенным, скорбным, утешительным, это могло бы случиться, потому что наши прощания против ваших – целый легион, и крик наших чутких сердец был бы настолько сильным, что вы сидели бы ночами в своих постелях и молили Бога о нас.

Вот почему мы – поколение без прощания. Мы отрекаемся от прощания, оставляем его утром спящим, когда уходим, предотвращаем и уберегаем – сохраняем его от нас и от тех, с кем мы прощаемся. Мы ускользаем, как воры, благодарные в своей неблагодарности, и забираем любовь, оставляя за собой прощание.

Мы преисполнены встреч, кратких встреч без прощаний, как звёзды. Они сближаются друг с другом, находятся рядом световые секунды, потом снова удаляются: без следа, без привязанности, без прощания.

Мы встречаемся под Смоленским собором, мужчина и женщина – и тут же ускользаем.

Мы встречаемся в Нормандии и как родитель и ребёнок, а потом ускользаем.

Мы встречаемся однажды ночью у финского озера как влюблённые, а потом ускользаем.

Мы встречаемся в усадьбе в Вестфалии, отдыхающие и оздоравливающиеся, а потом ускользаем.

Мы встречаемся в городском подвале, голодные, уставшие, хорошо высыпаемся задаром, а потом ускользаем.

Мы встречаемся в мире как человек с человеком – и даже тогда мы ускользаем без привязанности, не останавливаясь и не прощаясь. Мы – поколение без прощаний, крадущееся, как вор, в страхе перед зовами своего сердца. Мы – поколение без дома, потому что нам некуда возвращаться и нет никого, к кому было бы обращено наше сердце – вот как мы стали поколением без прощания и возвращения домой.

Но мы – поколение встречи. Возможно, мы поколение, наполненное встречей новой звезды, новой жизни. Наполненное встречей под новым солнцем, с новыми сердцами. Возможно, мы наполнены встречей новой любви, нового смеха, нового бога.

Мы – поколение без прощания, но мы знаем, что все новые встречи принадлежат нам.

Перевод Ольги Воронковой (yoa.15@mail.ru). Окончила филологический факультет Донецкого национального университета (специальность «Фундаментальная и прикладная лингвистика»), занимается переводом для удовольствия, так как основной род деятельности со специальностью связан незначительно. Перевод награжден почетной грамотой в номинации «немецкая проза» (2023)

НЕМЕЦКАЯ ПОЭЗИЯ

Rainer Maria Rilke. Begegnung

Zu solchen Stunden gehn wir also hin
und gehen jahrelang zu solchen Stunden,
auf einmal ist ein Horchender gefunden –
und alle Worte haben Sinn.

Dann kommt das Schweigen, das wir lang erwarten,
kommt wie die Nacht, von großen Sternen breit:
zwei Menschen wachsen wie im selben Garten,
und dieser Garten ist nicht in der Zeit.

Und wenn die beiden gleich darauf sich trennen,
beim ersten Wort ist jeder schon allein.
Sie werden lächeln und sich kaum erkennen,
aber sie werden beide größer sein...

1900

Райнер Мария Рильке. Встреча

К таким моментам мы идём всю жизнь.
Пока мы к ним идём, года проходят.
Вдруг слушателя мы себе находим —
И все слова вмиг обретают смысл.

Ну а потом молчания отрада
Подобно звёздной ночи вдруг придёт.
А мы вдвоём растём под сенью сада
И времени не замечаем ход.

Но разлучит нас вновь одно лишь слово,
И одиноким каждый станет вмиг.
Мы улыбнёмся, будто незнакомы,
И всё же каждый многое постиг...

Перевод Наталии Небогатиковой (natasha.nebogatikova@gmail.com), студентки 4 курса бакалавриата филологического факультета СПбГУ по специальности «Межъязыковая коммуникация и перевод (немецкий язык)». Перевод занял первое место в номинации «немецкая поэзия» (2023)

Райнер Мария Рильке. Встреча

К таким часам душа не устаёт стремиться,
Годами удивительных мгновений ждём,
Внезапно встретив человека, что нас слышит,
Смысл в каждом слове обретём.

Потом – благословенное молчанье
Приходит, словно ночь с далёких звёзд:
Два человека как в саду растут и расцветают,
И этот сад вне времени, и рост.

А дальше двое снова расстаются,
При первом слове каждый одинок.
Пройдут – едва ль узнают, просто улыбнутся,
И оба вырастут, когда наступит срок...

Перевод Алисы Кондратьевой (alisa.kondrateva.03@mail.ru), студентки 4 курса факультета иностранных языков и регионоведения МГУ им. М.В. Ломоносова. Перевод — не основная специальность, а хобби. Данный перевод занял второе место в номинации «немецкая поэзия» (2023)

Райнер Мария Рильке. Встреча

К таким часам мы, в общем, все идём,
И так идём годами. Поздно ль рано –
Найдётся, кто расслышит. Как ни странно, –
Вдруг смысл каждым словом обретён.

Мы так же долго ждём того молчанья,
Как ночь оно огромно в звездопад:
В одном саду взрослеют два сознания, –
И вне времён всегда живёт тот сад.

Бывает, вслед за тем грядёт разлука,
И с первых слов им врозь продолжить путь.
С улыбкой мимо впредь пройдут друг друга,
Но оба повзрослевшие чуть-чуть.

*Перевод Галины Михайловны Волошиной (galina6742voloshina@yandex.ru).
Родилась 06.12.1962 в городе Орск Оренбургской области. Издала два сборника
собственных стихов и сказку. Переводами занимается недавно. Председатель
Орского городского литобъединения «Сонет» с 2017 года. Перевод занял второе место
в номинации «немецкая поэзия» (2023)*

Райнер Мария Рильке. Встреча

В подобный миг идём куда-нибудь
и много лет, как часовые, бродим,
но вдруг того, кто слышит, мы находим –
и слово обретает суть.

И настаёт безмолвие, что ждали
так долго мы – как ночь являет свет
от ярких звёзд: и двое будто стали
расти в саду, в котором время нет.

Быть может, с первым словом им расстаться
придётся, выбрав собственный свой путь,
а встретившись, смущённо улыбаться,
но эти двое вырастут чуть-чуть...

*Перевод Константина Белого (snekot@gmail.com). Живет в Москве и
Петербурге, окончил МГУ им. М. В. Ломоносова, работает главным аналитиком
института ИНИЦИАТ в составе Университета им. П. Ф. Лесгафта (Санкт-
Петербург). Пробовал себя в переводе с английского, французского, немецкого. Лауреат
нескольких конкурсов перевода, участник переводческой мастерской В. А. Дымишица.
Перевод занял третье место в номинации «немецкая поэзия» (2023)*

Райнер Мария Рильке. Встреча

Душе навстречу наш направлен путь,
Мгновенья эти ищем мы годами.
Вдруг слушатель случайный рядом с нами
Придаст словам непознанную суть.

Мир долгожданной тишиной окутан,
Придёт, как ночь с бескрайней ширью звёзд.
В саду, где счёта нет часам, минутам
Два человека набирают рост.

Как только эти двое отдалятся,
Заговорят – вновь путь их одинок.
Лиц не припомнив, будут улыбаться,
Но каждый до высот подняться смог...

Перевод Нины Васильевны Лучкиной (nina-luchik@mail.ru). Новокузнецкая поэтесса, переводчик, журналист. Родилась в поселке Ягодное Магаданской области. Выпускница французско-немецкого отделения факультета иностранных языков НГПИ. С 1979 по 2009 работала в научно-технической библиотеке ОАО «ЗСМК» библиографом-переводчиком, заведующей отделом иностранной литературы. С 2010 по 2012 была главным редактором городской педагогической газеты «Ступени», затем работала переводчиком в издательстве «Известия ВУЗОВ. Черная металлургия». Художественным переводом занимается давно. Лауреат многочисленных конкурсов поэтических переводов. В 2020 году награждена Почетной грамотой в номинации «французская поэзия» Конкурса переводчиков имени Линецкой. В 2018 году издан перевод книги бессмертного члена Французской академии Майкла Эдвардса «И вечны небеса и эти земли» с английского и французского языков с предисловием Станислава Айдиняна — личного секретаря Анастасии Ивановны Цветаевой. Данный перевод занял третье место в номинации «немецкая поэзия» (2023)

ПЕРЕВОДЫ С ФРАНЦУЗСКОГО

ФРАНЦУЗСКАЯ ПРОЗА

Xavier Marmier

Lettres sur la Russie, la Finlande et la Pologne (1843), *fragments*

La Perspective de Newsky est la rue la plus longue, la plus riante et la plus animée de Saint-Pétersbourg. Elle aboutit, d'un côté, à la façade de l'Amirauté, et s'étend au-delà du pont Anischkoff. C'est le boulevard Italien, le Regent-Street de cette capitale du Nord, le foyer du luxe, le centre du mouvement. C'est là que se révèle surtout le caractère varié, cosmopolite de cette cité, bien plus européenne que russe : des enseignes bariolées et revêtues d'inscriptions en toute sorte de langues, des librairies françaises, allemandes, anglaises, cinq églises appartenant à cinq religions différentes, des hôtels de grands seigneurs et des magasins éblouissants de marchandises et de modes de Paris ; à côté du bijoutier de Tula, le tailleur de Berlin ; en face du marchand de cuirs d'Astracan, la porcelaine de Sèvres mêlée à celle de Russie ; le riche bazar anglais, qui paie 50,000 roubles de loyer par an, côte à côte avec le confiseur russe. La rue fuit en ligne droite, comme une vraie perspective. Sur toute sa longueur, elle est bordée d'un excellent pavé en bois et de larges trottoirs. Au milieu est l'immense édifice de *Gastinnoi Dvor*, ville de boutiques et de comptoirs, amas gigantesque de toutes les denrées du Nord et de l'Orient, de toutes les productions de l'industrie nationale et de l'industrie étrangère. Là se presse une foule de marchands et d'oisifs, de filous expérimentés et de chalands précautionneux, de juifs et de chrétiens, de bourgeois et de soldats. [C'est aux environs de ce bazar et le long des maisons qui aboutissent à l'opulente librairie de M. Bellizard que les gens du monde et les désœuvrés de toute sorte s'en vont respirer le grand air et flâner capricieusement vers les deux ou trois heures de l'après-midi. Je ne connais pas un spectacle plus vivant, plus curieux, que celui-là, un coup d'œil plus pittoresque et plus mobile. On dirait un panorama dont les différentes images changent à tout instant, un caléidoscope dont les figures et les couleurs se reproduisent sans cesse sous des formes et des nuances nouvelles.] Vous apercevez le dandy, rasé, parfumé, serré dans son gilet de cachemire, à côté du moujik au large caftan et à la longue barbe, qui se fait une gloire de garder l'antique costume et les mœurs primitives de ses pères. Le mahométan passe la tête haute devant l'église que le Russe salue en se signant trois fois ; l'Arménien croise le catholique ; la lourde charrette du paysan finlandais s'avance péniblement à la suite de la kibitka polonaise. Un *feldjager*, le manteau gris sur les épaules, le plumet blanc sur le chapeau, part au galop, Dieu sait pour quel lointain district.

[...]

[Je reviens à Pétersbourg, et d'abord, je dois le dire, pendant tout le temps que j'ai passé dans cette ville, je n'ai point reconnu cette vénalité des employés, ni éprouvé ces inquisitions de la police, qu'on me présentait de loin comme un épouvantail. Il n'est que trop vrai pourtant que ces deux plaies existent au sein de l'administration et de la magistrature russe ; les hommes du pays eux-mêmes ne m'en ont point fait mystère. Mais ce que je puis affirmer, c'est que je n'ai point vu

la bureaucratie me tendre la main, et que je n'ai eu recours à aucune séduction pécuniaire pour en obtenir ce que j'allais lui demander. Les petits employés ont seulement l'esprit étroit et l'humeur tout à la fois humble et arrogante. Il y a en eux de la nature du serf et de l'affranchi. Ils prennent au pied de la lettre le règlement qui leur est prescrit, obéissent comme des Cosaques à leur consigne, se courbent comme des valets devant leur chef, et se redressent de toute leur hauteur devant celui qui a besoin d'eux. Les employés supérieurs sont, en général, des hommes très affables, parlant facilement plusieurs langues, et pleins de courtoisie envers l'étranger. J'en citerais avec plaisir plusieurs, si je n'avais de bonnes raisons de croire qu'ils n'ont nulle envie de voir leur nom imprimé.] Quant à la police, comment faire pour la dépeindre avec tous ses attraits et tous ses charmes ? C'est la grâce en personne et l'urbanité même. Elle est coquette comme une jeune fille et mielleuse comme un faiseur de madrigaux ; elle porte sur ses épaules un habit vert, symbole d'espérance, et un collet bleu comme l'azur du ciel. Je cherchais toujours sous ses broderies en or, sous ses rubans moirés, quelque griffe cachée, quelque pointe de hallebarde, et, de quelque côté que je me tournasse, je ne rencontrais qu'un regard velouté et un sourire caressant. Il y a surtout à la chancellerie de M. le comte de ... un petit général qui est chargé de recevoir les étrangers et qui parle comme un livre. Il a des compliments comme ceux de Vadius, et des épigrammes noyées dans des flots d'encens. A l'entendre, rien ne lui plaît plus que de voir les Français venir en Russie, et il voudrait qu'ils y restassent longtemps ; leurs observations l'intéressent, leurs récits de voyage l'enchantent. Qu'une fois cette belle harangue finie, il dépêche un ou deux de ses agents à la suite de ces Français qu'il est si heureux de voir, que le domestique qui les sert, le maître d'hôtel qui les héberge, soient chargés de surveiller leurs occupations et de rendre compte de leurs démarches, c'est ce qui me paraît au moins fort probable ; mais cette inquisition journalière s'opère en silence et sans qu'on s'en aperçoive. Les ressorts de la police sont cachés comme ceux d'une montre sous un cadran d'émail ; on sait qu'ils existent, qu'ils tournent régulièrement dans le cercle qui les renferme, on n'en distingue pas les mouvements, et on serait tenté parfois de les croire arrêtés, lorsqu'un beau jour les voilà qui sonnent l'heure fatale, et un homme que vous avez rencontré vingt fois, errant d'un pas de flâneur sur la Perspective, ou lisant d'un air fort grave les journaux au café Béranger, vient très poliment prier l'étranger de vouloir bien partir dans vingt-quatre heures, ou le citoyen russe de monter dans une kibitka qui va le conduire au-delà de l'Oural, dans la Sibérie, que l'on dit être fort belle.

Ксавье Мармье

Записки о России, Финляндии и Польше (1843), отрывки

Самая длинная и оживленная улица в Санкт-Петербурге – великолепный Невский проспект. Он берет начало от Адмиралтейства, идет по Аничкову мосту и уходит далее. Это – Итальянский бульвар, Риджент-стрит северной столицы, средоточие роскоши, сердце кипучей жизни.

Именно здесь яснее всего заметны многогранность и разноликость этого города, куда более европейского, нежели русского: тут и разноцветные вывески на всевозможных языках, тут и французские, немецкие, английские книжные магазины, и пять церквей разных конфессий, и особняки важных господ, и роскошные магазины парижской моды; рядом с тульским ювелиром – берлинский портной; напротив лавки торговца кожами из Астрахани – витрина с Севрским и русским фарфором; по соседству с дорогим Английским магазином, что платит за наем 50000 рублей в год – прилавок русского конфетчика. Как и должно настоящему проспекту, улица идет совершенно прямо. Вся она превосходно замощена торцами, а вдоль мостовой устроены широкие тротуары. На Невском проспекте располагается громадное здание Гостиного Двора, настоящего города магазинов и лавок, где торгуют и разнообразнейшей снедью с севера и востока, и всевозможными товарами с разных концов России и из-за границы. Здесь теснятся торговцы и разного рода бездельники, ушлые плуты и бдительные покупщики, иудеи и крестьяне, разночинцы и солдаты. [.....]

Вот перед вами денди, он гладко выбрит и надушен, а кашемировый жилет сидит на нем, как влитой, и тут же неподалеку – мужик в широком кафтане с длинной бородой, он с гордостью носит старинный наряд и чтит обычаи предков. Вот магометанин с гордо поднятой головой проходит мимо церкви, перед которой русский, между тем, трижды кланяется и осеняет себя крестным знамением; вот прихожанин армянской церкви, а навстречу ему идет католик; вот нагруженная телега финского крестьянина тяжело тащится вслед за польской кибиткой. А вот какой-то фельдъегерь в сером пальто и в шляпе с султаном из белых перьев пустил своего коня галопом, одному Богу известно, в какой далекий уезд. [.....]

Что до полиции, то как же мне описать всю ее прелесть и очарование? Она – воплощение прекрасных манер и учтивости. Она обворожительна, словно молодая девушка, она медоточива, как слагатель мадригалов; она носит одеяние зеленого цвета – цвета надежды, а ее воротничок – цвета небесной лазури. Под золотым шитьем и атласными лентами я всегда ожидал заметить острие алебарды, но, с какой бы стороны я не смотрел, обнаруживал только бархатный взгляд и любезную улыбку. К примеру, есть в канцелярии господина графа ... один управляющий, ответственный за прием иностранцев, так тот как по писаному говорит, комплименты плетет, что Мольеров Вадиус, а в потоках лестии прячет насмешку. Как его послушать, так ничто его не радует более, чем приезд французов в Россию, и ему хочется, чтобы они оставались здесь подольше; его-де интересуют их наблюдения, он-де в восторге от рассказов об их путешествиях. Закончив, однако, льстивые речи, этот управляющий безотлагательно назначает одного или двух своих людей следить за этими самыми французами, которых он якобы счастлив видеть, а слуги и метрдотели в гостиницах, по всей вероятности, обязаны докладывать обо всех занятиях иностранцев, которые у них останавливаются. Однако это каждодневное наблюдение осуществляется

тихо и совершенно незаметно. Работа полиции напоминает вращение шестеренок под эмалевым циферблатом часов; доподлинно известно, что шестеренки исправно крутятся, заключенные в круглый корпус; мы не видим их движений и порой можем даже подумать, что часы остановились, но в один роковой день они бьют, и господин, которого вы видели множество раз – он неторопливо прогуливался по Невскому проспекту или читал с серьезным видом газету в кафе Беранже – чрезвычайно вежливо попросит вас уехать в течение 24 часов в случае, если вы иностранец, а если вы российский подданный, то пригласит вас подняться в кибитку, что увезет вас за Урал, в Сибирь, которая, говорят, очень красива.

Перевод Анны Гличевой (annaglicheva@mail.ru). Живет в Москве. Окончила филологический факультет МГУ им М. В. Ломоносова по специальности «чешский язык и литература»; второй славянский язык — сербский. Перевод занял второе место в номинации «французская проза» (2023)

Ксавье Мармье Письма о России, Финляндии и Польше (1843), фрагменты

Невский проспект — самая длинная, веселая и оживленная улица Санкт-Петербурга. Упираясь с одной стороны в здание Адмиралтейства, она простирается за пределы Аничкова моста. Это Итальянский бульвар, Риджент-стрит северной столицы, средоточие роскоши, центр движения. Именно на Невском проявляются многообразие и космополитизм Петербурга, по сути, значительно более европейского, чем русского: вы увидите здесь пестрые вывески с надписями на всевозможных языках мира, французские, немецкие, английские книжные лавки, пять церквей пяти религий, дворцы вельмож и блистательные магазины парижских товаров и моды; возле тульского ювелира расположено ателье портного из Берлина; напротив торговца кожей из Астрахани — фарфор из Севра, перемешанный с фарфором из России; великолепный английский магазин, оплачивающий 50 000 рублей аренды в год, соседствует с конфектной лавкой. Невский торопливо движется по прямой, как и положено проспекту. По всей длине он вымощен деревянными торцами превосходной работы, по обеим его сторонам широкие тротуары. Посредине Невского — огромное здание Гостиного двора, город магазинов и прилавков, гигантское скопление разнообразных товаров Севера и Востока национального и иностранного производства. Здесь теснится толпа торговцев и празднующихся, ловких мошенников, осмотрительных покупателей, евреев и христиан, мещан и солдат.

Перед вами денди — выбритый, надушенный, в кашемировом жилете, а возле него мужик — с длинной бородой, в широком кафтане, преисполненный гордости тем, что ему удалось сохранить старинный костюм и полудикие нравы своих предков. Проходя мимо церкви

магометанин высоко держит голову, в то время как русский трижды осеняет себя крестом. Армянин в уличной толпе сталкивается с католиком; тяжелая повозка финского крестьянина медленно движется вслед за польской кибиткой. Фельдъегерь в серой шинели и шляпе с султаном из белых перьев пускается в галоп, одному богу известно, в каком направлении.

Что же до полиции: как же передать во всей полноте ее прелести и обаяние? Это кротость во плоти и сама учтивость. Кокетливая как юная дева и сладкоречивая как сочинитель мадригалов, она носит мундир зеленого цвета (цвет надежды) с воротником цвета небесной лазури. Мне всегда казалось, что под золотым шитьем и муаровыми лентами полиция прячет коготь или острие алебарды, но с какой бы стороны я не заглядывал, меня встречали бархатный взгляд и ласковая улыбка. В особенности запомнился мне один генералишка в канцелярии господина графа де..., ведавший приемом иностранцев, говоривший складно и со знанием дела, словно по-писаному. Его комплименты напоминали Вадиуса, а эпиграммы были полны лести. По его словам, ничто не доставляло ему больше удовольствия, чем приезд в Россию французов, и он желал бы, чтобы они оставались здесь подолгу; он говорил, что ему интересны их наблюдения, он восторгался их путевыми заметками. Окончив свою льстивую речь, он направлял одного или двух своих агентов вслед за французами, которых он был так рад видеть — чтобы слуга, приставленный к ним, и хозяин дома, принимавший их, следили за ними и докладывали об их занятиях — это представляется мне весьма вероятным; ежедневная слежка выполнялась тихо и незаметно. Силы, движущие полицией, скрыты как механизм часов под эмалевым циферблатом. Известно, что они существуют и мерно вращаются в ограничивающем их круге, их движения не различимы, поэтому иногда создается впечатление, что они приостановлены, как вдруг наступает роковой час — и некий господин, которого вы много раз до этого встречали в городе — неспешно прогуливающимся по Невскому или склоненным над газетами в кафе Беранже — чрезвычайно учтиво сообщает иностранцу о необходимости в течение двадцати четырех часов покинуть Россию, или же просит гражданина России проследовать в кибитку, которая доставит его за Урал, в Сибирь, где, по рассказам, необыкновенно живописно.

Перевод Анастасии Князевой (akniazeva@gmail.com). Окончила Университет Париж 4 – Сорбонна, диплом бакалавра по литературе. Специалист по связям с общественностью Музея Достоевского в Петербурге. Перевод занял третье место в номинации «французская проза» (2023)

Ксавье Мармье
Письма о России, Финляндии и Польше (1843), отрывки

Невская перспектива – самая длинная, самая приятная взору и самая живая улица Санкт-Петербурга. Беря начало у фасада Адмиралтейства, она уходит далеко за Аничков мост. Здесь такое средоточие роскоши и движения, что кажется, будто в сию северную столицу переместились Итальянский бульвар или Риджент-стрит. Именно тут, на Невском проспекте, в особенности проявляется разнообразный, многокультурный характер этого города, куда более европейского, нежели русского. Улица пестреет вывесками с надписями на всевозможных языках, все смешалось на ней: книжные магазины – французские, английские, немецкие, пять церквей, все разных конфессий, шикарные гостиницы, ослепительные магазины парижских товаров и мод; рядом с лавкой ювелира из Тулы мастерская берлинского портного; северский фарфор вперемежку с русским напротив кожаных изделий из Астрахани; русская кондитерская по соседству с богатым Английским магазином, который платит за аренду 50 000 рублей в год. Улица бежит прямо, как и подобает настоящему проспекту. По обеим сторонам ее тянутся, уходя вдаль, превосходные деревянные мостовые и широкие тротуары. В средней ее части располагается необъятных размеров здание Гостиного двора, настоящий город лавок и магазинов, наполненных всякого рода продовольствием с Севера и Востока, самыми разными промышленными товарами, как отечественными, так и чужеземными. Тут толпится великое множество народу: торговцы и зеваки, тертые мошенники и осмотрительные покупатели, иудеи и христиане, мещане и солдаты. [...] Вот перед вами щеголь, выбритый, надушенный, в обтягивающем кашемировом жилете, а рядом с ним длиннородый мужик в широком кафтане, гордый тем, что хранит верность традиционной одежде и простым нравам своих отцов. Вот магометанин с высоко поднятой головой проходит мимо церкви, а вот русский – останавливается перед нею и крестится троекратно; тут и армянин, тут и католик – проходят один мимо другого; вот проносится польская кибитка, а вслед за ней с трудом тащится тяжелогруженная повозка финского крестьянина. Вот фельдъегерь, в серой накидке на плечах, с белым плюмажем на шляпе, пускается вскачь и мчится Бог весть в какой отдаленный уезд.

[...]

А какими словами живописать полицию – со всеми ее прелестями и всем обаянием? Она – само изящество и сама учтивость. Полицейский кокетлив, как девушка, медоточив, как сочинитель мадригалов; блюстители порядка носят мундир зеленого цвета – цвета надежды – с воротником, голубым, как небесная лазурь. Я всегда хотел найти у них под золотым шитьем, под муаровыми лентами какой-нибудь спрятанный коготь, какое-нибудь острие алебарды, но тщетно искал я их со всех сторон: меня встречали лишь бархатистый взгляд и ласковая улыбка. К примеру, есть в канцелярии господина графа де *** один прелюбезнейший генерал, в обязанность коего

входит прием иностранцев. Так вот этот милейший разговоры ведет с ними складно да ладно, словно по писаному, комплиментами дарит сахарными, что тот Вадиус¹, однако и колкости отпускает, да разве углядишь оные в потоках лести. Послушаешь генерала, так нет ему приятности большей, чем лицезреть французов, что в Россию приезжают, и уж как бы хорошо было, если б они надолго тут оставались; наблюдения их прелюбопытны, а рассказы о путешествиях и вовсе приводят его в восторг. Но вот сия славная речь закончена, и генерал спешит отправить пару посыльных вслед за французами: он настолько счастлив их видеть, что хочет знать об этих чужеземцах все, а потому и слуга господ иностранцев, и дворецкий в гостинице должны наблюдать за их занятиями и давать отчет об их действиях, по крайней мере я это подозреваю; впрочем, такая постоянная слежка ведется тихо и незаметно. Работа полиции скрыта, как скрыта работа пружины в часовом механизме под эмалированным циферблатом; все знают, что эта пружина есть, что она регулярно поворачивается в своем барабане, но вы не различаете ее движения и порой даже подумываете, а не остановились ли часы, когда вдруг в одно прекрасное утро слышите их звон – роковой час настал, и господин, которого вы раз двадцать встречали прогуливающимся по Невскому или с наисерьезнейшим видом читающим газету в кафе Беранже, весьма вежливо просит иностранца сообразоваться уехать в течение двадцати четырех часов или предлагает соотечественнику сесть в кибитку, которая сейчас же отвезет его по ту сторону Урала, в Сибирь, которая, говорят, очень красива.

Перевод Ирины Масловой (irina.masslova@yandex.ru). Окончила Вологодский государственный педагогический институт (университет), факультет иностранных языков и филологический. Занимается на интернет-курсах в школе художественного перевода «Азарт». Перевод занял третье место в номинации «французская проза» (2023)

ФРАНЦУЗСКАЯ ПОЭЗИЯ

Félix Arvers (1806–1850). Sonnet

Mon âme a son secret, ma vie a son mystère:
Un amour éternel en un moment conçu.
Le mal est sans espoir, aussi j'ai dû le taire,
Et celle qui l'a fait n'en a jamais rien su.

Hélas ! j'aurai passé près d'elle inaperçu,
Toujours à ses côtés, et pourtant solitaire,
Et j'aurai jusqu'au bout fait mon temps sur la terre,
N'osant rien demander et n'ayant rien reçu.

---

¹ Вадиус – персонаж пьесы Мольера «Ученые женщины». – Прим. пер.

Pour elle, quoique Dieu l'ait faite douce et tendre,
Elle ira son chemin, distraite, et sans entendre
Ce murmure d'amour élevé sur ses pas;

À l'austère devoir pieusement fidèle,
Elle dira, lisant ces vers tout remplis d'elle:
« Quelle est donc cette femme ? » et ne comprendra pas.

Феликс Арвер (1806 – 1850) Сонет

Единственный секрет в душе моей таится:
В один злосчастный миг навек я полюбил.
Но чаяньям моим нельзя осуществиться,
Признанием я слух любимой не смутил.

Я рядом с ней всегда неузнанным бродил,
Так близко! Но, увы, о большем я молиться
Не смею, и сплошной тоскливой вереницей
Мои земные дни спешат во тьму могил.

Ведь, Богом создана столь кроткою и нежной,
Любимая скользит по жизни безмятежно,
Свой беспощадный долг почтительно храня;

Она, любовный вздох расслышать не умея,
С улыбкою прочтет стих, вдохновленный ею,
Спросив: “Так кто она?” - и не поймет меня.

Перевод Валентины Лоевой (valentinaioeva@gmail.com), занял первое место в номинации «французская поэзия» (2023)

Феликс Арвер. Сонет (посвящён Марии, дочери писателя Шарля Нодье)

У сердца тайна есть, а у судьбы – урок:
В мгновенье бросил я всю жизнь к ногам любимой...
Но боль сердечных ран вовек неутолима,
А той, что нанесла их мне, и невдомёк.

Увы, я рядом с ней – и всё же одинок:
Спокойна и вольна, она проходит мимо,
Для мольб и слов любви всегда недостижима...
Я жизнью тягочусь, как отбываю срок.

Ей ведом только долг – суровый, непреклонный,
И замкнут слух её для жалобы влюблённой,
Хотя от Бога дан ей нежный, кроткий нрав.

Прочтёт она сонет, где всё о ней единой,
«Кто ж эта женщина?» – задаст вопрос невинный:
Себя – лицом к лицу – в портрете не узнав.

Перевод Ольги Матвиенко (matvizar@gmail.com), доцента кафедры зарубежной литературы Донецкого государственного университета. Перевод занял второе место в номинации «французская поэзия» (2023)

Феликс Арвер. Сонет

Живу, в своей душе один секрет скрывая –
Ту вечную любовь, что вспыхивает вмиг.
Молчать о ней всегда, надежды не питая,
И от возлюбленной скрывая, я привык.

Я близ неё пройду, невидим и безлик,
Мучения свои с ней рядом продлевая.
Отмеренный мне срок я проживу до края
И в одиночестве – так робок мой язык.

Бог сотворил её и ласковой, и нежной,
И всё ж она пройдет, не слыша безмятежно,
Как шёпотом её боготворил я вслед.

Долг благочестья верно соблюдая строгий,
Прочтёт всецело ей наполненные строки
И спросит, не поняв: «О ком же Ваш сонет?»

Перевод Маргариты Литвиненко (litvinenko.mg@mail.ru), студентки 4 курса филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, кафедры французского языкознания. В магистратуре планирует более пристально изучать французскую поэзию и заниматься переводом. Перевод занял третье место в номинации «французская поэзия» (2023)

ПЕРЕВОДЫ С ИСПАНСКОГО

ИСПАНСКАЯ ПРОЗА

Horacio Quiroga. La justa proporción de las cosas

Hasta el año pasado un individuo de levita y sombrero de copa se estacionaba todas las tardes en la esquina Artes y Juncal, dando en la manía de disponer el orden de los carruajes para evitar interrupciones. Los jueves y domingos de tarde tenía gran tarea porque desempeñaba a conciencia su solícito cometido. Ponía toda su alma en tan ingrata función; cansado, sudoroso, hecho una lástima de desasosiego, tenía la conciencia fresca y fuerte por el exacto deber cumplido. El individuo era loco, y dio en tan lamentable extremo muy sencillamente.

Nicolás Pueyrredón era agente de comercio. Ocupábase de corretajes, liquidaciones y esas adyacencias mercantiles de que yo desgraciadamente no entiendo. Profesaba la fe de la justa proporción de las cosas, sin vértigos posibles. Sabía que a los números, siendo infinitos, puédensele siempre agregar impunemente un uno, un modesto uno.

– Claro es – decía sonriendo – son infinitos; siempre hay lugar para un uno.

Su espíritu gozaba tranquilamente con esto, siendo de por sí incapaz de un revolcón por la locura. Por lo demás, era un hombre expresivo.

He aquí que un día salió de su casa a las 5 de la tarde en dirección a la dársena sur, debía poner en la estafeta del París una carta de última hora. En la calle San Martín el carruaje se detuvo un largo rato; perdió diez minutos. En Defensa y Venezuela una victoria se cruzó de tal modo que fue imposible marchar durante cinco minutos. En la misma calle Defensa y Estados Unidos el carruaje de Pueyrredón atropelló un cupé de ruedas amarillas que iba a contramarcha; volvió a perder diez minutos. De modo que cuando llegó a la dársena el vapor humeaba ya en el canal de entrada.

El suceso disgustó profundamente a Pueyrredón. No le ocasionaba mayor trastorno, es verdad, pero temía por su buen nombre: como la carta era esperada indispensablemente en Montevideo, acaso atribuyeran la no remisión de aquélla a su falta de seriedad en negocios; y si algo tenía de bueno él, Pueyrredón, era una clara idea del justo cumplimiento de sus deberes. La cosa, pues, le chocó.

Pocos días más tarde repitió su carrera por iguales motivos, y por idénticas causas su interrumpido carruaje llegó tarde a los muelles. Esta vez se acaloró seriamente, discutió largo rato con el cochero, y protestó indignado, con los brazos hacia el centro de la ciudad, del inicuo desorden de carruajes. Por la noche no habló de otra cosa: era imposible marchar dos cuadras seguidas... quienes sufrían eran ellos, expuestos a perder su buen nombre por una incalificable desidia de las ordenanzas...

Parece que en los días siguientes su desventura fue tan grande como en las otras ocasiones. Le vi por entonces y se desahogó con tales insistentes reproches que traté de contenerle.

– Pero amigo – le dije sonriendo, levantándome –, ¡sí en todo pasa lo mismo! Su indignación es justa, indudablemente; pero a cada paso nos hallamos en una situación igual, ya por esta causa, ya por aquella... – e hice grave filosofía.

– No sé, no sé, no sé – repitió encendiéndose más – ¿Quién vigila el orden? ¿Quién cumple la ordenanza? ¿Por qué ha de estar uno expuesto a perder un minuto, un segundo, esto? – agregó enseñándome convulsivamente un pequeño trozo de cuchara entre sus pulgares – ¡sí, esto nada más!

Me miraba en los ojos a diez centímetros de los míos. Arrojó la cuchara sobre la mesa y salió del café.

Había adelgazado, marchaba sacudiendo hombros y cabeza a pequeños golpes, lanzaba rencorosas miradas de reojo a los carruajes.

Llegó así a tal grado de excitación que la idea de desorden comenzó a tornarse fija, con toda la descomposición que acarrear tales estancamientos. Fue diez veces en un mismo día a la Municipalidad, donde no quisieron oírle. Salió lleno de ira de esa casa en desquicio. Acudió a los diarios con igual éxito. Días sucesivos viósele a cada momento en carruaje, con el semblante hinchado de odio e indignación. En las cuadras de interrupciones forzosas vociferaba de tal modo, con medio cuerpo fuera de la capota, que su descomedimiento dio lugar a lamentables intervenciones.

Y por último, la tarde del jueves 18 de setiembre de 1902, el carruaje que llevaba a Nicolás Pueyrredón se vio detenido en la esquina Juncal y Artes por el corso que volvía de Palermo. Fue por cierto un espectáculo lastimoso, porque Pueyrredón, saltando al pescante, arrebató las riendas al cochero que cayó, y con grandes gritos de rabia y golpes de látigo forzó su carruaje sobre las victorias quietas. Lo llevaron a la fuerza; por largo rato se oyeron sus gritos.

El domingo siguiente, a las 4 de la tarde, Pueyrredón esperaba ya en la esquina Artes y Juncal.

***

– Bien sencillo – murmuró alguien cuando el narrador concluyó.

– Ciertamente – agregó otro al rato – es la manera más sencilla de quedarse loco. Sobre todo Pueyrredón, que era loco ya.

Орасио Кирога. Справедливая соразмерность мира

До прошлого года некий человек в сюртуке и цилиндре неизменно проводил каждый вечер на углу улиц Artes и Хункаль. Он был одержим идеей привести в порядок движение экипажей и предотвратить заторы. Во второй половине дня по четвергам и воскресеньям он особенно много трудился, добросовестно выполняя поставленную перед собой задачу. Он вкладывал всю душу в это неблагодарное занятие. Неважно, устал ли он, весь вспотел или выглядел жалко от вечного беспокойства, но после исправно выполненного долга совесть его была чиста и спокойна. Человек тот был сумасшедшим, а довел его до столь прискорбной крайности весьма обыденный случай.

Николас Пуэйредон работал маклером. Он оказывал услуги посредника, занимался расчетами и прочими коммерческими делами, о коих, к сожалению, я не имею ни малейшего понятия. Он исповедовал веру в справедливую соразмерность мира, которую ничто не должно нарушать. Человек этот знал, что к числам – а они бесконечны – можно абсолютно безнаказанно прибавить единицу, самую скромную единицу.

– Конечно же, они бесконечны, – говорил он, улыбаясь. – Так что единице место всегда найдется.

Он преспокойно наслаждался этой идеей, будучи не способным по своей натуре впасть в безумство. В остальном же человек он был весьма эмоциональный.

И вот однажды в пять часов вечера он вышел из дома и направился в южную гавань, намереваясь в последнюю минуту отправить письмо пакетботом из Парижа. На улице Сан-Мартин его экипаж простоял длительное время; Пуэйредон потерял десять минут. На перекрестке улиц Дефенса и Венесуэла какой-то фаэтон перегородил дорогу так, что пять минут было невозможно двинуться с места. На перекрестке все той же Дефенсы и улицы Эстадос Унидос экипаж Пуэйредона столкнулся с ехавшей навстречу каретой-купе на желтых колесах. Потеряно еще десять минут. Так что, когда он наконец добрался до гавани, клубы дыма парохода уже виднелись над входным каналом.

Данное событие до глубины души возмутило Пуэйредона. И хотя ничего критичного не произошло, он опасался за свое доброе имя: так как письмо непременно ждали в Монтевидео, случившееся могли приписать несерьезному отношению Пуэйредона к делу. А если в нем и было что-то хорошее, так это ясное представление о добросовестном выполнении своих обязанностей. Потому-то произошедшее его потрясло.

Несколько дней спустя он повторил свой путь с той же целью, и все по тем же причинам его экипаж опоздал в порт. Теперь он не на шутку разозлился, долго ругался с кучером и, воздевая руки в сторону центра города, выражал свое негодование по поводу полнейшего беспорядка на дорогах. Остаток дня он только об этом и говорил: двух кварталов спокойно не проехать, так еще из-за возмутительного пренебрежения правилами невинные люди теряют свое доброе имя.

Кажется, в последующие дни неудача его была столь же велика. Увидев тогда, как он яро выказывал свое недовольство, я попытался его успокоить.

– Но, друг мой, – с улыбкой сказал ему я, поднимаясь с места, – ведь везде одно и то же! Ваше возмущение, без сомнений, справедливо, но на каждом шагу мы оказываемся в подобных ситуациях по всевозможным причинам... – и здесь я углубился в философию.

– Нет, нет, нет, – повторял он, накаляясь все больше. – А кто тогда следит за порядком? Кто следует правилам? Почему из-за этого я должен терять хоть минуту, хоть секунду, хоть вот столечко? – добавил он, судорожно показывая мне зажатый пальцами кончик ложки. – Вот столечко!

Он придвинулся совсем близко и посмотрел мне прямо в глаза. Затем швырнул ложку на стол и вышел из кафе.

Измощенный Пуэйредон ходил, нервно подергивая головой и плечами, и презрительно бросал в сторону экипажей злобные взгляды.

В итоге он дошел до такого исступления, что сама мысль о беспорядке превратилась в навязчивую идею и повлекла за собой все те разрушительные последствия, которые сопутствуют подобной одержимости. За один только день он десять раз ходил в городскую управу, где его и слушать не пожелали. Из этого халатного места Пуэйредон вышел в гневе. С тем же успехом он обращался в газеты. В последующие дни Пуэйредона постоянно видели в экипаже, лицо его пылало ненавистью и негодованием. Случись так, что в каком-то квартале возникал затор, он по пояс высовывался из коляски да так кричал, что его грубость приводила к прискорбным последствиям.

И вот, наконец, вечером в четверг 18 сентября 1902 года экипаж Николаса Пуэйредона застрял на углу улиц Хункаль и Артес из-за того, что там проезжал праздничный кортеж, идущий из Палермо. Зрелище было поистине жалкое, поскольку Пуэйредон, вскочив на козлы, выхватил вожжи у свалившегося вниз кучера и с яростными воплями погнал ударами кнута свой экипаж на мирную колонну карет. Остановить Пуэйредона смогли только силой, но крики его не смолкали еще долго.

В четыре часа следующего воскресенья Пуэйредон уже ждал на углу улиц Артес и Хункаль.

***

– Оно и понятно, – пробормотал кто-то, когда рассказчик завершил повествование.

– Действительно, – спустя время добавил другой, – понятно, что так и с ума сойти недолго. Что уж говорить о Пуэйредоне, который и без того был безумен.

Перевод Дианы Пожиловой (pozhilovadi@mail.ru), студентки 2 курса магистратуры по направлению «Филология (Европейские языки: коммуникация и лингвоаналитика)» в Дальневосточном федеральном университете, Владивосток. Перевод занял первое место в номинации «испанская проза» (2023)

Орасио Кирога. Мера вещей

Вплоть до начала прошлого года некий господин в сюртуке и цилиндре каждый день после обеда стоял на углу улиц Артес и Хункаль, одержимый желанием регулировать движение экипажей, чтобы те не столкнулись. В четверг и воскресенье дел у него было много, ведь он выполнял свою ответственную работу на совесть. Он вкладывал всю душу в это неблагодарное занятие; усталый, вспотевший, до того издёрганный, что без слёз не взглянешь, благодаря выполненному долгу он мог похвастаться

кристально чистой совестью. Человек этот был невменяем, немудрено, что он оказался в таких плачевных обстоятельствах.

Николас Пуэйрредон работал маклером. Он занимался посредничеством, расчётами и всякими коммерческими делами, в которых я, к сожалению, ничего не смыслю. Николас исповедовал веру, что всего должно быть в меру, чтобы голова невзначай не пошла кругом. Он знал, что к числам, поскольку их ряд бесконечен, всегда можно безнаказанно добавить единицу, непритязательную единицу.

Понятно ведь, – произносил он с улыбкой, – считать можно до бесконечности, всегда найдётся место для ещё одного числа.

Пуэйрредон испытывал тихое наслаждение; по природе своей он не был способен на безумные порывы. Вообще же, характер у него был живой.

И вот однажды он вышел из дома в пять часов вечера и поехал к южной гавани: нужно было успеть в последнюю минуту отправить письмо с парижским пакетботом. На улице Сан-Мартин экипаж простоял долго, и десяти минут как ни бывало. На углу улиц Дефенса и Венесуэла одну викторию лошадь понесла так, что движение прервалось на пять минут. На углу всё той же улицы Дефенса и улицы Эстадос Унидос экипаж Пуэйрредона наехал на мчавшуюся навстречу карету-купе с жёлтыми колёсами; и ещё десяти минут как ни бывало. Поэтому, когда он наконец добрался до гавани, над подходным каналом только дымок виднелся. Такой поворот дел глубоко огорчил Пуэйрредона. Конечно, не это стало причиной его помешательства, но Николас опасался за своё доброе имя; поскольку в Монтевидео ждали, что письмо придёт непременно, то, вероятно, его отсутствие объясняли несерьёзным отношением Пуэйрредона к делам; а между тем, его достоинством как раз было то, что он ясно понимал: свои обязанности следует исполнять надлежащим образом. Поэтому он был потрясён.

Через несколько дней Николас вновь предпринял поездку, и по тем же причинам его экипаж опять задержался и оказался у пристани слишком поздно. На этот раз он разгорячился, долго пререкался с возничим и, указывая рукой в сторону города, яростно возмущался тем, как отвратительно ходят экипажи. Весь вечер он только об этом и говорил: невозможно быстро проехать двух кварталов сряду... страдают-то простые люди, рискуя своим добрым именем из-за того, что кто-то воююще пренебрегает правилами...

Похоже, что и в последующие дни на его долю выпало такое же множество злоключений, как и прежде. В ту пору мне довелось с ним повстречаться, и уж так он себя укорял, что я попытался было его урезонить.

– Дружище! – с улыбкой сказал я, собираясь распрощаться. – Но ведь так всегда и во всём! Негодование ваше, несомненно, оправдано; однако мы то и дело оказываемся в подобном положении то по одной, то по другой причине... – тут я пошёл философствовать.

– Ну, не знаю, не знаю, не знаю, – зачастил он, распаяясь всё сильнее.
– Кто-то же смотрит за порядком? Кто-то же следит за выполнением правил? Отчего человек должен жертвовать своим временем – хоть минутой, хоть секундой, хоть жалкой крохой? – не унимался он, судорожно показывая мне сжатый пальцами черенок ложечки. – Такой вот крохой!

Его глаза были сантиметрах в десяти от моих. Потом он швырнул ложечку на стол и вышел из кафе.

Он явно исхудал, шёл он лихорадочно подёргивая плечами и головой и злобно косился на экипажи.

И до такого возбуждения довёл он себя, что мысль о том, что порядка нет, начала превращаться в навязчивую идею; всё утратило смысл, как обычно и бывает, когда не можешь отвлечься от чего-то. Однажды он десять раз за день побывал в мэрии, где никто не пожелал его выслушать. В гневе покинул он это бестолковое учреждение. С тем же успехом он обращался в газеты. Несколько дней он всё ездил и ездил в экипажах с таким видом, что, казалось, вот-вот мог лопнуть от злости и негодования. Если в каком-нибудь квартале случался затор, а они нет-нет да случаются, Пуэйрредон так кричал, высовываясь из-под капота по пояс, что его ужасное поведение, как ни грустно, влекло за собой вмешательство посторонних.

И в конце концов, в четверг пополудни 18 сентября 1902 года экипаж, в котором ехал Николас Пуэйрредон, остановился на углу Хункаль и Артес, повстречавшись с двигавшимся из Палермо шествием. Зрелище, конечно, было плачевное: Пуэйрредон, встав на подножку, вырвал поводья у возничего, тот упал, а Николас, злобно вопя и нахлёстывая лошадей кнутом, нёсся напролом среди неподвижных викторий. Николаса смогли стянуть только силой, и вопли его слышались ещё долго.

В следующее воскресенье в четыре часа дня он красовался на углу Артес и Хункаль.

***

– Всё так просто, – пробормотал кто-то, когда рассказчик замолчал.

– Ясно, – добавил другой через пару мгновений, – самый простой путь к сумасшествию. Особенно для Пуэйрредона, который с ума сошёл задолго до того.

Перевод Ирины Ачкасовой (achkasovairina@bk.ru). Живет в Ростове-на-Дону. Окончила романо-германское отделение филологического факультета и магистратуру по специальности «международные отношения». Перевод занял второе место в номинации «испанская проза» (2023)

Орасио Кирога. Строгий порядок вещей

До прошлого года на пересечении улиц Артес и Хункаль каждый вечер появлялся человек в сюртуке и цилиндре и принимался, движимый

навязчивой идеей, регулировать поток экипажей, дабы избежать затора. По четвергам и воскресеньям работы у него прибавлялось¹, ибо подходил добросовестно к возложенной на себя миссии. Душу вкладывал в это неблагодарное дело; уставший, взмыленный, имея до крайности озабоченный вид, он ощущал как будто лёгкость, воодушевление от осознания исполненного долга. Человек этот был сумасшедшим, и как же просто дошёл до столь плачевного состояния.

Николас Пуэйрредон служил коммивояжёром. Как посредник в торговых делах, имел касательство к разным коммерческим операциям, в которых, к сожалению, ничего не смыслю. Исповедовал веру в строгий порядок вещей, отрицая любые потрясения. Твёрдо знал, что к числам, бесконечным по своей сути, можно смело добавлять единицу, самую обыкновенную единицу.

«Воистину, они бесконечны, — говорил он с довольным видом. — Всегда есть место для единицы».

Далёкий от сумасбродных поступков, он просто жил с этой мыслью, упивался ею. В остальном же натура эта была бойкая, темпераментная.

И вот в один прекрасный день, в пять часов пополудни, он вышел из дома и взял направление к южной гавани. Ему надлежало через отделение связи на «Париже»² отправить с последней почтой письмо. На улице Сан Мартин экипаж встал; десять минут потеряны. На перекрёстке улиц Дефенса и Венесуэла загородила дорогу коляска, да так, что пять минут нельзя было двинуться с места. На той же улице Дефенса, на пересечении с улицей Соединённых Штатов, экипаж коммивояжёра наехал на двигавшееся задним ходом купе³ с жёлтыми колёсами; потеряны ещё десять минут. Так что в гавань он прибыл, когда дым парохода уже стлался над входным каналом.

Коммивояжёр был потрясён до глубины души. Не то чтобы он переживал из-за случившегося — огорчало другое: могла пострадать его репутация. Поскольку письмо требовало спешной отправки в Монтевидео, подобная заминка бросала тень на торгового посредника: а хватает ли ему деловитости? Кто-кто, а он, Николас Пуэйрредон, являл собой воплощение самого что ни на есть безукоризненного исполнения своих обязанностей. Одним словом, неприятная вышла история.

Несколько дней спустя наш торговый посредник, повторяя с той же целью маршрут и столкнувшись с такой же обстановкой на дорогах, вновь не

---

¹ В столице Аргентины Буэнос-Айресе, где происходит действие рассказа, в конце XIX — начале XX века заметным событием в жизни городской элиты был так называемый парад экипажей. Проводился по четвергам и воскресеньям, в вечернее время, преимущественно весной-летом, в парке престижного района Палермо. Являясь по сути демонстрацией роскоши, от карет до нарядов и драгоценностей, прогулки в экипажах стали своего рода ритуалом для представителей высшего света. — *Здесь и далее прим. пер.*

² Название почтово-пассажирского парохода, входившего в состав речного флота Уругвая. Курсировал по реке (эстуарию) Ла-Плата между столицей Уругвая Монтевидео и Буэнос-Айресом. В 1911 году судно перешло под флаг Аргентины.

³ Здесь: легковой автомобиль с закрытым типом кузова; отличался двумя дверьми и одним рядом сидений.

поспел на пароход. Теперь он рассердился не на шутку. Сначала долго препирался с кучером, затем давай разоряться, указывая в центр города: устроили, мол, безобразие — никакого порядка в движении. Вечером в компании без конца роптал: не представлялось-де возможным два квартала подряд проехать... а страдать должны те, кто рискует своей репутацией из-за коряво состряпанных правил...

Кажется, в последующие дни его поджидали не меньшие злоключения. Тогда же в кофейне он поделился со мной наболевшим; категоричность, обличительный жар его слов побуждали как-то подействовать на собеседника.

— Послушайте, старина, — улыбаюсь ему, вставая из-за столика, — ведь так оно всегда и бывает! Ваше негодование справедливо, спору нет; но мы на каждом шагу сталкиваемся с подобными вещами — не одно, так другое, не другое, так третье... — и подкрепляю изрядной долей философии.

— Не знаю, не знаю, не знаю, — твердит он, ещё более распаляясь. — Кто следит за порядком? Кто исполняет постановление? По какому праву человека подвергают риску потерять минуту, секунду, вот столечко?

Он показывает, судорожно сжимая ложку, заключённый между большими пальцами маленький фрагмент.

— Да, представьте: вот столечко!

Его устремлённые на меня глаза находились от моих в каких-нибудь десяти сантиметрах. Он бросил ложку на стол и удалился прочь.

Проходит время; вот он бредёт по улице — голова и плечи мелко подрагивают, лицо осунулось — и мечет злобные косые взгляды на проезжающие экипажи.

В конце концов стремление к порядку перерастает у человека в идею фикс, что при подобного рода заикленности граничит с помешательством. Обращается в городскую управу (десять раз за один день), но его там и слушать не хотят. Коммивояжёр в бешенстве. Как очумелый, носится по газетным редакциям — и тоже безрезультатно. Потом по целым дням разъезжает в экипаже, всем своим видом выражая ненависть и озлобленность. На участках, где движение затруднено, высовывается до половины и ну орать, как потерпевший; столь вызывающее поведение приводит всё же к некоторым подвижкам.

И, наконец, финал его дорожных неурядиц. На календаре восемнадцатое сентября тысяча девятьсот второго года, четверг. Экипаж коммивояжёра вынужден встать на перекрёстке улиц Хункаль и Артес, чему виной парад экипажей, возвращающийся из Палермо. Жалкое, грустное зрелище разыгралось сию минуту на мостовой! Николас Пуэйрредон вскакивает на козлы, вырывает у кучера вожжи, отчего тот падает, и с яростными воплями, орудуя кнутом, таранит стоящие впереди коляски. Бедолагу силой стаскивают с козел; истошные крики ещё долго оглашают улицу.

В следующее воскресенье, в четыре часа пополудни, Николас Пуэйрредон уже поджидал на месте — на углу Артес и Хункаль.

***

— До чего всё просто, — проронил один из слушателей, когда рассказчик умолк.

— Без преувеличения, — подхватил другой, — это прекрасный образчик того, как можно запросто лишиться рассудка. Что уж говорить про коммивояжёра, который с самого начала был безумцем.

Перевод Сергея Капустина (serge_rcl@mail.ru). Родился 14.03.1984 в Омске. В 2011 году переехал в Санкт-Петербург. В 2007 году окончил Омский государственный технический университет по специальности «Менеджмент организации». Работает в типографии Национального исследовательского университета информационных технологий, механики и оптики (Университет ИТМО). Переводит прозу и поэзию. Рабочие языки: испанский, норвежский, английский. Перевод занял третье место в номинации «испанская проза» (2023)

Антонио Мачадо. Хуан де Майрена (отрывок)

Представим себе, говорил мой учитель Мартин, теологию без Аристотеля, воспринимающую Бога как некое огромное сознание, частью которого являлось бы и наше собственное или – выражаясь *grosso modo* и доступно для вашего недалекого ума - от которого питалось бы сознание каждого из нас. В такой теологии мы не обнаружим ничего более существенного, чем время, но не в математическом смысле, а в психическом, совпадающем с томящим нас смутным нетерпением. Некоторые называют его тоской, и в нем можно увидеть знак непреодолимой тяги - стремления *не быть*, которое испытывает Божественное Начало, или, как говорил мой учитель, сильнейшей тоски по Иному, одолевающей Единого. Таким образом мы бы назначили божеству бесконечную задачу: прекратить быть или обратить себя в Иное, что, с одной стороны, обосновало бы его вечное существование, а с другой – выглядело бы менее тривиально, чем задача приводить мир в движение... Что скажет ученик?

– Эта теология мне кажется неприемлемой, – заметил ученик. – Конечно, едва ли лучше выглядит Бог, который нас наделяет временем, а сам остается за его пределами, или, иначе говоря, застывший Бог, развлекающий себя приведением мира в движение. Ведь в самом деле: если мир не двигает себя сам, естественно и уместно было бы оставить его в покое, как велит его природа. В противном случае двигатель ему просто не нужен. Здесь я согласен. Но, с другой стороны, сеньор профессор, бог, погруженный в поток времени, вынужденный проживать его, как и мы, минута за минутой, обладающий сознанием и, вдобавок, бесконечной задачей, оказался бы гораздо более несчастным, чем его творения. Такой бог – сформулируем доступно для нашего недалекого ума – своим сквернейшим расположением

духа напоминал бы навек приговоренного к галерам. Я даже не знаю, сеньор профессор, как далеко можно заходить в подобных рассуждениях.

– Правда в том, – отвечал Майрена с некоторой досадой, – что в концепции пантеизма – к каковой безусловно относилась метафизика моего учителя – есть что-то жуткое и отталкивающее; не зря Церковь ее осуждала во все времена. Я говорил учителю, что, бывало, и не за такое горели люди на кострах Святой Инквизиции. По счастью, ныне Церковь не воспринимает слишком серьезно богохульные выпады против Аристотеля. Однако я вам советую поразмыслить над этой темой, чтобы вас не застала врасплох какая-нибудь из тех метафизик, что являются извне и кружат вокруг теологии, отводящей времени главенствующую роль; чтобы вы смогли, при необходимости, в чем-то с ней поспорить, а в чем-то – согласиться. И довольно уже вечно «слышать звон», но не более, в любых трансцендентных вопросах.

1936

Перевод Ольги Кулагиной (Kulagina.om@gmail.com). По образованию математик. После конкурса долго училась у замечательного мастера перевода Виктора Петровича Голышева. Теперь у переводчицы довольно много опубликованных текстов. Есть и другие премии: «Инолит» за 2017 г. и «Иллюминатор» за 2022 г. Перевод занял первое место в номинации «испанская проза» (2011)

ИСПАНСКАЯ ПОЭЗИЯ

**Francisco de Quevedo. AL
RUISEÑOR. Décima**

Flor con voz, volante flor,
silbo alado, voz pintada,
lira de pluma animada
y ramillete cantor;
di, átomo volador,
florido acento de pluma,
bella organizada suma
de lo hermoso y lo suave
¿cómo cabe en sola un ave
cuanto el contrapunto suma?

**Франсиско де Кеведо
Соловью. Десима**

Цветок-певун, полёт-цветок,
Узорна трель, крылата песня.
Живая лира крыл чудесна,
Заливист каждый лепесток.
Скажи, порхающий листок,
В цвету пернатая рулада,
Единство тоники и лада,
Гармонии и любованья:
Как контрапункт, войдя в создание,
В пичуге не нарушил лада?

Перевод Ирины Ачкасовой (achkasovairina@bk.ru). Живет в Ростове-на-Дону. Окончила романо-германское отделение филологического факультета и магистратуру по специальности «международные отношения». Перевод занял первое место в номинации «испанская поэзия» (2023)

**Франциско де Кеведо.
Соловью. Децима**

Пой цветочек, пой крылатый!
Голос — пёстрый колорит!
Рифма с пёрышка летит
В роще посвистом богатым.
Ты скажи, летучий атом,
Суть мелодия для глаз,
Гамма нежная прикрас:
Как же может сотвориться
И в одной явиться птице
Сей причудливый контраст?

*Перевод Сергея Капустина
(serge_rcl@mail.ru). Родился 14.03.1984 в Омске. В 2011 году переехал в Санкт-Петербург. В 2007 году окончил Омский государственный технический университет по специальности «Менеджмент организации». Работает в типографии Национального исследовательского университета информационных технологий, механики и оптики (Университет ИТМО). Переводит прозу и поэзию. Рабочие языки: испанский, норвежский, английский. Перевод занял второе место в номинации «испанская поэзия» (2023)*

**Франсиско де Кеведо.
К соловью**

О, порхающий цветок,
Крыльев расписное пение,
Лира из пера в движении,
Чудный птичий голосок,
О, летящий лепесток,
Пёстрых пёрышек звучание,
Как в одном таком создании
Нежность с красотой встречается,
В одного тебя вмещается
Двух мелодий сочетание?

*Перевод Надежды Филимоновой
(phloxiethepegasus@mail.ru), студентки 4 курса бакалавриата филологического факультета СПбГУ. Иностранными языками (английским, испанским, в меньшей степени итальянским) увлекается с детства. В университете изучает английский как основной язык и японский как второй иностранный, испанским продолжает заниматься в свободное время. Перевод занял второе место в номинации «испанская поэзия» (2023)*

Франсиско де Кеведо
К соловью. Децима

Глас-букетик, цвет крылат,
Свист воздушный и пятнистый,
Лирокрылый звук искристый,
Муз изысканный собрат.
Молви, пух и блеск рулад,
Пестрой краски наслажденье,
Чудное соединенье
Красоты и сладкогласья:
Как подобное согласие –
Дар у птички от рожденья?

*Перевод Евгении Мольковой
(ivabelle@list.ru). Окончила факультет
романо-германской филологии
Ивановского государственного
университета, кандидат филологических
наук. Преподавала французский и
английский языки в вузах, работала
менеджером-переводчиком в бюро
переводов. В настоящее время рецензент
и переводчик-фрилансер. Перевод занял
третье место в номинации «испанская
поэзия» (2023)*

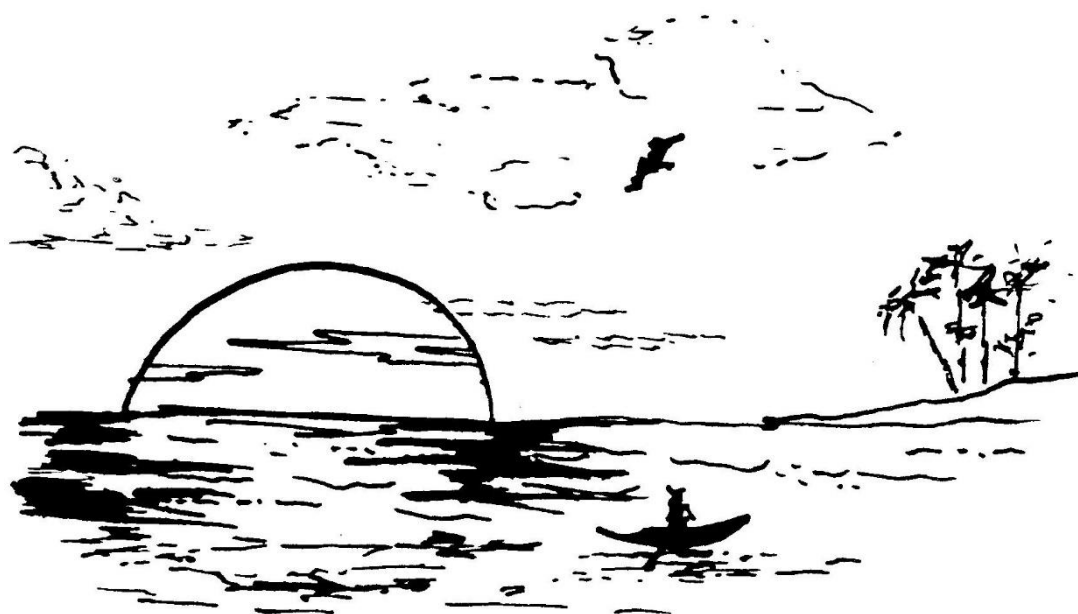
Франсиско де Кеведо
К соловью. Децима

Голосистый горицвет,
В песню сложенный букет,
Крохотный свистун летучий
С полным горлышком созвучий –
Этой птахе равных нет.
Как, скажите, в самом деле
Сочетаться в ней сумели
Трепетность и красота?
Музыка сама – и та
Воплотилась в птичьей трели!

*Перевод Ольги Матвиенко
(matvizar@gmail.com), доцента кафедры
зарубежной литературы Донецкого
государственного университета. Перевод
занял третье место в номинации
«испанская поэзия» (2023)*

ПЕРЕВОДЫ С ИТАЛЬЯНСКОГО

ИТАЛЬЯНСКАЯ ПРОЗА

Camillo Boito (1836-1914) «Senso» (1883)

La mattina seguente, prima delle nove, mi feci condurre nella mia carrozza al Comando della fortezza. L'erta mi pareva interminabile: gridavo a Giacomo di frustare i cavalli. Una folla di militari d'ogni colore, di feriti, di popolani, ingombrava il piazzale innanzi al Castello; ma giunsi senza ostacoli all'anticamera degli uffizii, dove un vecchio invalido pigliò il mio biglietto da visita. Dopo qualche minuto ritornò, dicendomi che il generale Hauptmann mi pregava di passare nel suo quartiere privato, e che appena sbrigati certi affari urgentissimi, sarebbe venuto a presentarmi il suo omaggio.

Fui condotta attraverso logge, corridoi e terrazze in una sala, che dominava dalle tre larghe finestre la città intiera. L'Adige, interrotto da' suoi ponti, si torceva in una S, avente la prima delle sue pancie a' piedi del monticello su cui sorge Castel San Pietro, e la seconda a' piedi di un altro bruno castello merlato; e sorgevano dalle case i culmini e le torri delle vecchie basiliche; e in un largo spazio si vedeva l'ovale enorme dell'Arena antica. Il sole mattutino rallegrava l'abitato ed i colli, e dall'una parte indorava le montagne, dall'altra gettava una luce placida sulla interminabile pianura verde, sparsa di villaggi bianchi, di case, di chiese, di campanili.

Entrarono nella sala con fracasso di risa e salti due bimbe, le quali avevano il volto color di rosa e i capelli biondi paglierini. Vedendomi, di primo botto rimasero impacciate, ma poi subito si fecero coraggio e mi vennero accanto. La più grandicella disse:

— Signora, s'accomodi. Vuole che vada a chiamare la mamma?

— No, fanciulla mia, aspetto il tuo babbo.

— Il babbo non l'abbiamo ancora visto stamane. Ha tanto da fare.

— Lo voglio vedere io il babbo — gridò la più piccina. — Gli voglio tanto bene io al babbo.

In quella entrò il generale, e le bimbe gli corsero incontro, gli si avviticchiarono alle gambe, tentavano di saltargli sulle spalle; egli prendeva l'una e l'alzava e le dava un bacio, poi prendeva l'altra; e le due pazzarelle ridevano, e negli occhi del generale spuntavano due lagrime di tenerezza beate. Si volse a me, dicendo:

— Scusi, signora; s'ella ha figliuoli mi compatirà. — Si mise a sedere in faccia a me, e soggiunse: — Conosco di nome il signor conte, e sarei lieto se potessi servire in qualcosa la signora contessa.

Feci un cenno al generale perchè allontanasse le bambine, ed egli disse loro con voce piena di dolcezza: — Andate, figliuole mie, andate, dobbiamo parlare con la signora.

Le bambine fecero un passo verso di me come per darmi un bacio; voltai la testa; se ne andarono finalmente un poco mortificate.

— Generale — mormorai — vengo a compiere un dovere di suddita fedele.

— La signora contessa è tedesca?

— No, sono trentina.

— Ah, va bene — esclamò, guardandomi con una cert'aria di stupore e d'impazienza.

— Legga — e gli porsi in atto risoluto la lettera di Remigio, quella che avevo ritrovata nel taschino del portamonete.

Il generale, dopo avere letto:

— Non capisco; la lettera è indirizzata a lei?

— Sì, generale.

— Dunque l'uomo che scrive è il suo amante. —

Non risposi. Il generale cavò di tasca un sigaro e lo accese, s'alzò da sedere e si pose a camminare su e giù per la sala; tutt'a un tratto mi si piantò innanzi e, ficcandomi gli occhi in volto, disse:

— Dunque, ho fretta, si sbrighi.

— La lettera è di Remigio Ruz, luogotenente del terzo reggimento granatieri.

— E poi?

— La lettera parla chiaro. S'è fatto credere malato, pagando i quattro medici — e aggiunti con l'accento rapido dell'odio: — È disertore dal campo di battaglia.

— Ho inteso. Il tenente era l'amante suo e l'ha piantata. Ella si vendica facendolo fucilare, e insieme con lui facendo fucilare i medici. È vero?

— Dei medici non m'importa. —

Il generale stette un poco meditabondo con le ciglia aggrottate, poi mi stese la lettera, che gli avevo data:

— Signora, ci pensi: la delazione è un'infamia e l'opera sua è un assassinio.

— Signor generale — esclamai, alzando il viso e guardandolo altera — compia il suo dovere. —

La sera, verso le nove, un soldato portò all'albergo della Torre di Londra, dove finalmente mi avevano trovato una camera, un biglietto, che diceva così:

“Domattina alle quattro e mezzo precise verranno fucilati nel secondo cortile di Castel San Pietro il tenente Remigio Ruz ed il medico del suo reggimento. Questo foglio servirà per assistere alla esecuzione. Il sottoscritto chiede scusa alla signora contessa di non poterle offrire anche lo spettacolo della fucilazione degli altri medici, i quali, per ragioni che qui è inutile riferire, vennero rimandati ad un altro Consiglio di guerra.

“Generale Hauptmann.,,

Alle tre e mezzo nella notte buia uscivo a piedi dall'albergo, accompagnata da Giacomo. Al basso del colle di Castel San Pietro gli ordinai che mi lasciasse, e cominciai sola a salire la strada erta; avevo caldo, soffocavo; non volevo togliermi il velo dalla faccia, bensì, sciolti i primi bottoni dell'abito, rivoltai i lembi dello scollo al di dentro; quel po' d'aria sul seno mi faceva respirare meglio.

Le stelle impallidivano, si diffondeva intorno un albore giallastro. Seguì de' soldati, che girando il fianco del Castello, entrarono in un cortile chiuso dagli alti e cupi muri di cinta. Vi stavano già schierate due squadre di granatieri, immobili. Nessuno badava a me in quel brulichio silenzioso di militari e in quelle mezze

tenebre. Si sentivano le campane suonare giù nella città, dalla quale salivano mille romori confusi. Cigolò una porta bassa del Castello, e ne uscirono due uomini con le mani legate dietro la schiena; l'uno magro, bruno, camminava innanzi ritto, sicuro, con la fronte alta; l'altro, fiancheggiato da due soldati, che lo reggevano con molta fatica alle ascelle, si strascinava singhiozzando.

Non so che cosa seguisse; leggevano, credo; poi udii un gran frastuono, e vidi il giovane bruno cadere, e nello stesso punto mi accorsi che Remigio era nudo fino alla cintura, e quelle braccia, quelle spalle, quel collo, tutte quelle membra, che avevo tanto amato, m'abbagliarono. Mi volò nella fantasia l'immagine del mio amante, quando a Venezia, nella Sirena, pieno di ardore e di gioia, m'aveva stretta per la prima volta fra le sue braccia d'acciaio. Un secondo frastuono mi scosse: sul torace ancora palpitante e bianco più del marmo s'era slanciata una donna bionda, cui schizzavano addosso i zampilli di sangue.

Alla vista di quella femmina turpe si ridestò in me tutto lo sdegno, e con lo sdegno la dignità e la forza. Avevo la coscienza del mio diritto, m'avviai per uscire, tranquilla nell'orgoglio di un difficile dovere compiuto.

Alla soglia del cancello mi sentii strappare il velo dal volto; mi girai e vidi innanzi a me il grugno sporco dell'ufficiale Boemo. Cavò dalla bocca enorme il cannello della sua pipa, e, avvicinando al mio viso il suo mustacchio, mi sputò sulla guancia...

*

L'avevo detto io che l'avvocato Gino sarebbe tornato. Bastò una riga: Venite, faremo la pace, perchè capitasse a precipizio. Ha piantato quella bamboccia della sua sposa una settimana innanzi al giorno destinato pel matrimonio; e va ripetendo ogni tanto, stringendomi quasi con la vigoria del tenente Remigio: — Livia, sei un angelo! —

fine.

Камилло Бойто. Чувство (отрывок)

На следующее утро, около девяти часов, я села в карету и отправилась в распоряжение командования крепости. Подъем в гору казался бесконечным: я кричала Джакомо, чтобы он гнал лошадей. Пёстрая толпа запрудила площадь перед замком: там были военные всяческих родов войск, раненые, простые горожане. Тем не менее, я беспрепятственно добралась до помещения, в котором находилась приемная. Старый военный, инвалид, взял мою визитную карточку и вышел. Через несколько минут он вернулся, сказав, что генерал Гауптманн просит меня пройти в его личные апартаменты, куда тот, как только закончит неотложные дела, придет чтобы засвидетельствовать свое почтение.

Меня провели по коридорам, через крытую галерею и террасы в просторную залу, из трех больших окон которой весь город был виден как на

ладони. Адидже¹, перехваченная поперек мостами, извивалась наподобие буквы S, упираясь своим первым изгибом в подножие невысокой горы, на которой располагалась крепость Кастель Сан Пьетро², а вторым – в основание коричневых зубчатых стен другой крепости. Над домами поднимались башни старых базилик, а на просторном месте виднелся грандиозный овал античной Арены³. Утреннее солнце ласкало жилища и холмы. По одну сторону оно золотило горы, а по другую изливало мягкий свет на бескрайнюю зеленую долину с разбросанными по ней белыми деревеньками, с видневшимися в них церквушками и колокольнями.

С шумом и смехом в залу влетели две девчушки с розовыми личиками и соломенно-желтыми локонами волос. Увидев меня, в первое мгновение они смущенно замерли на месте, но почти сразу осмелели и подошли ближе. Та, что была постарше, произнесла:

– Синьора, располагайтесь. Хотите, я позову маму?

– Нет, малышка, я жду твоего папу.

– Папу мы с утра еще не видели. Он очень занят.

– Я тоже хочу увидеть папу, – закричала младшая. – Папу я очень сильно люблю.

В этот момент вошел генерал. Девочки бросились ему навстречу, обхватили руками его ноги и пытались запрыгнуть ему на спину. Он взял на руки одну, поднял и поцеловал, потом другую. Обе шалуньи залились радостным смехом, и на глазах генерала выступили слезы умиления. Он повернулся ко мне:

– Простите, синьора. Если у вас есть дети, вы меня поймете. – Затем он сел напротив и произнес: – Мне знакомо имя господина графа и я был бы рад, если бы мог чем-либо услужить госпоже графине.

Я сделала знак генералу, чтобы он отослал детей, и он полным нежности голосом обратился к ним:

– Ступайте, мои хорошие, ступайте, нам нужно поговорить с синьорой.

Девочки сделали было шаг в мою сторону, как будто намереваясь меня поцеловать, но я отвернулась, и они, несколько огорченные, наконец, удалились.

– Генерал, – заговорила я, – я пришла исполнить свой долг верноподданной.

– Госпожа графиня немка?

– Нет, я трентинка⁴.

---

¹ Адидже – река в Вероне. (Здесь и далее примечания пеервдчика)

² Кастель Сан Пьетро – замок-крепость в Вероне, построенный на вершине холма, на месте древнеримского храма. Благодаря выгодному стратегическому расположению в разные эпохи служил в качестве фортификационного сооружения. Здесь размещалась военная комендатура и казармы с командными пунктами, офицерскими помещениями, мастерскими по ремонту вооружения.

³ Арена ди Верона – античный амфитеатр в Вероне, был построен в 30 годах н.э. римским императором Тиберием для проведения гладиаторских боев, навмахий (морских сражений) и цирковых представлений.

⁴ Трентинка – жительница области Трентино-Альто-Адидже, расположенной на севере Италии, со столицей в городе Тренто.

– Ах, вот как, – воскликнул генерал, глядя на меня с некоторым изумлением и нетерпением.

– Прочтите. – Я решительно протянула ему письмо Ремиджо, которое достала из кармашка вновь обретенного мной портмоне.

Прочтя, генерал спросил:

– Не понимаю...письмо адресовано вам?

– Да, генерал.

– Следовательно, тот кто пишет – ваш любовник?

Я молчала. Генерал вынул из кармана сигару и закурил, затем встал с кресла и принялся расхаживать взад и вперед по зале. Внезапно он остановился передо мной и, глядя мне прямо в глаза, произнес:

– Ну же... У меня мало времени, будьте любезны покороче.

– Это письмо написал Ремиджо Руц, лейтенант третьего гренадерского полка.

– И что с того?

– Из письма все ясно. Он притворился больным, заплатив четверем медикам. Он дезертировал с поля боя, – выпалила я, с ненавистью чеканя слова.

– Я понял. Лейтенант был вашим любовником и бросил вас. Вы желаете отомстить и хотите, чтобы его расстреляли. А заодно, чтобы вместе с ним расстреляли и медиков. Так?

– До остальных мне нет дела.

Генерал нахмурил брови и погрузился в задумчивость, потом протянул мне письмо обратно и произнес:

– Синьора, подумайте хорошенько: донос – это гнусность, а то, что вы предлагаете, – убийство.

– Господин генерал, – воскликнула я вскинув голову и с вызовом глядя на него, – исполняйте свой долг.

Около девяти часов вечера, в гостиницу Торре ди Лондра, где для меня наконец нашли свободную комнату, явился солдат, который передал мне записку. В ней было написано следующее:

«Завтра ровно в половине пятого утра во втором дворе крепости Кафель Сан Пьетро будут расстреляны лейтенант Ремиджо Руц и медик его полка. Этот документ будет служить пропуском на экзекуцию. Нижеподписавшееся лицо просит прощения у госпожи графини в том, что не может пригласить ее на зрелище расстрела остальных медиков, так как по причинам, которые не имеет смысла здесь излагать, они были отосланы в ведение другого военного совета.

Генерал Гауптманн.»

В половине четвертого ночи, сопровождаемая Джакомо, я вышла из гостиницы. У подножия холма, на котором возвышалась крепость Кафель Сан Пьетро, я приказала ему меня оставить и уже одна отправилась вверх по улице. Я ощущала жар, мне не хватало воздуха. Поднимать вуаль я не хотела, но, расстегнув верхние пуговицы платья, отвернула ворот наружу. Коснувшийся моей груди легкий ветерок облегчил мое дыхание.

В загоравшейся желтоватой заре начинали меркнуть звезды. Я проследовала за солдатами, которые обогнув замок сбоку, вошли во двор,

окруженный со всех сторон высокими и мрачными крепостными стенами. Там уже выстроились и замерли неподвижно две шеренги гренадеров. В густом полумраке никто из этого безмолвного строя солдат не обращал на меня внимания. Снизу, из города, доносились звуки колокола, смешанные с другими неясными звуками. Скрипнула низкая дверь, из нее вышли два человека со связанными за спиной руками. Один из них был худой, темноволосый. Он шагал прямо, уверенно, с высоко поднятой головой. Я узнала Ремиджо. Другой, которого по бокам с трудом держали под мышки двое солдат, рыдал и еле волочил ноги.

Не знаю, что было дальше. Наверное, зачитывали приговор. Потом послышался сильный грохот, и я увидела, как молодой брюнет упал. В это мгновение я обратила внимание, что Ремиджо был до пояса раздет, и эти руки, плечи, шея, все эти части тела, которые я так любила, ослепили меня. В тот же миг в моем воображении пронесся образ моего возлюбленного. Я вспомнила, как тогда, в Венеции, в купальне Сирена, пылкий и восторженный, он в первый раз сжимал меня в своих крепких объятиях... Но вдруг новый шум сотряс меня: на эту белую как мрамор и все еще вздрагивающую грудь бросилась белокурая женщина, ее обрызгало струями крови. При виде этой мерзкой подлой женщины во мне снова вспыхнуло прежнее негодование, а вместе с негодованием вернулось достоинство и сила. Я осознала, что была в своем праве, и направилась к выходу, испытывая гордость от выполненного тяжелого долга.

У самых ворот кто-то сдернул вуаль с моего лица. Я повернулась и увидела перед собой отвратительную рожу богемского офицера. Он вынул изо рта огромный мундштук своей трубки и, приблизившись усами к моему лицу, плюнул...

*

Я же говорила, что адвокатишка Джино вернется. Достаточно было одной строчки: «Придите, помиримся», чтобы это стремительно произошло. Он бросил эту дурочку свою невесту ровно за неделю до свадьбы. И теперь, сжимая меня в своих объятиях почти так же сильно, как некогда лейтенант Ремиджо, время от времени повторяет: «Ливия, ты ангел!».

Перевод Юлии Владиславовны Харитоновой (iasicilia@mail.ru). Живет в Санкт-Петербурге. Основное образование — высшее музыкальное, дополнительное — финансовое, работает в банковском секторе. В 2017 году окончила курс «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации (итальянский язык)» в Державинском институте (Санкт-Петербург). Увлекается художественным переводом с итальянского, испанского и английского языков. Лауреат конкурса художественного перевода «Читающий Петербург-2021» в номинации «Итальянский язык». Перевод занял первое место в номинации «итальянская проза» (2023)

Камилло Бойто. Чувство.
Из тайного дневника графини Ливии

На следующее утро, не позднее девяти часов, я приказала отвезти меня в комендатуру крепости. Подъем казался бесконечным: я велела Джакомо стегнуть лошадей. На площади перед замком толпились военные всех родов и званий, раненые, местные жители, но я беспрепятственно доехала до приемной, где пожилой инвалид принял у меня визитную карточку. Несколько минут спустя он вернулся и сообщил, что генерал Гауптман просит меня пройти в его личную квартиру и, как только он уладит некоторые безотлагательные дела, он придет засвидетельствовать свое почтение.

Меня провели через лоджии, коридоры и террасы в зал, откуда через три больших окна открывался вид на весь город. Адидже, прерываемая мостами, извивалась буквой S, одной из своих излучин огибая холм, на котором стоял Кастиль Сан-Пьетро, а другой – еще один мрачный замок с зубчатыми стенами; среди домов возвышались древние базилики со своими башнями, и гигантским овалом зияла античная Арена ди Верона. Утреннее солнце сияло над городом и холмами: с одной стороны оно окрашивало горы в золотистый цвет, а с другой заливало своим безмятежным светом бесконечную зеленую равнину, по которой были разбросаны белые деревушки, домики, церкви и колокольни.

Громко смеясь, в зал вбежали две белокурые девочки с покрасневшими лицами. Уведев меня, они смутились, но вскоре набрались храбрости и подошли. Та, что постарше, сказала:

– Синьора, располагайтесь. Хотите, я позову маму?

– Нет, дитя мое, я жду твоего папу.

– Мы еще не видели папу с утра. У него много дел.

– Я хочу видеть папу, – закричала девочка помладше. – Я люблю папу.

В это мгновение вошел генерал, и девочки побежали ему навстречу, они вцепились ему в ноги, попытались вскарабкаться ему на плечи; он поднял одну и поцеловал ее, затем поднял вторую, обе смеялись как безумные; в глазах у генерала показались блаженные слезы нежности. Он повернулся ко мне и сказал:

– Простите, синьора. Когда у вас будут дети, вы меня поймете. – Он сел передо мной и добавил: – Имя графа мне хорошо знакомо, и я буду рад, если смогу быть полезным графине.

Я подала знак генералу, попросив его удалить детей, и он обратился к ним голосом, полным нежности:

– Бегите, доченьки, бегите, мы должны поговорить с синьорой.

Девочки сделали шаг в мою сторону, желая поцеловать меня; я отвернулась, и они ушли немного обиженные.

– Генерал, – пробормотала я, – я пришла, чтобы исполнить долг верного подданного.

– Графиня – немка?

– Нет, я из Трентино.

– Ах, что ж, – воскликнул он, глядя на меня с некоторым удивлением и нетерпением.

– Прочтите. – Я протянула ему решительным жестом письмо Ремиджо, которое заранее достала из кошелька.

Прочтя письмо, генерал спросил:

– Не понимаю, письмо адресовано вам?

– Да, генерал.

– Стало быть, автор этого письма – ваш любовник.

Я не ответила. Генерал извлек из кармана сигару и зажег ее; он встал и принялся расхаживать по залу; и вдруг он вырос передо мной, устремив взгляд прямо мне в лицо и сказал:

– Итак, поторопитесь. Я очень занят.

– Это письмо Ремиджо Руца, лейтенанта третьего гренадерского полка.

– И что?

– В письме все сказано. Он притворился больным, подкупив четырех врачей, – ответила я и выпалила с ненавистью: – Он дезертир.

– Я понял. Лейтенант был вашим любовником и бросил вас. И теперь вы мстите ему, подводя его под расстрел, а заодно и четырех врачей. Верно?

– Мне наплевать на врачей.

Генерал постоял какое-то время, нахмутив брови и о чем-то думая, затем он протянул мне письмо, которое я дала ему.

– Синьора, задумайтесь: доносительство – это подлость; своим действием вы совершаете убийство.

– Генерал, – воскликнула я, подняв голову и глядя на него с высокомерием, – исполните свой долг.

Около девяти часов вечера солдат принес в отель «Лондонская башня», где для меня наконец нашли номер, записку следующего содержания:

«Завтра утром, ровно в четыре тридцать, лейтенант Руц и врач его полка будут расстреляны во втором дворе замка Сан-Пьетро. Эта бумага гарантирует вам присутствие на казни. Нижеподписавшийся просит прощения графини за невозможность предложить ей лицезреть казнь остальных врачей, которые по причинам, не подлежащим упоминанию в этой записке, были переданы другому военному трибуналу.

Генерал Гауптман»

В три тридцать, в полной темноте, я вышла из отеля в сопровождении Джакомо. У подножия холма Сан-Пьетро я приказала ему оставить меня и принялась подниматься по крутой дороге. Мне было жарко, я задыхалась; я не хотела убирать вуаль от лица; вместо этого я расстегнула верхние пуговицы своего платья, подвернув края внутрь: свежий воздух обдавал грудь и облегчал дыхание.

Звезды бледнели, приближался рассвет, заполняя все желтоватым светом. Я проследовала за солдатами, которые обошли крыло замка и вошли во внутренний двор, закрытый со всех сторон высокими, неприступными стенами. Там уже выстроились два отряда гренадеров, они стояли неподвижно. Никто не заметил меня в этом полумраке, среди молчаливой толпы военных. Снизу, из города, доносился звон колоколов и разнообразные звуки. Скрипнула низкая дверь и из нее вышли двое мужчин с руками, связанными за спиной; один, худощавый и темноволосый, уверенно шагал вперед с прямой спиной и высоко поднятой головой; другой, с трудом поддерживаемый под руки двумя солдатами, едва тащился, всхлипывая.

Не помню, что было дальше: кажется, что-то зачитывали; потом я услышала грохот и увидела, как темноволосый юноша упал, и в тот же момент я заметила, что Ремиджо был обнажен по пояс, и эти руки, эти плечи, эта шея, все части его тела, которые я так любила, ослепили меня. В моем сознании вспыхнул образ моего любовника, когда в Венеции, в женских купальнях, он, охваченный страстью и восторгом, впервые сжал меня в своих стальных объятиях. Второй залп потряс меня: на еще трепещущую грудь, что была белее мрамора, бросилась светловолосая женщина, и кровь брызнула прямо на нее.

При виде этой бесстыдной девки ко мне вернулся весь мой гнев, а вместе с гневом – сила и чувство собственного достоинства. Я имела право сделать то, что я сделала, и я направилась к выходу, спокойная от гордости за исполнение трудного долга.

У ворот я ощутила, что кто-то срывает вуаль с моего лица; я обернулась и увидела перед собой грязную физиономию богемского офицера. Он вытащил из огромного рта чубук своей трубки и, придвигаясь ко мне со своими усами, плюнул мне в щеку...

*

Я говорила, что адвокат Джино вернется. Хватило одной строчки, чтобы он попался на крючок: «Приходите, помиримся». Он бросил свою простушку за неделю до дня предполагаемой свадьбы; и, обнимая меня почти так же сильно, как лейтенант Ремиджо, он то и дело повторяет:

– Ливия, ты ангел!

Перевод Александры Мишутиной (alxmish32@gmail.com), студентки 3 курса института иностранных языков РГПУ им. Герцена. Перевод занял первое место в номинации «итальянская проза» (2023)

Камилло Бойто. Чувство Из тайной тетради графини Ливии

На следующий день около девяти часов утра я приказала отвезти себя в своей карете в штаб-квартиру крепости. Дорога показалась мне нескончаемой: я то и дело заставляла Джакомо погонять лошадей. Толпа

военных всех мастей, раненых, простолюдинов загроздила площадь перед замком. Но мне удалось беспрепятственно добраться до приёмной, где старый инвалид взял мою визитную карточку. Через несколько минут он вернулся со словами, что генерал Гауптман просит меня пройти в его личные покои, и как только будут закончены некоторые очень срочные дела, он придёт засвидетельствовать мне своё почтение.

Меня провели через лоджии, коридоры и террасы в зал с тремя большими окнами, из которых как на ладони был виден весь город. То здесь, то там прерываемая своими мостами, змеилась в виде буквы S река Адидже. Нижняя дуга опоясывала подножие холма, на котором высился замок Святого Петра. В месте верхнего изгиба реки возвышался ещё один замок с коричневыми зубцами. Над домами вздымались ввысь шпили и башни старинных базилик. В широком просвете между строениями виднелся громадный овал древней арены. Утреннее солнце расцветивало своими лучами город и холмы и с одной стороны золотило горы, а с другой заливало безмятежным светом бескрайнюю зелёную равнину, усеянную белыми деревьями, домами, церквями, колокольнями.

В комнату, смеясь, вбежали вприпрыжку две белокурые розовощёкие девочки. Увидев меня, они застыли на месте, но сразу опомнились и, набравшись смелости, подошли поближе. Старшая девочка сказала:

- Прошу вас, синьора, располагайтесь. Желаете, чтобы я позвала маму?
- Нет, дитя моё, я ожидаю твоего отца.
- Папеньку мы с утра ещё не видели. У него много дел.
- Я хочу к моему папочке! – закричала младшая. – Я очень люблю моего папочку!

В этот момент вошёл генерал, и девочки побежали к нему навстречу. Они обнимали ноги отца, старались забраться к нему на плечи. Мужчина поднимал на руки и целовал то одну, то другую дочку. Маленькие шалуны хохотали. На глаза генерала навернулись слёзы блаженной нежности. Он повернулся ко мне и проговорил:

- Извините меня, графиня. Если у вас есть дети, вы сможете меня понять.

Генерал сел напротив меня и сказал:

- Мне знакомо имя графа, и я буду рад услужить его супруге.

Я сделала знак генералу, чтобы тот удалил из комнаты детей. Голосом, полным ласки, мужчина произнёс:

- Идите, дорогие мои, идите. Мне нужно поговорить с синьорой.

Девочки сделали шаг в моём направлении, будто желая меня поцеловать. Я отвернулась. Немного смущённые, они, наконец, ушли.

- Генерал, – начала я. – Я здесь, чтобы исполнить свой долг верной подданной.
- Госпожа графиня немка?
- Нет, я трентина¹.

---

¹ Т.е. жительница города Тренто. (Здесь и далее – *Примечания переводчика*).

– А, хорошо! – воскликнул военный. В его взгляде сквозило некое удивление и нетерпение.

– Прочтите, – я решительно протянула ему письмо Ремиджио, которое хранилось в кармане моего портмоне.

Прочитав письмо, генерал сказал:

– Я не понимаю. Письмо адресовано вам?

– Да, генерал.

– Значит, написавший его человек - ваш любовник?

Я не ответила. Мужчина вынул из кармана сигару, закурил, встал с места и принялся ходить взад и вперёд по комнате. Внезапно он остановился и, глядя мне прямо в глаза, произнёс:

– Извольте поторопиться. Я очень занят.

– Это написал Ремиджио Руз, лейтенант третьего гренадерского полка.

– И что же?

– В письме всё ясно написано. Он сказался больным, заплатив четырём докторам, – ответила я.

И в порыве ненависти добавила:

– Он дезертир с поля боя.

– Я понял. Лейтенант, ваш любовник, вас бросил. И так вы хотите ему отомстить. Чтобы его расстреляли, а вместе с ним и военных врачей. Я прав?

– До врачей мне нет никакого дела.

Генерал постоял немного, задумавшись и нахмутив брови, потом вернул мне письмо:

– Синьора, одумайтесь! Доносчик покрывает себя бесчестьем. Ваши действия – это убийство.

– Господин генерал! – воскликнула я, гордо выпрямившись и гневно на него взирая. – Исполните свой долг!

Около девяти вечера в гостиницу “Лондонская башня”, где наконец-то мне нашли комнату, солдат принёс записку следующего содержания: “Завтра ровно в четыре тридцать утра во втором дворе замка Святого Петра будут расстреляны лейтенант Ремиджио Руз и врач его полка. Этот документ послужит вам пропуском, чтобы присутствовать на экзекуции. Нижеподписавшийся приносит госпоже графине свои извинения в том, что не может предложить ей зрелища расстрела остальных трёх докторов. По причинам, которые здесь нет смысла перечислять, они были переданы в ведомство другого военного совета.

Генерал Гауптман.”

Находящийся на севере Италии город Тренто на протяжении своей истории неоднократно менял государственную принадлежность. В XIX веке он входил в состав Баварии (одной из немецких земель), а затем Австрии. После объединения Италии (в 1861 году) в Тренто, Триесте и других городах Австрийской империи с итальянским населением началось сильное политическое движение с целью воссоединения с Италией. Это послужило причиной в том числе и австро-итальянской войны 1866 года, о которой идёт речь в новелле.

В полчетвёртого ночи под покровом темноты я вышла из гостиницы в сопровождении Джакомо. У подножия холма, на котором располагался замок Святого Петра, я приказала ему меня оставить и стала взбираться по крутой дороге в одиночестве. Мне было жарко, я задыхалась. Но я не хотела снимать вуаль с лица. Вместо этого я расстегнула верхние пуговицы платья и завернула внутрь края декольте. Воздух освежил мою грудь, и мне сразу стало легче дышать.

Звёзды постепенно бледнели. Вокруг разливался желтоватый свет зари. Я последовала за группой солдат, которые, обогнув замок, вошли во двор, окруженный высокими тёмными стенами. Там уже выстроились и стояли в неподвижности два отряда гренадеров. Никто не обращал на меня внимания в этой мрачной полутьме и в молчаливой суете военных. Я услышала звон колоколов внизу, в городе. Оттуда доносились тысячи неясных звуков. Низкая дверь замка скрипнула, и вышли двое мужчин со связанными за спиной руками. Один худой, смуглый, он шёл прямо, уверенно, с высоко поднятой головой. Другой, сопровождаемый двумя солдатами, которые с большим трудом поддерживали его под руки, еле тащился, рыдая.

Я не знаю, что за этим последовало. Читали, мне кажется. Вдруг я услышала ужасающий грохот и увидела, как молодой брюнет упал. В этот момент я заметила, что Ремиджио был обнажён до пояса, и эти руки, эти плечи, шея, всё его тело, которое я так любила, меня ослепили. В своих фантазиях я вновь видела моего любовника таким, каким он предстал передо мной в тот раз в Венеции, в купальне “Сирена”, когда, полный любовного пыла и радости, он в первый раз сжал меня в объятиях своими мускулистыми руками. От повторного грохота я задрожала. На ещё трепещущую, блее мрамора грудь бросилась светловолосая женщина. На неё летели брызги крови.

При виде этой мерзкой особы во мне вновь пробудилось негодование, а с ним чувство собственного достоинства и силы. Сознывая своё право, я направилась к выходу, спокойная и гордая, с ощущением исполненного тягостного долга.

У порога ворот я почувствовала, как кто-то сорвал с моего лица вуаль. Я обернулась и увидела передо мной грязную рожу офицера Бозмо. Он вынул черенок трубки из своего огромного рта и, приблизив усы к моему лицу, плюнул мне в щеку...

Я же говорила, что адвокатишка Джино вернётся! Оказалось достаточно одной строчки: “Приезжайте, помиримся”, чтобы это мгновенно произошло. Он бросил ту куклу – свою невесту – за неделю до свадьбы. И иногда он повторяет, сжимая меня в своих объятиях почти с такой же страстью, как лейтенант Ремиджио: “Ливия, ты ангел!”

Конец.

Перевод Оксаны Rogozy (aksana.rahaza@gmail.com). Преподаватель русского языка италогворящим взрослым и детям-билингвам. Окончила Минский

государственный педагогический университет (факультет естествознания), прошла переквалификацию в Государственном институте русского языка им. А. С. Пушкина (Москва). В настоящее время живет и работает в Италии. Перевод занял первое место в номинации «итальянская проза» (2023)

Отрывок из новеллы Камилло Бойто (1836-1914) «Senso» (1883)

Следующим утром, еще до девяти, я села в свою карету и приказала отвезти меня в штаб командования крепостью. Крутой подъем казался бесконечным: я приказала Джакомо хлестать лошадей. Пестрая толпа военных, раненые, простолюдины из местных, наводнили небольшую площадь перед крепостью; но я без препятствий добралась до приемной, где вручила старому инвалиду мою визитную карточку. Через несколько минут он вернулся и сказал, что генерал Хауптман просит меня пройти в его личные покои, куда он, как только завершит наиболее срочные дела, придет засвидетельствовать мне свое почтение.

Меня провели по галереям, коридорам и террасам, и я оказалась в просторной комнате, из огромных окон которой был виден весь город. Река Адидже, пересекаемая мостами, закручивалась буквой S, упираясь первой своей выпуклостью в склон небольшого холма, где высится Кастиль Сан Пьетро, а второй – в подножие другого замка, темного, с зубчатыми стенами; за домами поднимались вершины и башни старых базилик; и на широком пространстве виднелся огромный овал античной Арены. Утреннее солнце оживляло селения и холмы и, с одной стороны, золотило горы, с другой – бросало на бесконечную зеленую равнину тихий отсвет, что терялся в белых деревушках, среди домов, церквей, колоколен.

В комнату, громко смеясь и прыгая, вошли две девочки с розовыми лицами и волосами цвета соломы. Увидев меня, вначале смутились, но тут же осмелели и подошли. Старшая сказала:

– Синьора, присаживайтесь, пожалуйста. Хотите, я позову маму?

– Нет, девочка моя, я жду твоего папу.

– Папу мы сегодня еще не видели. Он очень занят.

– Мне так хочется увидеть папу, – воскликнула младшая. – Я его очень люблю.

Тут вошел генерал, и девочки побежали ему навстречу, они обнимали его и висли на нем; он поднял одну, поцеловал ее, потом поднял другую; обе хохотали как сумасшедшие, и в глазах генерала блеснули счастливые слезы умиления. Он повернулся ко мне и сказал:

– Виноват, синьора; если у вас есть детки, вы меня простите. – Он сел напротив меня и добавил: – Мне известно имя синьора графа, я буду рад, если смогу чем-нибудь служить синьоре графине.

Я подала генералу знак, чтобы он отослал девочек, и он им сказал с нежностью: – Идите, доченьки мои, идите, нам с синьорой надо поговорить.

Девочки двинулись было ко мне, чтобы поцеловать меня; я повернула голову, уклоняясь; они, наконец, ушли, слегка огорченные.

– Генерал, – прошептала я, – хочу исполнить свой гражданский долг.
– Синьора графиня немка?
– Нет, я из Тренто.
– А, хорошо, – воскликнул он, глядя на меня удивленно и нетерпеливо.
– Читайте, – я решительным жестом подала ему письмо Ремиджо, то, что нашла в кармашке кошелька.

Генерал прочел.

– Не понимаю, это письмо адресовано вам?

– Да, генерал.

– Итак, мужчина, писавший это, ваш возлюбленный.

Я не ответила. Генерал вынул из кармана сигару и зажег ее, он встал и принялся ходить туда-сюда по комнате; потом внезапно остановился напротив и, пристально глядя на меня, сказал:

– Итак, поторопитесь, я спешу.

– Письмо писал Ремиджо Руц, лейтенант третьего гренадерского полка.

– И что?

– В письме сказано ясно. Он притворился больным, заплатив четверем врачам, – и добавила с явным оттенком ненависти, – он дезертир с поля боя.

– Я понял. Лейтенант был вашим любовником и бросил вас. Вы мстите и добиваетесь его расстрела, и вместе с ним – расстрела врачей, верно?

– Мне нет дела до врачей.

Генерал немного постоял, раздумывая и хмуря брови, потом протянул мне письмо, которое я ему дала.

– Синьора, подумайте: донос – это подлость, а то, что вы затеяли, – убийство.

– Синьор генерал, – воскликнула я, подняв к нему лицо и надменно глядя на него, – исполните свой долг.

Около девяти вечера солдат принес в гостиницу Торре ди Лондра, где мне, наконец, дали комнату, записку, в которой было сказано:

«Завтра утром ровно в четыре тридцать во втором дворе Капель Сан Пьетро будут расстреляны лейтенант Ремиджо Руц и врач его полка. Эта записка позволит присутствовать при экзекуции. Нижеподписавшийся просит прощения у синьоры графини за то, что не может предложить ей присутствовать при расстреле двух других врачей, которые по несущественным в данном случае причинам переведены для прохождения службы в другой военный округ.

Генерал Хауптман».

Темной ночью, в три тридцать, мы с Джакомо вышли из гостиницы. У подножия холма, на котором возвышался Капель Сан Пьетро, я приказала ему оставить меня и стала взбираться по крутой дороге; было жарко, я задыхалась; мне не хотелось снимать с лица вуаль, вместо этого я расстегнула верхние пуговицы платья и подвернула края выреза внутрь; моя грудь, овеваемая ветерком, задышала свободнее.

Звезды бледнели, вокруг разливался желтоватый свет. Я последовала за солдатами, которые, обогнув крепость, вошли в узкий двор, окруженный высокой мрачной оградой. Там уже были построены два отряда гренадеров, они стояли неподвижно. Никто в молчаливой толпе военных и в этом полумраке не обратил на меня внимания. Из долины слышался звон колоколов, множество самых разнообразных звуков доносилось снизу, из города. Скрипнула низкая дверь башни, из нее вышли двое мужчин со связанными за спиной руками; один, худой, темноволосый, шагал вперед прямо, уверенно, с поднятой головой; другой, сопровождаемый по бокам двумя солдатами, которые с трудом поддерживали его под руки, едва волочил ноги, рыдая.

Не знаю, что потом произошло; думаю, читали приговор; потом я услышала залп и увидела, как молодой брюнет упал, и в то же время я заметила, что Ремиджо был обнажен до пояса, и эти руки, эти плечи, эта шея, все эти члены, которые я так любила, обманули меня. Мне вспомнился образ моего возлюбленного, когда в Венеции, в Сирене, смелый и радостный, он впервые обхватил меня своими стальными руками. Я вздрогнула, во второй раз услышав залп: на грудь, еще трепещущую и белую, как мрамор, бросилась белокурая женщина, на которую брызгали струйки крови.

Вид этой мерзкой женщины вновь пробудил во мне чувство презрения, а вместе с презрением – достоинство и силу. Я была уверена в своей правоте, и со спокойной совестью и чувством исполненного долга направилась к выходу.

На пороге калитки кто-то попытался сорвать с моего лица вуаль; я обернулась и увидела прямо перед собой грязную физиономию офицера Чеха. Он вынул из огромного рта свою трубку и, приблизив к моему лицу усы, плюнул мне на щеку...

*

Я же говорила, что молодой адвокат Джино вернется. Хватило одной строчки: вернитесь, помиримся, пусть все произойдет немедленно. Он бросил это чучело, свою невесту, за неделю до дня, на который была назначена свадьба; и время от времени повторяет, сжимая меня в объятиях почти так же сильно, как это делал лейтенант Ремиджо: – Ливия, ты ангел! –

КОНЕЦ

Перевод Марины Германовны Курноскиной (tourplus@mail.ru, VK: kurnoskina144). Родилась и проживает в Саратове. Окончила СГУ имени Н. Г. Чернышевского и Саратовский учебный авиационный центр имени Ю. А. Гагарина по специальности пилот вертолета МИ-2. Работала учителем, журналистом, специалистом по рекламе и связям с общественностью, переводчиком, директором туристического агентства. В издательстве «Питер» вышла книга о туризме «Искусство путешествовать без проблем и лишних расходов». Печаталась в журналах «День и ночь» и «Урал». Данный перевод занял второе место в номинации «итальянская проза» (2023)

Камилло Бойто. Страсть Из тайного блокнота графини Ливии

На следующее утро, около девяти, я потребовала отвезти меня в штаб крепости. Ведущая к нему навверх крутая дорога казалась бесконечной. Я кричала на Джакомо, чтобы он подгонял лошадей. Разношерстная толпа, состоящая из военных, раненых и простолюдинов, заполонила площадь перед замком, но я беспрепятственно добралась до генеральской приемной и вручила какому-то старому инвалиду мою визитную карточку. Через пару минут, вернувшись, он сообщил, что меня просят подождать в приватной части замка и что, как только генерал Хауптман покончит с неотложными делами, то примет меня с большим почтением.

Проследовав за провожатым по лоджиям, коридорам и балконам, я оказалась в зале с тремя огромными окнами, откуда как на ладони просматривался весь город. Адидже, исчерченная мостами, описывала букву S, первая выпуклая часть которой заходила на подножие горы, где стоял замок Святого Петра, а вторая подступала к основанию стен другого замка — темного, с зубчатыми стенами. Тут и там возвышались дома, башни и шпили старых церквей, и совсем вдалеке огромным овалом античного амфитеатра проглядывалась Арена. Утреннее солнце местами заливало золотом горы, подсвечивая строения и возвышения, а кое-где, спускаясь мягкими лучами на зеленую равнину, рассыпало белесые островки селений с домами, церквями и колокольнями.

В зал, смеясь и подпрыгивая, с шумом и гамом вбежали две розовощекие девчушки с пшеничными волосами. Увидев меня, смутились, но вскоре снова осмелели и подошли. Старшенькая заговорила первой:

— Присаживайтесь, синьора. Хотите, я позову маму?

— Нет, спасибо, милое дитя, я жду твоего папу.

— Папу мы еще не видели сегодня. У него много дел.

— Я тоже хочу видеть папу, — закричала младшенькая. — Я очень люблю моего папочку.

На этих словах в зал вошел генерал, и девчушки кинулись ему навстречу, обхватывали за ноги и пытались запрыгнуть на плечи. Он приподнял и поцеловал по очереди каждую. Обе проказницы смеялись, а у генерала от нежности из глаз по щекам сбежали две благодатные слезинки. Он обернулся и, обращаясь ко мне, произнес:

— Простите, синьора. Если у вас есть дети, вы меня поймете. — Уселся напротив и добавил: — Имя синьора графа мне знакомо. Буду рад, если смогу быть вам полезен, синьора графиня.

Я знаком дала понять генералу, что не хотела бы начинать в присутствии девочек, и он голосом, преисполненным лаской и любовью, сказал им: — Идите, дочери мои, идите, нам нужно поговорить с синьорой.

Девочки было слегка рванулись ко мне, чтобы поцеловать, но я отвернулась. Так, немного расстроенные, они наконец-то ушли.

— Генерал, — пробормотала я, — я здесь, чтобы исполнить долг верноподданного.

— Синьора графиня — немка?

— Нет, я из Тренто.

— Хм, хорошо, — удивился генерал, глядя на меня с некоторым нетерпением.

— Прочтите, — и я решительно и бесповоротно вложила ему в руку письмо Ремиджо, то самое, что по-прежнему хранила в кармашке кошелька.

Прочтя, генерал спросил:

— Я не понимаю, письмо адресовано вам?

— Да, генерал.

— Значит, тот, кто его написал, ваш любовник?

Я не ответила. Генерал извлек из кармана сигару и зажег ее. Встал и начал расхаживать по залу туда-сюда. Вдруг прямо передо мной внезапно остановился и, пристально глядя мне в лицо, сказал:

— Итак, я спешу, поторопитесь.

— Это письмо Ремиджо Руца, старшего лейтенанта третьего гренадерского полка.

— Дальше?

— В письме все ясно написано. Он подкупил четырех врачей, чтобы его считали больным, — и добавила с легким оттенком ненависти: — Он дезертир на войне.

— Я понял. Лейтенант был вашим любовником и бросил вас. Вы мстите, отправляя его на расстрел, а вместе с ним и четырех врачей. Так ведь?

— До врачей мне нет дела.

Генерал нахмурил брови и не долго пребывал в некой задумчивости, потом протянул мне письмо обратно.

— Синьора, подумайте хорошенько. Донос — это бесчестье. А то, что вы задумали, — это убийство.

— Синьор генерал! — воскликнула я и взглянула на него с гордо поднятой головой: — Исполните свой долг.

Вечером, примерно в девять часов, солдат принес в гостиницу «Лондонский Тауэр», где наконец-то для меня нашлась комната, официальную бумагу, в которой сообщалось:

«Завтра, ровно в половине пятого утра, во втором дворе замка Святого Петра будут расстреляны лейтенант Ремиджо Руц и его полковой врач. Этот документ послужит вам пропуском на казнь. Я, нижеподписавшийся, приношу извинения синьоре графине, что не смогу предложить ей также возможность лицезреть расстрел других врачей по мотивам, перечислять которые здесь не имеет смысла. Их дела переданы в иную военную канцелярию.

Генерал Хауптман».

В половине четвертого, когда была еще темная ночь, я вышла из гостиницы и пешком направилась к месту казни в сопровождении Джакомо. Приказала ему остаться у подножия горы, на которой стоит замок Святого Петра, и одна последовала наверх по крутой дороге. Мне было жарко, трудно дышать. Я не хотела снимать вуаль с лица, просто расстегнула верхние пуговицы платья и завернула края выреза внутрь. Воздух обвевал грудь, и дышать стало легче.

Звезды бледнели на небе, желтоватым светом пробивалась заря. Я проследовала за солдатами, которые обходили замок и вошли во двор, огражденный высокими и мрачными каменными стенами. Там в неподвижном строю уже стояли два отряда гренадеров. Никто среди полумрака и молчаливой копошни военных не обратил на меня внимания. Снизу, из города, поднимался нестройный гул и слышно было, как звонили колокольни. В замке раздался скрип, и из-за невысокой двери показались двое мужчин, они шли со связанными за спиной руками. Один, худой, смуглый, шагал впереди прямо, уверенно, с высоко поднятой головой. Другой, с большим усилием поддерживаемый за подмышки двумя солдатами, еле плелся, содрогаясь от рыданий.

Не знаю, что происходило потом, зачитывали приговор, думаю. Затем слышу сильный грохот, и вижу, как молодой смуглый мужчина падает. В эту секунду в голове промелькнуло, ведь Ремиджо голый по пояс. И глазам предстали его руки и плечи, его шея и каждая часть тела, так мною любимая. В воображении тут же всплыли картины, когда в Венеции, в купальне, он, исполненный страсти и веселья, в первый раз сжал меня в своих крепких, словно стальных, объятьях. Новый грохот и шум потряс меня. Я увидела, как на белом, словно мраморном теле распласталась женщина и струйки крови, бьющиеся из еще пульсирующей груди, обрызгали ей светлые волосы и одежду.

При взгляде на эту мерзкую шлюху во мне снова вспыхнуло возмущение, а вместе с ним вернулось достоинство и сила. Моя совесть была чиста. Я направилась к выходу, уверенная, что с честью выполнила свой тяжкий долг.

Уже у ворот мне захотелось снять вуаль. Я обернулась и увидела прямо перед собой грязную рожу этого вонючего офицера Боемо. Он вытащил изо рта свою трубку с огромным мундштуком и, чуть ли не касаясь усищами моего лица, плюнул мне на щеку...

*

Я же сказала, что адвокатишка Джино вернется. Хватило одной строчки: «Приходите, помирится, пока еще не поздно все исправить». Он бросил ту толстуху, свою невесту, за неделю до назначенного дня свадьбы; приходя, обнимает меня почти так же крепко, как лейтенант Ремиджо, и повторяет время от времени:

— Ливия — ты суший ангел!
Конец.

Перевод Натальи Орсаг (gasro@mail.ru). Живет в подмосковном Подольске. Много лет работала корректором и редактором в муниципальных изданиях, журналистом в областных профильных журналах, главным редактором одной из подольских газет. Со школьных лет мечтала стать переводчиком с английского, но не сложилось, решила попробовать реализовать мечту, но уже с итальянским языком, изучением которого увлекалась несколько лет назад. Прослушала три практических курса под руководством Анны Ямпольской в школе художественного перевода «Азарт». Окончила курс дополнительного образования по специальности «перевод в сфере профессиональной коммуникации» под руководством Натальи Колесовой в Санкт-Петербургском государственном университете. Перевод занял второе место в номинации «итальянская проза» (2023)

ИТАЛЬЯНСКАЯ ПОЭЗИЯ

Франческо Мария Пиаве (1810-1876) и Арриго Бойто (1842-1918) «Симон Бокканегра» (1881). Предлагаемый отрывок написан Бойто для редакции 1881 г.

Plebe! Patrizi! Popolo
Dalla feroce storia!
Erede sol dell'odio
Dei Spinola e dei D'Oria,
Mentre v'invita estatico
Il regno ampio dei mari,
Voi nei fraterni lari
Vi lacerate il cuor.

Piango su voi, sul placido
Raggio del vostro clivo
Là dove invan germoglia
Il ramo dell'ulivo.
Piango sulla mendace
Festa dei vostri fior,
E vo gridando: pace!
E vo gridando: amor!

А. Бойто. Симон Бокканегра (1881)

Плебеи и патриции!
Наследники злой доли!
Плели Спинола козни
И Дориа. Доколе?
Хоть манит гладь бескрайняя,
Зовёт к свершеньям море,
Пенатам вы на горе
Пролить готовы кровь.
Рыдаю: солнцем залиты
Холмы у вод залива,
Но втуне клонит ветви
Цветущая олива.
Рыдаю: ток зефира
Не мил, ни вид цветов.
И я взываю: мира!
И я зову любовь!

Перевод Ирины Ачкасовой (achkasovairina@bk.ru). Живет в Ростове-на-Дону. Окончила романо-германское отделение филологического факультета и магистратуру по специальности «международные отношения». Перевод занял первое место в номинации «итальянская поэзия» (2023)

***

Плебеи! Патриции! Пасынки
Немилосердной истории!
Наследие ваше – ненависть
Кланов Спинола и Д'Ория,
Мáнит, зовет вас радостно
Щедрое царство морское,
Вы же в братских покаях
Рвете другу другу сердца.

Плачу о вас, о благостном
Спокойствии вашей нивы
Где прорастает напрасно
Веточка оливы.
Плачу над славой мнимой,
Над ложью поступков и слов,
Иду, восклицая: мира!
Да здравствуют жизнь и любовь!

Перевод Марины Германовны Курноскиной (tourplus@mail.ru, VK: [kurnoskina144](https://vk.com/kurnoskina144)). Родилась и проживает в Саратове. Окончила СГУ имени Н. Г. Чернышевского и Саратовский учебный авиационный центр имени Ю. А. Гагарина по специальности пилот вертолета МИ-2. Работала учителем, журналистом, специалистом по рекламе и связям с общественностью, переводчиком, директором туристического агентства. В издательстве «Питер» вышла книга о туризме «Искусство путешествовать без проблем и лишних расходов». Печаталась в журналах «День и ночь» и «Урал». Данный перевод занял третье место в номинации «итальянская поэзия» (2023)

**Фрагмент (акт 1, сцена 12)
музыкальной драмы Франческо
Марии Пиаве (1810-1876) и Арриго
Бойто (1842-1918) «Симон
Бокканегра» (1881). Музыка
Дж. Верди**

Плебеи и патриции,
Злом полнится история!
Вы в ярости – наследники
Домов Спинолы-Дориа*.
О братья, ваших подвигов
Морская ждёт держава!
Но вам, увы, по нраву
Себе сердца язвить.
О ваших судьбах плачу я
На скалах над приливом,
Где прорасти пытается
Несмело ветвь оливы**.
Над знатным плачу пиром,
Надменностью в крови!
Я призываю к миру!
Взываю я к любви!

* Два знатных соперничавших за власть в Генуе

**Ф.М.Пиаве, А.Бойто.
Симон Бокканегра**

О чернь! Патриции! Племя
Наследников войн и вражды!
Жестокое выбрали время
Д'Ориа и Спинолы сыны,
Покуда восторгом и счастьем
Влечёт вас даль моря широкого,
Разрывается сердце на части
От братского зова далёкого.
Что ж, плачь! Недоступно
прекрасен
Тот край тихих склонов и нив,
Лучом заходящим напрасно
Согреты там ветви олив.
Я плачу о призрачном бале
Цветущих без вас садов.
И кричу я в тоске и печали:
«О мир! О любовь!»

*Перевод Натальи Ивановны Юренко
(Ta-toshka.yurik@mail.ru,
<https://vk.com/id22017349>). Живет в
Ростове-на-Дону, по профессии
музыкант, работает дирижером-*

семейства. – Прим. пер.

** Оливковая ветвь – библейский символ мира. –
Прим. пер.

Перевод Ольги Матвиенко
(matvizar@gmail.com), доцента кафедры
зарубежной литературы Донецкого
государственного университета. Перевод
занял второе место в номинации
«итальянская поэзия» (2023)

**хормейстером Ансамбля песни и
пляски Южного военного округа,
преподает в Ростовской
государственной консерватории имени
С. В. Рахманинова. Перевод занял
третье место в номинации
«итальянская поэзия» (2023)**

Ария Симона Бокканегры

Либретто Ариго Бойто для оперы Джузеппе Верди «Симон Боканегра»

Братья! Плебеи! Патриции!
Имя вам всем – крамола!
Дети кровавой традиции
Дория и Спинола!

Вас одарил творец
Синего моря богатствами,
Только не чувствами братскими –
Нет их у ваших сердец.

Плачу над вами я в скорби –
Земли щедры и красивы,
Только напрасно вам голуби
Ветви несут из оливы.

Плачу над пышной лживостью
Праздничных ваших цветов.
Я умоляю вас: милости!
Я возвещаю: любовь!

Перевод Марины Челаукиной (strekoza.22@mail.ru). **Марина Владимировна Челаукина** (творческий псевдоним – **Марина Туманова**) родилась 16.02.1987 в городе Ядрин Чувашской Республики. В 2004 году окончила Ядринскую национальную гимназию с золотой медалью, в 2009 — юридический факультет Чувашского государственного университета им. И. Н. Ульянова с красным дипломом. С 2009 года сотрудник судебной системы Чувашской Республики. Занимается творчеством с раннего детства, получила ряд наград республиканского уровня: в 2013 году удостоена благодарности за участие в конкурсе литературного творчества молодых «Открываем новые имена», в 2017 — один из победителей республиканского конкурса «Поэты среди нас», в 2022 году выпустила первый сборник стихов «Первый шаг». Стихи неоднократно публиковались в сборниках поэзии Чувашской Республики «Семь поэтов», сборниках «Майское настроение», а также в сборнике стихов, посвященном юбилею чувашского писателя и просветителя И. Я. Яковлева. В 2022 году стала одним из победителей республиканского литературного конкурса «Открываем новые имена»; в 2022 и 2023 — одним из победителей всероссийского литературного конкурса «Поэзия Красного Города» (Йошкар-Ола), в 2023 — победителем и обладателем гран-при всероссийского литературного конкурса имени А. Л. Чижевского (Калуга). В 2023 году получила премию имени В. П. Астафьева, в 2024 заняла III место во всероссийском литературном конкурсе «Под небом рязанским», III место в международном литературном конкурсе «Славянская лира» (Минск, секция перевода), I место во всероссийском литературном конкурсе переводчиков Your Version (Волгоград), а также выиграла международный литературный конкурс «Осенние сверчки» (Болгария). Данный перевод занял второе место в номинации «итальянская поэзия» (2023)

ПЕРЕВОДЫ С ВЕНГЕРСКОГО, ТУРЕЦКОГО, АРАБСКОГО

БЕИГЕРСКАЯ ПРОЗА

Aradi Péter: A csend, amire vágytál (részlet)

7.

„Megint kikapott a válogatott” – morogta magának Zsolt, az egyik kollégám. „Sima vereség, a második félidőben még csak kapura lövésünk sem volt” – folytatta. Azt sem tudtam, hogy előző este meccs volt. „Minek ezeknek az a rengeteg stadion.” Néhányan kicsit feszengeni kezdtek az irodában. Az egyik kollégánk fel is állt, hogy ő akkor most elszív egy cigit. Senki nem válaszolt. Pár másodpercig csend volt, aztán újra Zsolt szólalt meg. „Tessék, baszd meg, a kormánypártok megint leszavazták az ügynöklisták nyilvánosságra hozatalát is. Hanyadik alkalom volt ez már? A tizennyolcadik, a huszadik? A Balaton mellett meg folytatják a nádas irtását, miközben hogy, hogy nem a miniszterelnök haverja megint bevásárolt pár milliárdért a környéken.” A héten éppen azon dolgoztunk, hogyan tegyük befogadhatóbbá, hogy az állam többszáz milliárdot – nem milliót: milliárdot – készül elkölteni a Balatonnál. Kicsi odafigyeléssel ki lehetett találni, hova és kinek ment a lóvé. Mire Zsolt végzett a hírekkel, ketten maradtunk bent, az iroda kiürült, mindenkire most tört rá a légszomj. Zsolt se lehetett egyébként sokkal idősebb, mint én, de hát, nem sokat beszélgettünk.

„Te, Zsolt, figyelj már, téged nem zavar, ami itt megy?” – kérdeztem tőle, miután elcsendesült. „Mire gondolsz?” „Nem tudom, ez az egész? Hogy még azt a széket is kilopják alólunk a miniszterelnök haverjai, amin éppen ülünk. Mi meg, baszki, mi meg azon dolgozunk, hogy mindezt úgy kommunikáljuk, mintha minden azért történne, hogy az embereknek, a népnek, a keményen dolgozó kisembereknek jobb legyen.” Zsolt egy pillanatig csak nézett, aztán bizalmasan közelebb hajolt hozzám a billentyűzete fölött. „Ja, hogy az? Csak nem megint magamban beszéltem?” – bólintottam neki. „Mit tehetnénk ellene?” – kérdezte aztán. „Hát én” – mondtam volna, hogy nem tudom, de Zsolt közbevágott. „Ez most egy olyan beszélgetés?” Most meglepett. „Milyen beszélgetés?” – kérdeztem kíváncsian. „Olyan szervezős beszélgetés?” – kérdezte, és mintha hirtelen megcsillant volna valami a tekintetében. „Hát, tudod, olyan szervezős. Nem egyszer láttalak véresen besétálni az irodába.” Még mindig nem teljesen értettem. „Tudod, a klubba, aminek az első szabálya, hogy senkinek ne beszélj róla.” „Mi? Nem, dehogyis, haver, ez a valóság. Itt nincsenek klubok.” „Ó, hát akkor mindegy” – mondta, és csalódottan hátradőlt.

„Na – noszogattam tovább –, nem akarnál egy olyan helyen élni, ahol nem néznek folyton hülyének, ahol nem próbálják állandóan hajlítgatni a valóságot, ahol nem lépnek a nevedben minden átkozott nap háborúba valami homályos háttérhatalom ellen? Egy olyan helyen, ahol nem kéne szarul érezned magad, mert el mered mondani, hogy szarul játszott az úgynevezett nemzeti csapat? Ahol nem kell félned, ha

elmondod a véleményed?” „Ó, én csak elücsörgök itt – nézett rám laposan –, megcsinálom, amit rám bíztak, felveszem a fizetésem, és elmegyek haza. Nemrég született meg a gyerek, nekem tökéletesen megfelel itt.” „Mi?” – ez aztán a fordulat, vajon ki akar farolni máris. – „Ja, várj, várj, nem készül rólad jelentés, nyugi” – nem voltam benne biztos, hogy sikerült meggyőzőm. „Nem értelek – mondta aztán –, abból a székből neked se kéne ilyen kérdéseket feltenned, ha tesztelsz, ha nem.” Egy kicsit elgondolkodott. „Nekem minden okés így, semmi felelősségem, nincs miért aggódnom. Kibekkelek mindent” – tette hozzá. „Szerintem most ez a legjobb, amit tehetsz, vársz, és kibekkelsz.” Sóhajtottam egyet, és visszadőltem én is a székben. Lassan szivárogtak vissza az emberek. Először bedugták a fejüket, hogy tiszta-e a levegő. Gyáva irodapatkányok. Nem sokkal később az udvaron cigiztem, és azon gondolkodtam, amiket Zsolt mondott. Felhívtam Gabit. „Tudtad, hogy tegnap meccs volt?” – kérdeztem. „Nem én, fingom sem volt.” „Nem is olvastál híreket?” „Haver, mi van veled, most keltem fel.” „Ja, semmi, csak, nem tudom. Emlékszel, hogy kivoltam a múltkori balhé után?” „Ja igen, emlékszem, persze, hogy ne emlékeznék.” „Na, most mégis benne vagyok, menjünk és csináljuk!” – mondtam. „Ez a beszéd. Mindenki más megbaszódhat. Olyanok leszünk, mint Robin Hood meg, hm, Robin? Nem, az nem adja ki. Mint Robin Hood meg a Kicsi John. Csak a gazdag hülyéktől veszünk el, aztán elbulizzuk az egészet. Ráadásul pont annyira buzis is, amennyire kell. Vagy mint a Sobri Jóska vagy a Rózsa Sándor. Vagy, mint a Tini Nindzsa Teknőcök. Vagy tudom már, olyanok leszünk, mint a Viszki. Kár, hogy nem lehet minden helyszínen otthagyni egy fél ekit. Mennyire király lenne már, nem?” Nehezen hittem el, hogy csak most ébredt fel, úgy fosta a szót. A lelkesedése mindenesetre rám is átragadt. „Tudod, ahogy régen megbeszéltük, olyan kilátástalanok itt már a hétköznapiak, hogy nem tehetünk semmit. Jó buli lesz.” Várt egy kicsit. „Este mit csinálsz?” „Nincs tervem.” „Ez az, erről van szó.”

Аради Петер. Желанная тишина (отрывок)

– Национальная сборная снова проиграла, – проворчал себе под нос Жолт, один из моих коллег. – Полный разгром, во втором тайме у нас даже не было возможности ударить по воротам, – продолжил он.

Я и не знал, что накануне вечером была игра.

– Ну и зачем столько стадионов?

Люди в офисе немного напряглись. Один наш коллега даже поднялся, чтобы выкурить сигарету. Никто не ответил. На несколько секунд повисла тишина, затем Жолт заговорил снова.

– Да ну, к чёрту, правящие партии снова проголосовали против раскрытия списков агентов. В который раз уже? Восемнадцатый, двадцатый?

Рядом с озером Балатон продолжается уничтожение камыша, а приятель премьер-министра опять делает закупки в этом районе на несколько миллиардов.

На этой неделе мы работали над тем, как представить в выгодном свете тот факт, что государство собирается потратить сотни миллиардов – не миллионов, миллиардов! – на озеро Балатон. Кто-то достаточно внимательный, легко понял бы, куда и кому ушли деньги. К тому времени, когда Жолт закончил с новостями, мы остались вдвоём, офис был пуст, всем срочно понадобилось на воздух. Жолт, по всей видимости, был ненамного старше меня, но мы с ним почти не общались.

– Послушай, Жолт, тебя совсем не смущает то, что здесь происходит? – спросил я его, когда он замолчал.

– Что ты имеешь в виду?

– Я не знаю, всё это? То, что даже стулья, на которых мы сидим, у нас крадут приятели премьер-министра. И мы, чёрт возьми, работаем над тем, чтобы выставить это так, будто всё происходит для того, чтобы народу лучше жилось, во благо маленьких трудолюбивых людей.

Жолт мгновение смотрел на меня, а затем доверительно склонился ко мне над своей клавиатурой.

– Ах, это? Я что, опять сам с собой разговаривал? – Я кивнул. – Что мы можем с этим поделать? – спросил он.

– Ну, я... – планировал я ответить, что не знаю, но Жолт прервал меня.

– Это сейчас *тот самый* разговор?

Теперь он меня удивил.

– В смысле? – спросил я с любопытством.

– Такой *вербовочный разговор*? – спросил он, и вдруг что-то промелькнуло в его глазах. – Ну, знаешь, такой вербовочный: «Я не раз видел, как тыходишь в офис весь в крови». – Я всё ещё не до конца понимал. – Ну, знаешь, клуб, первое правило которого – никому не рассказывать о клубе?

– Что? Нет, конечно нет, чувак, это реальность. Здесь нет клубов.

– О, тогда ладно, неважно, – сказал он, разочарованно откидываясь на спинку стула.

– Итак, – продолжал я, – хотелось бы жить в месте, где ты не выглядишь глупо постоянно, где не пытаешься исказить реальность, не сражаешься каждый чёртов день против какой-то непонятной силы на фоне? В месте, где не нужно чувствовать себя паршиво из-за того, что смеешь говорить, что так называемая национальная сборная сыграла паршиво? Где не нужно бояться высказывать своё мнение?

– О, я лучше останусь здесь, – он пристально посмотрел на меня. – Я сделаю то, что мне велено, получу свою зарплату и пойду домой. У меня недавно родился ребенок, и меня всё вполне устраивает.

– Что? – после этого поворота событий он собрался уходить. – Ой, подожди, подожди, на тебя нет доклада, расслабься! – я не был уверен, что мне удалось его переубедить.

– Я тебя не понимаю, – сказал он тогда. – Ты не должен задавать подобные вопросы с этого стула, независимо от того, тестируешь меня или нет. – Он ненадолго задумался. – В любом случае, у меня всё хорошо, я не несу никакой ответственности, мне не о чем беспокоиться. И я вот что тебе скажу, – добавил он, – я думаю, что лучшее, что ты можешь сделать прямо сейчас, это не рыпаться и наблюдать.

Я вздохнул и откинулся на спинку стула. Люди медленно возвращались. Сначала они просунули головы, чтобы убедиться, что горизонт чист. Трусливые офисные крысы.

Позже я курил во дворе и думал о том, что сказал Жолт. Я позвонил Габи.

– Ты знал, что вчера была игра? – спросил я.

– Нет, я не знал.

– Ты даже новости не читал?

– Чувак, что ты несёшь, я вообще-то только встал.

– Да ничего, просто я не знаю... Ты помнишь, каким я был после той ночи?

– О да, я помню, конечно, хотя так я бы, пожалуй, не вспомнил.

– Ну, теперь я в деле, давай пойдём и сделаем это! – заявил я.

– Вот это речь! Все остальные могут разойтись! Мы будем как Робин Гуд и, гм, Робин? Нет, не так. Как Робин Гуд и Маленький Джон. Мы просто отбираем у богатых дураков, а затем развлекаемся. Это и правда должно быть весело настолько, насколько вообще возможно. Или как Йоска Собри или Шандор Рожа. Или как черепашки-ниндзя. Или нет, я знаю, мы будем, как шотландцы. Жалко, что нельзя оставить половину экю в каждом месте. Как это было бы круто, правда?

Мне было трудно поверить, что он только проснулся, из-за того, как он говорил. Во всяком случае, его энтузиазм передался мне.

– Знаешь, как мы уже давно обсуждали, здесь всё настолько безнадежно, что мы ничего не можем сделать. Так что будет весело.

Он немного подождал.

– Что ты делаешь сегодня вечером?

– У меня нет планов.

– Вот и отлично!

Перевод Ольги Воронковой (voa.15@mail.ru). Окончила филологический факультет Донецкого национального университета (специальность «Фундаментальная и прикладная лингвистика»), занимается переводом для удовольствия, так как основной род деятельности со специальностью связан незначительно. Перевод занял второе место в номинации «венгерская проза» (2023)

БЕНГЕРСКАЯ ПОЭЗИЯ

Kemény István: Remény

Láttam az egészet, és tudtam, hegyen állok,
a részletek halkán zúgtak odalent,
idefenn most egyik se hiányzott.
Kérdezni jöttem fel, de a jósnő
hazament a lázas kisfiához.

A kérdésemet lepöcköltem a szakadékba,
pattogva tűnt el, pedig nagy volt:
a törhetetlen üveg maradéka.
Csak a szívem kérdezgette halkán:
kedves vérem, hova lesz a séta?

Azelőtt ilyenkor kétségbeestem,
mert innen már csak lefelé van út,
és idáig nem jár le az Isten.
De most itt volt, és ő kísért le később:
egy szó nélkül ballagtunk le ketten.

De ez a végén lesz, itt még csak állok,
és érzem, ahogy elkezdek nevetni:
hogyan lettem én ennyire magányos,
és hogy teljes képtelenség, félreértés,
de ez mégse lesz már soha máshogy.

2013

Иштван Кемени. Надежда

Там внизу, в основании, шепчутся дробы,
Чтобы здесь, на холме, кумулятою зреться;
Я стою одинок, и вопрос мой в утробе,
Ведь хрустального шара ушла ведунница,
У нее то ли сын, то ли дочка в ознобе.

В пустоту его брошу – услышу хлопок, –
Мой вопрос – как большой и небьющийся шпат;
Это всё, что осталось из целого впрок,
Вот и сердце кровь спросит: —Пойдем, или пат;
—Но отсюда лишь вниз, а внизу есть ли Бог?

Он туда не пойдёт – не Ему под уклон, –
Был я в прошлом уже безнадегою крыт:
Дуй на воду, когда обожгло молоком;
Ну а что как сегодня иначе решит?
И без слов позовет снизойти с Ним вдвоем?

Так и будет наверно к финальной черте,
А в текущий момент только я здесь под солнцем;
Как выходит, что люди друг другу – не те?
Замираю – и слышу, что кто-то смеется...
Сам с собой. Напишите «Один» на плите.

Перевод Дмитрия Буракова (buov@yandex.ru). Родился в 1979 году в Челябинске, переезжал по отцовым местам службы, в 2001 году окончил мехмат МГУ. Лауреат нескольких поэтических конкурсов. Победитель Конкурса перевода им. Э.Л. Линецкой (Пушкинского Дома) 2023 года. Публиковался в альманахах, сборниках. Живет в Москве, за седьмым холмом. Перевод занял первое место в номинации «венгерская поэзия» (2023)

Иштван Кемени. Надежда

Видел всё это и знал, на вершине стою я,
рокот подробностей слышится издали —
сверху я не упустил ни одной детали.
Пришёл, чтоб задать свой вопрос, но вещунья
спустилась домой — её мальчика лихорадило.

Я взял свой вопрос и швырнул его в бездну,
он хлопнул и сгинул, хоть был необъятен:
стеклянная глыба рассыпалась, треснув.
Лишь сердце моё осторожно спросило:
кровинушка, где предстоит нам прогулка?

До этого я бы в отчаянье бился,
отсюда единственный путь — только вниз,
и до сих пор ко мне бог не явился.
Но теперь он был здесь, он шёл следом и позже:
не промолвив ни слова, со мною спустился.

Всё случится потом, а пока здесь стою я
и чувствую, как начинаю смеяться:
угораздило же стать таким одиноким,

несусветная чушь, это невероятно...
но уже никогда не случится иначе.

Перевод Вероники Сурняевой (nika-sura@mail.ru). Живет в Санкт-Петербурге. Поэт, журналист. Шеф-редактор в Яндекс Практикуме, создатель и главный редактор журнала «Тезис». Окончила Санкт-Петербургский государственный университет кино и телевидения и магистратуру Европейского университета по культурной антропологии. Участник Форума молодых писателей (2014, 2015, 2017, 2019), Совещания молодых писателей (2014), конкурса художественного перевода им. Э. Л. Линецкой (2021, 2022, 2023). Перевод занял третье место в номинации «венгерская поэзия» (2023)

ТУРЕЦКАЯ ПРОЗА

ÖMER ZÜLFÜ LIVANELI. KARDEŞİMİN HİKAYESİ (2013)

Hangi sözlerini yerine getirmediğini sordu. Ben de onun bana sorduğu soruların karşılığında benim de sorma hakkım olduğunu ama onun bu kurala tam olarak uymadığını, her şeyi anlatmadığını söyledim. Altdudağı sarktı, yüzüne bir umutsuzluk gölgesi vurdu. “Sorularınızı yanıtladım aslında” dedi gücenik bir sesle.

“Ama eksik bıraktınız, sizin sorduğunuzdan çok daha az soru sormama izin verdiniz” dedim. Bir süre yüzüne bakıp devam ettim: “Anlaşmayı bozdunuz ama yeniden düzeltebiliriz. Size Svetlana’yı ve o evin içini anlatabilirim.

Bir şartla... Eğer aksam yemeğini benimle yerseniz.”

Bir an durdu, karar veremediği belliydi. Bunun üzerine zaten o akşam Podima’dan bir yere gidemeyeceğini, nasıl olsa yemek yiyeceğini, yemek sırasında konuşmamızın çok makul bir öneri olduğunu söyledim. Hem nerede kalacaktı, düşünmüş müydü bunu?

“Yok, henüz düşünmedim” dedi. “Haberin heyecanıyla böyle pratik şeylere kafa yormadım, nasıl olsa küçük bir otel ya da pansiyon vardır.”

“Var” dedim. Bakkalı gösterdim, onun üst katında kalabileceğini söyledim. O sırada telefonu çaldı.

“Geciktim, bu gece gelemiyorum anne” dedi. “Bir haber peşindeyim, Podima’da kaldım, bir pansiyon buldum burada. Tamam anne, merak etme, bir şey olmaz. Tamam, yemeğimi yerim, yarın sabah da ararım, hadi kapatmam lazım şimdi. Oldu.” Sonra yine “Oldu, tamam, tamam anne, olduuu, öptüüüüm” sözleriyle bir dakika daha geçti. Belli ki kadın sıkı tembih geçiyordu.

Neyse sonunda yine “Oldu, öptüm!” sözleriyle telefonu kapatabildi. Konuşma sırasında evin kapısını açmıştım, orada öylece bekliyorduk. Bitince, “Buyurun” dedim, itiraz etmedi, içeri girip mutfağa gittik.

“On dakika içinde nefis bir yemek hazırlayacağım” dedim. “Siz bu arada kitaplara bakın isterseniz. Fazla sürmez. Harika bir foie gras var, bir de beyaz şarap açacağım.”

“O da ne?” dedi.

“Foie gras, yani kaz ciğeri” dedim. “Fransa’dan geliyor. İstanbul’daki bazı marketlerde bulmak mümkün. Çok sevilen bir şeydir. Tek başınayken bunu soframa koymam doğru değil. Misafir de gelmiyor.”

Pek ilgilenmeyerek omuz silkti, yan odaya geçti. Belki kitaplara göz atmak istemişti.

Tost makinesinde iki dilim ekmek kızartırken, dolaptan Mehmet’in bir seyahatten elleri kolları dolu gelirken getirmiş olduğu foie gras konservesini aldım, açtım.

İki tabağa birer parça koydum. Bu arada iyice soğutulmuş şişeden iki kadehe şarap doldurdum. Foie gras’ın yanına incir reçeli eklemeyi de ihmal etmedim. Sonra kızı sofraya çağırdım. Gelip oturdu, önündeki yemeğe eksi bir suratla baktı. “Bu mu o dediğiniz yiyecek?” diye sordu.

“Evet!” dedim.

Masadaki incir reçeline baktığını fark ettim. Gözlerinde soru ifadesi vardı, ama herhalde bana sormak istemiyordu. Kaz ciğerinin yanına bu reçelin yakıştığını söyleyip, nasıl yenmesi gerektiği yönünde tavsiyemi anlatmaya başladım. Bir yandan da anlattıklarımı uygulayarak, bıçakla bir parça reçel aldım ve kızarmış ekmeğin üstüne sürdüm. O da bu arada önündeki şarap kadehinden bir yudum içti, yine yüzünü buruşturdu. Hazırladığım dilimi ona uzatırken, çok beğeneceğini iddia ettim. Şüphe ettiğini belli eden bir tavırla aldive reçelli dilimi adeta bir süre seyretti. Sonra kuşkuyla ısırıldı, bir an tadını anlamaya çalıştı, sonra peçetenin içine tükürdü. “Bu ne be!” dedi. “Kahverengi bozuk tereyağı gibi, iğrenç bir şey. İıııgg!”

Gerçekten midesi bulanmış gibiydi. İstemedem güldüm. Ağzındaki tadı gidermek için bir yudum daha şarap aldı ama onu da beğenmedi. “Bu da gazoz gibi bir şey ya! Şaraba benzemiyor. Siz hep bunları mı yer içersiniz?”

“Ne bileyim” dedim. “Millet aklını oynatıyor foie gras yemek için. Hele iyi bir Fransız markasından.”

“Aman ne güzel!” dedi. “Afiyet olsun onlara ama iğrenç bir şeymiş.”

“Şimdi” dedim, “ne yapayım bilmem ki. Nasıl şeyler yersiniz, evde pek bir şey yok.”

“Şart değil” dedi. “Peynir ekmek bile olur.”

Yine güldüm. Yüzüme tuhaf tuhaf, ne gülüyorsun der gibi baktı.

“Bendeki peynirlere de aynı tepkiyi gösterirsiniz” dedim. “Ben size bakkaldan bir şeyler alayım. Sandviç olur mu?”

“Olur tabii ama bunlarla vakit kaybetmeyelim” diye sabırsız bir ifadeyle konuştu. “Gazeteye haber geçeceğim. Yemeği filan boş verin de anlatın.”

“Yoo” dedim, “sözünüz var. Yemekten sonra anlatırım ama şimdi sizi birkaç dakika yalnız bırakacağım.”

Kaşarlı, sucuklu bir sandviç hazırlamak için bakkala gittim. Ortalığa yaz akşamının ılık yumuşaklığı çökmüştü, dalgaların sesi daha çok duyuluyordu. Bakkala yürürken, oradan geçen balıkçılardan birinin “Yarın fırtına var” dediği çalındı kulağıma. Demek onun için dönüyordu balıkçı tekneleri. Garip bir şey ama

fırtınadan önceki akşamlar alabildiğine sakin, ılık ve hoş olurdu. Bu da o akşamlardan biriydi iste. Kır bıyıklı bakkal “Misafiriniz var galiba!” dedi.

“Epey bekledi kapıda kızcağız.”

“Evet” dedim. “İstanbul’dan gelmiş bir gazeteci. Hani şu cinayet olayı var ya!”

Омар Зюльфию Ливанели. Жизнь моего брата (фрагмент романа)

Девушка спросила, какие же обещания она не сдержала. Пришлось напомнить, что в обмен на вопросы, которые она мне задавала, я имел право и ей задать вопросы, но она нашу договорённость нарушила и рассказала не всё. Её нижняя губа задрожала, и на лице появилось выражение отчаяния.

– Я на все ваши вопросы полностью ответила, – обиженно произнесла она.

– Но вы ушли, и мне не удалось задать вам столько же вопросов, сколько вы задали мне, – сказал я. Какое-то время я продолжал смотреть прямо ей в лицо. – Вы нарушили наш договор, но мы можем всё исправить. Я могу рассказать вам о Светлане и о том доме. С условием, что.... Что сегодня вечером вы со мной поужинаете.

Она замерла, не зная, что предпринять. Тогда я сказал, что этим вечером из Подимы уже не уехать, что ей всё равно нужно поужинать и что мы вполне можем поговорить за едой.

И, кстати, она уже решила, где остановиться на ночь?

– Нет, ещё не решила, – сказала она. – Вы меня своими новостями так взволновали, что я даже не подумала о таких нужных вещах. Но наверняка здесь есть маленький отель или хостел.

– Есть, – согласился я и показал на бакалейную лавку. – Можете снять комнату на верхнем этаже.

Тут у неё зазвонил мобильник.

– Я задержалась, сегодня не приеду, мам, – сказала она. – Тут такие новости! Я осталась в Подиме, уже нашла хостел. Хорошо, мам, не беспокойся, всё будет нормально. Хорошо, поужинаю, утром тебе позвоню. Всё, отключаюсь!

Потом больше минуты она повторяла «Всё, хорошо, да, мама, всёёё, целуууую» – женщина на том конце провода, очевидно, давала дочери всевозможные наставления.

Наконец, сказав в последний раз «всё, целую», она сумела закончить разговор.

Пока она разговаривала, я отпер дверь, и теперь мы стояли на пороге. Я сказал:

– Прошу!

Она не стала возражать, вошла в дом, и мы пошли на кухню.

– Через десять минут я приготовлю нам вкусный ужин, – сказал я. – А Вы пока можете посмотреть книги. Я скоро. Есть отличный фуа-гра, а к нему – бутылка белого вина.

– Отличный что? – спросила она.

– Фуа-гра, это такой паштет из гусиной печени. Его привозят из Франции. В Стамбуле можно найти лишь в некоторых магазинах. Очень знаменитая вещь. Когда я один, я такое на стол не ставлю. А гостей у меня не бывает.

Ей это было не особенно интересно: она пожала плечами и пошла в другую комнату. Может, действительно захотела взглянуть на книги.

Я положил в тостер два куска хлеба, а из буфета достал баночку фуа-гра – мне его полным-полно привёз Мехмет из поездки.

Открыл баночку.

Взял две тарелки, положил на каждую немного фуа-гра. Из хорошо охлаждённой бутылки налил два бокала вина. Не забыл варенье из инжира. Затем пригласил девушку к столу. Она подошла, села и неодобрительно посмотрела на стоящую перед ней тарелку.

– И это вы называете едой? – спросила она.

– Да, – ответил я.

Я заметил, что она смотрит на инжировое варенье. На её лице появилось вопросительное выражение, но спрашивать меня она, по всей видимости, не хотела. Я сказал, что это варенье отлично сочетается с фуа-гра, и стал показывать, как его есть: намазал ножом немного варенья на тост с фуа-гра. Она немного отпила из стоящего перед ней бокала и поморщилась. Я протянул ей намазанный тост и сказал, что ей понравится. Она взяла тост и какое-то время смотрела на него с большим сомнением. Затем осторожно откусила кусочек, подержала его во рту и выплюнула на салфетку.

– Что это за гадость? – воскликнула она. – Будто коричневое масло, да ещё и испорченное! Фу, буэ!

У неё был такой вид, словно её и вправду вот-вот стошнит. Я невольно рассмеялся. Чтобы избавиться от привкуса фуа-гра, девушка сделала глоток вина, но и оно ей не угодило.

– Прямо как содовая! На вино совсем не похоже. Вы всегда такое пьёте и едите?

– Да, – сказал я. – Люди по фуа-гра с ума сходят. Особенно если он от хорошего французского бренда.

– Ну и пусть себе сходят, – ответила она. – Приятного им аппетита, а по мне так отвратительная штука.

– Теперь, – признался я, – я не представляю, что мне делать. Вряд ли у меня есть привычная для вас еда.

– Да и не надо, – сказала она. – Сыра с хлебом будет достаточно.

Я снова рассмеялся. Она посмотрела на меня, будто хотела спросить, над чем я смеюсь.

– На мои сыры у вас была бы точно такая же реакция, – объяснил я. – Я сейчас схожу к бакалейщику. Сэндвич подойдёт?

– Да, но давайте не будем тратить времени, – с нетерпением сказала она. – Мне надо сообщить новость в газету. Забудьте, наконец, про еду и рассказывайте.

– Нет уж, вы дали слово. Я расскажу после ужина. А пока разрешите вас оставить на несколько минут.

Я пошёл к бакалейщику за сэндвичем с твёрдым сыром и колбасой. Стоял тёплый, мягкий летний вечер, шум волн усилился. По пути в лавку я услышал от проходящих мимо рыбаков: «Завтра будет шторм». Вот поэтому рыбацкие лодки и возвращались к берегу. Странно, но перед штормом вечер всегда выдаётся тёплым, спокойным, уютным. Как, например, сегодня.

– Похоже, у вас гостья, – сказал седоусый бакалейщик. – Девочка вас под дверью долго ждала.

– Да, – подтвердил я. – Приехала журналистка из стамбульской газеты. Это из-за того убийства.

Перевод Евгении Витальевны Зиминой (ezimina@rambler.ru). Преподаватель Костромского государственного университета. Переводит с английского, польского и немецкого языков, в основном специальные тексты по ювелирному производству и деревообработке, а также финансовую документацию. Турецкий начала изучать для себя как средство борьбы с забывчивостью после перенесенного ковида. Данный перевод занял второе место в номинации «турецкая проза» (2023)

ТУРЕЦКАЯ ПОЭЗИЯ

Ataol Behramoğlu.

YAŞADIKLARIMDAN ÖĞRENDİĞİM BİR ŞEY VAR

Yaşadıklarımдан öğrendiğim bir şey var:

Yaşadın mı, yoğunluğuna yaşayacaksın bir şeyi

Sevgilin bitkin kalmalı öpülmekten

Sen bitkin düşmelisin koklamaktan bir çiçeği

İnsan saatlerce bakabilir gökyüzüne

Denize saatlerce bakabilir, bir kuşa, bir çocuğa

Yaşamak yeryüzünde, onunla karışmaktır

Kopmaz kökler salmaktır oraya

Kucakladın mı sımsıkı kucaklayacaksın arkadaşını

Kavgaya tüm kaslarınla, gövdenle, tutkunla gireceksin

Ve uzandın mı bir kez sımsıcak kumlara

Bir kum tanesi gibi, bir yaprak gibi, bir taş gibi dinleneceksin

İnsan bütün güzel müzikleri dinlemeli alabildiğine
Hem de tüm benliği seslerle, ezgilerle dalarcasına
İnsan balıklama dalmalı içine hayatın
Bir kayadan zümrüt bir denize dalarcasına

Uzak ülkeler çekmeli seni, tanımadığın insanlar
Bütün kitapları okumak, bütün hayatları tanımak arzusuyla yanmalısın
Değişmemelisin hiçbir şeyle bir bardak su içmenin mutluluğunu
Fakat ne kadar sevinç varsa yaşamak özlemiyle dolmalısın

Ve kederi de yaşamalısın, namusluca, bütün benliğininle
Çünkü acılar da, sevinçler gibi olgunlaştırır insanı
Kanın karışmalı hayatın büyük dolaşımına
Dolaşmalı damarlarında hayatın sonsuz taze kanı

Yaşadıklarımın öğrendiğim bir şey var:
Yaşadın mı büyük yaşayacaksın, ırmaklara, göğe, bütün evrene karışırçasına
Çünkü ömür dediğimiz şey, hayata sunulmuş bir armağandır
Ve hayat, sunulmuş bir armağandır insana

1977

Атаол Бехрамоглу. Я знаю этот мир немало дней...

Я знаю этот мир немало дней
И убедился: жить нельзя вполсилы.
Пей аромат цветочный и пьяней,
Целуй до иступленья губы милой.

Чудесно небо – глаз не отвести,
Чудесны море, и дитя, и птица.
Жить на земле – в ней корнем прорасти,
В ее частицу перевоплотиться.

Врага в бою неистово круши
И другом будь до смертного дыханья,
А утомившись, на песок ложись
Песчинкою, листком – а может, камнем.

Гармонии вселенской в лад и в такт
Пускай душа мелодиями вторит.
Доверься жизни без оглядки – так,
Одним прыжком, со скал ныряют в море.

Зовут тебя знакомства и пути.
А сколько книг – за жизнь не прочитаешь!
Но счастье-то смотри не упусти,
Не разменяй на мелочь – прогадаешь.

И горя хватит на веку твоём.
Смеясь и плача – так и не иначе
Мы незаметно для себя растем,
И жарче венам от крови горячей!

Мой опыт научил меня давно:
Живи, как будто небо, горы, реки,
Все в мире сущее и ты – одно.
Жизнь – это дар Вселенной человеку.

1977

Перевод Ольги Матвиенко (matvizar@gmail.com), доцента кафедры зарубежной литературы Донецкого государственного университета. Перевод занял первое место в номинации «турецкая поэзия» (2023)

Из своих испытаний извлек я урок

Из своих испытаний извлёк я урок:
Коль живёшь, так живи в полной мере, сполна,
Должен негою стать ароматный цветок,
И любимая в неге расплыться должна.

Человек может вечно на небо смотреть,
За ребёнком, иль птицей, иль морем следить;
А пускать свои корни настойчиво в твердь –
Значит, слившись с землёй, на Земле этой жить.

Хочешь друга обнять? Горячо обнимай,
Каждым мускулом тела ты страстно борись;
Если в тёплых песках ты лежишь – отдыхай,
Словно камень, песчинка, как будто ты лист.

Человеку мелодий прекраснейших звук
Стоит слушать, себя наполняя до края,
И нырнуть должен в жизнь он стремглав, точно вдруг
В изумрудные воды с утёса ныряя.

Незнакомцы и дали должны увлекать,
Жажда судеб и книг – точно пламя, светить;
Постарайся, чтоб даже в воде была сладость,
А в восторге – мелькало желание жить.

Если честно, и горе ты должен познать:
Как и в счастье, становишься зрел вслед за ним;
Твоя кровь есть движенья вселенского часть;
Обновляя, течёт пусть по жилам твоим.

Из своих испытаний урок я извлёк:
Если жить, то всю, в единеньи, сполна,
В этот мир, как награда, ниспослан наш срок,
Ну а жизнь – это милость, что людям дана.

*Перевод Дарьи Ванюковой (vanykova.darya.24042003@gmail.com), студентки
3 курса Астраханского государственного университета им. Татищева по
направлению «Педагогическое образование с двумя профилями подготовки». Изучает
турецкий и английский языки на факультете иностранных языков. В данном
конкурсе принимает участие второй год. Перевод занял второе место в номинации
«турецкая поэзия» (2023)*

Мне жизнь моя преподавала один урок...

Мне жизнь моя преподавала один урок:
Отдай все силы, проживая каждый час.
Сполна вдохни тот аромат, что подарил цветок,
Свою любимую целуй так, как в последний раз.

Часами в небо ты смотри и не спеши,
Смотри на море и над чаек над волнами,
И слейся с миром каждой клеточкой души,
Врасти в него могучими корнями.

И что есть сил ты крепко друга обнимай,
В бою сражайся телом, нервом и душой.
А на песке горячем вволю отдыхай,
Стань крошечной песчинкой, камешком, листвою.

Услышав музыку, объятая ей открой
И звукам сердце нараспашку отвори.

В пучину жизни прыгни прямо с головой,
Как в изумрудную волну со скал нырни.

За незнакомцами спеши в далёкий край,
Стремись все книги прочитать, узнать людей.
И счастья от глотка воды не обменяй
На все богатства мира – просто вволю пей!

Встречая с честью скорбь и горе, соберись!
От скорби, как от счастья, ты мужаешь.
С круговоротом жизни кровью поделись –
И вечной жизни шум в себе узнаешь.

Мне жизнь моя один урок преподала:
Стань частью неба, слейся со вселенной.
Она тебе в подарок твою жизнь дала –
Верни и ты ей этот дар бесценный.

Перевод Евгении Витальевны Зиминой (ezimina@rambler.ru). Преподаватель Костромского государственного университета. Переводит с английского, польского и немецкого языков, в основном специальные тексты по ювелирному производству и деревообработке, а также финансовую документацию. Турецкий начала изучать для себя как средство борьбы с забывчивостью после перенесенного ковида. Данный перевод занял третье место в номинации «турецкая поэзия» (2023)

АРАБСКАЯ ПРОЗА

احمد الخميسي

لحظة حب

كانت الساعة ماتزال الرابعة والنصف وحازم يمد الخطى من عند شادر السمك القديم إلى مطلع الكوبري، نحيفا في بنطلون أزرق وقميص اهترأت ياقته. موعدة مع شيرين في الخامسة حين تقل حركة السيارات والمرور على الكوبري، حيث يمكن أن يلتقيا من دون تكاليف بطاقات سينما أو مقهى أو حتى حديقة. توقف ينفخ خديه عند الرصيف الذي يجلسان على طرفه متالصقين، يتبادلان ضغوطات الأيدي وكلمات تهوم حول شيء ال يصرحان به. أخيرا لمحها مقبلة وهي تفتش عنه بعينيها. شاهدت ه فلوحت له بكفها مبتسمة

أحبها منذ عامين وهو في السادسة عشرة وهي أصغر منه بعام، من لحظة أن رآها تخرج من باب العمارة المقابلة في بلوزة برتقالي وجونلة بني فاتح. يومئذ توقفت وراحت تدير بصرها في

ما حولها بنظرة وديعة، كأنما تنتظر الإذن من الأرض لتخطو عليها. ما إن شاهدها حتى غمرته بنفسها، كأنه يعرفها من طفولته، فلم يعد به شيء ليس هي. وراحا يلتقيان بعد الانصراف من المدرسة، ويتجوالن في المساء تحت أعمدة النور في الشوارع البعيدة، وذات امرة وهما معا كاد أخوها ان يضبطهما، لكنه لمح وهمس يحذرهما بسرعة، فواصلت السير بمفردها تُوْرَجِح حقيبة صغيرة مدالة من كتفها، حتى لحقها أخوها، ومرت الحكاية بسالم

هاهي شيرين تتوقف أمامه. شعرها مرسل في عقدة وراء رأسها. عيناها تبسمان له. انحنت وجلست على الرصيف. فردت ساقياها أمامها على الإسفلت، ألقت نظرة على وجهه النحيف وعظام وجنتيه البارزة بشحوب التالميذ الذين ال يأكلون حتى الشبع، ثم ارتخت شفتاها نصف مفتوحتين عن نصف أمل، وراحت تسرد عليه أخبار المتحانات المقبلة. قال لها: " قريبا نلتحق بالجامعة ونفعل ما نشاء ". أطرقت لحظة. تخيلت أنهما أنهيها الجامعة ويعمالن ويحصلان على راتب فيلتقيان في كافيه. أخذت تتذكر كم مرة تواعدا على الرصيف، طوت أصابع كفها اليمنى الواحد تلو الآخر تحسب عدد المرات ثم همست: " خامس مرة نلتقي هنا ". أمسك بإصبعها الأصغر وأصقه بشفتيه فأحس حرارة الروح الحية، وارتجف بالرغبة في أن يعيشا ويموتا معا مثل حجر ال ينقسم. حل صمت كأنه الحقيقة، و لم يتمالك نفسه. ضم كتفها بقوة، وطبع على شفتيها قبلة اتقدت من أنفاسها. لم تستغرق القبلة سوى ثوان معدودة، كالبرق، لكنها دوت في سماء القاهرة موضوعا ال ينتهي في البرامج التلفزيونية والصحف وخطب الدعاة في المساجد، بل وبين الركاب في المواصلات. فقد تصادف أن رجال في عمارة مطلة على الكوبري كان في شرفة شفته يتابع اللقاء عن له تصوير القبلة فيديو ونشره على وسائل التواصل. ووصلت القبلة إلى النيابة العامة حين تقدمت إحدى المحاميات ببالغ ضد " شابين ظهرا في فيديو يمارسان فعال منافيا لأداب. مخالفا لقيم المجتمع وتقاليده"، ثم تدخل قسم الشرطة، فدوت " الفضيحة" في "كل مكان بعناوين صارخة " الفسق والفجور في الطريق العام"، " فعل فاضح يهز القاهرة "!! عرف عقوبة الرذيلة"

في اليوم التالي فوجئ حازم مذهوال بشرطيين اثنين يطرقان باب الشقة ويسوقانه إلى القسم في سيارة سوداء كانت تنتظر أمام المنزل، ولم تصدق شيرين وهم يسحبونها من بين أخوتها ما يجري. انفجرت في بكاء عصبي مخبولة وأخوها يلحق بها ويهمس في أذنها: " ال تعودى إلى هنا مرة أخرى". وقف الثنان في قسم الشرطة أمام الضابط. شيرين ترتجف باكية وحازم نحيفا مهتزا مطرقا سيطر عليه يقين مروع أن شيرين ضاعت منه لألبد ولن يكون بوسعه أن يراها . بعد ذلك

مر يومان على التحقيق معهما امتألت الصحف خالهما بالخبار تتابع الفضيحة، وتجمعت فوق الكوبري حلقات الفضوليين والعابرين يعاينون موقع الحدث وبينهم اندس صبيان أصحاب غرز الحشيش تحت الكوبري يتحسسون الأخبار. احتشدوا وقد طوقتهم من كل ناحية رائحة العفن المنبعثة من مقلب الزباله تحت الكوبري. في واحدة من تلك الحلقات وقفت امرأة قصيرة بجلباب أسود تلوح بذراعيها وتصرخ: " ما فعله الولد والبنت ال يمكن السكوت عليه"، ولمحت المرأة غير بعيد عنها صحفيا شابا واقفا وقد تدلت كاميرا من كتفه، فاندفعت نحوه، وكادت أن تسقط على وجهها عندما تعثرت قدمها بشرخ في إسفلت الكوبري الذي قالوا منذ شهرين إنهم أنهوا صيانتته بتكلفة باهظة. توقفت المرأة أمام الصحفي الشاب تهش الناموس عن وجنتيها وتزعق "فساد.. وساخة.. وإجرام "

بانقضاء شهر على حكاية حازم وشي رين شغلت القاهرة أخبار جديدة، وهدأت مطاردة قبلة الحب التي رفرفت على إسفلت الكوبري

Ахмад Аль-Хамиси. Любви один лишь миг

Стрелки на часах едва достигли половины пятого, когда Хазем уже вышагивал от старого рыбного магазина к мосту, худой, в синих штанишках и протертой на вороте рубашке. Он встречается с Ширин в пять, когда на мосту почти нет ни машин, ни людей, и можно побыть вдвоем, не тратясь на кино или кафе. Даже прогулка в парке не была бесплатной. Дойдя до нужного места, он остановился: здесь, на высоком бордюре они обычно сидят рядом, крепко сжимая руки друг друга и мечтая о том, что ни один из них даже не осмеливается облечь в слова. Набрал в щеки воздух, он приготовился ждать, но совсем скоро увидел ее: она шла, высматривая его издали. Поймав его взгляд, она заулыбалась и замахала ему рукой.

Он влюбился в нее два года назад, когда ему было 16, а ей годом меньше, с первого взгляда. Она вышла из соседнего здания и остановилась, робко оглядываясь по сторонам, будто испрашивая разрешения у тротуара ступить по нему. На ней была оранжевая блуза и светло-коричневая юбка. С того самого момента мысль о ней полностью завладела им, ему казалось, будто он знал ее вечно, жизнь без нее не представлялась возможной. Они стали встречаться вечерами после школы, гуляли по отдаленным улочкам под светом фонарей. Однажды их едва не застукал ее брат, благо Хазем первым его заметил, шепнул ей на ухо, и она пошла, словно мимо него, покачивая соскользнувшей с плеча сумочкой, пока брат не поравнялся с ней. Все обошлось.

Вот она снова перед ним, его Ширин, с собранными на затылке в пучок волосами, с улыбкой в глазах. Она наклонилась и села на бордюр, поставив ноги перед собой. На секунду ее взгляд застыл на его бледном лице с впалыми щеками и острыми скулами, какие бывают у регулярно недоедающих молодых людей. Слегка приоткрыв рот, она будто о чем-то мечтательно задумалась, но в следующую секунду уже рассказывала ему про предстоящие экзамены в школе.

– Скоро поступим в университет и будем делать, что захотим, – сказал он.

Она замолчала, вообразив, как они закончат университет и станут работать и зарабатывать, и смогут видеться, сколько захотят. Сколько раз уже они встречались на этом мосту? Она стала загибать пальцы правой руки, подсчитывая.

– Сегодня пятый раз мы с тобой здесь сидим, – прошептала она.

Он взял ее маленькие пальчики и прикоснулся к ним губами. Жар пробежал по его телу. Ему страстно захотелось быть с ней всегда единым целым, словно камень, и вместе умереть. Наступившая тишина словно обращала его мысли в явь. Он не смог удержать порыва, крепко взял ее за плечи и припал губами к ее губам, пьянея от ее дыхания... Этому неожиданному поцелую, длившемуся считанные мгновения, суждено было разнестись в небе над Каиром, заполнив собою телевизионные программы, сводки газетных новостей, проповеди в мечетях и просто досужие городские сплетни. Все это потому, что случилось некоему человеку заснять на камеру этот поцелуй с балкона своей квартиры дома рядом с мостом. Он опубликовал видео в соцсетях, и некая женщина-юрист направила жалобу в прокуратуру на «двух молодых людей, заснятых на видео за непристойным поведением, в нарушение общественных норм и порядка». Затем подключилась полиция, и кричащие заголовки облетели весь город: «Позор!», «Разврат и беспутство на мосту», «Каир содрогнулся от скандального происшествия», «Бесстыдство должно быть наказано!».

На следующий день в дом к Хазему постучали, ошарашенный и недоумевающий, в сопровождении двух полицейских и на черной полицейской машине, которая ждала у подъезда, он был доставлен в участок. Ширин не верила в происходящее, когда за ней тоже пришли. «Больше сюда не возвращайся!» – бросил выбежавший за ней вдогонку один из братьев, когда ее уводили. С ней случился истерический приступ рыдания. В полицейском участке они отвечали вдвоем: Ширин сотрясали душившие ее слезы, а Хазем, хрупкий, стоял молча, оглушенный страшным осознанием: он больше ее никогда не увидит.

Два дня шло разбирательство, ход которого не сходил с заголовков газет. На мосту стали собираться любопытные зеваки, всем хотелось своими глазами взглянуть на «место преступления». Гашишный притон и помойка, вечные спутники скрытого от глаз подмостового пространства, встречали толпу зловонными запахами и снующими туда-сюда наркоманами, охочими

до пикантных сплетен. В одну из таких спонтанных сходов, невысокая женщина в черном хиджабе стала кричать, размахивая руками: «Нельзя молчать! Нельзя молчать о том, что сделали эти двое!» Неподалеку она заметила молодого репортера с камерой, кинулась к нему и чуть было не упала, подвернув ногу на одной из выбоин в асфальте, на ремонт которого, по заявлению властей, два месяца назад была потрачена баснословная сумма из бюджета. Она стала перед камерой и, сгоняя мух с лица, выкрикивала: «Безнравственность!.. Стыд!.. Грех!»

Через два месяца город Каир был занят уже другими новостями, а история Хазема и Ширин, и их единственный поцелуй на мосту, попавший в прицел всеобщего осуждения, были забыты.

Перевод Натальи Ворониной (formyleo@bk.ru). Окончила магистратуру СПбГУ, Восточный факультет, кафедра арабской филологии. Преподает арабский язык в университете Ростова-на-Дону. Художественный перевод — одно из любимейших увлечений всей жизни. Какой бы текст художественной литературы ни попался переводчице в руки, будь то на английском или арабском, — непременно хочется его перевести и по возможности сравнить с официальным переводом. Постоянно переводит «в стол», но надеется, что однажды, благодаря ее переводам, российский читатель откроет для себя прекрасный и непознанный мир современной арабской литературы. Данный перевод занял первое место в номинации «арабская проза» (2023)

АРАБСКАЯ ПОЭЗИЯ

احمد مطر

أمثلة الكائنات

يَلْتَقِطُ الْبَلْبُلُ قُوْتَ يَوْمِهِ

لَكِنَّهُ فَوْقَ الذُّرَا يَشْدُو.

وَهُوَ إِذَا رَاحَتْ فِخَاخُ الصَّيْدِ تَمْتَدُّ

وَاسْتَكَلَبَ الصَّيْدُ

مَدَّ الْجِنَاحِينَ إِلَى

حُرِّيَّةٍ وَاسِعَةٍ لَيْسَ لَهَا حَدٌّ.

وَتَتَّقُلُ الْغَيْمَةُ مِنْ تَحْمِثِهَا

لَكِنَّهَا فَوْقَ الذُّرَا تَعْدُو

وَهِيَ إِذَا صَارَتْ عَلَيَّهَا الرِّيحُ تَسْتَدُّ
وَاسْتَكَلَبَ البَرْدُ
تَحَرَّكَتْ فِي قَلْبِهَا صَاعِقَةٌ
وَضَجَّ فِي شَفَاهِهَا الرَّعْدُ.
وَالوَرْدُ يَحْسُو قُوَّتَهُ تَحْتَ الثَّرَى
لَكِنَّهُ فَوْقَ الدُّرَا وَرْدُ
وَهُوَ إِذَا صَارَ عَلَيْهِ التَّحْلُ يَنْهَدُ
وَاسْتَكَلَبَ الحَصْدُ
لَمْ يَخْشَ أَنْ يُطَلِّقَ صَوْتَ عِطْرِهِ
وَلَوْ جَرَى مِنْ دُونِهِ الشَّهْدُ.
وَأَنْتَ يَا ابْنَ مَوْطِنِي
لَوْلَا خَيَالُ مَعْدَةٍ
تَكَادُ لَا تَبْدُو!
لَا يُوجَدُ النَّقْدُ عَلَى كَفِّكَ
إِنْ لَمْ يَنْعَدِمِ فِي نَعْرِكَ النَّقْدُ.
نَعْرُكَ يَا ابْنَ مَوْطِنِي
مَا هُوَ إِلَّا نَعْرَةٌ
بِالْخُبْزِ تَنْسَدُ!
وَالْخُبْزُ هَذَا خُبْزُكَ الْمَسْرُوقُ
وَالوَاهِبُ هَذَا.. سَارِقٌ وَغَدُ
مِنْهُ عَلَيْكَ الدُّلُّ وَالْجَدُّ
وَمِنْكَ فِيهِ الشُّكْرُ وَالْحَمْدُ!

***

العَبْدُ لَيْسَ مَن طَوَى
قَبْضَتَهُ الْقَيْدُ
بَلْ هُوَ يَا ابْنَ مَوْطِنِي
مَنْ يَدُهُ مُطْلَقَةٌ
وَقَلْبُهُ عَبْدٌ!

Уроки мироздания

Соловей добывает снедь
И поёт высоко над землёй,
Но как только расставят сеть
И охотник возжаждет убой,
Соловей расправляет крылья –
Широкой, свободной дугой.

Тяжелее большая туча,
Паля высоко в небесах,
Но как только поднимется ветер
И настанут кругом холода,
Тут же молнию дарит туча,
И страшно гремит гроза.
Из почвы питается роза,
Над землёй распуская цветки,
Но как только покажутся пчёлы,
Чтобы присвоить труды,
Не тревожится роза потерей,
А напротив – даёт аромат
Ради тех, кто нуждается в ней
И нектара попробовать рад.

Но ты, земляк,
Не ведаешь довольства,
В руке твоей не водится монет.
Уста твои молчат, и в них упрёков нет.
Уста твои, земляк, – всего лишь рот,
Что набивают хлебом.
А хлеб – всего лишь хлеб, ворованный и съеденный
Тем служкой, что унижит, после – изобьёт,
А ты ему – признание за это!

***

Раб будет сыт,
Сидя в тисках и путах.
Но знай, земляк,
Он раб – не потому
Что взят в оковы.
Он раб лишь потому,
Что сердце рабское даровано ему.

Перевод Надежды Калитиной (kalitinanadia@mail.ru), студентки 2 курса магистратуры, направление «Лингвистика», филологический факультет, РУДН имени Патриса Лумумбы, Москва. Перевод занял первое место в номинации «арабская поэзия» (2023)

Притча о сущем

Птица ищет весь день пропитанье,
Чтоб, паря над землей, петь прекраснее всех.
Избежать все людские страданья,
К воле неба скорей улететь без помех.

Напитавшись до края водой дождевой,
Замирает и туча над грешной землей,
По указу чтоб ветра излиться,
С громким стоном грозой разразиться.

Скоро роза насытится силой земли,
Шустрым пчелам даруя нектар,
чтобы был урожай. Героиня!
Она не боится их жал,
Смело им завещав ароматы свои.

Так должен пройти жизнь свою ты, поэт
Все время ища глубину новой мысли,
Ведь если в тебе и дерзания нет,
Тогда нет и правды в тебе бескорыстной.

***

Не используя дар,
Ниспосланный свыше,
Будь рабом ты всегда,
Что не будет услышан!

*Перевод Екатерины Колышкиной (Kolyshkina-e@bk.ru, 1032216601@pfur.ru),
Студентка филфака РУДН, заканчивает 4-й курс по направлению лингвистика,
арабский изучает 4 года. Снимает стресс, выписывая арабскую вязь. Старается
пробовать что-то новое, что и привело на конкурс: захотелось воссоздать любимую
лирику для русскоговорящей аудитории, которая с оригиналом ознакомиться не
может. Каждый переведенный с арабского текст — как вызов, потому что описать
один необычайный по своей красоте и сложности средств выразительности
язык посредством лексических единиц другого, не менее чудного (или чудного) — та
еще задача для неопытного студента. Перевод занял третье место в номинации
«арабская поэзия» (2023)*

ПЕРЕВОДЫ С КИТАЙСКОГО

КИТАЙСКАЯ ПРОЗА

梁实秋 (1903-1987). 《北平的街道》

“无风三尺土，有雨一街泥”，这是北平街道的写照。也有人说，下雨时像大墨盒，刮风时像大香炉，亦形容尽致。像这样的地方，还值得去想念吗？不知道为什么，我时常忆起北平街道的景象。

北平苦旱，街道又修得不够好，大风一起，迎面而来，又黑又黄的尘土兜头洒下，顺着脖埂子往下灌，牙缝里会积存沙土，咯吱咯吱的响，有时候还夹杂着小碎石头，打在脸上挺疼，眯眼睛更是常事，这滋味不好受。

下雨的时候，大街上有时候积水没膝，有一回洋车打天秤，曾经淹死过人，小胡同里到处是大泥塘，走路得靠墙，还要留心泥水溅个脸花。我小时候每天穿行大街小巷上学下学，深以为苦，长辈告诫我说，不可抱怨，以前的道路不是这样子的，路高与檐齐，上面是深刻的车辙，那才叫人畏途。这样退一步想，当然痛快一些。事实上，我也赶上了一部分当年交通困难的盛况。

我小时候坐轿车出门是一桩盛事，走到棋盘街，照例是“插车”雍塞难行，前呼后骂，等得心焦，常常要一小时以上才有松动的现象。最难堪的是这一带路上铺厚石板，年久磨损出很宽很深的缝隙，真是豁牙露齿，骡车马车行走其间，车轮陷入缝隙，左一歪右一倒，就在这一步一倒之间脑袋上会碰出核桃大的包左右各一个，这种情形后来改良了，前门城洞由一个变成了四个，路也拓宽，石板也取消了，更不知是什么人做一大发明，“靠左边走”。

北平城是方方正正的坐北朝南，除了为象征“天塌西北地陷东南”缺了两个角之外没有什么不规则形状，因此街道也就显得横平竖直四平八稳。东四西四东单西单，四个牌楼把据四个中心点，巷弄栉比鳞次，历历可数。到了北平不容易迷途者以此。从前皇城未拆，从东城到西城需要绕过后门，现在打通了一条大路，经北海团城而金鳌玉栋，雕栏玉砌，风景如画。是北平城里最漂亮的街道。向晚驱车过桥，左右目不暇接。

城外还有一条极有风致的路，便是由西直门通到海淀的那条马路，夹路是高可数丈的垂柳，一棵挨着一棵，夏秋之季，蝉鸣不已，柳丝飘拂，夕阳西下，景色幽绝。我小时候读书清华园，每星期往返这条道上，前后八年，有时候骑驴，有时候乘车，这条路给我的印象太深了。

北平街道的名字，大部分都有风趣，宽的叫“宽街”，窄的叫“夹道”，斜的叫“斜街”，短的有“一尺大街”，方的有“棋盘街”，曲折的有“八道弯”、“九道弯”，新辟的叫“新开路”，狭隘的叫“小街子”，低下的叫“下洼子”，细长的叫“豆芽菜胡同”。在许多因历史沿革的关系意义已经不存在。例如，“琉璃厂”已不在烧琉璃瓦而变成书业集中地，“肉市”已不卖肉，“米市胡同”已不卖米，“煤市街”已不卖煤，“鹁鸽市”已无鹁鸽，“缸瓦厂”已无缸瓦，“米粮库”已无粮库。

更有些路，名称稍嫌俚俗，其实俚俗也有俚俗的风味，不知哪位缙绅大人自命风雅，擅自改为雅驯一些的名字，“豆腐巷”改为“多福巷”，“小脚胡同”改为“小教胡同”，“劈柴胡同”改为“辟才胡同”，“羊尾巴胡同”改为“羊宜宾胡同”，“裤子胡同”改为“库资胡同”，“王寡妇斜街”改为“王广福斜街”。

民初警察厅有一位刘勃安先生，写得一手好魏碑，搪瓷制的大街小巷的名牌全出自此君之手笔。幸而北平尚没有纪念富商显要一人名为路名的那种作风。

北平，不比十里洋场，人民的心理比较保守，沾染的洋习较少较慢，东郊民巷是特殊区域，里面的马路特别平，里面的路灯特别亮，里面的楼房特别高，里面打扫的特别干净。但是望洋兴叹，与鬼为邻的北平人却能视若无睹，见怪不怪。北平人并不对这一块自感优越的地方投以艳羡眼光，只有二毛子准洋鬼子才直眉瞪眼的往里面钻。地道的

北平人，提着笼子架着鸟，宁可到城根去溜达，也不肯轻易踱进那一块另人生气的地方。

北平没有逛街之一说。一般来说，街上没有什么可逛的。一般的铺子没有窗櫺，因为殷时的商家都讲究“良贾深藏若虚”，好东西不能摆在外面，而且买东西都讲究到一定的地方去，用不着在街上浪荡。要散步么，到公园北海太庙景山去。如果在路上闲逛，当心车撞，当心泥塘，当心踩一脚屎！要消磨时间么，上下三六九等，各有去处，在街上溜馊腿最不是办法。

当然，北平也有北平的市景，闲来无事偶然到街头看看，热闹之中带着悠闲也满有趣。有购书癖的人，到了琉璃厂，从厂东门到厂西门可以消磨整个半天，单是那些匾额招牌就够欣赏许久，一家书铺挨着一家书铺，掌柜的肃客进入后柜，翻看各种图书版本，那真是一种享受。

北平的市容，在进步，也在退步。进步的物资建设，诸如，马路行人道的拓宽与铺平，退步的是北平特有的情调与气氛逐渐消失褪色了。天下一切事物没有不变的，北平岂能例外？

Лян Шицю (1903-1987). Улицы Бэйпина¹

«В безветрие — три чи пыли, под дождем — грязевые реки» — это изображение улиц Бэйпина. Ещё говорят: «Во время дождя словно большая чернильница, во время ветра — большая курильница», — это тоже хорошее описание. Стоит ли тосковать по такому месту? Удивительно, но я часто вспоминаю виды улиц Бэйпина.

Город страдает от засухи, а дороги недостаточно ухожены. Сильный ветер дует навстречу, и черно-желтая пыль сыпется с головы за шиворот, на зубах поскрипывает песок, а иногда мелкие камушки больно ударяют в лицо. Щуриться здесь — обычное дело. В общем, ощущения не из приятных.

Когда идёт дождь, то целые проспекты бывают затоплены по колено. Было даже такое, что рикша перевернулась, и утонул человек. В переулках поменьше образуются большие грязные лужи. Идти надо прижимаясь к стене и смотреть, чтобы мутная вода не забрызгала лицо.

В детстве я каждый день ходил по этим дорогам в школу и обратно. Тогда мне казалось, что это тяжело, но старшие советовали мне не жаловаться, ведь прежние дороги были ещё хуже: высотой по карнизы и все изрезанные глубокими колеями. Мысли об этом действительно делали меня более довольным жизнью. Впрочем, тогда и я столкнулся с дорожными трудностями.

Во времена моего детства выезд куда-либо был большим событием. Добравшись до Шахматной улицы, обычно мы обнаруживали пробку из «общих повозок»²: впереди кричат, позади ругаются — обстановка нервная. Зачастую уходило больше часа, прежде чем выберешься оттуда. Самое неприятное, что окрестные дороги были вымощены массивной брусчаткой,

¹ Название Пекина с 1928 до 1949 гг. — *Здесь и далее примечания переводчика.*

² В мелком крестьянском хозяйстве совместное использование крупного рогатого скота разных семей для одной телеги.

которая за многие годы изнасилась, образовав глубокие трещины, такие широкие, что похожее на беззубую улыбку мощение позволяло проваливаться в них колесам запряженных мулами телег, и они то кренились влево, то заваливались вправо. После такой поездки на голове с обеих сторон вырастали шишки размером с грецкий орех. Потом стало лучше. Одну арку парадных ворот городской стены Цяньмэнь заменили на четыре, дорогу расширили, а брусчатку убрали. Я не знаю, кто первым сказал: «держитесь левой стороны», но левостороннее движение¹ — это большое изобретение.

Город Бэйпин имеет квадратную форму и обращён на юг. За исключением двух отсутствующих углов, которые символизируют «рухнувшее небо на северо-западе и провалившуюся землю на юго-востоке»², в нём нет места неправильным формам, поэтому улицы кажутся четко вертикальными и горизонтальными.

Декоративные арки Дунсы, Сисы, Дундань и Сидань стоят в четырёх ключевых точках города, а рядом с ними находятся улочки, расположенные параллельно, как зубья гребешка. Благодаря этим ориентирам тут трудно заблудиться.

В те времена, когда императорский город еще не был разрушен, чтобы попасть из восточной части Бэйпина в западную, нужно было сделать большой крюк. Теперь открыли широкую дорогу, проходящую напрямик: через парк Бэйхай, Круглый форт Туаньчэн и мост Цзиньбао Юйдун, мимо великолепных зданий и сквозь прекрасные пейзажи. Это самая красивая улица Бэйпина. Ближе к вечеру, проезжая по мосту, не знаешь на что и смотреть.

А ещё за городом есть чудесная улица, соединяющая районы Сичжимэнь и Хайдянь. Она стиснута растущими деревом к дереву плакучими ивами, а всё лето и осень тут нескончаемо поют цикады, на закате тонкие ветви ив развеваются по ветру, создавая живописный вид.

В юности, когда я учился в Университете Цинхуа, я ездил по этой дороге туда и обратно каждую неделю в течение восьми лет, иногда верхом на осле, а иногда и в повозке. Этот путь оставил во мне глубокий след.

У большинства дорог Бэйпина названия весьма интересные: широкая улица называется «Широкой», узкая — «Тропинкой» или «Боковой», диагональная — «Диагональной», короткая — «Однофутовой», похожая на шахматную доску — «Шахматной», извилистые улицы могут называться «Восьмиизгибная» или «Девятиизгибная», недавно открытая дорога будет носить имя «Новая улица», нижняя так и будет — «Нижняя», а длинная и узкая — «Долговязый переулок».

---

¹ В Китае до февраля 1946 года было левостороннее движение.

² По легенде злой дух воды Гунгун в борьбе с духом огня Чжу Жуном потерпел поражение. И до того ему было обидно, что он стал биться головой о гору, что привело к тому, что земная ось покосилась. Северо-западная часть неба упала, а на юго-востоке в земле образовалась глубокая впадина, куда потекли все реки.

В то же время названия многих улиц уже потеряли связь с их историей. Например, на «Керамической улице» больше не обжигают плитку, теперь тут центр книготорговли, на улице «Мясницкой» больше нет мясного рынка, в «Рисовом переулке» больше не продают рис, как и на улице «Угольный ряд» перестали торговать углём, на «Голубиной улице» больше нет голубей, на «Черепичной улице» больше не делают черепицу, а на улице «Амбарной» больше нет складов с зерном.

Есть ещё несколько улиц, названия которых звучат довольно приземлённо. Но ведь и в этом есть своя прелесть. Какой-то влиятельный человек с претензией на высокий вкус самовольно поменял названия на более утонченные. «Творожную аллею» переименовали в «Творческую», переулок «Прелестей» в переулок «Просвещения», «Дровяная улица» превратилась в «улицу Дарований», переулок «Бараний хвост» в переулок «Яна Ибиня», а «Улица Портóв» в «Улицу Пóртов», «диагональ Императорской вдовы» стала «диагональю Императорского благословения».

В начальный период Китайской Республики в управлении полиции служил некий уважаемый господин Лю Боань. Он мастерски владел искусством каллиграфии вэйбэй¹. Эмалированные вывески и таблички, встречающиеся тут на каждом углу, написаны именно им. К счастью, в Бэйпине всё ещё не принято увековечивать имена богатых и влиятельных людей названием улиц.

В отличие от Шанхая², где всегда много иностранцев, в Бэйпине люди более консервативны: меньше и медленнее поддаются влиянию заморских привычек. Народная улица в восточной части Бэйпина³ — это необычный район: тут дороги особенно ровные, фонари особенно яркие, дома особенно высокие, а убрано тут особенно чисто. Однако соседствующие с иностранцами бэйпинцы, вздохнув, закрывают глаза на этот район и не видят в нем ничего необычного. Коренные жители Бэйпина не бросают завистливых взглядов на лучшую часть города, это только понаехавшие хмурятся и сверлят её глазами. Настоящие бэйпинцы скорее возьмут клетку с птицей и пойдут гулять в центр города, чем появятся в этом раздражающем месте.

В Бэйпине нет понятия «шоппинг». Вообще говоря, на улице делать особо и нечего. Обычно у магазинов нет витрин, торговцы эпохи Инь говорили: «хороший купец прячет товар глубоко», качественные вещи нельзя выставлять на улицу. Вдобавок покупки делаются в определенных местах, так что нет необходимости бродить в поисках товаров. Хотите прогуляться? Отправляйтесь в парк Бэйхай, к горе Цзиншань или к храму Таймяо. Если вы все же решили поклоняться по улицам, то остерегайтесь машин, грязных луж

---

¹ Вэйбэй или таблички Вэй (статуи Северного Вэй) общий термин для каллиграфии Северных династий. Считается самой изысканной разновидностью каллиграфии. Включает в себя эпитафии, надписи на стеллах, резьбу по камням, скалам.

² Шанхай ещё называли «десятью иностранными миллиардами», так как с середины XIX века по середину XX-го там была концессия.

³ Дунцзяо Миньсян — дипломатический центр Пекина с начала XX века.

и не вступите в кучу навоза! Хотите скоротать время? Есть столько всего, что каждому найдётся место по душе, а бродить по улицам — последнее дело.

Конечно, в Бэйпине тоже есть собственная атмосфера. Если нечего делать, то иногда можно выйти на улицу и проникнуться безмятежностью городской суеты. Тот, кто увлекается книгами может провести полдня пока доберётся от восточных до западных ворот фабрики в Люличане¹. Тут только табличек и вывесок достаточно, чтобы долго ими любоваться в одной книжной лавке за другой. Хозяева магазинов приветливо выходят за прилавок, чтобы помочь сориентироваться в разнообразных изданиях книг. Это действительно большое удовольствие!

Городская среда Бэйпина развивается и деградирует одновременно. Материально город улучшается: расширяются и выравниваются улицы и переулки, а вот уникальная атмосфера исчезает. Всё в мире меняется, может ли Бэйпин быть исключением?

Перевод Юлии Алексеевой (juliaalex@yandex.ru). Родилась и живет в Санкт-Петербурге, окончила СПбГУ экономики и финансов. В основном занимается менеджментом IT проектов, дизайном и разработкой. С 2022 года увлекается изучением китайского языка. Этот текст — первый опыт художественного перевода. Он занял первое место в номинации «китайская проза» (2023)

Лян Шицю (1903–1987). Улицы Бэйпина

Улицы Бэйпина² можно легко охарактеризовать одной-единственной фразой: “Даже в безветренную погоду пыль на улицах стоит столбом, а после дождя все дороги превращаются в сплошное месиво”. А кто-то дал им такое меткое описание: во время дождя дороги похожи на чернильницу, а в ветреную погоду — на курильницу. Заслуживает ли такое место, чтобы о нём вспоминали? Сам не знаю почему, но сейчас бэйпинские улицы частенько всплывают у меня перед глазами.

В Бэйпине нередко стояла засушливая погода, а за дорогами никто не ухаживал. Когда поднимался сильный ветер, он гнал в лицо чёрно-жёлтую дорожную пыль, которая потом попадала прямиком за шиворот. Песок с неприятным звуком хрустел на зубах. Порой с пылью прилетали мелкие камешки, больно ударяющие по лицу. Постоянно приходилось крепко зажмуривать глаза. Словом, ощущения не из приятных.

Во время дождя грязи на улицах было по колено. Однажды повозка рикши опрокинулась назад, и пассажиры просто-напросто захлебнулись в грязи. В маленьких переулках повсюду стояли глубокие чёрные лужи. Идя по улице, нужно было держаться за стену и следить за тем, чтобы не забрызгать грязью лицо. В детстве я каждый день ходил по этим улицам и переулкам в

---

¹ Район книготорговли, в котором прежде была фарфоровая фабрика.

² Бэйпин — название столицы Китая г. Пекина с 1928 по 1949 г. Буквально означает «Северное умиротворение». — Здесь и далее прим. перев.

школу и обратно, и это было крайне непросто. Старшие говорили, что мне грех жаловаться, ведь раньше дороги были совсем не такими: они шли по высокой насыпи, чуть ли не вровень с крышами домов, а по их поверхности пролегли глубокие колеи. Идти по таким дорогам было сущим наказанием. Если подумать об этом, то, конечно, можно испытать облегчение. На самом деле и мне довелось в те годы быть свидетелем нескольких дорожных происшествий.

Когда я был маленьким, поездка на общественном транспорте была большим событием. На улице Шахматная доска по обыкновению возникал дорожный затор. Впереди кричали, сзади ругались, людям порой приходилось ждать больше часа, пока на дороге не становилось свободнее. Что самое неприятное, улица в том районе была вымощена толстыми каменными плитами, которые порядком стёрлись от времени, обнажив глубокие щели, отчего дорога становилась похожей на щербатый старческий рот. Колёса повозок и экипажей по ходу движения попадали в эти щели, экипажи трясло из стороны в сторону, от ударов на головах у пассажиров вырастали шишки величиной с грецкий орех. Со временем ситуация изменилась в лучшую сторону. В воротах Цяньмэнь открыли четыре прохода вместо одного, улицу расширили и убрали старые каменные плиты. И наконец кто-то придумал совершенно гениальную вещь — придерживаться при движении левой стороны.

Бэйпин имеет форму квадрата, улицы пролегают по прямой с севера на юг. За исключением двух скошенных углов в память о том, как “небо накренилось на северо-запад, а земля просела на юго-востоке”¹, в планировке города нет ни одной неправильной формы. Поэтому все улицы расположены строго перпендикулярно друг другу и кажутся длинными и ровными. В четырёх центральных точках располагаются четыре арки — Дунсы, Сисы, Дундань и Сидань, которые находятся на перекрёстках больших улиц, а от них отходит множество маленьких улочек и переулков. Поэтому заблудиться в Бэйпине довольно сложно. Раньше, когда Запретный город² ещё не был разрушен, чтобы попасть из восточной части города в западную, приходилось огибать Задние ворота. Но затем проложили дорогу, проходящую мимо храма Гуанчэн в парке Бэйхай и моста Цзиньао-Юйдун. По пути можно было полюбоваться чудесными видами изящных и величественных построек. Это, наверное, самая красивая улица в Бэйпине. Когда едешь по мосту вечером, глаза разбегаются от такой красоты.

В пригороде есть ещё одна колоритная дорога. Она ведёт от ворот Сичжимэнь до района Хайдянь. По обеим сторонам дороги вплотную друг к другу стоят плакучие ивы высотой в несколько чжанов³. Летом и осенью

---

¹ Отсылка к мифу о всемирном потопе, описанном в древнем трактате «Шаньхай цзин» («Каталог гор и морей»). Согласно мифу, древнее божество Гунгун боднул гору Бучжоу, подпирающую небо, в результате чего небо накренилось на северо-запад, а ось земли сместилась на северо-восток. Начался хаос, реки вышли из берегов и затопили землю.

² Императорский дворец и прилегающие к нему территории.

³ Чжан — китайская мера длины, равная 3,33 м.

вокруг поют цикады, ветки ив колышутся на ветру — пейзаж поистине волшебный, особенно на закате. В детстве я учился в Цинхуа и каждую неделю на протяжении восьми лет проезжал по этой дороге, то на осле, а то и в экипаже. И каждый раз виды этой дороги вызывали у меня неподдельное восхищение.

Названия большинства улиц Бэйпина весьма забавные. Широкая улица так и называется Широкой, а узкая — Узким переулком. Косая улица носит название Косой, а короткая — Метровой улицы. Широкая и ровная, словно квадрат, улица именуется улицей Шахматная доска, извилистые улицы получили название улица Восьми поворотов и улица Девяти поворотов. Вновь проложенную улицу назвали Новая улица. Узкая и тесная улочка называется Маленьким переулком, дорога, идущая вниз по склону, носит название Низина, а длинная и узкая дорога — переулок Бобовый росток. По прошествии времени многие названия утратили свой изначальный смысл. К примеру, на улице Люличан больше не обжигают глазурованную черепицу, теперь там находится книготорговый центр. На Мясном рынке уже нельзя купить мяса, а в переулке Рисовый рынок не продают рис. На улицах Угольный рынок и Голубиный рынок нет ни угля, ни голубей, а на улицах Гончарный завод и Зерновой склад не найти гончарных изделий и склада зерна.

Названия некоторых улиц зачастую отличались некоторой вульгарностью, но в этом-то и заключалась их прелесть. Не знаю, какой благовоспитанный господин вдруг ни с того ни сего провозгласил себя борцом с вульгарщиной и решил заменить эти названия на более благозвучные. Так, переулок Тофу стал переулком Благополучия, переулок Маленькой ножки стал Учебным переулком, Дровяной переулок переименовали в переулок Талантов, проезд Бараний хвост стал проездом Ян Ибинь, Брючный проезд превратился в Складской, а переулок Вдовы Ван переименовали в переулок Всеобщего счастья¹.

В первые годы после основания Китайской Республики² в управлении полиции служил некий Лю Боань, который искусно владел каллиграфией по образцам иероглифов династии Северных царств³. Все названия улиц и переулков на эмалированных фарфоровых табличках были написаны этим господином. К счастью, в Бэйпине тогда ещё не существовало традиции увековечивать в названиях улиц имена богатых и высокопоставленных особ.

Жители Бэйпина, в отличие от шанхайцев, довольно консервативны и не так быстро подвергаются влиянию западных веяний. На Народной улице в восточном пригороде Бэйпина царит особая атмосфера. Дороги там прямые, а фонари по обочинам светят особенно ярко. Здания вокруг очень высокие, на улицах ни соринки. Однако жители Бэйпина, которые могут только

¹ Суть переименования заключалась в том, что вместо прежних названий подбирались похожие по звучанию названия, имеющие совсем другой смысл.

² Около 1911 г.

³ Общее название образцов письменности эпохи Северных династий, характеризующихся сильным и чётким написанием иероглифов.

мечтать о таком великолепии, относятся к этому району с полным безразличием, ничуть не удивляясь увиденному. Они нисколько не завидуют образу жизни обитателей этого района, которые чувствуют своё превосходство над остальными горожанами. Лишь приспешники иностранцев и заморские черти лезут туда изо всех сил. А истинные жители Бэйпина скорее предпочтут взять клетки с птицами и пойти в центр города, чем по своей воле пойдут в это место, не вызывающее никаких других эмоций, кроме раздражения.

В Бэйпине никто не гуляет по улицам с целью присмотреть что-нибудь для покупки. Так как присматривать там, в общем-то, нечего. В лавках по обыкновению нет витрин, так как все уважающие себя торговцы ещё с эпохи Инь знают, что «хороший торговец скрывает свой товар, словно его и в помине нет»¹, и не станут выставлять товары на всеобщее обозрение. К тому же, за покупками люди всегда отправляются в конкретные места, поэтому нет необходимости болтаться по улицам. Если хочется прогуляться, горожане идут в парк Бэйхай, к Храму поминания предков или в парк Цзиншань. А если вам вздумается гулять по улице, будьте готовы, что вас собьёт проезжающий мимо экипаж или что вы вляпаетесь в грязь или экскременты! У людей разного достатка есть свои способы праздного времяпровождения, и худший из них — слоняться без дела по улицам.

Само собой, у Бэйпина есть свой особенный облик. Чтобы сполна насладиться им, стоит порой в свободное время выйти на улицу и посмотреть на царящую там суматоху. А если вы книгоман, поезжайте на улицу Люличан. Там вы проведёте добрых полдня, прогуливаясь от восточных до западных ворот. Одними только табличками и вывесками можно любоваться бесконечно. А уж книжных лавок там предостаточно — стоят одна за другой. Владельцы лавок встречают посетителей и проводят их к задним стеллажам, где можно полистать книги в своё удовольствие.

Парадоксально, но внешний облик Бэйпина и улучшается, и ухудшается одновременно. Модернизируются архитектурные решения, улицы и тротуары становятся шире и ровнее, но при этом город постепенно утрачивает свой уникальный колорит и особую атмосферу. Но ничто в этом мире не остаётся неизменным, и Бэйпин не может быть исключением.

Перевод Дарьи Власюк (dayas@mail.ru). Закончила Институт стран Азии и Африки при МГУ, по образованию переводчик и литературовед. В институте изучала творчество Лао Шэ (драматургию периода антияпонской войны) и современной писательницы Цань Сюэ под руководством известного переводчика и ученого В. И. Семанова. В настоящее время преподаёт китайский язык в частной школе, а также занимается переводами разной тематики. Благодаря конкурсу стала сотрудничать с издательством АСТ, в августе вышла книга «Покорение дворца Яньси. Книга 2» в ее переводе. Готовится к изданию второй роман — «Зеркальные города-близнецы». Перевод занял второе место в номинации «китайская проза» (2023)

---

¹ Цитата из «Исторических записок» — труда историографа империи Хань Сыма Цяня, созданного им в период между 109 и 91 гг. до н. э.

Лян Шицю (1903-1987). Улицы Бэйпина¹

«В безветрие – три фута земли, в дождь – всё в грязи», - меткое описание для улиц Бэйпина. Некоторые говорят, что во время дождя улицы похожи на большую тушеницу, а во время ветров - на большую курильницу. Исчерпывающее описание. Неужели подобное стоит того, чтобы по нему скучали? Сам не знаю почему, но я часто вспоминаю уличные виды Бэйпина.

Бэйпин страдает от засухи, его улицы плохо отремонтированы, и вместе с сильным ветром, который дует прямо в лицо, черная и желтая пыль рассыпается ударами, падая за шиворот; песок скапливается между зубами, отчего слышен скрип, а иногда он смешивается с щебнем и больно бьёт по лицу, поэтому жмуриться здесь – привычное дело, чего нельзя сказать о ощущениях во рту – к такому никак нельзя привыкнуть.

Когда идёт дождь, воды на улице скапливается по колено. Как-то раз от этого перевернулась рикша, и сидящий в ней человек утонул. Проулки превращаются в болото, и идти по дороге можно лишь опираясь на стену. К тому же стоит быть аккуратнее, чтобы всплеск полной глины воды не оставил на вас свои весёлые капли. В детстве по пути в школу я исходил все проспекты и переулки, твердо уверенный что это целое испытание. Старшее поколение наказывало мне не жаловаться – раньше дорога была совсем не такой; она была высокой и шла вровень с карнизами крыш, покрытая глубокими колеями, – такая дорога была опасной. Поэтому приятнее идти с осмотрительностью, не торопясь. На самом деле я успел застать великолепное зрелище трудностей дорог того времени.

В детстве поездка на повозке была для меня грандиозным событием. На Ципаньцзе по обыкновению было трудно проехать из-за того, что её перегораживали повозки, запряженные домашним скотом нескольких семей. Спереди разносились крики, позади – ругань, нервное ожидание часто длилось более часа, прежде чем путь становился свободным. Труднее всего было мириться с тем, что верхний слой дороги представлял собой брусчатку, со временем истершуюся до широких и глубоких выбоин, что напоминало беззубую улыбку. Колёса запряженных мулами и лошадьми телег проваливались в эти ямы, отчего повозки то кривились влево, то опрокидывались вправо, а в промежутке между шагом и падением в голову прилетал размером с грецкий орех камень. Позже ситуация улучшилась, количество врат Цяньмэнь² увеличилось до четырех, дорога была расширена, от брусчатки избавились, и появилось не знаю кем изобретенное правило «пешеходы идут по левой стороне».

Бэйпин — это квадратный город, выходящий фасадом на юг. В нём не найти чего-то неправильной формы, кроме двух углов, символизирующих

---

¹ Бэйпин – название Пекина с 1928 до 1949. – *Здесь и далее примечания переводчицы.*

² Название ворот и одноименной улицы в Пекине. Через них попадали во Внутренний город.

фразу «небо рушится на северо-западе, а земля – на юго-востоке»¹, поэтому улицы выглядят строго пропорционально горизонтальными и вертикальными. Четыре арки – Дунсы, Сисы, Дундань и Сидань плотно окружают центр и позволяют сосчитать прилегающие друг к другу переулки. По этой причине в Бэйпине сложно потеряться. Раньше, когда Запретный город был закрыт, необходимо было сделать большой круг, чтобы добраться из восточной части в западную. Сейчас там проложили дорогу, которая проходит через Туаньчэн² и мост Цзиньбаоюйдун³ - сооружение необычайной красоты, достойное быть запечатленным на полотне. Это самая красивая улица Бэйпина. Особенно она хороша вечером - проезжая по мосту в это время, вы не сможете охватить всё представшее перед вашим взором великолепие.

За городом есть также превосходная дорога, ведущая от Сичжимэнь⁴ до района Хайдянь⁵. По обеим её сторонам растут, прижимаясь друг к другу, ивы высотой в чжан⁶, а в летний и осенний периоды пение цикад здесь не замолкает ни на минуту. Ветер колышет тонкие ветви ив и на вечерней заре здесь так тихо и спокойно, как ни в одном другом месте. В детстве я обучался в школе при университете Цинхуа, и примерно восемь лет каждую неделю бывал здесь, иногда – сидя на осле, иногда – в повозке, и эта дорога произвела на меня глубокое впечатление.

Названия большей части улиц Бэйпина выдержаны в едином стиле: широкая называется «Куаньцзе»⁷, узкая – «Цзядао»⁸, косая – «Сецзе»⁹, короткая – «Ичидацзе»¹⁰, квадратная – «Ципаньцзе»¹¹, извилистая – «Дабаовань»¹², «Цзюдаовань»¹³, новая – «Синькайлу»¹⁴, тесная – «Сяоцзецзы»¹⁵, нижняя – «Сявацзы»¹⁶, тонкая – «Хутун Дуяцай»¹⁷. Многие из них потеряли свой первоначальный смысл. Например, в районе Люличан¹⁸ больше не обжигают черепицу – теперь это место сосредоточения книжной

---

¹ Площадь старого Пекина неправильной формы – северо-западный и юго-восточный углы неровные.

² Досл. «Круглый город», находится в южной части парка Бэйхай

³ Мост между Бэйхай и Чжунхай.

⁴ Ворота в городской стене Пекина, которые в настоящее время являются станцией.

⁵ Район городского подчинения Пекина. Расположен к северо-западу от центра города.

⁶ Китайская сажень, равна 3,33 метра.

⁷ Досл. «Широкая улица»

⁸ Досл. «Узкий проход»

⁹ Досл. «Диагональная улица»

¹⁰ Досл. «улица В Один Чи». Чи – мера длины, равная 1/3 метра

¹¹ Досл. «Улица Шахматной доски»

¹² Досл. «Восемь изгибов»

¹³ Досл. «Девять изгибов»

¹⁴ Досл. «Недавно открытая дорога»

¹⁵ Досл. «Малая улица»

¹⁶ Досл. «Нижняя впадина»

¹⁷ Досл. «Переулок салата из бобовых ростков»

¹⁸ Досл. «Газурная фабрика». Изначально в этом районе были построены печи для обжига черепицы, покрытой глазурью.

торговли, на «Жоуши»¹ не торгуют мясом, в «Миши Хутун»² не сыскать продавцов риса, на «Мэйшицзе»³ отныне не продают уголь, на «Богэши»⁴ - голубей, на «Ганвачан»⁵ - изделия из смеси глины и сланца, а в «Миланку»⁶ уже нет зернохранилища.

Названия некоторых улиц чересчур вульгарные, но и в этой вульгарности есть свой вкус. Не знаю, какому важному чиновнику вдруг вздумалось вообразить себя культурным и просвещённым и заменить такие названия на что-то более «утонченное». Улицу Доуфу переименовали в Улицу Благосостояния⁷, Хутун Маленьких ножек – в Хутун Начального образования⁸, Хутун Колотых дров – в Хутун Развития талантов⁹, Хутун Бараньего хвоста – в Хутун Жертвенного барана¹⁰, Хутун Штанов – в Хутун Денежной кладовой¹¹, Боковую улицу Императорских вдов – в Боковую улицу Благословения Императора¹².

В первые года установления Китайской республики, в полицейском управлении был некий господин Лю Боань, который владел письменами северных династий¹³, и все названия улиц на изготовленных из эмали дощечках были написаны его руками. К счастью, в Бэйпине ещё не принято было давать улицам название в честь какого-нибудь важного богача.

В Бэйпине, в отличие от полного иностранцев Шанхая, сердца людей держатся за старое, здесь достаточно медленно привыкают ко всему заграничному. Улица Миньсян¹⁴ – это особый район, в котором дороги наиболее ровные, фонари исключительно яркие, здания запредельно высокие, а подметают тут только дочиста. Но жители Бэйпина, которым можно только мечтать об этом, оставаясь в состоянии, приближенном к небытию, не обращают на это ни малейшего внимания и никак не реагируют. Они не бросают и единого завистливого взгляда на это превосходное место, только выходцы из русско-китайского семей на манер заморских чертей в бешенстве сверлят глазами. Настоящий житель Бэйпина, лучше прогуляется до подножья городской стены, держа в руке клетку с птицей, чем будет согласен побывать в месте, где царит чужой порядок.

---

¹ Досл. «Мясной рынок»

² Досл. «Переулок Рисового рынка»

³ Досл. «Улица Угольного рынка»

⁴ Досл. «Голубиный рынок»

⁵ Досл. «Фабрика»

⁶ Досл. «Зернохранилище»

⁷ Звучат похоже по-китайски – «Доуфу ган» и «Дофу ган».

⁸ Звучат созвучно по-китайски – «Сяо цзяо», отличаясь тоном.

⁹ Звучат похоже по-китайски – «Пичай хутун» и «Пицай хутун»

¹⁰ По-китайски звучат как «Янвэйба Хутун», «Яньбинь Хутун». Второй вариант подчеркивает почтение, т.к. иероглифы можно трактовать как «приносить в жертву» и «оказывать уважение».

¹¹ Звучат созвучно по-китайски – «Куцзы Хутун», отличаясь тоном.

¹² Звучат похоже по-китайски – «Вангуафу Сецзе» и «Вангуанфу Сецзе»

¹³ общее наименование образцов письменности эпохи Северных династий, характерен сильным четким экспрессивным стилем.

¹⁴ "Народная улица" (Миньсян) в восточном пригороде Пекина

В Бэйпине нет привычки гулять по улицам. В сущности, там нет ничего достойного того, чтобы увидеть. Непримечательные лавки без окон, т. к. радушные хозяева серьёзно относятся к принципу «скрывай самое ценное». Нельзя оставлять хорошие вещи снаружи, к тому же покупатели точно знают, куда они конкретно идут, и им незачем бродяжничать на улице. Если хотите прогуляться, то ходите в парк Бэйхай, Храм императорских предков или в Цзиншань. Если всё же решили побродить по улицам, то будьте осторожны – не попадите под колёса, в болото и в испражнения! Если хотите скоротать время, есть много мест, куда вы можете сходить, в зависимости от вашего социального класса. Без дела шататься по улицам – не лучший выход.

Конечно, у Бэйпина свой внешний облик. Если на досуге случайно приглядитесь к его улицам, то в шумном оживлении вы обретёте покой и занимательно проведёте время. Любители книг, прибыв на Люличан, могут потратить полдня, чтобы обойти её от восточных ворот до западных. Одних лишь вывесок и дощечек достаточно, чтобы вызвать восхищение и заставить любоваться ими долгое время. Книжные магазины плотно прижаты друг к другу, а их хозяева после встречи гостей идут за прилавок, пролистывают различные книги и издания – вот что значит получать удовольствие от жизни.

Облик Бэйпина меняется в лучшую и худшую стороны. В лучшую – тем, что появляется новая инфраструктура, например, более ровные и широкие шоссе и тротуары. В худшую – тем, что присущие Бэйпину особые дух и атмосфера постепенно исчезают и меркнут. В мире нет ничего неизменного, как может Бэйпин быть исключением?

Перевод Татьяны Грохотовой (kitkinat02@mail.ru). Закончила ДВФУ во Владивостоке по направлению «Востоковедение и африканистика», сейчас учится в магистратуре по направлению «Лингвистика» в МГИМО. Помимо учебы, работает переводчиком письменной документации в строительной компании. Конкурс стал первым опытом художественного перевода литературы Китая. Перевод занял третье место в номинации «китайская проза» (2023)

КИТАЙСКАЯ ПОЭЗИЯ

何其芳 (1912-1977) 预言

这一个心跳的日子终于来临！
你夜的叹息似的渐近的足音，
我听得清不是林叶和夜风的私语，
麋鹿驰过苔径的细碎的蹄声！
告诉我，用你银铃的歌声告诉我，
你是不是预言中的年轻的神？

你一定来自那温郁的南方，
告诉我那儿的月色，那儿的日光！

告诉我春风是怎样吹开百花，
燕子是怎样痴恋着绿杨！
我将合眼睡在你如梦的歌声里，
那温暖我似乎记得，又似乎遗忘。

请停下，停下你疲劳的奔波，
进来，这儿有虎皮的褥你坐！
让我烧起每一个秋天拾来的落叶，
听我低低地唱起我自己的歌！
那歌声像火光一样沉郁又高扬，
火光一样将我的一生诉说。

不要前行！前面是无边的森林：
古老的树现着野兽身上的斑纹，
半生半死的藤蟒一样交缠着，
密叶里漏不下一颗星星。
你将怯怯地不敢放下第二步，
当你听见了第一步空寥的回声。

一定要走吗？请等我和你同行！
我的脚知道每一条平安的路径，
我可以不停地唱着忘倦的歌，
再给你，再给你手的温存！
当夜的浓黑遮断了我们，
你可以不转眼地望着我的眼睛！

我激动的歌声你竟不听，
你的脚竟不为我的颤抖暂停！
像静穆的微风飘过这黄昏里，
消失了，消失了你骄傲的足音！
呵，你终于如预言中所说的无语而来，
无语而去了吗，年轻的神？

一九三一年秋天

Хэ Цифан (1912–1977). Пророчество

Беспокойный стук сердца в груди возвещал наступление дня,
Когда шорох неспешных шагов, вздох в ночи, обнаружит тебя.
Я стал слушать: не шёпот ли ветра с листвой в темноте,
Не оленя ли редкого цокот на мшистой тропе?
Ты скажи, в бубенца тонкий звон обратись и пропой,
Суждена мне, о юная нимфа, пророчеством встреча с тобой?

Без сомненья, ты родом из южных теплом избалованных мест,
Мне напой, как там солнце горит, как искрит в тех краях лунный свет.

Как настойчивый ветер бутоны ласкает цветов,
Как в волнении ласточки вьются у тополя крон.
Я закрою глаза, и под песню твою, как во сне,
Уже станет не ясно: была ты иль только почудилась мне.

Я прошу, не беги, погоди, ведь устала бесцельно бродить,
Проходи и согрейся на шкурах, приют в моём доме найди!
Каждой осени жёлтые листья берёг, их зажгу,
Ты услышишь: тихонько начну я петь песню свою.
И, подобно огню, то вспорхнёт, то забрезжит едва,
Эта песня о жизни моей словно шелест печальный костра.

Не ходи ты вперёд! Там найдёшь лишь чащобу бескрайних лесов:
Там древнейших стволов частокол что на звере свирепом узор,
Там сплетёнными змеями мёртвые ветви висят,
Средь листвы крохи звёздного света не сыщёт твой взгляд.
Ты застынешь, от страха вглубь леса не сделаешь шаг,
Лишь услышав, как поступь твоя сотрясает безжизненный мрак.

Коль не можешь остаться, прошу, разреши уйти вместе с тобой!
Я тебя проведу: все тропинки я знаю, где тишь да покой,
Чтобы лёгок был путь, всю дорогу позволь тебе петь
И позволь мне рукою моей твою руку согреть.
Когда ночь нас отрежет от мира густой темнотой,
В моём взгляде отыщешь ты свет, пока мы опоясаны мглой.

Но волнение песни моей никогда не коснётся тебя,
Не заставит тебя обернуться дрожащая поступь моя.
Словно в сумерках лёгкого ветра исчезнувший вздох,
Растворилось, растаяло гордых шуршанье шагов.
Как в пророчестве сказано: слова не молвив, придёшь;
Неужели, о юная нимфа, ты так же тихонько уйдёшь?
Осень, 1931 г.

*Перевод Софии Симахиной (suofeiya@shiwo.ru). Город Владивосток, выпускница
Дальневосточного Федерального университета (2022 год); востоковедение и
африканистика, языки и литературы стран Азии и Африки (китайский язык).
Перевод занял первое место в номинации «китайская поэзия» (2023)*

Хэ Цифан (1912–1977). Пророчество

День наконец наступил, что трепет в сердце вздымает!
Ночью дыханье твое – звук приближенья шагов,
Слышу, как ветер ночной с чащей леса речи сплетает,
Дробный топот оленя, по дороге – ковру изо мхов!

Смехом одним пусть песня твоя возвещает,
Ты ли бог молодой, возвещенный нам ото снов?

Ты, сомнения нет, пришелец с теплого юга,
Расскажи мне, какое там солнце, и какого цвета луна!
Расскажи мне про ветер весны, чье дыханье – цветочная выюга,
И скажи, почему же ласточка, в малахит тополей влюблена!
Гимном твоим, грезам подобным тихо меня убаюкай,
Об этом тепле будто память живет, но будто истреблена.

Бег изнуренный свой останови, прошу,
Воссядь на этом ковре – он из тигровых шкур!
Каждую осень листья собирал – дай знак, я их все сожгу,
Выслушай песню мою, легких мелодий ажур!
Триумф и горечь – звук этой песни, подобно огню разожгу,
В отблеске пламени жизни повесть своей разгляжу.

Не нужно идти вперед! Там только бескрайний лес:
В метках диких зверей древних деревьев стволы,
Сплетенный узлами, не жив и не мертв, питон сквозь чащу пролез,
Чрез плотный листьев полог не видать ни одной звезды.
Духу не хватит сделать второй шаг в этот чертог древес,
Лишь услышишь, как отзвуки первого шага пусты.

Уверен, идешь? Так возьми и меня, позволь тебе услужить!
Торные тропы леса знакомы моим стопам,
Песни могу я без усталы петь, что бремя помогут забыть,
И снова вернуть тебе теплоту, что привычна твоим рукам!
И когда темнота ночи нас от мира решит отделить,
Ты сможешь взор свой направить к моим надежным очам!

Яркой песни моей звуков не слушаешь ты,
Движенья твои дрожь мою не уймут!
Будто ветер, что в сумерках овеваает сады,
Звука гордых шагов больше нигде не найдут!
Ах, возможно ли, что пророчества были правы,
Юный бог, ужели без слов, твои стопы с этой земли изойдут?

Осень 1931 г.

Перевод Владимира Григорьева (vtomr@mail.ru), студента 2 курса Санкт-Петербургского государственного университета, направление «Востоковедение», профиль «Экономика и международные экономические отношения стран Азии и Африки (с изучением языков Азии и Африки)». Перевод занял второе место в номинации «китайская поэзия» (2023)

Хэ Цифан (1912-1977). Пророчество

Наконец этот день настал, сердце в бешеном ритме бьётся!
Словно вздохи в глухой ночи, звук шагов твоих раздаётся.
Я отчётливо слышу: нет, то не шёпот ветров с листвою,
Не милу¹ по тропе из мха частым шагом вперёд несётся!
Как бубенчик из серебра, прозвени, поделись со мною,
Ты ль предсказанный юный дух, что судьбою моей зовётся?

Ты из южных пришла земель, прямиком из тепла и зноя.
Расскажи мне о той луне, в небе солнце палит какое,
Как там сотни цветов цветут от весенних ветров дыханья,
Как там птицы и тополя нежно шепчутся меж собою.
Я под песню твою усну, погружусь в сладкий плен мечтанья,
То забуду твоё тепло, то вдруг вспомню о нём с тоскою.

Я прошу: задержись, постой, хватит мчаться в изнеможенье,
На тигриную шкуру сядь, здесь найдёшь ты отдохновенье!
Мне позволь для тебя зажечь ворох поднятых мною листьев
И прислушайся, как звучит моё низкое песнопенье!
Песнь, как пламень, полна тоски, рвётся слиться с далёкой высью,
Песня-факел и песня-свет, о годах моих откровенье.

Не спеши, не беги вперёд, в тёмный лес без конца и края,
Где в полоску, как зверь, стволы гнутся, счёта годам не зная,
Где не живы и не мертвы ветви спутаны, словно змеи,
Где меж плотной, густой листвы не проглянет звезда, сияя.
Испугаешься и замрешь, дальше шагу ступить не смея,
Услышав, как твой первый шаг прогремел, тишь кругом пронзая.

Непрерывно должна идти? Подожди, я пойду с тобою!
Ноги знают здесь все пути, нас тропой отведут любую.
Я могу непрерывно петь, пусть усталость твоя исчезнет,
А ещё, а ещё могу рук согреть тебя теплотою!
И когда полуночный мрак между нами свой зев разверзнет,
Не мигая, в глаза смотри, и поймёшь, что ты здесь, со мною!

Но не слушаешь ты, увы, вдохновенное песнопенье,
Не замедлишь спешащий шаг, заметишь моё волнение!
Лёгким ветром в вечерний час ты украдкой промчалась мимо,
И исчезла, исчезла вновь поступи гордая в отдаленье!

---

¹ Милу – редкое китайское животное, мордой похожее на лошадь, рогами – на оленя, копытами – на корову, а хвостом – на осла. У милу мощные ноги и широкие копыта, поэтому во время бега топот копыт получается очень громким. – *Прим. пер.*

Ты тот юный прекрасный дух, что предсказан был мне, вестимо.
Ты ль, безмолвно явившись мне, снова скрылась из поля зренья?

Осень 1931 г.

Перевод Викторией Александровны Жуковой (furong86@mail.ru). Выпускница Омского государственного педагогического университета, квалификация «Учитель китайского и английского языков», преподаватель и переводчик китайского языка в городе Омске, победитель VI всероссийского конкурса поэтов-переводчиков «Лирика 2023», учрежденного Томским государственным университетом, обладатель второго места в конкурсе письменного поэтического перевода 2023 года среди участников старше 18 лет, организованного Генеральным консульством КНР в Иркутске совместно с Институтом Конфуция Иркутского государственного университета. Перевод занял третье место в номинации «китайская поэзия» (2023)

Хэ Цифан (1912–1977). Пророчество

Настал тот день, что сердце моё всколыхнул.
Шаги твои, услышал я в ночи.
Нет, то не ветер что-то листьям на ухо шепнул,
И не оленья поступь на лесном пути.
О, звоном колокольчика меня ты позови,
Ты ль та Богиня, что пророки предрекли?

Что шла ты с ласкового юга – нет сомнений,
Скажи мне, как сияют там светила?
Поведай о весеннем ветре, что сорвал цветы растений,
О том, как ласточек в любовь приводят ивы.
Под голос твой, как будто бы из сна, глаза закрою,
Я помню иль забыл, чтоб кто-то согревал подобной теплотою?

Прошу, останови мучительное рвенье,
Входи, здесь есть постель, чтобы присесть.
Позволь, опавшая листва нам даст свеченье,
Услышь, как шёпотом пою я свою песнь!
Звучание её огню подобно – и грусть, и слава в ней сплелись.
Подобно пламени, она расскажет с рожденья моего всю жизнь.

Вперёд нам не идти: бескрайний лес там ждёт,
И дикий зверь на древе полосой явился,
Ни мёртв ни жив с лианой змей узор плетёт,
Свет звёзд сквозь листьев тьму не смог пробиться.
Колеблясь, шаг не смеешь сделать ты второй,
В момент, как слышишь эхо первого в тиши пустой.

Не можешь не уйти? Что ж, я пойду с тобою!
Моим ногам известны лёгкие пути.
Я буду непрерывно петь, забуду о покое,
И вновь подарком сделаю тепло своей руки.
Когда пред нами путь закроет тьма ночи,
В глаза мои смотри и взгляд не отводи!

Не слышишь песнь взволнованной души,
Мой трепет не остановил твой шаг.
Как будто лёгкий ветер в сумерках тиши,
Звук горделивой поступи иссяк.
Пророчество ль свершилось, и, придя безмолвно,
Богиня юная ушла, ни проронив ни слова?
1931 год, осень

Перевод Татьяны Грохотовой (kitkinat02@mail.ru). Закончила ДВФУ во Владивостоке по направлению «Востоковедение и африканистика», сейчас учится в магистратуре по направлению «Лингвистика» в МГИМО. Помимо учебы, работает переводчиком письменной документации в строительной компании. Конкурс стал первым опытом художественного перевода литературы Китая. Перевод занял третье место в номинации «китайская поэзия» (2023)

В ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ МАСТЕРСКОЙ

«Товарищ, который мною занимается»

В этой особой рубрике мы хотели бы предложить вниманию читателя переводы рассказов из антологии современной кубинской литературы. Антологию под названием «Товарищ, который мною занимается» (“El compañero que me atiende”) составил и опубликовал в 2017 году писатель Энрике дель Риско. Все включенные тексты объединены темой присутствия в жизни кубинцев упомянутого в заглавии «товарища»: агента органов госбезопасности, соглядатая, доносчика, бдительного гражданина, высокосознательного радетеля режима. Внушительная по объему антология охватывает тексты, написанные начиная с 1959 года, то есть с момента победы кубинской Революции, по настоящее время. Составитель в предисловии определяет центральный жанр этих произведений:

«Каково писать в мире, где каждому писателю, да и вообще любому гражданину полагается личный секретный правоохранитель? В случае Кубы ответ — в каждой книге, написанной на острове с 1959 года, в каждом вымученном компромиссе, в каждом умолчании, навязанном обстоятельствами. Наша антология пытается ответить на несколько иной вопрос: как писать об этом личном правоохранителе, о существе, которое должно оставаться невидимкой? Если первейшая обязанность автора — делать невидимое видимым, то мы можем согласиться, что описание субъекта, призванного следить за каждым нашим шагом — в особенности неправильным шагом, — занятие весьма литературное.

Наша антология — попытка собрать хоть небольшую часть кубинского вклада в жанр, заявленный еще Кафкой на первых страницах «Процесса». Помните первое предложение, в котором говорится, что К., “не сделав ничего дурного, попал под арест”¹? Жанр этот характеризуется отсутствием преступления и сумбурностью — по крайней мере, на начальных этапах — наказания. А также любопытной природой отношений между предполагаемыми преступниками и слугами закона, агентами, более озабоченными спасением своих подопечных, чем наказанием. Насколько мне известно, до сих пор никто не взял на себя труд дать жанру название. Определим его временно как “тоталитарный полицейский жанр”. Не путать с “тоталитарным детективом”, тоталитарной версией западного детектива, или, если угодно, соцреалистическим детективом. Последний был очень популярен во всех странах, где побеждала диктатура пролетариата, и имел целью превратить в прозу грезы государства о собственной неуязвимости: в рамках подобного повествования любое преступление рассматривалось как атака на власть народа и, следовательно, контрреволюционный акт.

“Тоталитарный полицейский жанр”, напротив, основывается на убеждении (государства), что всякое инакомыслие при социалистическом строе не только преступно и наказуемо, но и противоестественно. В рамках этого жанра агент правопорядка борется не против преступления, а против возможности преступления².

В предисловии Энрике дель Риско также перечисляет «основные компоненты жанра», характерные и для «крупных» кубинских образцов («Вне игры» Эберто Падильи, «Карта, нарисованная шпионом» Гильермо Кабреры Инфанте, «Прежде чем наступит ночь» Рейнальдо Аренаса, «Потерянные слова» Хесуса Диаса, «Донос на себя самого» Элисео Альберто), и для текстов антологии: тотальная слежка, страх, всеобщая подозрительность и паранойя, близкие и зачастую неоднозначные отношения между теми, за кем следят, и теми, кто следит, контраст между нищетой системы и мощью репрессивного аппарата, неиссякаемый абсурд. Все они отражены в шести рассказах, выбранных нами для альманаха. Мы видим, как по-разному преломляется в них и фигура вездесущего «товарища», и в целом кубинская действительность: иносказательно — у

¹ Перевод Р. Райт-Ковалевой.

² *Del Risco E. Prólogo //El compañero que me atiende. Madrid: Hypermedia, 2017. P. 7–8.*

Абеля Фернандеса-Ларреа, «по-кортасаровски» — у Карлы Суарес, автобиографично — у Рональдо Менендеса, бытописательно и в традиции языковой игры — у Алексиса Ромая, философски — у Антонио Хосе Понте, фантастически у Йосса.

Переводы выполнены участниками «латиноамериканской резиденции», состоявшейся в Доме творчества писателей в Переделкино в июле 2022 года. Ежедневно в течение шести дней один из участников выносил на суд коллег свой перевод рассказа, и перевод «прокаливался» на огне коллективной редакции. Этот формат, объединивший методы семинара по художественному переводу и погружения в творческую среду единомышленников, дал, на наш взгляд, достойные результаты, которые мы с радостью представляем читателю.

Благодарности

Участники благодарят людей, без которых резиденция не состоялась бы: Ирину Алексееву и Александра Филиппова-Чехова, а также Кристину Буйнову за вклад в дискуссию.

Дарья Сеницына, к.ф.н., старший преподаватель кафедры романской филологии филологического факультета СПбГУ.

Абель Фернандес-Ларреа Один день в жизни Даниэля Горовица¹

Даниэль Горовиц встал подавленным. Он не хотел идти на работу, у него уже просто не было никаких сил штамповать, как на конвейере, свидетельства о смерти; и это неудивительно, если в жизни нет ничего, кроме бумаг, подтверждающих, что люди умирают. Сначала он раздумывал, не пролежать ли весь день в постели, но почувствовал себя очень одиноким: низкий потолок комнаты казался на целый метр ниже, чем обычно, а от вида пятен сырости болели глаза. Было такое ощущение, будто вдруг просыпаешься после глубокой комы, а миру уже пришёл конец, но сам ты не видел, как это произошло. Я имею в виду: видеть – уже какое-никакое утешение, ведь у последнего акта трагикомедии, в котором всё разрешается в гротескных потугах, есть особое очарование. В этом случае остаётся только подняться с места и аплодировать с воодушевлением. Но Даниэль Горовиц не мог аплодировать. Его ладони не хотели сходиться, как магниты с одинаковым полюсом. В общем, он решил пойти к врачу. Пусть ему там сделают прививку от грусти или ещё что-нибудь, а заодно дадут справку, которая объяснит его отсутствие на работе. Он позвонил в офис предупредить, что болеет; затем, после секундного колебания, всё же набрал номер клиники, в которой обычно лечились его коллеги каждый раз, когда стресс принимался за новую жертву. В клинике сказали, что есть свободное время на утро, потому что другой пациент отменил запись на приём. Судьба, наконец, улыбнулась Даниэлю Горовицу, который не мог упустить

---

¹ Этот текст является частью книги «Берлинцы» (Ediciones Matanzas, 2013; Casa Vacía, 2016).–
Здесь и далее примечания переводчиков.

счастливый случай. Такое даже почти стоило этого подавленного состояния. Наш герой быстро оделся, нацепил на себя своё лучшее грустное лицо и вышел на улицу.

Он приехал в клинику рано. Она находилась в пригороде: давайте предположим, что недалеко от Виттенау, у леса. Приём был назначен на 10 утра, и у Даниэля Горовица оставалось в запасе 20 минут, поэтому он решил сначала прогуляться неподалёку. Немногочисленные прохожие – в основном это были старики и какие-то люди, шатающиеся без дела, – демонстрировали на серых, как тени, лицах тоску и отражение мучительного существования – жалкой жизни, не приносившей никакой радости и безвкусной, как те колбаски, которые из-за отсутствия специй не вызывают аппетита. Такие колбаски больше похожи на пластилин с красителями. Их, выдавая за франкфуртские, продают китайцы. Смотреть на описанные выше лица, по правде сказать, не лучший способ поднять настроение. Лучше уж пойти в глубь леса, насладиться пением птиц и дуновениями ветра, от которых танцуют листья на деревьях. Так и поступил наш бедолага Даниэль Горовиц, ведь он, хоть и был подавлен, всё же всегда отличался особой интуицией, которая помогала ему обходить стороной места с нездоровой обстановкой. «А разве он работает не в государственном учреждении, где регистрирует трупы?» – возразите вы. Ну, тут ничего не поделаешь; жизнь иногда бывает очень жестокой.

В леске всё и впрямь дышало спокойствием. Воздух был такой, какой бывает в конце лета: ещё тёплый, но напоённый свежестью. В качестве верного лекарства от скорби можно выписывать ежедневные – часа более чем достаточно – прогулки по этим местам. Но наш Даниэль Горовиц был действительно глубоко опечален, по-настоящему сокрушён – это вам не какие-то глупые шутки. Невозможно не сказать о следующем: давайте признаем, что наш герой – да, собственно, как и все мы, ведь современность нас к этому время от времени обязывает, – проводил большую часть жизни на вокзале среди проезжающих мимо поездов. Так вот, сколько бы Даниэль Горовиц ни хмурил брови и как усердно ни напрягал память, не мог понять, откуда взялось это его упадническое настроение. И хуже всего, что на дворе даже не понедельник и не воскресенье, когда с самого раннего утра понятно, что готовит день грядущий, а что безвозвратно ушло ещё вчера вечером. У Даниэля Горовица никого не было в целом мире – найти утешение не у кого, но и не за кого беспокоиться. Жил он в квартире без излишеств, один. Работа однообразная, но без чрезмерных переживаний. Много не зарабатывал, но и не сказать, чтобы мало, и, надо отдать должное, Берлин – одно из немногих мест, где на сегодняшний день все ещё можно на небольшую зарплату жить вполне себе прилично. Хуже было бы жить в Варшаве, Братиславе или – ещё хуже – в Бухаресте. Что-что вы говорите? Это не греческий остров? Да и больно надо.

Но чтобы еле плестись, понуро повесив голову, долго причин искать не надо – и наш бедный Даниэль Горовиц шёл с камнем на душе, как будто у него умер любимый пёс. А ведь собаки-то, к слову сказать, у него и не было.

Хорошенькое дело, если кто-то заводит у себя дома четвероногого, учит его давать лапу, приносить газету, не пачкать ковёр, и вот когда этот кто-то уже почти проникся к питомцу нежной привязанностью, тут вдруг как гром среди ясного неба вполне себе здоровый зверь, полный сил, возьми да и заболей одной из этих собачьих неизлечимых болезней, а потом его дух возносится в небо, или куда бы то ни было, куда уходят собачьи души. Для того чтобы всё это пережить, у Даниэля Горовица даже и бабушки не было.

Тут наш друг замечает, что время приёма почти пришло. Тогда он направляется обратно к клинике, ведь не очень хорошо опаздывать на запланированные встречи – тем более если их оплачивают работодатели.

Холл оказался из современных: с удобной мебелью, пачкой журналов на столике. Администратор – очень даже симпатичная брюнетка лет двадцати – разговаривала себе преспокойно по телефону, когда Даниэль Горовиц вошёл. Крайне вежливо – тут не придерёшься, как ни старайся – девушка сказала, что нужно подождать несколько минут – врач вот-вот примет. Тогда наш тактичный герой послушно уселся ждать начала приёма и взял в руки журнал в надежде скоротать время. Журнал являл собой собрание сплетен голландского двора, который по сравнению с датским, само собой разумеется, был гораздо занимательнее. И вот мы с Даниэлем Горовицем погружаемся в увлекательное чтение историй из личной жизни принцессы Такой-то: её романа с Известныйвсемским, романтического путешествия на курорт Неважнокакой и тому подобных беззаботных бессмыслиц. Какое счастье – могли бы подумать мы, находящиеся во власти нашей непомерной наивности, – жить, как в волшебной сказке, в которой, конечно, есть доля страстей и предрассудков, но ведь главное – возможность улыбаться на камеру. Даниэль Горовиц полистал страницы, на которых появлялись то представители почтенной королевской четы, облачённые в купальники, то знаменитости в вечерних нарядах. Всё было передано в розовых тонах – настоящий лакомый кусочек для праздных умов, как дом ведьмы из сказки «Гензель и Гретель». Интересно, что, дойдя именно до этой части повествования, мы вспоминаем знаменитую сказку про детей, заблудившихся в лесу. На ничем на первый взгляд не примечательной странице журнала наш Даниэль Горовиц вдруг наткнулся на статью о некоем Хансе Фойербахе, бывшем полковнике Штази, ныне ставшем главным акционером нефтяной компании с платформами в Северном море. Наш герой начал было читать статью, но администратор сказала, что врач его уже ожидает.

Кабинет был такой же современный, как и холл, но в обстановке ощущалась приверженность учениям доктора Фрейда. Несколько дипломов в деревянных рамках, непрременная кушетка, обитая зелёным бархатом, стол, по стилю напоминавший нечто среднее между баухаусом и девятнадцатым веком, – всё это придавало вид старинный или попросту старый, и описываемое помещение можно было принять за кабинет на фабрике

бытовых электроприборов. Но какое это имеет значение? Это всего лишь кабинет, а не место, где предстоит провести каникулы.

Ну, так или иначе, после получаса, на протяжении которого наш дорогой и грустный Даниэль Горовиц лежал на диване, рассказывая свою биографию, – о ней мы мало знаем, потому что знать особо и нечего, – доктор – это была, как водится, женщина в возрасте и в очках, и лицо её постепенно стиралось из памяти нашего друга в течение дня, – подошла к не принадлежащему никакой эпохе бюро и написала несколько строк в формуляре. Затем она выписала пациенту рецепты, сказала ему, что по одному рецепту можно купить только одну таблетку, которую и нужно принимать раз в день, и посоветовала направиться в ближайшую аптеку.

Именно здесь дело и принимает интересный оборот – хотя нет, едва ли принимает – в общем, ближайшая аптека находилась в соседнем квартале. Когда Даниэль Горовиц зашёл туда, ему почудилось, будто его там уже ждали. К нашему герою подошла девушка средних лет – в том смысле, что молодая, но уже повидавшая жизнь. У неё были каштановые волосы и очки с толстыми линзами в чёрной оправе. Взяв рецепт и уставившись в него в недоумении, она позвала другую женщину слегка в теле и уже слегка в летах, по-видимому, хозяйку, которая, посмотрев рецепт, улыбнулась нашему другу и сказала девушке, чтобы та продала клиенту лекарство, указанное в рецепте. Тогда последняя повернулась к стеллажу, вытащила из коробки пластинку с двумя таблетками и любезно предложила её покупателю всего лишь за каких-то шесть евро. Затем в качестве бенефиса, не заявленного в основной программе, она также протянула нашему герою клочок бумаги, на котором предусмотрительно написала своё имя и номер телефона. И напоследок, как бы между делом, улыбка. Звали девушку Надя, написала она номер мобильного, а улыбка у неё вышла такая искренняя, что Даниэль Горовиц не смог не улыбнуться в ответ.

Наш дорогой друг вышел из аптеки с чувством, похожим на то, которое переживают, увидев радугу в конце путешествия, а, может, и на то, что сродни затишью перед бурей, – какой из двух вариантов вернее, никогда неизвестно; вот в случае с нашим героем... Ладно, оставим это. Выйдя из аптеки, Даниэль Горовиц усердно принялся за поиски кафе или какого-нибудь другого места, где мог бы купить газировку, которая протолкнёт таблетку вниз по горлу. Он нашёл столовую прямо рядом с вокзалом, вместо газировки купил бутылку обычной воды – потому что не знал, в какую реакцию могут вступить подсластитель с лекарством, – одним махом проглотил таблетку размером почти с десять центов, зелёную, горьковатую, и как ни в чём не бывало сел на перроне, ожидая действия таблетки и поезда, который вернёт его в повседневную среду обитания. Поезд пришёл через две минуты. Даниэль Горовиц сел против хода – спиной к грядущему – напротив пары старичков, которые возвращались из-за города.

Здесь наше повествование должно быть дополнено некоторыми сведениями из биографии героя. Он родился в Берлине – где и провёл всю жизнь – в середине семидесятых годов в семье честных, хотя и с некоторой

склонностью к инакомыслию, представителей рабочего класса. Надо отметить, что Даниэль Горовиц родился в том Берлине, который серая сторона стены отделяет от Берлина с открыток с салютами. Его бабушки и дедушки едва пережили Холокост, но вместо того чтобы эмигрировать, как большинство немецких евреев, остались на родной земле, обуреваемые страстным желанием построить лучший мир без погромов и списков врагов государства. Но – как нам теперь всем известно – этот мир всё ещё не построен, материалы, подготовленные для его сооружения, пошли на возведение ограничительных стен, хлипких зданий и ещё одну форму всё той же ненависти; а родители нашего друга попали в те самые чёрные списки, за уничтожение которых их же собственные родители и боролись. Поэтому Даниэль Горовиц провёл детство, в сущности, как сирота, в постоянном страхе, что однажды за ним тоже придут люди в коричневых куртках и с выражением безнаказанности в глазах.

Поезд прибыл на станцию Александерплац. Даниэль Горовиц вышел из вагона без настроения, всё ещё с бутылкой воды в руках. Он сделал глоток, прежде чем выкинуть её в первое попавшееся мусорное ведро, и вдруг внутри всё перевернулось: вода отдавала горечью, как будто начала гнить, а ведь она была одной из лучших, родом из какого-то швейцарского источника, именно такую используют в горах, чтобы растапливать великолепный шоколад. Наш друг посмотрел на срок годности, потому что от покупок на окраинах можно ожидать всего чего угодно, но отпечатанные цифры оказались датой из необозримого будущего; тогда сделал ещё один глоток: может быть, всё дело в том, что в поезде он долго просидел без движения? Действительно, такое ведь случается. Но нет, эффект тот же. Вода, эта субстанция, повсеместно признанная не имеющей ни вкуса, ни запаха, ни цвета, ощущалась во рту приблизительно как болото с тростником и лягушками, да и пахла примерно так же, хотя – и тут не поспоришь – оставалась первозданно прозрачной, как и написано в учебниках. Даниэль Горовиц подумал, может, ему возвратиться, выказать неудовольствие той несчастной, что продала эту бутылку с болотной жидкостью, но поезд, следовавший в сторону Виттенау уже исчезал из виду, да и, с другой стороны, вряд ли эта игра стоила свеч.

Действительной, с другой стороны, наш Даниэль Горовиц не испытывал и малейшего желания жаловаться, но не из-за нехватки смелости. Он вышел из поезда, напевая одну песню, старую песню, которую он некогда играл на детском синтезаторе. Этой песне его научила бабушка. День был приятным, тепло ощущалось, как объятия в уютной гостиной, нагретой мягким жаром печки. Солнце светило для всех – забавно и непроизвольно. На Александерплац было полно народа – людей всех мастей, всех цветов и любого, какого хочешь, происхождения – с некоторых пор типичная картина для этой части города. Наш друг видел их лица усталыми и опустошёнными, ужасными, как на картине Босха; но всё это его не волновало. Для Даниэля

Горовица все эти лица – которые смотрели на него отчуждённо, почти с завистью, – составляли концерт для блокфлейты, немного барочный, но играющий *allegro*. Наш герой сел за столик у входа в кафе, решив распорядиться этим днём настолько хорошо, насколько это возможно. Он заказал капучино и стакан воды – вода! Как будто он её ещё не напился! – официантка, приняв заказ, ушла, оставив потягивающегося Даниэля Горовица за созерцанием улицы. Он наблюдал за прохожими так, как обычно смотрят парад. Люди – а они, случайно, не массовка из фильма ужасов? – выставляли на показ жестокую действительность своих пустых жизней, как будто их внутренности исторгали неизбежный предсмертный хрип через открывшиеся поры. Никогда раньше наш друг не догадывался, насколько зловещее и безрадостное зрелище являют собой прохожие, которые снуют между угнетающими, наводящими тоску зданиями. Вместе с тем ещё никогда он не оставался настолько, скажем, безразличным к подобного рода зрелищам. Это было чувство, подобное тому, когда смотришь грусти прямо в глаза и говоришь ей: «Да, но... Ну и что теперь? Не надо тут мне делать лицо просящего милостыню. Я всё равно не поведусь». А день в то же время навевал такую приятную сладость, что вопиюще контрастировал с процессией живых мертвецов, кишевших на улице. Небо было яркого, синеголубого цвета, как на фотографиях, и время шло размеренно, словно постоянное, ничем не прерываемое биение сердца, которое радостно отстукивает ход самой жизни.

Вдруг запах табака пробудил нашего героя от созерцательных грёз. Он никогда не пробовал курить, но ему всегда казался очень приятным сладковатый, немного терпкий аромат некоторых сигарет. Доверившись обонянию, он обнаружил источник запаха в руке соседа, сидящего за столиком справа, – изрядно полысевшего блондина, лет за пятьдесят, одетого – отменно – в серый пиджак и брюки. Незнакомец погрузился в состояние созерцания, очень отличающееся от того, в котором только что находился Даниэль Горовиц: с лёгкой небрежностью он читал развёрнутую газету, которая полностью закрывала его лицо, шею и грудь. Как уже было сказано, Даниэль Горовиц никогда не пробовал курить – ну, может, и пробовал, буквально пару затяжек в школьном туалете, – но тут ни с того ни с сего ему взбрело в голову попросить сигарету у незнакомца. Никто никогда не узнает, ни у кого в сущности нет ни одной причины, чтобы выяснять это. В общем, он взял да и сделал то, что требовало его тело: повернувшись к соседу, наш герой чрезвычайно вежливо спросил: «Извините, пожалуйста, не потревожу ли я вас, если попрошу буквально одну сигаретку?». Мужчина посмотрел на нашего друга несколько свысока и, удостоверившись в том, что Даниэль Горовиц не нищий – один из этих, надоедливых, – молча протянул приоткрытую сине-золотую картонную коробочку. Наш герой взял одну из выглядывавших сигарет и, вспомнив, что у него, некурящего, нет спичек, попросил прикурить у соседа. Тот, хоть и смотрел недружелюбно, всё же взял серебряную зажигалку – такие обычно открывают с непринуждённой

элегантностью, легко откидывая крышечку, – и поднёс её к сигарете, которую наш милый Даниэль Горовиц удерживал во рту довольно неуклюже.

Дым ворвался в горло и заполнил лёгкие. Но перед этим оставил во рту странные ощущения – по воспоминаниям, вкус курева в школьные годы был не таким. Наш герой взглянул на соседа, который всё ещё не возвращался к чтению, возможно, ожидая продолжения диалога, хотя Даниэль Горовиц уже успел вежливо поблагодарить его. Незнакомец, встретившись с ним взглядом, изобразил улыбку. И этим дело не кончилось – он даже ещё и произнёс первые слова: «Они немного крепкие, да, – или что-то в таком духе, – куплены в Турции». Даниэлю Горовицу было абсолютно всё равно, где их купили – в Турции или Пакистане. Вообще-то сигарета не показалась ему крепкой. Нет, она, конечно, крепкая, это ясно, но тут было что-то ещё, что-то, напоминавшее запах обгоревших камышей. Эта мысль снова унесла его к болотам и лягушкам. Он продолжил курить, думая о том, что, может, ему и удастся привыкнуть и докопаться до разгадки тайны, которая, казалось, то ли щекотала, то ли разъедала ему нёбо. Наш друг – этого ещё не было сказано, что ж... время пришло! – гордился присущим ему довольно тонким вкусом, достаточно хорошим, чтобы по крайней мере отличить суп с капустой от мокрой бумаги. Однако же, из-за этой чрезмерной чувствительности один глоток воды мог превратиться в целый пруд, а сигаретный дым способен был отправить в мысленное путешествие по зарослям жжёных камышей. Что-то тут не ладно. Нет, не то чтобы наш герой выискивал поводы для беспокойства – он даже успел заметить, что день чересчур прекрасный, чтобы омрачать его какими-то глупостями, – но интуиция госслужащего обманывать не могла: странный вкус второй раз за день... Неспроста это. Оставалось только ждать, что же произойдёт с кофе. Тут как раз и появилась официантка с чашкой горячего капучино, из которого шёл пар, и стаканом воды. Непринуждённым движением поставив всё это на стол, она исчезла внутри заведения. Чашка была того же цвета, что и покрывавшая тёмную жидкость пенка, поэтому кофе походил на весенний снежок, когда закристаллизовавшаяся вода начинает испаряться. Даниэль Горовиц заметил это, и у него появилось странное непривычное ощущение. Он решил не поддаваться впечатлению от увиденной им картинки, положил в кофе щедрую ложку сахара и стал мешать жидкость, пока она не приобрела светло-коричневый оттенок. Далее наш друг отхлебнул глоток, после чего решил затянуться сигаретой. Получилось скверно, очень скверно. Нет, ну не то чтобы уж совсем отвратительно, но ощущения были сродни тем, которые испытываешь в раннем детстве, пробуя из любопытства есть землю. Даниэль Горовиц нахмурился. Тело обманывало его. Он встал утром, чувствуя, что потолок давит, что лёгкие болят от каждого вдоха; затем ему удалось преодолеть это состояние – и он, почувствовав себя по-настоящему хорошо, стал свободным и счастливым – ему так полегчало, должно быть, благодаря прогулке, или может быть...–. Наш Даниэль Горовиц вспомнил про таблетку. Ну конечно! Теперь понятно! Всё так или иначе связано с ней! Благодаря

таблетке улучшилось настроение, но при этом пострадал вкус – то ли это побочный эффект, то ли месть. Даниэль Горовиц принялся щупать карман, в котором у него была припасена вторая волшебная таблетка – для экстренного пресечения депрессии. А вместе с таблеткой он нашёл и клочок бумаги с номером телефона. Девушка из аптеки! Даниэль Горовиц осмотрелся кругом, вдруг где-то рядом окажется свободная телефонная будка. Он увидел подходящую совсем близко, почти что вскочил и побежал звонить... Но взял себя в руки. Все эти необдуманные действия ни к чему. Девушка, Надя, дала номер, действительно повинувшись порыву, ну а ему лучше переждать немного, сохранить лицо. Наш Даниэль Горовиц вернулся к своему капучино, всё ещё держа сигарету двумя пальцами. Он посмотрел на соседа и встретился с ним взглядом.

– Нет, ну вы видели это? – заявил тот несколько неестественным тоном, – Что за люди! Сколько можно безнаказанно проворачивать подобные делишки!

Тут сосед демонстративно повернулся к Даниэлю Горовицу, который, вообще-то говоря, был его единственным возможным собеседником. Наш друг посмотрел на него с любопытством, ожидая начала разговора. Незнакомец ограничился тем, что показал газету, на центральных страницах которой помещалась большая статья с описанием экономического судебного разбирательства – так гласил заголовок. В центре статьи красовался тот же снимок, что Даниэль Горовиц видел ещё утром в клинике, – фотография полковника Штази в отставке Ханса Фойербаха. Нашего друга передёрнуло. Слишком явное совпадение – два раза за один день. Он попытался скрыть растерянность и снова сделал затяжку после глотка кофе. Тот же вкус грязи на сей раз добрался до желудка. Почувствовав, что его начинает подташнивать, Даниэль Горовиц, вместо того чтобы прекратить курить, продолжил делать это – да ещё и с совсем не свойственной ему дисциплинированной выдержкой. Тогда он обнаружил в себе в некотором роде конформизм, заходящий гораздо дальше, чем простое принятие. В ощущаемых нашим героем вкусах, конечно, крайне неприятных, он каким-то необъяснимым образом выискивал – несколько неправдоподобно – нечто желаемое и манящее, как будто вдруг стал способен находить удовольствие в невыразимо и бесконечно раздражающем. Это недавнее открытие вызвало у него улыбку, и он представил, как посещает те самые пикантные заведения с клетками, где мужчины платят, за то чтобы их пороли скучающие женщины в латексных костюмах. Очень быстро он забыл о Хансе Фойербахе, фото которого только что видел уже второй раз за день. Даниэль Горовиц снова нащупал в кармане таблетку. Она, без всяких сомнений, была страшным лекарством, которое изматывало всё тело и выбивало пациента из колеи, чтобы тот осознал, что на жуткие дела можно смотреть с восторгом. Дикая мысль кружила в его мозгу: если так подействовала одна таблетка, что будет, когда примешь две? Врач прописала по одной штуке в день, но специалисты всегда так и норовят оградить от злоупотребления лекарствами, и вообще-то у Даниэля Горовица не сложилось впечатления, что над ним нависает угроза

передозировки. Соблюдая секретность, как тот, кто осознаёт, что совершает нечто недозволенное, наш друг вытащил из кармана таблетку – ни дать ни взять монета в десять центов – и резким движением отправил в рот. На этот раз, чтобы проглотить монету в десять центов, он выпил залпом чашку кофе, а затем как ни в чём не бывало продолжил курить, смотря на своего соседа, который, по всей видимости, ничего не заметил.

Вдруг наш герой почувствовал себя не в своей тарелке. Даниэлю Горовицу показалось, что он уже долго пробыл за столиком кафе и лучше бы ему сменить обстановку. Он даже стал бояться, что кто-то из коллег обнаружит его здесь и станет выяснять причины его отсутствия на работе, ведь по всему было видно, что он в полном порядке. Не то чтобы наш друг чересчур волновался по этому поводу, но как-то не хотелось ни с кем конфликтовать, а потому он стремительным прыжком вскочил с места, одним махом выпил целый стакан воды – до настоящего мгновения нетронутый – оставил на столике плату за кофе – и немного сверху –, отвесил соседу нелепый поклон, на который тот даже и не обратил внимания, и зашагал на запад, в сторону от площади.

По правде говоря, таблетка была настоящим чудом. Тот, кто побыл бы с утра в шкуре нашего Даниэля Горовица, невероятно бы удивился и даже бы не поверил, что всего за несколько часов может произойти такая колоссальная перемена настроения. Да, утром он рисковал стать одной из этих умерщвлённых душ, волочащих собственную тень по бульвару Унтерден-Линден, – наш друг именно по нему сейчас проходил – как будто ветерок под липами не обладает лечебным свойством облегчать любые страдания. В то утро Даниэль Горовиц проснулся безупречно несчастным человеком. Более того, он был им всю свою жизнь. Теперь наш герой понимал, что единственным результатом его существования стали испещрившие душу морщины; морщины, которых, по большому счёту, могло и не быть, ведь он сейчас видел собственными глазами, что мир действительно прекрасное место, а общество стремится подчинить его и перекроить на свой лад, пользуясь мерками собственной ничтожности. Такой была жизнь Даниэля Горовица до сегодняшнего утра, до той минуты, когда он проглотил таблетку. *И теперь esse homo¹ стал абсолютно другим созданием. Не то чтобы вдруг Даниэль Горовиц поселился в каком-то розовом особняке, как из журналов со сплетнями голландского двора. Нет, совсем напротив, он полностью осознавал всё то беспокойное и в то же время заурядное, устрашающе нелепое и невежественное, что сокрыто в бытии человеческом. Он отчётливо видел эту скорбь, это подстерегающее на каждом шагу уродство, от пут которого сам Даниэль Горовиц, однако, был освобождён. Так он чувствовал. А ещё наш друг стал неуязвимым, как Зигфрид, выкупавшийся в крови дракона. В своих глазах он был – следует предупредить вас об этом – почти героем, мифическим существом,*

---

¹ Этот человек (лат.) Библейское выражение (слова Понтия Пилата о подвергшемся бичеванию Христе), указывающее на человека страдающего.

которое, не будучи признанным никем, следует по улицам города. Тогда он решил, что его прогулка не может проходить по прямой линии, вместо этого она должна непременно подчиняться мимолётной прихоти; поэтому, когда нашему герою заблагорассудилось за первым же углом свернуть направо, он так и сделал.

И тут Даниэль Горовиц наткнулся на аптеку. Удивительное совпадение. В обычной жизни наш друг никогда не обращал внимания на то, как естественно смотрятся аптеки в городском пейзаже. Он ведь даже особо не простужался и заходил в них только в случае острой необходимости. В остальное же время аптеки существовали только в плоскости возможности, ожидая того момента, когда понадобятся снова. Но сейчас одна из них возвышалась перед героем, и при этом она была ему не нужна, по крайней мере срочно. Но Даниэль Горовиц подумал, что, если уж на его мифологическом и причудливом пути попала аптека, это должно было что-то да значить. И действительно значило. Лесная дорога, в конце которой виднеется яркий пряничный дом, крошки хлеба уже склёваны птицами... – как будто по-другому и быть не могло. Наш друг пощупал карман с рецептами и подумал, что, раз ему встретилась аптека, лучше всего закупиться таблетками на несколько дней вперёд – хотя, конечно, ещё неизвестно, какой эффект произведут две сегодняшние, принятые чуть ли не одна за другой. Он ступил на порог аптеки с еле сдерживаемым энтузиазмом, но, открыв стеклянную дверь, подумал, что излишняя эмоциональность вызовет подозрения. Тогда наш герой старательно скрыл её под маской страдания и направился к прилавку.

Но – сложно сказать, по причине ли действия безжалостного лекарства, – аптекарши уже не казались такими радушными, а их лица – такими приветливыми, как в предыдущей аптеке. Теперь Даниэль Горовиц видел бездушные холодные автоматы по выдаче лекарств. Они машинально взяли бумажку с рецептом и с пренебрежительной непоколебимостью сообщили ему, что в рецепте ошибка и по рецепту отпускается только одна таблетка. Кто ему прописал эти таблетки? В какой клинике? Сколько рецептов было ему выдано и за какой промежуток времени? Даниэль Горовиц уже не мог отделаться от впечатления, что попал на допрос. Вдруг нашего героя охватила паника, и он тысячу раз проклял себя за свою случайную прихоть. Единственное, что ему хотелось, – выйти оттуда целым, невредимым и, по возможности, с незадетым чувством собственного достоинства. В итоге в ход пошли неиспробованные актёрские приёмы – по правде говоря, конечно, испробованные каждым, кто вынужден всю жизнь лгать вышестоящим лицам, – наш герой стал ссылаться на плохое самочувствие, сказал, что теперь уж и не помнит название клиники и исключительно по незнанию был уверен, что, хотя бы одну таблетку, но ему должны продать, по крайней мере ведь так написано в назначенном лечении. Проблема была только в одном: в каждой пластинке всегда две таблетки, и как же тогда покупать их, если на руках только один рецепт. Вот если бы по счастливой случайности у него оказался ещё один такой же рецепт, то появился бы и доступ к целой

пластинке. Даниэль Горовиц не на шутку занервничал. Он был не способен разгадать абсурдность таких правил и принялся с невнятным бормотанием твердить, что у него всего один рецепт. Ни под каким предлогом наш герой не хотел признавать наличие у себя в куртке второго такого же формуляра, а ведь аптекарши узнали бы об обмане, если бы проверили карманы. Тем не менее, Даниэль Горовиц пустил в ход следующий аргумент: пусть ему сейчас отдадут бумагу, и он обязательно вернётся чуть позже или на следующий день уже с двумя полагающимися рецептами. Автомат сдвинул брови и сощурил глаза с подозрением. Представители аптеки не могут вернуть рецепт, ведь речь идёт об очень опасном лекарстве, выдача которого строго контролируется. Что ему оставалось делать?

Даниэль Горовиц вышел из аптеки, поджав хвост. Но и вздохнул с облегчением, потому что смог унести ноги из этого здания, в котором, к счастью, не оставил ничего, кроме ерундовой бумажки. Он убежал, как облитая ледяной водой собака, и постарался уйти от аптеки как можно дальше, чтобы не видеть её. Наш друг шёл так сосредоточенно, что не испытывал ни малейшего желания обернуться, а когда, наконец, сделал это, его ужас возрос в геометрической прогрессии: вдруг Даниэль Горовиц увидел подозрительного мужчину, который шёл прямо за ним. Когда наш герой замедлил шаг, преследователь сделал то же самое, притворяясь, что останавливается у киоска, чтобы купить газету. У Даниэля Горовица снова засосало под ложечкой. За ним точно установили наблюдение, а незнакомец, который сейчас прячется за страницами только что купленной газеты, - не кто иной как обладатель турецких сигарет из кафе. Ошибки быть не могло. Тот же серый костюм, та же манера закрывать лицо газетой. Наш герой прежде всего из-за нездорового любопытства почти обернулся на незнакомца, чтобы рассмотреть его лицо, но тут вдруг заметил, что к преследователю приближаются двое – бритоголовые мужчины в коричневых куртках, которые вроде бы собираются попросить прикурить и завязать разговор. Наш Даниэль Горовиц быстро двинулся вперёд, пытаясь сохранять хладнокровие, но ускоряя шаг, насколько позволяли нервы. Он перешёл дорогу, почти не глядя по сторонам, и завернул за угол, не задумываясь, в каком направлении движется.

Но всякий раз, когда он решал посмотреть назад, непременно видел тех индивидов в коричневых куртках. Становилось совершенно очевидно, что не может идти и речи о случайном стечении обстоятельств. Не оставалось ни малейшего сомнения, что за ним следят. И Даниэль Горовиц вспомнил, что в детстве, возвращаясь из школы, он встречал таких же мужчин в куртках цвета грязи: они попадались на каждом углу улицы, они спускались по лестнице его дома, они стучались в дверь квартиры, где он жил с родителями. Даниэль Горовиц не знал, что делать, от страха чувствовал себя совсем беспомощным, даже примерно не представлял, как скрыться от преследователей, казавшихся безупречными в своей вездесущности. Он не хотел идти домой, но и посреди улицы не чувствовал себя защищённым.

Может, зайти в какой-нибудь бар, где много людей... Нет, не очень хорошая идея. Мозг Даниэля Горовица работал быстро, чересчур быстро. Наш друг не мог сосредоточиться ни на одной из множества мыслей. Вдруг ему в голову пришла новая идея, но не успел он за неё ухватиться, как понял, что она не очень удачна. Если он зайдёт в бар, коричневые куртки последуют за ним, останутся стоять у дверей, и спустя какое-то время, когда ему надо будет выйти, в их распоряжении окажется очевидное преимущество. Наш герой, конечно, мог бы обратиться в полицию... Но каким образом? Что он им скажет? Да и в подобных случаях не особо-то можно доверять полицейским, которые точно встанут на сторону преследователей. Должен же быть какой-то выход. Хоть одно безопасное место в городе. Но вот только какое? Даниэль Горовиц решил дать себе секунду передышки. Его соглядатаи, соблюдая правила слежки, тоже остановились. Вдруг откуда ни возьмись на углу улицы появилась телефонная будка – пустая и освещённая.

Наш герой набрал номер Нади. «Привет!». Она ждала его звонка, знала, что звонит именно он, кто это ещё может быть, кроме него, в такой час, да ещё и с центрального общественного телефона? Голос девушки внушал уверенность, был чем-то вроде барбитурата, успокаивающего расстроенные нервы. «Ты во что-то влип?». Как она могла узнать об этом? Хотя, наверное, Надя обо всём знает заранее. Казалось, она узнала об этом ещё сегодня около полудня – ровно тогда, когда наш герой зашёл в аптеку в Виттенау. С другой стороны, голос отражал весь ужас, который Даниэль Горовиц испытывал в то самое мгновение, ужас, который во время разговора с Надей казался ему нелепым, незначительным и способным испариться в любую секунду. В голосе этой девушки было что-то, вселяющее мужество и похожее на безопасное убежище, в котором можно спрятаться от зла. Тогда он понял, что должен её увидеть, потому что нуждался в тепле её тела и звуке ласкового голоса. Наш герой собирался сказать это, но и тут она его опередила. «Через полчаса я пойду на обед, после обеда могу отпроситься на вечер... если хочешь». Она сказала: «Если хочешь». Да, Даниэль Горовиц хотел, не передать как хотел. Ему нужен был кто-то в этом мире, кто-то, кто сказал бы, что всё будет хорошо, какая-нибудь Гретель, которая убила бы ведьму, пока его откармливают в клетке. Через полчаса... Где? «У Колонны Победы, - сказала она, – в Тиргартене». Через полчаса Надя пойдёт обедать. А дорога из Виттенау в Тиргартен занимает минут десять-пятнадцать. Получается около сорока пяти минут; сорок пять минут, в течение которых Даниэль Горовиц должен сохранять спокойствие и занимать голову банальностями, чтобы не думать о только что испытанном ужасе. Коричневые куртки не оставляли пост, дерзкие, безбоязненные, готовые ждать веками, пока Даниэль Горовиц выйдет из будки и снова отправится в путь. Это в каком-то смысле утешало нашего друга, ведь его преследователи не собирались выходить за рамки простого наблюдения, у них не было ни малейшего намерения схватить его или арестовать. Они следовали по пятам, держались на расстоянии, как длинная коричневая тень. Очевидно, данные им приказы – кем бы ни были эти люди, ясно одно: они подчинялись мужчине в сером костюме –

ограничивались только наблюдением. Преследователи должны были мешать нашему Даниэлю Горовицу не больше, чем жевательная резинка, которая приклеилась к подошве ботинка.

Тем не менее, если он собирался встретиться с Надей в Тиргартене, требовалось избавиться от жевательной резинки. Нехорошо подвергать опасности девушку, приводя с собой такую компанию: если узнают, что именно Надя – пусть и без злого умысла – продала ему таблетки, последствия могут оказаться плачевными. Тогда и за ней начнут следить. Нельзя допустить, чтобы она попала в передрагу, которая не имеет к ней никакого отношения. Нет, надо срочно избавляться от коричневых курток, по-другому никак: вот бы скрыться от них на каком-нибудь углу, то-то они удивятся, что ему удалось так ловко ускользнуть. Но вот в чём загвоздка: наш герой понятия не имел, как это сделать, – он и до этого не понимал, а теперь и подавно. Вдруг решение нашлось само собой – трамвай, идущий в северном направлении. Перейдя улицу, наш друг подбежал к вагону и зацепился за поручень задней двери. Преследователи бросились за ним, но, остановившись перевести дух, так и не добрались до Даниэля Горовица, который, как в фильмах, показывал им нос, стоя на ступеньках.

Наш Даниэль Горовиц – какой-то потерянный – бродил по аллеям Тиргартена и думал обо всём случившемся за день. Сегодня время загадочным образом совершало какие-то необъяснимые скачки – совсем скоро наступит вечер. Пульс нашего друга участился, сердце колотилось как бешеное, и не только из-за череды пережитых им выматывающих событий, но и из-за скорой встречи с Надей – у неё волосы каштанового цвета, носит она очки с толстыми линзами и работает в аптеке в Виттенау. Должно быть, уже через несколько минут Даниэль Горовиц за стеной из зелёных листьев увидит её – девушку с улыбкой чистой, как воды швейцарского источника. Даниэль Горовиц торопливо пошёл к Колонне Победы, у которой они договорились встретиться. В Тиргартене было немногочисленно, кое-где попадались только парочки влюблённых, которые, скорее всего, прогуливали занятия в парке, чтобы подышать свежим воздухом и спрятаться от осуждающих взглядов общества. Особое внимание нашего друга привлекли двое коротко стриженных, совсем ещё молодых людей, их пол невозможно было определить на расстоянии. Они целовались с невероятной страстью, их объятия излучали радость и свободу. Приблизившись, Даниэль Горовиц подумал, что они, должно быть, друзья, которые только недавно обнаружили взаимное влечение, а сейчас среди кустарника, в полумраке приближающегося вечера, целуются, наверное, впервые, раздевая друг друга глазами и движениями вдали от взглядов толпы. Это показалось Даниэлю Горовицу любопытным. В Берлине ведь никого не волнует, что представители одного пола могут целоваться на улице – если речь не идёт о районах, в которых живут турки, – тем не менее, эти влюблённые выбрали для свидания почти безлюдное место, как будто чувствовали себя

виноватыми за своё желание. Но наступали сумерки, а в такой час всё возможно.

Вдруг спокойствие, царившее в зелёных зарослях, было нарушено. Даниэль Горовиц увидел, как молодые люди кидаются наутёк, пытаются скрыться среди кустарника. Они были похожи на оленей, которые мирно пасутся на лугу, но, почуяв приближение хищников, резко поднимают голову и стремительно убегают. Что-то леденящее острым уколом пронзило бок нашего друга, что-то похожее на холодное железо, пролежавшее всю ночь на сырой земле. И тут Даниэль Горовиц заметил, что по аллее к нему приближаются *они* – возникшие из ниоткуда, окутанные коричневым туманом, раздражённые, свирепые,двигающиеся, как в замедленном действии. Их приближение напоминало лавину, на пути которой чахли все листья. Жившие внутри них чудовища испускали пар ненависти, лишая человеческого облика. Даниэль Горовиц увидел только две тени леденящего пламени, которые надвигались на него откуда-то сверху, чтобы расправиться с его душой и мгновенно поглотить всю человечность; две тени, которые сжигали и замораживали кровь, две ужасающие тени внутри коричневых курток.

Тогда он начал убежать, тоже как в замедленном действии, будто ноги налились свинцом и не хотели двигаться быстрее. Наш герой беспрестанно поворачивался, тени завладели его взглядом, и он уже не мог упустить их из виду. Как бы Даниэль Горовиц ни пытался уйти от преследования, тени становились больше и отчётливее, заполняли собой всё вокруг. Он бежал не останавливаясь, почти без единой передышки, по бесконечной аллее разросшегося кустарника, за которым не было видно неба. Даниэль Горовиц не слышал ничего, кроме сердцебиения этого чудовища, рёва войны, изрубленного на мелкие куски мяса. Преодолевая невероятное напряжение, он выпрямил голову и увидел в конце аллеи свет, а вместе с ним и Колонну Победы. Там его ждала Надя. Даниэль Горовиц из последних сил ускорил бег, уже не оборачиваясь. Внутри болело так, будто лапа с холодными металлическими когтями, вцепившись в сердце мёртвой хваткой, пыталась вырвать его через спину. Наш герой бежал не останавливаясь, сжав зубы, терпя боль и, в конце концов, добрался до света. Он обнял девушку со слезами, ведь встреча могла стать прощанием навсегда. Надя, поначалу удивившись порыву нового знакомого, обняла его в ответ. Свет, наполнив всё вокруг, постепенно успокаивал сердце Даниэля Горовица, освобождая от когтистой лапы и прогоняя холод.

Наш друг обернулся. Зелёные аллеи опустели. Никакой огненно-коричневой лавы уже не было, как будто никогда и не существовало. Изнемогая от усталости, Даниэль Горовиц упал на колени перед Надей и, обхватив её руками, прижался к ней.

«Будете заказывать ещё что-нибудь?» – услышав этот вопрос, Даниэль Горовиц пришёл в себя. Он поднял голову. Говорила не Надя, а официантка. Она была по-прежнему вежлива, но в её взгляде читалось беспокойство.

Даниэль Горовиц смотрел на официантку против света, но видел её лицо так же отчётливо, как и передник. Наш друг огляделся вокруг: мужчина в сером костюме всё ещё читал газету, хотя теперь с любопытством смотрел поверх неё. Из стоявшей на столике кружки капучино уже не шёл пар, но сигарета продолжала дымиться между пальцами, и пепел пока не дошёл до фильтра. Даниэль Горовиц затушил сигарету, раздавив её о донышко стеклянной пепельницы в центре столика. Затем глубоко вздохнул. День был таким же синим и тёплым. Официантка нетерпеливо стучала носком туфельки. «Нет, – сказал наш друг, – больше ничего. Спасибо». И оплатил счёт.

Он поднялся на ноги, шупая карман. Там уже не было второй таблетки, но зато всё ещё оставался обрывок бумаги с номером телефона. Даниэль Горовиц вспомнил, что недалеко есть телефонная будка, и направился к ней, немного сонный, но полный решимости отрезвиться и изменить судьбу. На этот раз наш друг не обернулся, не попрощался с соседом – воспоминания не давали относиться к нему с прежней симпатией – и не увидел, как двое бритоголовых мужчин в коричневых куртках заходят в кафе со стороны площади.

Перевод Анны Байковой

Алексис Ромай
Дневник (но не ежедневник) для заметок

Суббота 18 октября 1986

Ох и испугалась я! Знаю, что обещала рассказать тебе об уроках гражданской обороны, но дай я сперва расскажу кое-что, пока свежо. Оказалось, что в начале недели на работу к маме пришла проверка, потому что недавно обнаружилось, что полки, на которых с вечера был товар, к утру обычно зияли пустотой. А все началось с того, что наняли двух новых работников и начальника склада (чтобы заменить большую часть сотрудников центра, старых мешков, которых давно надо было стряхнуть с пыльных полок). Ну и как ты можешь себе представить, дорогой мой, от этого огня дымилось всюду, и проверяющие прочесали всех частым гребнем: попросили рассказать коллег и соседей про того, этого и пятого-десятого, об их жите-бытье, поговорили со всегда готовыми поболтать следователями КЗР об их подопечных. Дружок, да что ж я тебе все разжевывать должна! Ты же не из Сан-Тупильо, вот и не тупи постоянно. Ладно, так уж и быть, объясню: Комитет защиты революции, впредь и далее КЗР (хохмачи говорят КЗВ, то есть, *Комитет Заложил Всех* но, если кто спросит, не вздумай сказать, что узнал это от меня). Ой, я же не рассказала тебе: моя мать – директор галереи «Сейба», которая подчиняется Кубинскому фонду культурного наследия, а находится – галерея, парень, не фонд: тот находится

в старом городе – на первом этаже отеля «Свободная Гавана», на самом вкусном углу Гаваны, между улицами 23 и L. Вкус ему придает «Коппелия», наш храм мороженого наискосок от отеля, там можно попробовать лучшие сорта в мире (но тебе, парень, придется отстоять чудовищную очередь). Что значит – что там продают? Чувак, я же только что сказала! А, в «Сейбе». Да всё! Длинные платья с ужасными квадратными вставками из кожи, всем известные ремни из кожи крокодила (слезы крокодила льют кубинцы), сандалии ручной работы, жутко нелепых мать их так, тряпичных ведьмочек, нарядных керамических негрятят, глиняные пепельницы, необработанный табак, обработанный табак, красное вино времен Адама, вино в коробках из Анголы, сухое вино из Африки, отвратительное вино из Майами, абстрактную живопись Кубы, кубинскую живопись (ну очень абстрактную), некультурные скульптуры, резьбу по дереву (представь, негрятянки из черного дерева, мулатки из кедра, блондинки из прессованных опилок, обнаженные, курносые, губастые – такие нравятся толстым европейцам) и кучу других безделушек, которые туристы покупают без остановки, чтобы затем убедить себя и убедить скептиков, мол, да, они были на Кубе, а если не верят, то пусть спросят эти самые сувениры, которые слышат их разговор с полки серванта, или со стены, или обернувшись в полтора раза вокруг пояса и придерживая штаны.

В общем, парень, в эту среду к начальнику склада пришли четверо полицейских и перевернули все вверх дном. Камня на камне не оставили. Среди бела дня (ну ладно, среди бела вечера), при жене и детях. Полиция пришла с немецкими овчарками, а через несколько часов ушла с парой картин Лопеса Мартинеса и вышеупомянутым (не художником, кладовщиком) в наручниках на заднем сидении патрульной машины. На следующий день его отпустили после того, как супруга рано утром принесла из галереи бумаги, подтверждающие легальность картин этого абстрактного кубинца. Начальник склада в ту же среду явился на работу белый, как полотно, так что, если полицейские хотели навести панику, должна тебе сказать, им это удалось на славу, потому что все, включая мою мать, святую женщину, никогда никому кроме меня не причинившую вреда, дрожали, как лист на ветру.

Ту же шутку сыграли с Катюшкой, специалистом по изобразительному искусству. Бедняжку забрали в участок, со всеми вытекающими. Отпустили через 16 часов, когда моя мать явилась в отделение полиции с документом, разрешающим продажу этой избилующей женщинами с обнаженной грудью акварели озабоченного Фабело (моя мать все держит под контролем). Так что, когда в час ночи в субботу раздался стук в дверь, да-да, меньше, чем через сутки, мать выглянула через решетки окна в ванной и увидела двух типов в форме, с ней чуть родимчик не случился. В тот вечер Татьяна ушла на вечеринку в Вибору и около одиннадцати позвонила предупредить, что останется у парня, а бабушке хоть из пушки стреляй, хоть военный оркестр под ухом – если уж эта женщина решила спать, сам чёрт её не добудится. В общем, из мыслящих существ в этом доме (если в такое время вообще

возможно мыслить) были только мы с мамой. Но я пребывала в объятиях Морфея, отсыпаясь после гражданской обороны, и должна тебе сказать, что в подобной ситуации крайне неприятно проснуться от того, что мертвенно холодная рука зажимает тебе рот. С трудом, будто ржавую дверь, я открыла глаза и увидела, что моя мать подносит указательный палец к губам. Шепотом рассказала, что двое полицейских стучат в дверь, и она ужасно боится открыть дверь. Я сначала не поняла, за каким лядом в такой час явилась полиция, но мне хотелось отделаться от матери и продолжить свидание с подушкой, и я сказала, чтобы она не открывала им. Если они хотят чего-то, то пусть возвращаются в рабочее время, пусть в здании и бардак, но мы – люди приличные. А вот ночные визиты мужчин мне не нравятся. Всё это время типы продолжали стучать, бабушка храпела, а мы, на той кровати, где я тебя прячу, шепотом обсуждали аварийные выходы из ситуации. И вот тут мать призналась: она боится не того, что нас изнасилуют или найдут что-то из галереи, а того, что в морозилке найдут мясо. Вот тогда-то я проснулась, и волосы у меня встали дыбом. Потому что одно дело в один смычок, дружок, и совсем другое – с оркестром. Ах, Неежедневник, как мало ты знаешь о жизни! Конечно, мясо вне закона!

Бродячий торговец постучался к нам в разгар дня в пятницу. Я только что приехала, потому открыла я. Моя бабушка шла за мной по пятам. И вот торговец говорит, что его прислал Рауль из 812, и в следующую секунду уже разворачивает бумажный сверток, в котором на глаз было фунтов 15. Я готова была расцеловать его! Знаешь, когда я последний раз видела кусок мяса такого размера? Вот и я не знаю. Поэтому мы стали звать маму, а она ответила, что не может прийти – закрашивает седину в ванной. Тогда мы применили кодовое слово «Красное». Мама примчалась со сверхзвуковой скоростью, в бигудях и с полотенцем на голове. У нее чуть глаза из орбит не вылезли. Не хочу, чтобы ты думал, что она всегда недовольна (хотя так и есть), но никогда раньше я не видела ее такой счастливой, как в то мгновение. Темная личность (торговец был темнокожим, хи-хи) предлагала рыбу, авокадо, ямс и проклятый кусок говядины. Ты-то воздухом питаешься, так что, полагаю, упоминание мяса не вызывает у тебя аппетита и желания жить, а вот мне, нам, забывшим вкус жареного с луком бифштекса, этот уличный торговец и его товар показались даром небес. В мгновение ока и будто со старым знакомым мы договорились о цене. Мать велела ждать у дверей и ушла в комнату. Мы с бабушкой стояли, мечтая о пиршестве, ожидавшем нас в ближайшем будущем. Бигуди вернулись с долларами из Майями, которые нам прислала тетя около месяца назад. (Никому ни слова про доллары, а то если прихватят, обвинят в «нелегальном хранении», и уже никто не спасет тебя от диеты из света и воздуха в одной из многих каталажек, которыми изобилуют эти края). Моя мать – пламенная революционерка, с пеной у рта защищает Фиделя, критикует черный рынок, расточительство, растрату, кражу государственного имущества и заявляет, что социализм – лучший из возможных миров (вероятно, поэтому я мечтаю о

невозможных), но когда речь заходит о еде, она закрывает на все глаза и отступает от принципов, мол, господь каждому по силам дает, так что заплатила она нашему спасителю и вернулась в квартиру с блаженной улыбкой, свертком мяса в одной руке и авоськой авокадо в другой. Мы были счастливы. Пообедали по-королевски. Бабушка, которую обычно надо уговаривать приготовить что-нибудь, но уж если готовит – тушите свет, приготовила рис с фасолью, салатик из авокадо, жареные спелые бананы (мама легально купила их утром на хозрасчетном рынке и бифштекс с секретной подливкой, так что я едва не съела Татьянин кусок. Мать моя, которая вечно защищает ее, сказала, что несправедливо не оставить ей порцию. На это я возразила, что пашу как проклятая всю неделю, а Татьяна съедает весь полагающийся мне по талону хлеб, а мама в ответ, мол, нельзя сравнивать хлеб и мясо, а я говорю, что еще фунтов десять лежит в морозилке, и что мне они не светят, потому что когда я вернусь, их и след простынет, и вот так, дорогой мой, в этом доме, да и во всей стране, семейный ужин может превратиться в ад, потому что мы всегда ругаемся из-за еды. Но мы хотя бы разругались на полный желудок! Это придает сил и стремления победить в споре.

Возвращаясь к ночным гостям (звучит, как сериал на радио «Прогресс», волне радости). Служители порядка (в данном случае беспорядка) продолжали ломиться в дверь с присущей всей Нашей Америке мощью, а бедная мама продолжала дрожать. Я стояла на своем. Ни в коем случае мы не откроем дверь. Я решила, что в крайнем случае, если не останется другого выхода, мы можем положить мясо в пакет, обвязать его веревкой и вывесить из окна в световой колодец, который открывал для нас все интимные подробности жизни соседей, оравших во всю глотку, и в свою очередь выставлял напоказ и нашу жизнь, но мать возразила, что в колодце крысы, тараканы и другие домашние животные, и что они могут общупать или съесть чертов сверток, а я говорю, чтобы общупать, нужны щупальца, а она такая, можешь перестать развлекаться игрой слов, ситуация критическая, и нет времени на прибаутки, и тут снова раздался настойчивый звонок, и мать снова пустила слезу и в отчаянии решилась на немислимое: выбросить мясо с балкона (на улицу) или в световой колодец (внутри дома), а я, хоть и не плакса, но тут застонала и жалостливо зарыдала. Не знаю, с чего вдруг в ней проснулся материнский инстинкт, но, учитывая обстоятельства, я дала себя обнять даже дольше, чем советуют психотерапевты. Мы вышли из комнаты вроде даже держась за руки, и направились на кухню совсем рядом с входной дверью, твердо настроенные не садиться в тюрьму из-за куска говядины. Мы открыли дверь холодильника с решительностью выходящих на арену гладиаторов, взяли бумажный сверток, скрывавший свидетельство нашего первородного греха, и уже готовые избавиться от него, заметили, что звонок больше не звонит. Мы оторопели. Вместо того, чтобы подойти к световому колодцу с тяжелой ношей, которая тянула на от восьми до пятнадцати лет за решеткой, дошли до ванной и приоткрыли миллисекундно жалюзи. Полицейских у двери не было! Мы долго не могли отлипнуть от

окна. Мать, закоренелая социалистка, бросилась шепотом читать «Отче наш». А я тихонько запела: «Не бывает атеистов в окопах под огнем». Ее неверующие глаза метали гром и молнии. Но я уже говорила, что сама ни во что не верю, так что я не обратила на нее внимания, и у нее все прошло.

Кстати, о «прошло». Время прошло, и орел над морем пролетел¹, и шесть утра тоже прошли. Я вышла из дома с матрешкой: сверток с мясом я завернула в пакет, потом еще один пакет, потом еще один пакет (чтобы кровь не капала) и положила в рюкзак. Я постучалась к Марте, известной всем как Марта Мария, живущей под нами в квартире 707, она моя названная тетя, потому что растила меня те несколько лет, что моя мама была в Анголе (конечно, бабушка готовила, гладила школьную форму и платья, но водила и забирала из школы, научила играть в шахматы, мыть руки, завязывать шнурки и пользоваться столовыми приборами Марта, так что она заслужила право считаться родной. Но про африканскую историю я потом расскажу, вернемся к мясу!). Тетя встретила меня растрепанная. Я сказала ей об этом, а она похвалила меня за наблюдательность и великолепные познания в области утренних причесок и поинтересовалась, кто умер в этот ранний час, потому что лучше бы кто-то умер, чтобы она смогла меня простить за столь раннее пробуждение в свой выходной (что касается сна, то она настоящая адвентистка выходного дня). Корова, говорю. Что? Корова, тетя, проснись. Четвероногое млекопитающее из семейства жвачных. И мы готовим по нему тризну. В доказательство у меня в рюкзаке его часть. Тетя затащила меня внутрь и захлопнула дверь. Детка, ты сошла с ума? Ты что, не знаешь, что у стен есть уши, у гвоздей нюх, а в щелях полно крыс? Знаю, конечно, поэтому мы и решили принести коровью плоть, ибо плоть слаба. И я рассказала ей историю про полицейских и пережитом ночью ужасе. И о кругах под глазами у матери, которые ничем не замазать. Сказала, что духу не хватило выбросить (не выпросить) мясо (ибо грех), и что мы единогласно решили (хоть и не спросив тетю, но у нее нет выбора) обедать, полдничать и ужинать вместе до белкового шока. Так что пусть отправляется мариновать мясо и скажет своим трем дочерям, что всю эту великую субботу они будут есть дома, потому что намечается женский банкет на семерых. Да, я тоже женщина, пусть и младшая в семье, но достаточно взрослая, чтобы в такое время выйти с контрабандным мясом, пронести его под носом у полиции, вручить тете и дать указание приготовить сегодня, и все это бровью не поведя, в то время как мама читает «Отче наш» Ленину, так что я достаточно взрослая, чтобы называться женщиной, пусть не выносят мне мозг, мол, у меня лицо детское. Тут моя тетя прослезилась (ох уж эти кубинки). Поцеловала меня и на прощание сказала: «Ступай, божественное дитя!»

Я вернулась домой удовлетворенная выполненным долгом (хи-хи) и легла в кровать. Мать сказала, что за все утро глаз не сомкнула в ожидании полиции и моря вопросов, но я так устала, что отключилась. Мама разбудила меня в полдень и велела привести себя в порядок, потому что обедать будем

---

¹ Скрытая цитата из стихотворения Хосе Марти «Розовые тупельки» (Los zapaticos de rosa, 1889).

рано. Я шла в ванную умыться и прихорошиться немного и увидела, как ненавистная Татьяна расфуфыривается у себя в комнате к обеду с бифштексом. Вот до чего мы дошли.

По правде, если тетя принимается готовить, то уж на всю катушку, Неежедневник. Не буду описывать тебе обед, а то ты обвинишь меня в инакомыслии, но все, о чем я рассказываю, это жалкое подобие реальности. Мы объелись, и у меня разболелся желудок, да так, что готова была бежать в больницу, но при этом прихватив бутерброд с ростбифом на полдник. Ох, вот что значит не видеть мясо долгое время, в потом трижды за день его есть. Будет тут несварение!

Поужинали тоже великолепно, но с нутом и жареными бананами вместо предыдущего рагу из черных бобов с приправой, больше подходящей к маниоке, и божественным фланом (молоко достала тетя). Мы по природе своей мелодраматичны, так что ужин не прошел без происшествий. Изобилуя восторгами от изобилия на столе, набив мясом рты, мы переходили ко второму блюду и, конечно, кто как не Татьяна, все испортила. Мы все разговаривали одновременно (чтобы ты знал, это нормальная форма общения на Кубе), когда вдруг Тати затихла, и из ноздрей у нее потекла тоненькая струйка крови. Ну дела! К счастью, тетя Марта доктор и знает, как с этим справляться. Она велела Татьяне выйти из-за стола и задрать голову, пока моя двоюродная сестра Ариадна ищет на кухне какую-нибудь тряпку остановить кровотечение, потом усадила ее на диван и откинула голову на подушку, а все спрашивали, не мутит ли ее и море прочей мути, забыла какой. К слову о море, крови не хватило даже на реку. Через несколько минут все вернулись за стол. Переизбыток красных кровяных телец – отрезала тетя. (Белковый шок, как я и сказала утром, ну не провидица ли я!). Когда мы вернулись к еде, бифштекс уже остыл, а бананы превратились в фанеру, но что поделать? Снимать штаны и бегать. Мы все-таки закончили ужин, и тетя поставила на кассете фильм «Убийственно красива». Так и я, в отличие от своей разодетой сестры, - увидел бы кто, какие лохмотья ношу, умер бы в приступе печали.

Думаю, тот же белковый шок, который вызвал у моей сестры кровотечение, не давал мне уснуть всю ночь. Бабушка ушла домой, как только прикончила флан – она любит рано ложиться. Мать с Татьяной остались с тетей и кузинами посмотреть еще один фильм (и пока не вернулись), а я попрощалась и пользуюсь моментом, чтобы спокойно написать тебе. Я помню, что обещала рассказать об ужасах гражданской обороны и про эти первые две недели в школе, не волнуйся, милый, на следующей неделе расскажу больше. Почему столько ждать? Завтра воскресенья, и я пойду на пляж на 16-й улице со своим бутербродом с говядиной, не съеденными сегодня, встречу с кадетиками, мы договорились встретиться на углу Третьей и 12-й около девяти (ну и путано же все с номерами в этом гребаном городе, где все мерцает и движется. Это не я, глупый, это Фито так пел). Вернусь завтра поздно, только душ приму, надену зеленую форму («любовь моя, цвет зеленый»), соберу рюкзак, пойду

в общежитие и покажу охраннику пропуск до 21:00. Потом пойду в казарму и попробую восстановить потерянный за выходные сон. Остальное проще простого. То есть потрачу еще шесть бесполезных дней и пять ночей бродя туда-сюда, смыкая и размыкая строй, козыряя каждый раз, когда старший по званию проходит мимо. Как ты мог заметить, я толком еще не начала учиться, но я безумно влюблена в мою школу, Школа, школа! Глянец парт, в жизнь большую верный старт. Ах, только о ней и думаю, так что мне лень писать о ней. Пора спать. Не шали, пока меня нет, Неежедневник. А если будешь шалить, зови меня!

Перевод Марии Непомнящей

Антонио Хосе Понте Лето в парикмахерской¹

I

Фасад по-прежнему был не докрашен, и наверняка, когда его докрасят, выглядеть будет кричаще. За неимением других подходящих замен, на месте разбитого дверного стекла была приколочена доска. Как и каждую пятницу, едва я толкнул дверь, они резко сменили тему. Внутри был Хриплый, не появлявшийся до того несколько недель. Я понял, что должен сделать комплимент его внешнему виду.

– Не обольщайся, – ответил он почти беззвучно, поправляя платок, которым была повязана его шея. Он скоро умрет.

– Кофе! – предупредил Лило.

В единственном парикмахерском кресле, наклонив голову, сидел молодой негр. Лило выбривал буквы YGP у него на затылке.

– Это его инициалы, – объяснил мне Манин.

Кресло развернулось, и взгляд посетителя оказался со мной на одном уровне. Взгляд такой внимательный, что невольно задумаешься, не курил ли он траву. Хотя в парикмахерской ничем таким не пахло.

– Старуху, что варила кофе, забрали, – сказал Лило из кухни. Я должен был быть в курсе ареста старухи, но я ничего не знал.

Негр со своими буквами на затылке встал с кресла.

– Меньше работы для Архелио, – заметил Лило, закрывая дверь. Манин и Хриплый смотрели на меня так, словно я скрывал от них местонахождение старухи, варившей кофе.

– Кто такой Архелио? – спросил я Лило.

– Тюремный парикмахер.

– А эта, которая кофе варит, не тетка твоей жене? – спросил я Манина. Он сказал, что в доме его тещи ничего не знают.

---

¹ Этот текст является частью книги «Истории со всех концов империи» (Éditions Deleatur, Angers, 2000).

– Ну тогда нам конец, – заключил я.

Из легких Хриплого начал подниматься смех.

– Иди сюда, сядь.

Лило подвел меня к креслу. Старуха просто уехала за кофе, только и всего. К тому же было лето, первая пятница лета, Хриплый вернулся из очередной своей больницы, кондиционер не очень-то охлаждал помещение, и вместо кофе хорошо было бы выпить пива.

– Откуда пиво?

Манин собирал деньги. Пиво есть пиво, все бутылки запечатаны, будем пить ровно то, что разлили на фабрике. Я попросил купить и на меня тоже.

– Смотри не сбеги, – приказал Лило.

Манин вышел и пошел налево. Лило прикурил сигарету, глубоко затянулся, и щеки на его козлином лице втянулись.

«Я бы тоже не отказался», – читалось во взгляде Хриплого.

Когда в дверях появилась парочка полицейских, Лило быстро бросил на меня взгляд.

– Я сегодня с этим, – он указал на меня. – Приходите завтра.

Полицейские на секунду замешкались, посмотрели на меня и ушли. Лило только задержал их на мгновение, чтобы выяснить, работает ли еще Архелио парикмахером в тюрьме. Да, он все еще там.

– Наш мир мал, как этот платок, – указал он на кусок ткани, закрывавшей его шею.

Кажется, теперь Лило и Хриплый были мной довольны. При мне вопросов к пивной контрабанде не возникало: даже полиция относилась ко мне с уважением. Со мной они были в безопасности. Когда Манин развернул пиво, Лило спрятал бутылки в нагреватель для полотенец. Хриплый поспешил наполнить кофейник и чашки.

– Если придет инспекция, – начал было говорить Лило, но пивная пена во рту не дала ему договорить.

– Скажем, что это кофе, – договорил Манин.

– Вьетнамский чай, – ответил Лило.

– Чай вьетнамский, – решил Хриплый, – а кайф кубинский.

Учитывая, что пивной завод находится в шести часах езды, что склады, на которые грузовики сгружают поставки, находятся в порту, что, выйдя из парикмахерской, Манин повернул налево и что не прошло и десяти минут, как он уже принес бутылки, можно предположить, что это пиво...

– Жил-был сантеро¹, – начал Хриплый. – Лило, ты должен знать. Он жил в твоём районе.

Лило тут же понял, о ком идет речь. Очередная контрабанда прошла мимо меня – имени героя я так и не узнал. Да, Лило знал его в лицо и теперь осознал, как давно его не встречал.

---

¹ Сантеро – жрец синкретической религии сантерия (или Регла Оча-Ифа), сформировавшейся на Кубе на основе католицизма и верований йоруба.

– Просто, – уточнил Хриплый, – этого человека уже здесь нет. Из его уст это прозвучало как на похоронах. – Если я скажу вам, где он сейчас живет, вы не поверите.

– Где? – Манин открыл нагреватель для полотенец.

– Я должен рассказать историю с начала, – постановил Хриплый.

– Манин, только спокойно, – предупредил его Лило.

– И все равно, когда я расскажу, вы не поверите, – объявил хриплый голос.

– Тогда не рассказывай, Хриплый, – попросил Манин.

Но Хриплый уже взялся за свое.

– В одной из комнат у этого санtero стоял огромный алтарь. Он сделал его своими руками, не зная ничего о столярном деле. И, не зная ничего о шитье, сшил одежды для святого. Он нашел для него гирлянду из маленьких лампочек. А ведь тогда их было не найти даже в духовных центрах. С греческого корабля он раздобыл яблоко. Настоящее красное греческое яблоко. Яблоко это он положил в качестве подношения на алтарь, а когда появились первые признаки гниения, покрыл яблоко лаком, чтобы ни один червь в нем не завелся. Со временем, с каждым новым слоем защитного лака, красное яблоко тускнело и постепенно приобретало древесный цвет алтаря. Оно уже казалось не живым фруктом, а деревянным яблоком. От огненно-красной кожуры почти ничего не осталось.

Хриплый взглянул на меня, прежде чем продолжить. Я прикинул, что сейчас будет самое интересное.

– Жизнь санtero была такой же, как это яблоко, положенное на жертвенник. Кожура его сердца исчезала, становилась деревянной, и ему нужно было принять решение.

– Я не понимаю, – отрезал Манин.

– Да он просто хотел сбежать, – догадался Лило.

– Да, он хотел сбежать. Ему нужно было уходить тайно, обманув бдительность пограничников, предприняв одиссею в открытом море. Не зная ничего о столярном деле, он вынужден был сам смастерить себе плот. Довольно быстро он понял, что плот нужно строить из дерева алтаря, используя те же доски.

– У него не было другого дерева, – предположил Манин.

– Но святой совсем не хотел уходить. Всем свежим фруктам, которые могло принести ему путешествие, он предпочитал подношение в виде забальзамированного яблока. И святой заявил санtero, что, если тот оставит его на месте, в хороших руках, все в его приключении будет благополучно.

Хриплый на мгновение прервал свой рассказ, чтобы выпить чашку пива. Зашел клиент; Лило ему отказал, сославшись на то, что стрижет меня, а потом будет стричь остальных.

– В день, выбранный для бегства, он пришел проситься с алтарем, который смастерил, не зная столярного дела, и со святым, которого одел, не

умея шить. Наконец, он раздобыл доски, чтобы обить автомобильную шину, и был готов к отплытию.

В тот самый момент, когда сантеро выходил на берег, в парикмахерскую вошла крашеная блондинка. Хриплый остановил свой рассказ, а Лило навис надо мной.

– Стрижка за наш счет, – выдохнул он мне в ухо.

И по-настоящему начал стричь; явилась его инспекция. Я попытался было встать, но он удержал меня костлявой рукой за плечи и щелкнул ножницами у меня перед носом.

– Далия, – кивнул ей Лило.

Она смотрела в единственное зеркало, оставшееся от трех, что были в парикмахерской.

– Ну почему я? – сквозь зубы спросил я парикмахера. Лило повернул кресло.

– Посмотри на себя, – словно бы говорил он мне. В пятнистом от влаги зеркале я увидел инспектора Далию.

– В компании есть зеркало, которое могло бы тебе подойти, – сказала она, едва взглянув на меня. – Я тебе его пришлю.

– Было бы неплохо, – ответил Лило. Далия проверила кнопки кондиционера.

– И мастера, чтобы починил вот это, – пообещала она так, чтобы я услышал.

– Не отстриги лишнего, – велел я парикмахеру.

«Только не пытайся починить нагреватель для полотенец», – мысленно просили мы эту женщину.

– Вас хорошо обслуживают? – спросила она меня в высшей степени почтительно.

Манин шепотом попросил продолжения рассказа.

– Тюрьма, – мне послышался голос Хриплого.

– Здесь мухи нагадили, – она провела пальцем с ярко-красным лаком в одном из углов. – Что вы здесь пьете? – Ножницы щелкнули в опасной близости к моему правому уху.

– Вьетнамский чай, – наконец выпалил Хриплый. Далия посмотрела на платок, закрывавший его шею.

– Не хотите ли присоединиться? – решил спросить Манин.

Можно было услышать, как в парикмахерской гадят те самые мухи. Манин такой смелый только потому, что среди них я. Далия отказалась от чашки с пивом. Ножницы сомкнулись. Ухо все еще было цело.

– Все в порядке, Лило, – сказала она, прощаясь.

– Уверенный в своей удаче и в своем святом, сантеро сел на плот и отплыл на север, а через несколько часов его задержал пограничный катер. Сантеро оказался в тюрьме.

Такие истории нередко заканчиваются тюрьмой, но тут, видимо, будет продолжение.

– Он провел в тюрьме несколько лет. В деревнях, чем темнее ночь, тем больше сказок о привидениях сочиняет народ. В тюрьме, когда народ собирается рассказывать истории, сказки обычно о тех, кому удалось сбежать.

По тому, как Манин и Лило переглянулись, я угадал их мысли: вот и мы здесь, как заключенные, слушаем те же истории, что сочиняют в тюрьме.

– И вот, в тюрьме сантеро слушал истории о тех, кому, в отличие от него, удалось сбежать. О часовщике, который с терпением, свойственным только часовщикам, каждый день выходил на берег запускать воздушного змея. Он рассчитывал силу и направление ветра, чтобы взять вместо паруса огромного воздушного змея, и сбежать на своем плоту. О человеке, который решил отпраздновать день рождения с семьей на арендованной яхте, а в торте пронес пистолет, которым потом угрожал капитану. А когда капитан сказал ему, что у них недостаточно топлива, чтобы выйти из территориальных вод, приказал откупорить бутылки. В них было топливо. О всаднике, обмазавшем смолой коня и привязавшего лапы к его копытам, и...

– Хриплый, – прервал его Манин, – ты уже рассказывал здесь все эти сказки.

– Словом, все эти сказки. – Он говорил тоном человека, который собирался уйти. – И слушая все эти истории, сантеро говорил себе, что – как только выйдет – попробует снова. Потому что не было ни на земле, ни на небе силы, что помешала бы ему сбежать туда, куда он захочет. Раз уже это удалось часовщику, запускавшему змея, имениннику, всаднику...

– Всем этим людям, – заключил Манин.

– Налей мне чашку и не беси меня, – ответил ему Хриплый. – ...у него тоже получится. Поэтому, отсидев, он первым делом нашел кнут и отправился с ним к алтарю своего святого. Удары кнута расшатали те самые доски, которые однажды он собирал. Когда доски упали на пол, удары стали обрушиваться на образ святого. Как бы ни подпрыгивала фигура от этих его ударов, он бил ее снова и снова. Он сбил с фигуры плащ, одеяние, и не остановился до тех пор, пока не увидел, что обезглавил ее. Высохшая, оторванная от тела голова святого теперь была похожа на старое яблоко. Он растоптал их ботинком, и оба яблока – фрукт и голова – издали сухой звук. Такой же сухой, как звук столкновения самодельного плота с пограничной лодкой.

В парикмахерской воцарилось молчание. Такое же, как когда инспекторше предложили чай.

– Теперь, когда он отомстил, можно было сбежать. На этот раз он пошел на юг, и плота у него не было. Он остался с морем один на один. Он обмазал все тело смолой, как тот всадник своего коня, и бросился в воду, надеясь, что в далеких от берега водах его подберет какой-нибудь иностранный корабль.

Погода была идеальная, он чудесно скользил по поверхности, а спустя несколько часов плавания руки и ноги буквально слились с водой. Если бы кто-то увидел его голову среди волн, он бы подумал, что это уплывающий

вдаль старый буй. Прошло еще несколько часов, затем почти целый день и, наконец, пловцу посчастливилось встретить судно.

– Под каким флагом? – спросил Манин из профессионального интереса. Он работал лоцманом в порту.

– Разве я не рассказывал вам сказку о троице, что хотела сбежать, и о шведском корабле?

– В другой раз, Хриплый, – сказал Лило. – Договори уже про сантеро.

Манин снова спросил про флаг.

– Это была огромная яхта с английским флагом. Сантеро подняли на борт с любопытством, с каким вытащили бы тропическую рыбу. Для экипажа яхты он был интереснее любой рыбы. Они общались на языке жестов, но сантеро сумел поблагодарить их по-английски, а затем преклонил колена перед висевшим в одной из кают портретом английской королевы.

– Парень уехал в Англию! – закричали Манин и Лило.

– Эта яхта пересекла Атлантический океан, а теперь шла через Панамский канал на север Тихого океана, где должна была подобрать своего владельца. Сантеро оставили на борту, пока хозяин яхты не решит, что с ним делать.

– А кто был хозяином?

– Миллионер. Английский миллионер, конечно же.

– Английская королева, – заявил Хриплый.

Никто из нас не мог в это поверить.

– Сантеро тоже не мог поверить, когда оказался лицом к лицу с королевой с портрета. Он не мог поверить и своей удаче, когда королева Англии решила оставить его с ними на яхте.

– Его обманул святой и спасла королева, – сказал Лило.

– Да какой же это обман? – вскочил Манин. – Если бы не святой, он бы не встретился с королевой. Сначала он ему все испортил, а потом помог.

– Сантеро подумал, что теперь его историю будут рассказывать в тюрьмах, и не будет истории более невероятной, – прервал дискуссию Хриплый. – Ни история о часовщике с воздушными змеями, ни о пистолете в деньрожденческом торте... Ни одна из этих историй...

– Ну и что, он теперь живет в Англии? – спросил Лило, единственный из нас, кто знал его раньше.

– Не просто живет, – проворчал хриплый голос. – Теперь этот парень личный сантеро английской королевы.

Я решил спросить о его имени.

– Там он сменил имя, так что теперь оно у него английское.

– Заново родился.

– Именно.

Пиво уже закончилось. Ни один из аргументов, которые Лило мне приводил перед зеркалом, не убедил меня, что моя прическа действительно хороша. В пятничном отчете я сообщил начальству об очередной контрабанде.

II

– Послушайте, это последняя сказка, которую я вам рассказываю, – предупредил нас Хриплый тремя месяцами позже. Не то, чтобы он был при смерти; просто его снова забирали в очередную больницу. Лето подходило к концу, шел дождь. Первый циклон сезона вот-вот придет в наши края. Фасад был полностью окрашен в кричащий цвет; ни обещанного зеркала, ни мастера по кондиционерам так и не было. Хриплый считал, что в такой день лучше было бы быть подальше. У него болело горло.

– Жил-был мальчишка из африканского племени, – начал он.

– Африка! – удивился Манин, входя.

В парикмахерской была наша обычная компания плюс один неизвестный, забежавший переждать, пока не закончится дождь.

– Его отец погиб на войне и, повинувшись законам племени, его мать стала двадцать шестой наложницей короля. Другими словами, она перестала быть его матерью и стала королевской собственностью, еще одним товаром вождя. Мальчику не повезло. Сначала он лишился отца, а теперь и мать словно бы умерла для него.

Незнакомец смотрел на всех, кроме меня. Вдруг мне показалось, что я где-то его видел.

– Кофе? – спросил Хриплый, удивившись тому, что Манин протянул ему чашку. – Он было одинок, но кто в наше время не одинок? Прошло несколько лет, и мальчик, превратившись в молодого воина, зажил жизнью мужчины. Точно такой же, какой его отец жил до самой смерти. Это была жизнь животного в джунглях: постоянно настороже, без права на ошибку.

Дверь толкнул еще один посетитель, ищущий, где укрыться. Это был ветер; он не задержался надолго и ушел, закрыв за собой дверь.

– Львом, вот кем он стремился стать. Он проводил одну кампанию за другой, стремясь заполучить власть, которой пользовался его отец, великий воин. Власть большую, чем та, что была у его отца. Власть короля. Просто однажды ему пришла в голову мысль стать королем, более великим, чем король его племени.

– Ну и честолюбие, – заметил незнакомец.

Кажется, никому не понравилось, что он влез в эту паузу в речи Хриплого.

– Все еще льет? – спросил я.

Ближе всего к двери стоял незнакомец; он приоткрыл ее носком ботинка. Дал мне мгновение убедиться, что дождь по-прежнему льет, и отпустил дверь. Я посмотрел на его ботинки. У меня была пара таких же.

– Молодой воин хотел не больше и не меньше, чем свергнуть короля этого племени. Был один способ, и заключался он не в том, чтобы стать лучшим воином, и не в том, чтобы беседовать с умершими и душами вещей, как это делали старейшины племени. Нет. Для того, чтобы стать большим королем, нежели нынешний, ему просто нужно было заполучить состояние больше, чем у соперника. Состояние в Африке...

– Золото и слоновая кость, – перечислил Манин.

– Алмазы, – сказал Лило.

Я сказал – оружие, но незнакомец даже не взглянул в мою сторону.

– Ничего такого. Богатством этого короля была рухлядь, мишура, бесполезные вещи. Словом, богатства любого бедного мальчика на земле.

– Какая рухлядь, например? – поинтересовался Манин.

– Выброшенный в помойку телефон, радио без батареек, руль от машины. Куча дерьма.

– Дерьма? – Манин мог бы починить такой телефон и собрать машину для такого руля.

– Такая куча, какой не найдешь на километры вокруг. Я не говорю уже о зеркалах, зонтиках и линзах, менявших цвет глаз любимой наложницы короля. Молодой воин сразу понял, что большего богатства не найдешь ни в одном из окрестных племен и не завоюешь в качестве трофея в войне. И что заполучить его можно только при помощи белых. Он ушел от племени и начал путешествие в земли белых. Он шел много недель и месяцев. Переходил реки и края, разрушенные пожаром. Наконец, он добрался до первой свалки белых людей. Одного взгляда на нее кому-то могло быть достаточно, чтобы удовлетворить все свои чаяния. Но сбежавший из племени молодой воин сказал себе, что, если так, под открытым небом, на краю жизни, которую ведут здесь белые люди, лежат такие богатства, они должны быть не ценнее, чем многочисленные плоды его джунглей. Он понял: сокровища его короля на самом деле не имеют никакой ценности. Поэтому он решил выяснить, где настоящее богатство, и продолжил свой путь. Он шел все дальше вглубь, пока не набрел на алмазную шахту.

– Ну наконец! – воскликнули все, кроме незнакомца.

Мы были уверены, что ум молодого воина поможет ему добиться желаемого.

– Конечно, у шахты был хозяин. Раз уж юноша нашел алмазную шахту, он должен был в ней поработать. Он трудился как раб до изнеможения, но в конце концов, стал счастливым обладателем нескольких алмазов. Увесистый мешочек. – Казалось, что Хриплый смакует эти камни, словно это еда.

– Как он их украл? – спросил незнакомец.

– Открой, посмотрим, идет ли дождь, – попросил я.

Он не обратил на меня ни малейшего внимания. Я сам открыл дверь, и парикмахерскую наполнил воздух еще более свежий, чем тот, что мог бы нагнать старый кондиционер.

– Дождь кончился, – сказал я ему.

– Принеси кофе, Манин, – велел Хриплый.

– Сначала объясни мне, как парень достал алмазы.

– История не об этом.

Если бы Хриплому не нужно было вот-вот возвращаться в больницу, он бы сочинил историю и об этом ограблении. Незнакомец выглянул на улицу, якобы чтобы подышать чистым воздухом. Я заметил, что он наблюдает за Манином, отправившимся за кофе.

– Неважно, каким образом он обзавелся алмазами, – возобновил свой рассказ Хриплый. – Самое главное, что в племени он все эти годы считался мертвым, а теперь вернулся целым и невредимым с охоты, подробности которой известны были только ему одному. Его мать умерла. У короля, не заботившегося о смерти, становилось все больше наложниц, а у молодого воина – все больше причин положить этому конец. Он показал старейшинам племени свои камни и стал дожидаться от них решения: кто будет ими править. Старейшины, кучка забытых смертью стариков. У нее с ними был свой уговор. Это были люди, одновременно могущественные и трусливые, и от них зависело политическое будущее племени. Они рассмотрели принесенные воином алмазы, рассмотрели его одежду, и беззаботно рассмеялись. Разве же это сокровище?

– Предыдущий кофе был лучше, – сказал незнакомец, допивая свою чашку.

Очевидно, он стремился выяснить, были ли оба кофе из одной и той же контрабандной поставки.

– Продолжай свой рассказ, Хриплый, – попросили мы.

– В глазах старейшин, алмазы молодого претендента стоили меньше, чем самое маленькое из зеркал короля. Меньше, чем зеркало пудреницы. Не говоря уже о большом, в котором король и горстка старейшин отражались в полный рост. Совет старейшин выразил явное неодобрение. Король взял один из алмазов и, казалось, постарался его оценить. Он посмотрел сквозь него, и удивился его прозрачности меньше, чем перемене в цвете зрачков его любимой наложницы. Алмаз был менее ценным, чем набор контактных линз. В итоге король бросил алмаз на землю, туда, где решением племени полагалось лежать камням. Еще чуть-чуть, и голова юноши, прибывшего из белых земель, следом покатила бы по земле. Однако в тот самый момент, когда воины королевской гвардии уже было схватили его, он точным ударом разбил отражение короля в самом большом из зеркал. Король раскололся надвое. Для старейшин племени это было дурным предзнаменованием. Для короля это был приговор. Теперь юноша был самым могущественным вождем до тех краев, где земля уже принадлежала белым. Его сокровища были в миллионы раз больше, чем сокровища предыдущего короля, а королевские наложницы стали его женами. Однако честолюбие не позволило ему спокойно царствовать. Теперь он стремился еще дальше, дальше сельвы, дальше первой свалки белых людей, дальше шахт и барачников, в тесноте которых он провел столько ночей, дальше бунгало инженеров и их жен, дальше моря...

– Послушай, а куда отправился этот негр? – спросил Манин.

– В Нью-Йорк, – заявил Хриплый. – Он не мог выбрать другого места.

– Зачем? – первым из нас заинтересовался незнакомец.

– Чтобы узнать, где находится настоящее богатство. Им двигал тот же порыв, что однажды уже заставил его покинуть племя. Нежелание соглашаться на первую попавшуюся на пути свалку и стремление дойти до

самых недр сокровищ. Он ехал в Нью-Йорк, так как тот представлялся большой алмазной шахтой белых людей. Но бог с ней, с причиной. Куда более странным, чем причина этого путешествия, было то, что новый король сделал на первой же из остановок.

– Где? – спросил Манин.

Хриплый коснулся шейного платка, словно ему было тяжело говорить, и медленно поднял к потолку указательный палец левой руки.

– Майами? – хором спросили Лило и Манин.

– Вы сами это сказали, – подтвердил Хриплый.

– Лило, – позвал я.

– погоди, погоди рассказывать, – попросил Лило, следуя за мной в глубину салона.

– Что тебе надо?

– Ответь мне на один вопрос, – тихо попросил я его. – Только честно.

– Честно.

– Если бы тебе нужно было послать кого-то за пивом, ты бы отправил его?

Незнакомец с нетерпением ждал продолжения рассказа.

– Пошел бы Манин, – уверил меня Лило.

– А если бы Манина здесь не было?

– Тогда Хриплый.

– Хриплого тоже нет.

Лило посмотрел на него, а потом на меня.

– Тогда лучше я пойду сам, – решил он.

– Но ты бы не отправил его?

– Конечно нет, – ответил он наконец. Теперь Лило смотрел на мою прическу. – Тебе может показаться странным, что мне это известно, – откровенно сказал мне он. – Но его и тебя стрижет один парикмахер.

Мы вернулись к остальным, к рассказу. Как и раньше, незнакомец избегал смотреть на меня.

– Еще перед тем, как отправиться в Нью-Йорк, в самый разгар подготовки, молодой король задумался, а что свита его племени будет делать на далекой белой земле. «Дикари, которые даже не одежды не носят», – думал он. И он оставил старейшин руководить племенем, а сам отправился в Нью-Йорк без свиты и без воинской охраны. А кофе больше нет?

– Хриплый, ты выпил уже шесть чашек, – отругал его Лило. – Тебе будет плохо.

– Мне и так плохо. Последнюю, или я не буду продолжать.

Ему налили остатки со дна кофейника.

– Нет ничего более похожего на низложенного короля, – вновь начал он, – чем король без свиты. Он не знал ни величия, ни уважения, и как только наш алмазный король он добрался до севера...

– До Майами, – уточнил этот, чужак.

– Да, именно. Стоило ему добраться до места, как он понял: ему нужна свита, люди, которые представляли бы его владения. Ему нужны подданные.

Так что он решил нанять людей так же, как другие нанимали рабочих на шахты или грузовые корабли для трудных путешествий. А теперь самое интересное. Те, кого он нанял, были местными неграми.

– Тамошние местные негры. – Хохот Манина сотряс всю парикмахерскую.

– Ага! – тоже крикнул Лило. – Вот и наши!

В любой истории Хриплого, начнись она хоть в Африке, рано или поздно появляются наши.

– Не буду вас томить, – хотя именно Хриплый, казалось, был утомлен больше других. – Король нарядил наших негров в парадные костюмы племени, и отвез их в Нью-Йорк под видом своего народа. Местные окружали его довольные, словно бы были на костюмированной вечеринке. Они развлекались; им казалось, что они снимаются в фильме про Тарзана.

Манин толкнул ногой парикмахерское кресло так, что оно закрутилось.

– Когда пришло время возвращаться в Африку, один из наемных подданных захотел сопровождать короля и отправиться жить в джунгли. Его назначили советником племени.

Чужак спросил, как называлось племя и звали недавно назначенного советника. Глядя на меня, словно бы вопрос этот предназначался лишь мне, Хриплый ответил ему:

– У него больше нет имени. Больше нет имени. Сейчас его называют «советник», по должности. Но время возьмет свое. Они еще скажут ему "мой король".

Эта история стала в самом деле последней историей Хриплого. В сводке, которую я представил начальству, было отмечено: у нас есть один товарищ, готовый стать королем Африки, и другой, приближенный к английской королеве. Оба могут быть полезны на своих соответствующих местах. Я также отметил, что нет необходимости отправлять в парикмахерскую кого-то еще для выполнения моей работы.

В ответ на мой отчет меня уведомили: "Товарищ, заходивший в парикмахерскую, был участником проводимой инспекции".

В результате инспекции подозрения подтвердились. Я со всей достоверностью доложил, о чем думают и говорят в парикмахерской, какой товар они возят. От меня начальство узнало, чего можно в любой момент ждать от этих людей. Я скоро узнаю, где в том районе находится пивной склад. А вот чего я так и не узнал (хотя это и не заботило ни мое начальство, ни какую-либо инспекцию) – так это откуда Хриплый брал свои истории. Ведь ни Лило, ни Манин не смогли мне на это ответить во все те пятницы, что нам предстояло провести без него.

Перевод Елены Желтовой

Йосс

Гость из другого завтра

Троим или четверым агентам, которые с конца восьмидесятых усердно пытались завербовать меня в осведомители. А особенно тем, которые трезво оценили эту идею и отвергли ее за бесперспективностью. От всего сердца благодарю вас за реалистичный взгляд на вещи.

Первым делом должен предупредить вас: верить мне не стоит. Тому есть три причины.

Первая: говорят, все мы, кубинцы, врём. Говорят, реальность для нас – лишь сырье для разных любопытных историй, в которых мы становимся главными или второстепенными персонажами, героями или жертвами.

Вторая: говорят, все мы, писатели, тоже врём. Только называем это сочинительством. Так мы и зарабатываем себе на жизнь. Или, по крайней мере, благодаря этому мрем от голода с определенным достоинством – а это совсем не то же самое, что без него.

Ну и по тому, как я ловко ввернул первое лицо множественного числа, вы наверняка уже догадались, что я кубинец и писатель, то есть, если вкратце, вдвойне специалист по очковтирательству.

Но есть и третья причина: пожалуй, я в этом деле даже тройной специалист. Потому что пишу фантастику. Я не стану приводить здесь свое резюме, скажу лишь, что меня издавали в нашей стране и за рубежом, что получил не одну премию и довольно известен под своим творческим псевдонимом. Да-да, под этим самым: Йосс.

А если на это вы скажете, что у меня, должно быть, не слишком много конкурентов, я вам напомню, что даже в том, чтобы зваться лучшим польским тимбалеро¹ или чемпионом Папуа-Новой Гвинеи по кубинскому домино, есть своя заслуга.

Ах да, и еще: если я часто пишу о монстрах, галактических империях и путешественниках во времени, это вовсе не значит, что меня каждую неделю навещают марсиане или Чужой, или что вместо шевроле 50-х годов я ловлю на улице летающую тарелку, или что я умею предсказывать будущее.

Давайте-ка сразу проясним: меня ни разу не похищали зеленые человечки, и путешествовать во времени я не умею. К сожалению, такого рода пояснения необходимы. Почему-то авторов детективов обычно не спрашивают (по крайней мере, при свидетелях), не случилось ли им в последнее время похитить бриллиант или убить кого-нибудь, а вот нам, фантастам, то и дело задают подобные вопросы...

Что ж, дело сделано, я вас предупредил. А кто предупрежден, тот вооружен. Ну это, конечно, как сказать: вооружены должным образом

---

¹ Тимбалеро – музыкант, играющий на тимбале, кубинском одностороннем барабане.

обычно командиры, а солдаты воюют чем дадут и мрут, хоть предупреждай их, хоть нет, на то они и солдаты.

Но не будем отвлекаться – по крайней мере, не прямо сейчас.

Сейчас, уяснив все это, можете читать дальше – я уже почти что начал свой рассказ.

Но помните: это всего лишь рассказ, ясно? Чистой воды вымысел. А вымысел, сами знаете, не следует принимать всерьез. Договорились?

А вообще-то, конечно же, я все это время рассчитывал, что вы меня не послушаете и не бросите читать, так что приступаем.

XXXXXX

Для начала – предыстория, чтобы ввести вас в курс дела.

Все началось с того, что... нет-нет, не пугайтесь, я не стану начинать с падения Берлинской стены, или с победы кубинской Революции, или даже с открытия Кубы, или с большого взрыва. Возвращаться так далеко нам ни к чему. И потом, это наводит тоску.

Кстати говоря: этот конкретный рассказ было бы любопытно начать с победы Революции, но он тогда вышел бы чересчур длинным. Так что вернемся всего лишь на месяц назад.

Был вечер четверга, я только-только закончил черновик статьи на весьма популярную нынче тему: является ли использование кубинского флага и другой патриотической символики в одежде, видеоклипах и т.д. неуважением к государству.

Отбросим скромность: в статейке я показал себя бунтовщиком и ниспровергателем авторитетов. В общих чертах, я писал, что флаг, гимн, герб, и даже птица токороро и цветок марипоса принадлежат всем кубинцам в равной степени, и если кто-то так гордится ими, что хочет предьявить миру, то я не возражаю. Разве не поступают так же британцы, китайцы, американцы и другие – и никто не возмущается. Хотя сам я под страхом смерти не напялил бы футболку с нашим флагом...

Именно поэтому мой подход казался мне особенно благородным. «Я не разделяю ваших убеждений, но готов умереть за ваше право их высказывать»¹ – разве это не один из главных принципов демократии? Демократия – какое же это противоречивое слово на Кубе после 1959-го года...

И тут – резкий диалектический скачок! – я переходил к обличению лжепатриотов, которые присвоили себе такие национальные символы, как Хосе Марти, флаг и гимн, а теперь пытаются запретить инакомыслящим их использовать. А ведь это, по крайней мере, в идеологическом смысле, самая натуральная диктатура...

Так вот, перечитывая это место, я притормозил и принялся размышлять, не перегнул ли я палку и не указал ли пальцем чересчур явно на... сами знаете на что. Не прикидывайтесь дурачками. Когда на Кубе

---

¹ Это крылатое высказывание приписывается Вольтеру.

заходит речь о диктатуре, все понимают, что имеется в виду, – и я сейчас не про Батисту или Мачадо¹.

Я задумался, не будет ли такая прямота чрезмерной. Как говорят, играй, да знай меру. А если я возьму и укажу пальцем на сами знаете кого, мою статью (между прочим, она мне до сих пор кажется стоящей) не опубликуют не только в «Хувентуд Ребельде» или в «Гранма» (не стоит и мечтать, что мое непочтительное имя появится в столь ортодоксальных изданиях!), но и на *Cuba On*, *La Jiribilla* и на других сайтах, которые считаются более открытыми для дискуссий – по крайней мере, для дискуссий под наблюдением.

Так вот, с болью в сердце я уже выделил этот абзац курсором, чтобы удалить, как вдруг у меня над ухом отчетливо прозвучало:

– Не надо, Йосс, оставь его. Я как раз за этим пришел.

Блин, я чуть не обосрался.

Сказать, что я, подпрыгнув от ужаса, разбил себе голову о потолок, было бы преувеличением. Но только потому, что тут, в квартирке моей жены, потолок у нас подвесной: делит квартиру на два этажа. Так что я просто проломил башкой лист гипсокартона.

Тссс! Жена моя об этом не знает. На следующий день, как подобает хорошему мужу, я сходил в хозяйственный магазин и купил новый на замену, дорогущий, конечно же. Но это мне еще, можно сказать, повезло: у них нашелся такой, как я искал, причем всего один.

Но я не хочу отклоняться от темы, а это все было потом, так что забудьте, не так уж это и важно.

А важно то, что я сидел у себя дома, совершенно ошарашенный, и трясся. В шортах и шлепках, без рубашки, на голове пучок...а напротив – этот парень.

Да, именно парень: ему и тридцати не было.

Помимо возраста, мое внимание привлекли две вещи.

Во-первых, какого хера он тут делает? И как он вообще сюда попал?

Мы с супругой и ее сыном живем на улице Конкордия. Нет, это вы путаете, это еще район Пласа и Ведадо, хоть и граничит с районом Центральная Гавана. Вход в дом – возле служебного входа в кооперативный ресторан «Эль-Бики»; он открылся всего пару лет назад и уже приносит владельцам кучу денег, почище алмазного месторождения во дворе, хотя еда у них так себе, а в пекарне посетителей обслуживают со скоростью и сноровкой хромой улитки.

Нашу квартирку друзья зовут Башней, потому что она на третьем этаже высокого здания, не просто высокого, а высоченного. Как будто не третий этаж, а пятый. Без лифта. А кроме такого подъемчика – у непривычных аж

---

¹ Рубен Фульхенсио Батиста-и-Сальдивар – кубинский политик, глава государства, свергнутый в ходе Кубинской революции 1 января 1959 года. Батиста был военным лидером в 1933—1940 годах, президентом в 1940—1944 и 1954—1959 годах, временным президентом в 1952—1954 годах. Херардо Мачадо-и-Моралес - президент Кубы с 1925-го по 1933-й г.г, был признанным поклонником Муссолини, его называли «тропическим фашистом» или «тропическим Муссолини».

дух захватывает – в доме у нас еще две решетки: одна внизу лестницы, запирается на ключ, а вторая уже у нас наверху, там висячий замок. В общем, попасть к нам в квартиру непросто.

Ну ладно, допустим, сам я, когда сижу дома, верхнюю решетку обычно не запираю. Но как же этот тип просочился через нижнюю, которая на лестнице? Вы бы слышали, как она скрипит, когда открываешь или закрываешь дверь. Надо бы ее смазать. А может, и не стоит: если залезут воры, сработает как сигнализация.

А может... – я выглянул в окно. – Может, этот загадочный гость – из бригады промышленных альпинистов Сэма-Растамана? Они же нам красят фасад – и загребают безумные деньги, конечно же, в куках¹.

Но нет. В прошлый четверг один из этих ребят случайно носком ботинка задел клемму трансформатора под высоким напряжением, и его отправили в реанимацию больницы «Калисто Гарсия» с ожогами третьей степени. С тех пор Сэма и его ребят у нас видно не было. Я выглянул наружу: даже веревки с крыши не свисали.

Что ж это тогда за парень? Ниндзя-самоучка, карибский троюродный братец Человека-паука?

И вторая деталь, которая привлекла мое внимание: он был не в черном, и ни капюшона тебе, ни костюма из спандекса в стиле Марвела или DC.

Прикид у него был самый что ни на есть обыкновенный: клетчатая рубашка – моя покойная бабушка называла такие ковбойками. Обыкновеннее не бывает, у всех у нас такая есть. И прямые джинсы, не трубы, которые носят рокеры (поправочка: которые носим мы; Хэви метал форева!), не с низкой проймой и коротенькими штанинами – таким обычно страдают любители реггетона. И, наконец, низкие ботинки с довольно-таки потрепанными молниями по бокам.

Тут я вдруг разом успокоился и даже, как ни странно, заулыбался. Потому что в этой его почти что форме, которая должна была сойти за гражданское (план этот, скажем прямо, с треском провалился), со стрижечкой, как у военного – ни ирокеза, ни цветной пряди, как сейчас носят, – и с черным блокнотом, который он нервно перекладывал из одной руки в другую, образ его был почти что безупречен.

У него там наверняка еще и кобура, под рубашкой навывпуск. Ну и не будем забывать про табельный Макаров за поясом джинсов, на уровне почек. И, конечно, ксива в кармане.

Он же косплеит госбезопасника! И как это я сразу не допер!

---

¹ Кук (CUC, el peso cubano convertible) – кубинское конвертируемое песо. Кук был введен в обращение в 1994 году как параллельная валюта для туристов и дипломатов, которую можно было купить только за доллары. На куки можно было покупать товары в специальных магазинах для иностранцев, где ассортимент гораздо шире, чем в обычных магазинах для местных. Наравне с официальным курсом обмена долгое время существовал черный, более выгодный, но такой обмен был сопряжен с рисками. С 2013-го государство официально взяло курс на унификацию валюты в стране.

Блин, ну и наряд! Давненько мне не попадались такие хорошие костюмы, с тех самых пор, как мой кореш Альберто, мир его праху, оделся с головы до ног в серое, а на все вопросы отвечал: «я понедельник».

Тьфу, и чего я так струсил? Наверняка сам же не запер нижнюю дверь... Ладно, теперь-то все понятно.

– Ух, чувак, ну ты мастер косплея! – воскликнул я, все еще с легкой дрожью в голосе. – Прости, что так подскочил, я просто не заметил, как ты вошел.

– Косплея? Не понял, – ответил он, нервно оглядывая то свою одежду, то мою. – Я это все на складе взял, надеюсь, не слишком анахронично получилось. – Тут он уставился на мои шорты и аж побледнел. – Только не говори, что льды на полюсах уже растаяли! Это что, не 2017-й? Погрешность должна быть не больше пары недель...

– Я ни хера не понимаю, что ты несешь, чувак, – перебил его я, – но ты садись, устал небось подниматься по лестнице. Вот, садись на диван, нет, лучше на тот край, а то тут пружина вылезает. Надо позвать мастеров, чтобы починили, но это целое дело: сам понимаешь, лезть сюда никому не улыбается. Воды хочешь? – любезно предложил я. – Холодильник морозит не очень, но в морозилке у меня есть бутылка.

– Вода? Обеззараженная? – спросил он, но увидев мою растерянность, смягчился. – Кипяченая хотя бы? Если нет, лучше не надо, большое спасибо. Не знаю, справятся ли моя кишечная микрофлора и антитела с вашей водой.

Он нес что-то очень странное, и тут-то я впервые решил к нему приглядеться. Хорошенько приглядеться, как следует.

И вдруг осознал (и снова забеспокоился, хоть и не так сильно, как поначалу), что его одежда и обувь только ПОХОЖИ на типичный прикид госбезопасника.

Ткань джинсов, к примеру, отливала металлом: ясно было, что хлопком тут и не пахнет. А рубашка, хоть и в самую обыкновенную клетку, но с разными прибамбасами, карманами и пряжками, такие сейчас не носят. Да, на правом кармане красовалась надпись «YUMURÍ», но «Юмури» и в лучшие времена ничего подобного не производили.

Ну и, конечно, ботинки...да, они были как у легавого из восьмидесятых, но с зеленоватым гляncем, из хорошей кожи, которой мы в восьмидесятые в глаза не видели.

– Мда, вижу, кое-какие предметы одежды достать нынче непросто, – я принялся думать вслух, скорее, чтобы самому успокоиться и во всем этом разобраться, а не чтобы он меня услышал. – Но в целом костюм удался. Кстати, мое имя ты уже знаешь, а мне-то как к тебе обращаться, бро?

– Йосс, мне очень жаль, но я не могу раскрыть тебе своего имени, – ответил он чрезвычайно серьезно, и я мысленно восхитился: это ж надо так

вжиться в своего персонажа! Этот косплей произведет фурор на следующей встрече отаку¹! – Можешь звать меня... Алехандро.

Тут уж я расхохотался.

– Слушай, друг... Тут надо знать меру. Вот тебе мой совет: Алехандро – нет, Давид – нет, Эрнесто – тоже нет, даже Фернандо – нет, улавливаешь? Все эти имена уже совсем затасканные. Назовись... Ну не знаю, хотя бы Рейньером, Рубеном...

– Тогда пусть будет Рейньер, – он улыбнулся. – Мне нравится, как это звучит. Офицер Рейньер. И здорово, что люди все еще смотрят «Дела, требующие строгой тайны²», я был не в курсе.

– Вообще-то нет, это просто я ничего не забываю. – Я решил ему подыграть. – Ну что ж, комиссар... агент...ой, то есть офицер Рейньер, чему обязан вашим посещением? Чем могу служить Революции?

Он прямо-таки просиял от удовольствия – мне даже показалось, что у него увлажнились глаза - и, растрогавшись, залепетал:

– Я...большое спасибо... в Центре мне все, начиная с непосредственного начальства, твердили, что в моей миссии нет никакого толку, что это бессмысленная трата времени, что мне никто не поверит. А если и поверят, никто не захочет сотрудничать. Я рад, что не обманулся в тебе. Я всегда говорил, что ты не такой, как все...что твои фантастические рассказы – не то, чем кажутся...

–В Центре? – Переспросил я. Мне стало интересно, и потом, лестно было услышать, что я не такой как все, отрицать не стану. – Это ты про Вилья-Мариста³?

– Центр, - повторил он, четко проговаривая каждый звук и глядя мне прямо в глаза. – Просто Центр.

– Окей, Рейньер, ладно, пусть будет просто Центр. – я пожал плечами. – Но скажу тебе честно: вся эта загадочность мне кажется столь же нелепой, как назвать собаку Собакой. Или наших коренных жителей, которые всю жизнь были сибоньями и тайнами, – охотниками-собираателями и земледельцами-гончарами. В Мексике разве называют майя «строителями пирамид, жертвоприносителями и поедателями маиса»? Ну нет же? Так почему тогда...

– Йосс, пожалуйста, не будем отвлекаться, – решительно перебил меня он. – У нас нет на это времени.

–Ты что ли автограф хочешь? – перебил уже я его: ситуация потихоньку становилась неловкой. – С этого следовало начать. У меня тут где-то оставалось несколько экземпляров...

---

¹ Отаку - человек, который увлекается чем-либо (яп.). За пределами Японии обычно употребляется применительно к фанатам аниме или манги.

² “En silencio ha tenido que ser” («Дела, требующие строгой тайны») – кубинский сериал, названный цитатой из письма Хосе Марти Мануэлю Меркадо 1895-го года. В сериале речь идет о кубинских агентах госбезопасности, которые выполняют миссию в США. Рейньер – один из героев сериала.

³ Вилья-Мариста – гаванская тюрьма, в которой содержались политические заключенные.

– Нет, – сказал он с внезапной решимостью и сглотнул, будто пытался устоять перед громадным искушением. – Спасибо, не стоит. Я просто хочу... Нам нужно, чтобы ты оставил тот абзац... Для начала.

Он застал меня врасплох, и я спросил, как идиот:

– Что за абзац?

– Не придуривайся, Йосс. Тебе не идёт, – через губу ответил он, весь из себя жутко самодовольный, как бывают эти из Госбезопасности. – Тот самый, который ты собирался вырезать из статьи. Про использование патриотической символики и возможные злоупотребления. Где ты рассуждаешь о диктатуре и лжепатриотах. Слава богу, я подоспел вовремя.

На этом месте челюсть моя от удивления чуть не придавила пальцы ног. Но я собрался с силами, взял себя в руки и решил, что продолжу ему подыгрывать. С улыбочкой, как положено, я стал строить из себя обиженного и оскорбленного:

– Сожалею, офицер. Но уверяю вас, я не пытался навредить революционному процессу или кого-то оскорбить, я хотел лишь инициировать некоторые...

– Мы знаем, Йосс, не беспокойся, – снисходительно прервал меня он, – мы изучили твоё дело. Мы знаем, ты искренне полагаешь, что небольшая дискуссия пойдет на пользу Революции и ее образу в массах. Твоя цель – простимулировать здоровый обмен мнениями. Не зря ведь ты так и не уехал из страны, хоть и не испытывал недостатка в возможностях – возьми любую твою поездку, – и не принимал ни денег, ни постов от недружественных организаций, – он взглянул мне в глаза, словно пытаясь прочесть мои мысли. – Да-да, мы наблюдаем за тобой, и уже довольно давно. Но не беспокойся: я не стану предлагать тебе влиться в наши ряды. Не будем повторяться: мы знаем, что ты в этом не заинтересован, и уважаем твоё решение. Пускай каждый борется за дело Революции своим оружием: наше дело – идеи, твоё – слова.

Признаюсь честно: этот спич меня впечатлил. Видно было, что парень как следует погрузился в роль; он блестяще владел жаргоном, убедительно жестикулировал. На любом фестивале косплея судьи единодушно присудили бы ему высший балл за исполнение...если бы только на свете существовало аниме, в котором фигурировали бы сотрудники госбезопасности, пусть и не в главных ролях.

Постойте-ка, а не было такого в манге «Голго 13»? Там в одном сезоне намекали, что знаменитый наемный убийца, промышлявший в разных странах, обучался в секретной школе при Министерстве внутренних дел, неподалеку от Гаваны? И чуть ли не выясняется, что родом он с Кубы?

–Я, конечно, понимаю, что ты удивлен моим визитом, – продолжал Рейнбер. Он явно расценил мой анализ манги как растерянность. – Так что буду говорить прямо. Нам нужно, чтобы ты в своей критике и дальше придерживался этого шуточного тона, который так хорошо тебе дается. Чтобы в погоне за публикациями ты не вздумал сейчас начать прославлять Революцию.

– Да все равно никто бы не поверил, учитывая мой бэкграунд, – я продолжал его мысль, до конца не понимая, к чему это он и откуда знает, что я собрался было стереть тот абзац про патриотические символы. Может, он уже давным-давно тут сидит и просто читал текст у меня из-за плеча? Ну разве что вот так. – Я просто подумал... что мог бы немного умерить пыл, – продолжал я, немного поколебавшись. – Чтобы тексту проще было найти своего читателя. Хотел, так сказать, воспользоваться официальными путями распространения... Ну сам понимаешь.

– Плохо, Йосс, очень плохо, – осудил меня он. – И знаешь, почему? Потому что у нас и так уже масса этих политкорректных корифеев, которые подчиняются приказам и пишут все как положено – настолько, что сами не верят в то, что публикуют.

– Да, конечно.

Мне пришли на ум *Cuba, sí*, *La Pupila Insomne* и другие как бы независимые платформы и блоги.

– Но почему тогда вы продолжаете их издавать?

Я был заинтригован обоснованием, хоть оно и показалось мне довольно-таки запутанным и противоречивым.

– Для фонового шума, в первую очередь. Нам нужно создать впечатление, что они в большинстве, – он пожал плечами. – По крайней мере, так я это вижу... – глубоко вздохнул и посмотрел мне в глаза. – Но дело в том, что... не все согласны с этим подходом. Многие полагают, что он устарел, исчерпал себя и даже вреден. Поэтому мы ищем альтернативы. Так вот, небольшая фракция... некоторые товарищи из Центра...мы полагаем, что на двадцать авторов, которые печатают ровно то, что мы хотим, хорошо бы иметь двоих или троих, которые станут писать то, что думают. Разумеется, при условии, что они не будут нам врагами.

– То есть не будут издаваться в «Эль Нуэво Эральд» и получать экономическую помощь от посольства или премии от Кубинско-Американского фонда, – размышлял я вслух.

– И не станут водиться с Йоани Санчес, Женщинами в белом или с Эль-Сексто, – добавил он весьма серьезно (ну и артист!). – То есть... нам нужны такие, как ты. Независимые, временами даже, признаюсь честно, несколько неудобные, но... но...

– Но не открыто оппозиционные, – задумчиво закончил я.

По правде говоря, теперь всё это выглядело серьезно. Очень серьезно. Как-то уж чересчур серьезно, не по-хорошему.

– Именно. Видишь, Йосс, как мы с тобой друг друга понимаем? – самодовольно подтвердил мой гость. – Ты человек умный. Нам нужны такие, как ты: люди, которые, может, и не согласны со всем, что мы делаем, но все же остаются здесь, чтобы менять жизнь к лучшему, хоть и не знают, как этого добиться. Потому что по-прежнему верят в Идею. Люди, которые, по твоему собственному выражению, все еще полагают, что социализм – хороший сценарий, просто никому пока не удалось снять по нему достойный

фильм. А не чудовищная историческая ошибка и анахронизм, от которого Кубе следует избавиться как можно скорее, как полагают некоторые разочаровавшиеся. Нам нужны люди, которые верят, что «со всеми и для блага всех» – не просто пустые слова Хосе Марти, а социальный проект, который можно воплотить. Которые видят эту чудовищную несправедливость – у горстки людей есть все, в то время как у многих нет ничего. Которые не думают, что наилучшая перспектива для нашего острова – стать пятьдесят первым штатом нашего алчного северного соседа.

Он распался все сильнее; уж не знаю, почему, но он напомнил мне главаря студенческого союза начала века, Ассана, которого еще называли Пулеметом или Талибом. Кстати, как здорово, что о нем уже позабыли...

От этих его разглагольствований у меня подзакипел мозг, так что я решил пойти ва-банк:

– Понимаю... Критиковать всерьез, но без остервенения. Указывать пятна на солнце, но не подвергать сомнению существование самого светила. Веря, что, если нам удастся исправить эти, скажем так, небольшие несовершенства, будущее, без сомнения, за нами.

– Именно! – когда Рейньер перебил меня, на глазах его снова заблестели слезы, – Ты не разочаровал меня, Йосс: я был уверен, что ты быстро во всем этом разберешься... в конце концов, это логично, ты ведь пишешь научную фантастику. Литературу завтрашнего дня, так? Именно это выделяет тебя, именно поэтому ты для нас особенно ценен.

– Погоди-погоди, я за тобой не поспеваю, – вся эта галиматья насчет того, какой я особенный, уже начала меня утомлять. – В чем это я должен был разобраться?

Он взволнованно посмотрел на меня и торжественно поднялся на ноги. Да, теперь он определенно переигрывал... Что же дальше-то будет?

– Прошу прощения, Йосс, – торжественно начал он, – мне следовало сказать тебе раньше. Конечно, ты заслуживаешь объяснений, но я несколько увлекся. Я решил было, что ты уже и сам сложил два и два, но понимаю, что даже тебе сложно в такое поверить, ведь это выходит за рамки твоего повседневного опыта. – Он глубоко вздохнул и выпалил на одном дыхании: – Я из будущего. Если точнее – из 2039 года. Мы только что отпраздновали восьмидесятую годовщину Революции, непобежденной и непобедимой.

Бляяя. Вот к такому повороту я готов не был. Восьмидесятая годовщина Революции – а у нас на острове время будто застыло. Кажется, меня пытаются побить моим же собственным оружием: путешествия во времени, социалистические антиутопии и все такое прочее.

Я, естественно, решил ему подыграть.

– Как радостно это слышать, – улыбнулся я с притворным энтузиазмом. – А можно поинтересоваться: какова экономическая ситуация? Продуктовые книжки уже в прошлом? Уже сняли эмбарго, между Майами и Гаваной курсируют паромы и все такое? Мы уже начали платить за фильмы и сериалы, которые раньше показывали по телевизору бесплатно? Ведь, как известно, нет худа без добра... И нет такого решения, на которые мы,

кубинцы, не придумаем новую проблему. Таков наш крест начиная с пятьдесят девятого года, думаю, даже вы не станете этого отрицать.

– К сожалению, мне нельзя разглашать подробности – сам знаешь, чтобы не нарушать причинно-следственных связей и тому подобное... – Он напустил на себя важный вид, а у самого глаза заблестели, явно очень хотел что-то выложить. И действительно, не стерпел. – Если что, Йосс, я ничего тебе не говорил, но... с учетом новых месторождений нефти у нас на острове, толп туристов из США (со времен Обамы туризм стал развиваться семимильными шагами) и новых экономических мер (врачей и учителей отправляем работать в другие страны)... Скажем так, дела идут неплохо. Мы даже начали модернизировать армию, представляешь?

– Небось использовали русские технологии...

Он пожал плечами, как бы не придавая значения услышанному.

– Ну естественно. Хотя теперь мы эти технологии покупаем за деньги, как и Венесуэла. Рассматривается даже отмена всеобщей воинской обязанности. По правде говоря, наша армия давно уже превратилась в дешевую неквалифицированную рабочую силу, а войны в наше время требуют от солдат специальной технической подготовки, которой невозможно добиться всего лишь за два года обязательной службы или на сборах. Думаю, лет через десять у нас будет профессиональная армия.

Крутая у него получается вымышленная вселенная. И правда впечатляюще: нефть, ну естественно, как в Венесуэле. А еще профессиональная армия и массовый американский туризм.

Жаль только, что мне в это совсем не верилось. Как в старом советском анекдоте: революция может победить и в Сахаре, но только тогда Сахара начнет импортировать песок.

Социализм отлично работал (да и это, пожалуй, преувеличение), когда нужно было перераспределить блага, нажитые в эпоху капитализма, проблемы начинались, когда нужно было производить новые.

Но не будем уходить в дебри. А вообще мне вдруг ужасно захотелось написать рассказ, а может, даже роман, на эту тему: Куба, начало XXI века, возрождение социализма. Может, щепотка капитализма, индивидуальное предпринимательство, но при этом, естественно, однопартийная система, сильная коммунистическая партия - с обновленным составом, а не нынешняя богадельня: сейчас-то они спускают на тормозах любую попытку провести настоящие демократические выборы... Я написал бы что-то вроде «Башни космонавта» шотландца Кена МакЛеода или «Гавана Андервотер» моего современника и приятеля Эрика Моты. И то, и другое – альтернативная история: обе книги начинаются с того, что СССР выигрывает холодную войну, и полны... как там это называют немцы?.. Полны остальгии, от слов «ост», восток, и «ностальгия». Как тот мир, который герой Даниэля Брюля в фильме «Гуд бай, Ленин» создает для своей матери, пламенной коммунистки, которая только что пережила инфаркт, чтобы у нее не случился новый.

– Я уже понял, что мне не стоит слишком много знать о будущем, – раздумчиво сказал я, – но у меня остался еще один вопрос... Вообще-то самый главный. Неужто без меня Кубе и впрямь не достичь светлого будущего?

– Уж поверь мне, Йосс, – очень серьезно ответил Рейньер. – Я не могу сказать тебе больше, но без твоих статей, без твоего критического взгляда, который, надо признать, доставляет нам некоторые сложности... нашего Центра не существовало бы. – Он вздохнул. – Как известно, самый темный час – перед рассветом. Весь этот бардак с глобальным потеплением, тяжелейшие двадцатые годы... Да еще и туристы перестали приезжать, и люди утратили веру, некоторые мои коллеги переметнулись в индивидуальные предприниматели... Поговаривали даже о роспуске нашей организации. Ты только представь, подумать страшно, это как если бы распустили КГБ или ГРУ! И только твои произведения поддерживали нас на плаву, только благодаря им мы продолжали жить и бороться, в тени, как всегда...

–... «бывают дела, требующие строгой тайны, и стоит объявить о них во всеуслышание, как на пути вырастают непреодолимые препятствия¹», – торжественно произнес я. – Ну что ж, думаю, я смогу. Смогу поддерживать пламя факела конструктивной критики. Но – прошу прощения за некоторую меркантильность – по правде говоря, как ты наверняка знаешь, если изучал наше десятилетие, дела сейчас идут совсем неважно. Цены растут и растут, но и товаров, правда, становится больше. Так вот, скажи, что я за это получу?

– Ты разочаровываешь меня, Йосс, – Рейньер с улыбкой покачал головой, – хотя, должен признать, я не удивлен. – Он вздохнул. – Не стану тебя обманывать: мы надеялись, что это не понадобится, но сделали соответствующие приготовления. В конце концов, и у преданности идее есть свои границы. Даже Ким Филби² предпочитал иметь на счету в швейцарском банке несколько десятков тысяч фунтов.

– Да-да, орден Красного Знамени – это, конечно, очень почетно, – иронически отметил я, чтобы показать, что мне прекрасно известна история двойного агента британской секретной разведки МИ-6, – но есть-то что-то надо. А нынешняя Куба вобрала в себя худшее от обеих систем: зарплаты у нас тут как при социализме, а вот цены вполне себе капиталистические, и фасоль дорогущая, не говоря уж о мясе и овощах.

– Ладно-ладно, все с тобой ясно, Иуда – ой, то есть Йосс, – хихикнул он и достал из заднего кармана джинсов бумажник. – Вот твои тридцать сребреников... для начала. Деньги настоящие, из ваших времен. Будешь работать добросовестно – каждый месяц будешь получать по столько же.

И протянул мне пять купюр.

---

¹ Отрывок из письма Хосе Марти Мануэлю Меркадо (1895г.), цитируется в переводе Н. Тульчинской.

² Ким Филби (1912-1988) – один из руководителей британской разведки, коммунист, с 1933 года агент советской разведки. С 1963 года жил в Москве под именем Андрей Фёдорович Мартинс.

Я взял деньги, с головой уйдя в свою роль... и застыл, в онемении уставившись на них.

Это были пятитысячные купюры. Золотистые, с безошибочно узнаваемым бюстом венесуэльского генерала Нарсисо Лопеса¹. Генерал был облачен в ослепительный мундир с позументами и кивер с плюмажем, а на заднем плане реял флаг. Наш кубинский флаг, тот самый, что создал Лопес вместе с Мигелем Теурбе Толоном, Сирило Вильяверде, парой представителей семейства Иснага и другими, чтобы поднять его над островом при попытке то ли захвата, то ли освобождения в 1850 году.

У них были средства, у этих ребят из Центра. Они хорошенько все продумали и подготовились. Логично вообще-то: Куба будущего в хороших отношениях со Штатами и Венесуэлой, и на фоне безумной инфляции, которую не замедлило даже введение параллельной валюты, самую крупную купюру украшает изображение Великого пирата, который даже вдохновил янки Уильяма Уокера на авантюру в Никарагуа – она, кстати, тоже провалилась.

Но вот что меня поразило: банкноты выглядели невероятно правдоподобно. Я дрожащими руками взял одну, чтобы посмотреть на свет. Она была безупречна, если не считать, что таких не на свете не существует. Все было на месте, как у настоящих банкнот, напечатанных Центральным банком Кубы: водяные знаки с лицом Селии Санчес, защитная нить, как будто...

Как будто банкнота настоящая, и остальные четыре тоже.

Но это было невозможно, совершенно невозможно. Ну не могли в 2017 году быть в обращении пять купюр по пять тысяч песо, выпущенных в 2014-м. Сейчас-то самая крупная купюра – тысяча песо, с лицом Хулио Антонио Мельи², да и ее тоже нечасто увидишь.

Я расхохотался. Они серьезно вложились в розыгрыш, в какой-то момент я чуть было не поверил в эту историю.

– Очень хорошо, прекрасно! – выговорил я наконец между приступами хохота и потрепал ошарашенного «офицера Рейньера» по плечу. – Я чуть было не клюнул! Отличный план: поймать меня в мои же сети. Вы потрудились на славу! Слушай, а где вы такие напечатали? Даже не знаю, как их назвать, факсимиле? Уж конечно, не подделки: мы же не назовем подделкой шестидолларовую банкноту. Нельзя подделать то, чего не существует! Отличная работа! Если честно, на какой-то миг я и впрямь поверил...А если б вы вlepили туда лицо покойного верховного

---

¹ Нарсисо Лопес (1797-1851) – венесуэлец, генерал испанской армии, на Кубе перешел на сторону партизан, в 1848 году после подавления восстания бежал в США и там организовал флибустьерскую экспедицию с целью освобождения Кубы. В 1850 году прибыл на Кубу с флагом, который позже станет кубинским, но его сторонники потерпели поражение, так как значительная часть местного населения сражалась на стороне испанцев.

² Хулио Антонио Мелья (1903-1929) - кубинский революционер-коммунист, лидер студенческого движения, основатель и руководитель Коммунистической партии Кубы.

главнокомандующего, это было бы уже чересчур в лоб. Или даже Уго Чавеса...

– Уго Чавеса Фриаса? Бессменного президента братской Боливарианской республики Венесуэла? – Рейньер в изумлении посмотрел на меня. – И верховного главнокомандующего? Ты имеешь в виду... Фиделя? Но это невозможно, ведь изображения живых глав государств на банкноты не помещают...

Ни на секунду не выходит из роли, что, надо признать, достойно восхищения.

Я, не переставая смеяться, подвел его к компьютеру, открыл пиратскую Википедию 2017 и набрал вначале «Уго Рафаэль Чавес Фриас», а затем «Фидель Алехандро Кастро Рус».

– Что за злая ирония, правда? Всю жизнь боролся против капитализма, а умер в черную пятницу, когда в магазинах начинаются рождественские скидки, в красный день потребительского календаря.

В Рейньере умер великий актер. Трясущимися руками он взял мышку и пробежал глазами вначале биографию Фиделя, а затем – его друга Чавеса, задержавшись в конце, чтобы внимательно прочесть о смерти обоих во всех подробностях, будто только что узнал о ней.

Потом он встал, не в силах говорить, несколько раз открыл и закрыл рот, будто хотел что-то сказать, но сам себя останавливал. А потом двинул кулаком в стену и как заорёт:

-Чёрт, да что ж такое! Ну что ж за рукожопы эти китайцы! Даже машину времени нормально сделать не могут! Фидель умер, не дожив до ста двадцати! Чавес тоже! Теперь понятно: это альтернативное будущее! Ну и где теперь искать точку бифуркации, черт бы ее побрал, в этом истинном неупорядоченном не событийно ориентированном временном потоке? Ищи-свищи! Ух, я бы их...

И, исчез, не договорив.

Да-да, именно так: он исчез.

Нет, я не преувеличиваю, это не для красного словца. Он не сбежал по лестнице, не выпрыгнул в окно, даже не прошел сквозь стену, и не стал потихоньку бледнеть и выцветать, чтобы в конце концов раствориться в воздухе.

Никакой тебе вспышки, никакого хлопка в воздухе, ни даже вспышки серы, как когда исчезает Ночной Змей из Людей Икс. Вообще никаких спецэффектов.

Просто только что он был, а потом раз – и нет его.

По правде говоря, в фантастическом кино такой трюк смотрелся бы бледновато.

И все равно я так обалдел, что аж осел на пол. И это не фигура речи.

XXXXX

Вот как все было. Или, по крайней мере, так оно мне запомнилось.

С тех пор прошло две недели, а я до сих пор не знаю, что и думать.

Естественно, мне прекрасно известно, что такое точка бифуркации. В конце концов, я же пишу фантастику.

Это ключевой момент, начиная с которого расходятся две временные прямые. Примеров можно придумать миллион: Цезарь не приходит в Сенат, его не закалывают, он становится бессменным диктатором, и Рим не сдается под натиском готов. Или ветер Камикадзе не уничтожает флот монгольского захватчика Хубилая, и таким образом в средневековой Японии не получает распространение культура самураев. Ленин умирает, не успев приехать в Петроград в пресловутом plombированном вагоне, и Октябрьской революции не случается. Нацисты не дают провести операцию «Динамо», оставив в плену половину британских военных и вскоре захватывают Англию в ходе знаменитой операции «Морской лев». Или не нападают на Советский Союз, а полюбовно делят весь мир, как они поступили с Польшей. Или Кеннеди не удается договориться с Хрущевым, и атомная война стирает человечество с лица земли в октябре 1962-го.

Но, боюсь, все не так просто: недаром Рейньер (или как там его звали на самом деле) упомянул «истинный неупорядоченный не событийно ориентированный временной поток», так он и сказал. Как я понимаю, имеется в виду ход истории, не основанный на деяниях великих людей, если изменить которые – изменится и все остальное. Скорее, он говорил о неизбежном ходе истории в ее марксистском понимании.

А до этого он упомянул еще и альтернативное будущее.

И знаете что? У меня есть теория. Да, безумная, да, абсурдная, ну а как иначе? В конце-то концов, я фантастику пишу.

Я полагаю, что Рейньер действительно прибыл из будущего – но, конечно, не из нашего будущего.

Он явился из другого будущего. Из того, в котором Фиделю исполняется сто двадцать, и он продолжает руководить Кубой, а Чавес в 2039 году все еще бессменный президент Венесуэлы. Из будущего, в котором в 2014-м действительно ввели в обращение пятитысячные банкноты с портретом Нарсисо Лопеса.

Короче, из альтернативного будущего. Улавливаете?

С тех пор мне не раз казалось, что я все это выдумал или увидел во сне. Но потом я доставал пять пятитысячных купюр, которые храню в первом томе романа Конан Дойля «Белый отряд», смотрел на них, трогал... и начинал сомневаться.

А вдруг не такой уж я и псих, как может показаться? Вдруг все это было на самом деле? А что, если этот альтернативный мир, в котором верховный главнокомандующий в свои сто двадцать все еще у власти, а преданные великой идее сотрудники Центра возвращаются в прошлое, чтобы посулить награду писателям, критикующим систему, но не слишком яростно и злонамеренно... вдруг этот мир действительно существует?

Тот, другой мир, – он лучше или хуже нашего?

Ума не приложу. По правде говоря, нынешняя Куба в такой жопе, что мне сложно придумать, как может быть еще хуже, но и та, убедительно описанная (или выдуманная?) Рейньером, тоже не показалась мне раем земным.

Нет уж, спасибо.

Сами знаете: из двух зол выбирай знакомое.

А пока что я храню пять золотистых купюр с портретом Нарсисо Лопеса. Двадцать тысяч песо. По нынешнему курсу – тысяча куков.

Кстати говоря, чего это Рейньер не отсыпал мне куков?

А может, в его 2014-м все деньги унифицировали, упразднив чавитос, карнавалитос, или купоны¹, как мы их в шутку называли все эти годы? Ух, я бы на это посмотрел...

Но к чему эти домыслы? Какой в них смысл?

Не знаю, увижу ли я Рейньера еще когда-нибудь. Боюсь, что нет.

В любом случае, очень надеюсь, что ему удалось вернуться в свой временной поток, и что он не застрял в каком-нибудь другом альтернативном будущем, еще более странном и неприятном, чем наше (а такие наверняка существуют).

Я не держу на него зла. Думаю, он искренне верил в то, что говорил: Идея, Родина и все такое прочее. И намерения у него наверняка были наилучшие.

Хотя сами знаете, куда вымощена дорога благими намерениями. Думаю, НКВД, КГБ и наше родное самоотверженное Управление разведки заасфальтировали не одну сотню миль во владениях дьявола.

Говорят, мы, кубинцы, как никто умеем делать хорошую мину при плохой игре и обращать неудачи себе во благо. От этого посещения мне осталась история, которую я сейчас и предложил вашему вниманию.

И еще кое-что. Это, как я вас предупредил с самого начала, чистый вымысел. Не просто вымысел – фантастика, причем самая примитивная, ее и литературой-то можно назвать разве что с натяжкой.

Так что вы мне не верьте.

Но на всякий случай: если вдруг заметите, что на планете резко стало жарче, или услышите, что в Арктике и Антарктике тают льды, или что вводят в обращение билеты по пять тысяч песо... сообщите мне.

А вдруг они будут золотистые и с портретом Нарсисо Лопеса?

В конце-то концов, что, и помечтать уже нельзя?

Перевод Маши Малинской

---

¹ Чавитос, карнавалитос, купоны – неофициальные названия КУК (Кубинских конвертируемых песо).

Карла Суарес Я хочу летать

Они думают, я не понимаю. Думают, я не заметил изменений. Я смотрю в окно и веду себя так, будто ничего не происходит. Делаю то же, что и всегда: поливаю цветы и дышу, как будто и в самом деле не происходит абсолютно ничего. Я притворяюсь, иногда даже насвистываю одну чудесную мелодию, почесывая живот. Лишь бы они не поняли, что уже несколько недель назад я стал замечать: потолок сдвинулся с места.

Я знаю, было бы абсурдом спрашивать у моей соседки, не заметила ли она, что потолок в ее квартире сегодня ниже, чем вчера. Она станет оглядываться по сторонам, широко раскроет глаза и скажет, что я сошел с ума. Потом ее взгляд изменится, она поспешит к себе: только бы я не заметил капли пота, сбегаящие по ее лицу. И бьюсь об заклад, через пять минут после моего вопроса она в страхе падет на колени перед фигурой своего любимого святого и станет спрашивать себя, о боже мой, почему в ее доме опускается потолок. Ясное дело, своим смятением она со мной не поделится: лучше сделать вид, что ничего не происходит. Так они все и делают, и думают, что я этого не понимаю.

Сеньор сверху, например, уже давно не может как следует спать. Я знаю об этом, потому что всю ночь напролет слышу непрекращающиеся шаги. Подозреваю, он не может найти логичных ответов на свои вопросы, и это лишает его спокойствия. Это, должно быть, ужасно. На днях мы столкнулись на лестнице, и я заметил ушиб у него на лбу. Я спросил, не упал ли он, он сказал, нет. Я стал спрашивать настойчивее, и тогда он посмотрел на меня широко открытыми, полными тревоги глазами. Но в итоге только прибавил, что ударился о лампу.

– Лампу? – переспросил я. – Лампа, которая на потолке, вы имеете в виду?

Тогда он взглянул на меня смущенно. Он чуть было не заговорил. Его глаза заблестели, но он проглотил то, что хотел сказать, и нервно улыбнулся.

– Что вы говорите? Лампа на потолке? Полно, юноша, не паясничайте, не так уж я стар.

Он попрощался и ушел, бормоча что-то себе под нос. Он не так стар, это точно, но я убежден, что лампа на потолке каждый день все больше приближается к его макушке. Будь оно иначе, разве заметил бы я, как он переживает, ходит с таким взволнованным лицом? Заметил бы я, как изменилось его отношение ко мне? А ведь с того дня сосед сверху избегает меня. Я заметил, как он пробегает мимо моей квартиры или замирает каждый раз, когда моя дверь приоткрывается. Он не хочет, чтобы я его видел. Наверняка подозревает, что я уже обо всем догадался и хочу обсудить это. Кто знает, что он там способен себе вообразить. Я, во всяком случае, веду себя как ни в чем не бывало. Продолжаю себе насвистывать и поливать цветы.

Единственная проблема в том, что потолок каждый день опускается на сантиметр, и я начинаю беспокоиться. Иногда мне снятся ужасные кошмары. Во сне я вижу, как просыпаюсь, а потолок уже в миллиметрах от моего носа. Мне не хватает воздуха, я не могу дышать. При этом я с ужасом наблюдаю за тем, как расстояние сокращается и сокращается, и просыпаюсь ровно в ту секунду, когда пол и потолок сливаются воедино, чтобы раздавить меня. Я поднимаюсь весь в поту, с чувством чудовищного удушья. Мышечные боли, даже озноб. Потом целую ночь не могу заснуть, гляжу в потолок. Я размышляю о том, что если мой взгляд поймает тот самый миг, когда потолок становится ниже, вопрос будет решен. Но так не происходит. Это просто уловка, которую я придумал себе, чтобы усмирить страх и суметь заснуть. Меня постепенно клонит в сон, а на следующий день просыпаюсь, и бац! Потолок ниже, чем прошлой ночью.

Это настораживает. Или точнее, вызывает большие подозрения. Пространство будет каждый день становиться все меньше. Наши телодвижения будут более скованными. Когда потолок коснется книжного шкафа, я буду вынужден избавиться от него. Потом я, что вполне логично, стану передвигаться внаклонку, потом на коленях, а потом и вовсе ползать по полу. Мой организм наверняка приспособится к новым условиям жизни. Человек – такое животное, которое привыкает ко всему, и я, если привыкну к тому, что происходит, в конце концов стану пресмыкающимся.

Представляю себе лицо соседки, когда я выгляну на балкон и скажу ей: «Здравствуйте, будущая ящерка!». Много бы я дал, чтобы посмотреть на ее лицо. Но она, конечно же, сделает вид, что ничего не происходит. Будто она ничего не понимает. Будто она вынуждена продолжать жить так, спокойно ожидая, когда потолок упадет и раздавит ее.

Что до меня, то я, обдумав это явление и его возможные последствия, решил спастись. Я прекрасно понимаю, что моих объяснений никто не станет слушать. И я также знаю, что надо и дальше вести себя так, будто ничего не происходит. Я тем временем буду готовить побег. Я стану птицей. Именно так. Научусь летать и каждую ночь буду взмывать над городом, всякий раз улетаю все выше и выше, пока не окрепнут крылья. И когда произойдет то, что должно произойти, я смогу в последний момент поднять свое тело в воздух и просочиться наружу сквозь какую-нибудь маленькую щель. Если они не хотят понять, что пространство будет уменьшаться и дальше, пока их не раздавит, то я поймать себя в ловушку не позволю. Я стану птицей.

Так я стал упражняться в полетах. Сначала я часами сидел на балконе, глубоко вдыхая, наполняя тело воздухом и вскидывая руки все выше и выше. Соседка смотрела на меня и тут же бежала к своему святому. Потом, когда я понял, что ветер стал частью моей среды обитания, пришел час встать на перила. С закрытыми глазами, на цыпочках я ходил от одного края к другому. Каждый раз я широко расставлял руки в попытках найти равновесие. К тому времени потолок уже доходил до притолок, из-за чего двери не закрывались.

Двери в доме стояли нараспашку, а люди входили в них и выходили как ни в чем не бывало. Многие, однако, поменяли свои привычки. Вместо того, чтобы складывать одежду в огромные, набитые ящиками шкафы, они теперь раскладывали ее на полу. А вместо больших страшных люстр, свисавших с потолка, стали использовать свечи. Так было красивее. По крайней мере, так утверждал сеньор сверху в последний раз, как мы с ним встретились на лестнице.

– Вам помочь?

Он утомленно шагнул, взвалив на плечи тяжелую сумку. Услышав мой голос, он резко отвернулся, пряча лицо, и сумка упала на пол. Оттуда выпала груда свечей. Я опустился на колени, чтобы помочь ему поднять их, и увидел синяки на его лице. Я не стал ничего говорить.

– Спасибо, юноша, спасибо вам за помощь. Я ведь уже стар, да, я довольно стар, и вот вдруг пришло в голову использовать свечи. Так красивее, понимаете?

Я помог ему поднять сумку и не мог не спросить, не случилось ли чего: быть может, он упал? Он в бешенстве посмотрел на меня.

– Да что же вы все дурака валяете, юноша? Ничего со мной не случилось, слышите? Ничего! Со мной не случилось ровным счетом ничего.

Он забрал свои вещи и поспешил вверх по лестнице, бормоча что-то себе под нос. Я смотрел на него, стоя у двери одной покинутой квартиры. Здесь жила пара, но теперь они, похоже, решили съехать. Люди меняют свои привычки, это точно. Поэтому вряд ли мои новые ночные упражнения должны были кого-то удивлять. По крайней мере, я так думал. Заметив однажды, что, стоя на перилах, я задеваю головой балкон сверху, я положил поперек балкона доску. Своего рода трамплин в пустоту – здесь я мог балансировать и упражняться. Однажды ночью, когда я с закрытыми глазами стоял на кончиках пальцев, и, еще мгновение, – взлетел бы – я услышал чей-то голос.

– Эй, эй, юноша!

В один миг моя концентрация рассеялась, и мне пришлось спешно искать равновесие, чтобы не упасть. Я повернулся всем телом и заметил лицо соседки, выглядывавшее из двери. Я не видел ее уже несколько дней: очевидно, уровень потолка был так низок, что она уже не могла выбираться на балкон. Она огляделась по сторонам и заговорила почти шепотом:

– Не делай этого, юноша, оно того не стоит.

Я подошел ближе и тоже шепотом спросил, чего именно мне не следует делать.

– Бросаться. Ты ведь хотел броситься, да? Но не надо, оно того не стоит.

Я улыбнулся, решив, что она наконец-то готова к разговору. Мы могли бы довериться друг другу и вместе найти выход. Я даже мог бы научить ее азам летного дела. И мы бы летали вместе. Мы бы спаслись. Я вздохнул и подался назад.

– Я не собирался сбрасываться, сеньора, не беспокойтесь. Я просто-напросто тоже начинаю терять спокойствие. У меня тоже уже болит спина, и времени у нас осталось мало – сами видите, как низко опустился потолок. Если мы не поспешим – дело плохо. Расскажите, есть ли у вас какое-нибудь решение, а я расскажу вам про свое.

Она посмотрела на меня, широко раскрыв глаза.

– О чем ты, сынок? Болит спина – сходи к врачу, и завязывай с этой ерундой на балконе.

– Потолок, сеньора, я говорю про потолок.

– Ох... делай как знаешь. И чего я беспокоюсь: вы, молодежь, все время придумываете какую-то чушь. Послушай моего совета, сходи к врачу, потому что у тебя, наверное, и святого своего нет! Ох... В общем, делай что хочешь, я пойду спать...

Ее лицо снова исчезло в двери, а я остался один глядеть на звезды. Без сомнения, мне нужно было спешить. То, с какой скоростью сокращалось пространство вокруг, вызывало у других людей невероятный страх. Страх, который крепчал внутри и лишал дара речи. Я спрашивал себя, почему все в ужасе бегут от одного упоминания слова «потолок». Люди широко раскрывали глаза и как можно скорее меняли тему разговора, отчего я чувствовал себя идиотом. Это слово было как будто исключено из обихода, а его исключение означало отсутствие проблемы. Но проблема с каждым часом становилась все больше, или, точнее говоря, все ближе, потому что потолок опускался и опускался.

Для меня самым важным в то время было научиться летать. С пользой провести оставшееся время и однажды взмыть в небо, пусть и совсем одному. Комната стала мне неудобна, боли в спине давали о себе знать. Но чтобы летать, нужно быть в форме. Поэтому я стал заниматься спортом. Каждый вечер я выходил на пробежки и бегал по несколько километров до парка. Там – перерыв, чтобы подышать, прыгая на носочках, – и бегом обратно.

Прогулки часто получались познавательными: благодаря им я мог не только бороться со скованностью в теле, но и оценить состояние крыш других домов. Тогда же я заметил, что многие люди покинули свои жилища и теперь целыми группами жили в парке. На траве они раскладывали кучи матрасов, а линиями из камней делили пространство на участки. Дома стали низкими, а высотные здания походили на пчелиные соты: люди там ходили нагнувшись, и только обладатели балконов на последнем этаже могли выпрямиться во весь рост. Все это было престранно. Словно кукольный дом, с той лишь разницей, что куклы не умеют разговаривать. А я умею – и тяжелее всего было то, что вокруг не находилось собеседников. Тогда я решил быть благоразумнее. Я избегал общения с людьми, а если кто-то начинал со мной разговор, старался не заводить речь о потолке. Уж лучше так.

– Тебе нравится воздух в парке, да?

Услышав голос за спиной, я обернулся и увидел перед собой девушку, которая некоторое время назад съехала из моего дома. Я ответил, что мне нравится дышать свежим воздухом и делать небольшие упражнения, что это полезно для тела и ума. Она улыбнулась.

– Да, я видела тебя, ты тут каждый день... А мы теперь живем здесь: тут лучше дышится и видно небо, этот большой общий потолок...

Услышав это слово, я почувствовал, как меня передернуло. Она снова улыбнулась и поприветствовала своего молодого человека: он только что подошел. Юноша протянул мне руку, спрашивая, как я поживаю, как там дом и соседи. Я оглянулся по сторонам, немного подался вперед и заговорил шепотом.

– Каждый день он все ниже, это ужасно. Мы уже ползаем на коленях, и я не знаю, сколько нам осталось. У вас есть план?

Они молча переглянулись. Молодой человек прокашлялся и немного отошел назад.

– Нельзя сказать, что это план. Это скорее проект. Мы предлагаем стиль жизни, более близкий к природе, предполагающий уважение и заботу о ней. Поэтому мы начали с себя. Переехать в парк для нас – способ вести общество к гармонии с природой, растениями, чистым воздухом, и все такое.

Сначала я толком его не понял, но потом снова подался вперед и стал шепотом говорить: нельзя же всем переехать в парк, это не решает проблемы, потолок все равно будет опускаться ниже. Они снова молча переглянулись, и он сделал еще один шаг назад.

– Я тебя не понимаю.

– Как это не понимаешь? – пробормотал я в негодовании. – Вы уехали из дома, когда потолок стал опускаться. А сейчас я говорю тебе, что мы ползаем на коленях, и никто ничего не может с этим поделать, и нас всех скоро раздавит, и все умрут.

Он сделал странное движение ртом, а она, улыбнувшись, добавила:

– Мы переехали, потому что принадлежим к группе любителей природы. Я тоже не понимаю, о чем ты говоришь, так что лучше занимайся дальше своим спортом, это полезно для тела... и для ума.

Они развернулись и ушли, переговариваясь. А я почувствовал страшную беспомощность и пустился бежать. Мне нужно было тренироваться. Я бегал и делал большие прыжки. Я должен был сделать свое тело легким, даже невесомым. А потом – поднять его и перенести в другое место. Нужно бежать как можно скорее. Я должен лететь и завоевать небо – этот большой общий потолок.

Придя домой, я услышал громкое бормотание. Голоса, проникавшие через квадратные отверстия, в которых раньше помещались двери. Я сильно устал и хотел немного отдохнуть перед ночными упражнениями, так что опустил на колени, чтобы войти в квартиру. Тогда я услышал, как меня зовет соседка.

– Юноша, юноша, ты тут?

С балкона ее было практически не видно, поэтому я встал на четвереньки и так пробрался в соседнюю квартиру. Она лежала на низком, в японском стиле, диване.

– Входи, не стесняйся, дверь открыта.

Я поблагодарил ее за любезность и, все так же на четвереньках, приблизился.

– Господи, какое несчастье! – сказала она. – Да ты ничего не знаешь, тебя же не было дома. Сеньор сверху... какое несчастье, о боже мой!

– Что произошло? – спросил я с любопытством.

– Сегодня вечером его забрали. Говорят, умер еще вчера. Его нашли двое мальчишек, которые играли на лестничной площадке. Говорят, он лежал на полу гостиной, весь окоченевший. Видимо, упал. Наверное, ударился головой обо что-то, кто же знает. Он ведь был уже очень старый.

Соседка закашлялась и достала из кармана таблетку. Я спросил, не принести ли ей стакан воды, но она сказала, чтобы я не утруждался. Все необходимое она любит держать под рукой. Она взяла с пола литровую бутылку и глотнула воды.

– Какое несчастье, боже мой! Настоящее горе. Старики не должны жить одни...

– Не такой уж он был и старый, – сказал я раздосадованно. – Может быть, он обо что-то ударился? Вы тоже должны быть осторожны, потому что все мы здесь однажды можем удариться, вам не кажется?

– Ах, сынок! Господи боже мой! Что ты такое говоришь? – ответила она взволнованно и проглотила еще одну таблетку.

Улыбнувшись, я попрощался. Развернулся и на четвереньках пополз в свою квартиру. Не успев войти, я снова услышал ее голос.

– Не закрывай дверь, сынок, пускай немного проветрится.

Определенно, времени было мало. Мои соседи и дальше будут себя гробить, а некоторые будут упираться до конца, пока их не раздавит. Я до сих пор не научился летать, и это ужасно меня пугало. Я ни в чем не мог быть уверенным. Я боялся, что буду спать в тот самый момент, когда потолок сойдется с полом. В то же время, переехать в парк не казалось мне хорошим решением. Там было много людей, а природные ресурсы – плоды с деревьев, вода из пруда – постепенно подошли бы к концу. Что они станут делать тогда? Кроме того, сама идея примкнуть к ним и полагать, будто я вхожу в группу экологов, казалась мне слишком нелепой. Все прекрасно понимали, что происходит, но ни в какую не соглашались признать это. Было даже смешно.

В ту ночь мне пришлось поработать как следует. Несколько недель назад я забросил свой трамплин – к нему теперь было не подобраться. Балкон по сути дела стал закрытым ящиком с маленькой щелью, через которую проникала тонкая струйка света. Я перенес свои упражнения на крышу. Понятное дело, попасть туда тоже стоило больших трудов, потому что она и была пуста. Я должен был на корточках подняться по лестнице, и только там, наверху, мог вытянуться во весь рост. Здесь все перила были в моем

расположении, и я упражнялся на них свободно. В ту ночь я тренировался до изнеможения. Мои руки качались в воздухе, плавно рассекая его. Закрыв глаза, я мог ощутить, как ветер шевелит волосы у меня на теле. Я услышал, как где-то рядом бьются птичьи крылья, и улыбнулся, представив на месте птицы себя. Чтобы достичь чего-либо, нужно первым делом сконцентрироваться на этом. Создать образ. Представить, как ты паришь над городом, как твое тело летит, выписывает пируэты и поднимается, и опускается, и ничто не может ему помешать.

Я был очень счастлив в ту ночь, и время прошло незаметно. Когда я открыл глаза, был уже день. Я стоял на перилах, только на другой стороне крыши. Я оглянулся по сторонам и стал смеяться как сумасшедший. Как настоящий безумец, я начал прыгать по крыше. Мне хотелось расцеловать самого себя. Я взлетел. Вне всякого сомнения, этой ночью я смог подняться в воздух. Мое тело было готово к движению. Теперь оставалось только научиться делать то же самое с открытыми глазами и поработать над чувством ориентации. Я не знаком с правилами движения по воздуху, так что начать следовало с ознакомительных полетов: прогулки по району, короткие вылазки – все по воздуху. Это чувство невозможно описать. Я был счастлив.

Я решил отдыхать весь день, чтобы набраться сил. Единственная проблема была в том, что, когда я подошел к дверце на крыше, чтобы спуститься домой, пространство сократилось еще больше. Я не смог протиснуться, даже стоя на коленях. Пришлось лечь на пол и ползком пробираться через маленькую щель. Спуск по лестнице дался мне тяжело: я должен был как следует упираться локтями, чтобы не удариться подбородком о ступеньки. Я весь обливался потом, во рту пересохло. Но я спускался дальше. Добравшись до своего этажа, я прошел мимо квартиры соседки.

– Сеньора! – прокричал я. – Сеньора, как ваше самочувствие?

Она молчала несколько минут, а потом ответила:

– Чего тебе?

– Я спрашиваю, как ваше самочувствие?

– А с какой стати мне плохо себя чувствовать? Мне было очень хорошо, пока ты не разбудил меня своими воплями. Лежу себе в постели, а ты дай мне спокойно провести сиесту, сынок.

Я не ответил и устало вполз к себе. Учítывая, что я и так уже лежал, растянувшись по полу, мне нужно было только перевернуться с боку на бок и отдышаться. Потолок был уже меньше чем в метре от моего носа. Помещение не проветривалось, а балконное отверстие было полностью завалено балконом сверху. В комнате совсем не было света. Нам – мне и моему страху – было суждено уснуть здесь и не проснуться никогда. В последнее время я был так занят своими упражнениями, что не заметил, насколько ускорилось приближение потолка. К счастью, из-за чудовищной усталости в ногах желания выйти пробежаться или заняться растяжкой у меня не возникало. В тот момент мне хотелось только лежать, в тишине и в

темноте. И я лежал, хотя всем телом чувствовал, что что-то не в порядке. Своего рода скрытая клаустрофобия. Мое сердце билось на бешеной скорости. Мне хотелось верить, что от усталости, но это была не усталость, а страх. Чудовищный ужас.

Я начал делать упражнения для расслабления. Глубокое дыхание. Я должен был успокоить свои инстинкты: час решающего полета был близок, и я не мог позволить себе переутомляться. Так, в размышлениях, я закрыл глаза. Расслабил веки. Вытянул все мышцы. Напряжение ушло. Я заснул.

Я проснулся от того, что муха щекотала мне лоб. Моей реакцией, и вполне логичной, было отмахнуться от нее, но, подняв руку, я сильно ударился. Я попытался пошевелиться, и, хотя ничего не видел, чувствовал, что потолок уже здесь, чуть ли не дышит мне в лицо. Я попытался вытянуть руку, но смог выпрямить ее только по локоть. Это был конец. С большим трудом я попробовал повернуться. Мои плечи касались потолка. Паника овладевала мной. Невозможно было представить, что после стольких трудов мне суждено умереть раздавленным. Умереть просто так, будто я так ни о чем и не догадался. Я снова стал дышать, пытаюсь успокоиться, и сжался, насколько это было возможно. Невероятным усилием я поджал плечи, чтобы перевернуться навзничь. Я пополз вслепую, не останавливаясь ни на секунду. Мне нужно было добраться до крыши. За пределами квартиры тоже ничего не было видно. Я коснулся стены и понял, что нахожусь у квартиры напротив. Задыхаясь, я прокричал:

– Сеньора! Сеньора! Это конец, потолок скоро будет на полу!

С той стороны слышалось бормотание. Соседка молилась.

– Сеньора! Вы не хотите улететь со мной? Не хотите спастись?

Она прекратила молитву и откашлялась:

– Улететь? Ты с ума сошел, сынок. Летают только ангелы... или педики...

Она вернулась к своим молитвам. Мне хотелось смеяться, но я не мог терять времени.

Ползком, опираясь на локти, я стал подниматься. Капли пота текли у меня по рукам. Иногда я врезался головой в потолок, и в ушах у меня страшно звенело. Так, сначала упираешься руками, потом толкаешь тело. Я считал ступеньки, тяжело дыша. Впервые лестница показалась мне такой длинной, но этот раз должен был быть и последним. Там – крыша, а за ней – небо. Я старался сосредоточенно думать. Я пытался сохранять спокойствие, хотя паника всецело поглотила меня. Мучительно и тревожно одновременно. А это было именно мучительно. Как ступенчатый туннель, по которому я должен был передвигаться, как пресмыкающееся. Я улыбнулся. Пресмыкающееся, которое станет бабочкой.

Уже наверху, ближе к цели, я увидел свет, пробивающийся сквозь щель, и почувствовал облегчение. Я стал карабкаться быстрее, хотя руки у меня болели. Я не хотел смотреть вперед, чтобы не потерять надежду. Я проталкивался все дальше и дальше. Почти не дыша, я оттолкнулся еще раз и выглянул наружу. Сильный ветер подул мне в лицо. Еще один толчок, и мое

тело вышло из сумрака. Я перевернулся и увидел небо. Я почувствовал, как ветер осушает мой пот. Я расставил руки в стороны. Подышав пару минут, я улыбнулся небу – нашему большому общему потолку.

Немного передохнув, я встал. Нельзя было терять времени. Я сглотнул, закрыл глаза и поднялся на перила на крыше. На самом деле это была уже не крыша. Одного прыжка хватило бы, чтобы оказаться на улице, и это меня позабавило. Я воздел руки, поднявшись на носочки, и сделался легким. Я взмахнул руками. Я стал невесомым. Я поднимался выше, выше... Я открыл глаза: я летел. Мой дом остался далеко внизу. Соседка и ее святой остались под завалами, парк и экологи – далеко внизу. Я ускользал. Я летел над городом с чувством, что так было всегда. Как будто никогда не было никакого потолка. Как будто остальные всегда были правы. Как будто не о чем было беспокоиться. Я поднимался все выше, как вдруг ударился головой и упал. Удар немного оглушил меня, поначалу я отказывался понимать, что происходит. Я приподнялся, глядя вверх, и невольно улыбнулся. Почесывая затылок, я стал свистеть, как ни в чем не бывало. И в самом деле, я только заметил. Я расхохотался. Небо сдвинулось с места: оно опускалось.

Перевод Петра Когана

Рональдо Менендес Остров Паскали

День первый

«Теперь уже всякий частный человек считает в лице своем оскорбленным все общество», — писал Николай Гоголь в одной из своих "Петербургских повестей". И так случилось, что я вполне сознательно поддался искушению объяснить, в чем состоял смысл жизни Паскуаля Гонсалеса, доверив его историю бумаге.

Мой герой, помимо того, что болтун и, как мы его прозвали, резиновая башка, — один из тех, кто представляет себе жизнь человека в виде череды исторических моментов.

«Твой долг — записать мое свидетельство», — сказал он, положив передо мной полиэтиленовый пакет с кассетами. — «Спрашивай о чем хочешь». — Я в очередной раз оказался не готов оправдать искренних посреднических ожиданий моего друга Джей Ви и сослался на занятость (бесстыжее общее место), чтобы объяснить свою уклончивость. Однако сказал, что мы обязательно увидимся позже. Ни капли досады не отразилось на лице резиновой башки, наоборот, он принял мой вероломный отказ с наивностью шизоида, увидевшего во мне писателя и джентльмена вместе взятых.

Когда мы вышли из лечебницы «Ларко Эррера», — это мрачное место в Лиме имеет гаванский аналог под названием «Масорра» — я заметил, как биомагнитная аура моего приятеля Дж.В. потускнела, и решил стоически принять его дружеские упреки.

— Чувак, ты в своем уме? Мы столько старались, чтобы попасть в больницу, а ты упускаешь возможность взять у него интервью! — Я пытаюсь скрыть свою незаинтересованность и приподнимаю пакет с кассетами. Но Дж.В., опытный журналист, не поддается. — Ты много чего мог бы узнать, и я тебя уверяю, этого не будет на кассетах. — Выражением лица я пытаюсь показать, что не доверяю тому типу. — Послушай, он не конченный псих, хоть и помещен в больницу, а ты упустишь потрясающую историю.

Дж.В., как всегда в подобных случаях, прерывает свои замечания и нервным покашливанием дает понять, что более недовольного человека в Лиме сейчас нет. Я же, грубо игнорируя его пронизательность, заявляю:

— Не волнуйся, я сначала послушаю кассеты и лучше пойму, какие вопросы ему задавать...

— Не хочешь — не надо. Но если все же решишься, скажи — я тебе помогу.

Думаю, окажись на месте Дж.В. кубинец, решивший, что мой интерес к пакету с кассетами испарится, как только такси привезет меня в Мирафлорес, то он сказал бы иначе: «Как знаешь, старик, но дальше разбирайся сам».

Так я попался на удочку. Все сложилось по закону перевернутой логики: Дж.В. решил, что мне не интересно, но при этом предложил свою помощь (необходимо заметить, что помощь журналиста газеты «Эль Комерсьо», да еще такого уровня, как мой друг, бесценна). А я, в ответ на его предложение, согласился послушать одну из кассет.

Итак, в районе Милафлорес, в доме, где Дж.В. снова меня приютил, раздался уверенный голос Паскуаля Гонсалеса, обращавшийся к невидимому собеседнику:

«Официально я стал агентом Госбезопасности Кубы в 1979 году, но к тому времени уже четыре года добровольно служил осведомителем...»

Теперь уже всякий частный человек считает в лице своем оскорбленным все общество, что приводит к двойным последствиям: если оскорбленный решает защитить свое доброе имя, будь то с помощью когтей, каменного топора, пистолета или острого языка, он совершает акт правосудия от имени всего человечества. А его обидчик, соответственно, смешивается с грязью и заслуживает полного уничтожения.

Такого рода идеи затуманили разум Паскуаля Гонсалесу. В какой-то момент он решил, что люди, не разделяющие его политических взглядов, угрожают ему, и выставил на защиту обоюдоострое лезвие своего языка. Натолкнувшись на эту мысль в рассказе Гоголя, написанном в прошлом веке,

я понял: так происходит с тех пор, как стоит мир, меняются лишь обстоятельства, времена, да некоторые имена собственные.

И я сказал Дж.В., как бы объявляя, что мне действительно интересна жизнь Паскуаля Гонсалеса:

— В любых системах были и есть тайные агенты — люди о двух сторонах, похожие на монеты. Они никогда не покажут орла и решку одновременно, и если обращены к вам решкой, то орла вы не увидите. Но именно он выключает печенье тех, кого они принесли в жертву во имя принципов, ничего общего не имеющих с частными соображениями.

День второй

— Вставай, старик, сегодня двенадцатое августа, девять ноль ноль утра — день и час, когда в Перу начинает твориться кубинская литература в твоём исполнении, — будит меня Дж.В.

— Оой, бля...

По-другому не получается. Уже давно я так приветствую каждый новый день. Однажды я уснул во время ночного дежурства на университетском радио и до сих пор не могу понять, почему микрофон оказался включен в минуту моего пробуждения. А сейчас я вижу, как хозяин дома рукой чертит в воздухе кофейник и вопрошает:

— Как ты можешь спать, если я уже встал и поет Фрэнк Синатра..? Видишь, я даже цитирую Брайса Эченике¹. Сегодня совершенно нетипичный для Лимы день: ты начинаешь писать главную историю в твоей жизни, и к тому же светит солнце.

— Я всегда хотел жить литературой, так что действительно пора браться за главную историю в моей жизни.

Говорю чистую правду. Кажется, это мое единственное искреннее признание со вчерашнего дня.

Я беру пульт и включаю 46-й канал, MTV. Говорю:

— Брайс тоже ошибался. Это не Фрэнк Синатра.

По телевизору идет мультсериал про Бивиса и Баттхеда. Похоже, они на уроке труда в столярной мастерской. Бивис совершенно заморожен разрушительной силой электропилы. Он начинает экспериментировать со всем, что попадется под руку, и распиливает ящики из стола преподавателя, потом сам стол, стулья, телефон, кафедру, папки с документами...

У меня в голове столько вопросов, что я отвлекаюсь на совсем несущественный — как назвать файл с текстом, который ждет от меня Дж.В.? Со вчерашнего дня я только и делал, что врал. Говорю Дж.В., что мне самому интересно, во что все это выльется, стараясь не пояснять, что значит «все это». Бивис решил отпилить себе указательный палец (очарование пилой и все такое). В следующем кадре они уже в больнице, но Баттхед

---

¹ Альфредо Брайс Эченике – современный перуанский писатель.

несколько затрудняет работу хирурга, ковыряя у себя в носу отрезанным пальцем Бивиса.

На Кубе даже не знают, насколько утешителен эффект от таких мультиков. Помню, как в семидесятые годы нам показывали советские, псевдооптимистичные мультфильмы, где добро всегда назидательно торжествовало над злом, а зло наказывалось. В конце семидесятых, когда я имел роскошь быть восемнадцатилетним, мы и познакомились с Паскуалем Гонсалесом. Сейчас он меня не узнал, благодаря совпадению нескольких обстоятельств: в тридцать пять я отпустил волосы до плеч, поскольку не мог позволить себе этого в восемнадцать. Из-за голода я исхудал — вытянулся и сузился, повторив форму родного острова. К тому же Паскуаль болен, у него шизофрения, в чем не дает усомниться его длительное пребывание в лечебнице «Ларко Эррера».

Паскуаль был старше остальных. Его прошлое, как он сам говорил, было связано с «Грибами», да так плотно, что и не поймешь, где там была его личная хандра, а где — «грибная». Они представляли собой братство хиппи в чистом виде - из тех, что тусовались в огромных количествах под мостом через реку Альмендарес, пока не были изгнаны и перераспределены в так называемые «военные части поддержки народного хозяйства». Он рассказывал, что во время облавы кинулся в реку, предпочтя плавающее в ней анонимное дерьмо лагерному. С тех пор Паскуаль стал чем-то вроде призрака, который блуждал по Гаване, лелея надежду основать новую группировку, не такую, как «Грибы», а, по его словам, более интеллектуальную. И бывал неотразим, когда пел своим натруженным голосом, перебирая струны гитары: «Грибы — это дүхи, цветы на дороге,

*Цветы на дороге,
ты береги,
они босоноги,
на тебе сапоги.»*

Таким я его и узнал, и он позвал меня в новую группу, которая должна была называться «Голое войско неприкаянных теней». Но ни поэтика мира призраков, ни беспорядочность бродячей жизни, обещанные в названии, так и не воплотились в реальность.

Скоро появились остальные члены братства. Фуэльье, чье полное прозвище, Фуэльескуплекс, выделялось скорее звукописью и вряд ли несло смысловую нагрузку, назло всем ветрам был длинноволос, готов противостоять официальным стихиям и имел стойкий иммунитет к соцреализму, хотя вроде бы его отец служил культурным атташе в каком-то посольстве. Книжки, которые он приносил, падали глыбами льда в кипящие воды нашего невежества, поднимая волны, расходившиеся концентрическими кругами и исчезающие в заушных обсуждениях латиноамериканского бума или эстетики Сартра. Еще один персонаж назывался Русским, и он действительно был русским по материнской линии.

Выставив в качестве щита свою национальную принадлежность, он прикрывал тревожные ассоциации, связанные с его настоящим именем — Иосиф, — и все время повторял, что это не имя, а дерьмо, но не объяснял, почему. Считал, что мы и сами знаем. Мы тоже так считали. Пятым отцом-основателем был Фидель Наварро. Он увлекался Роке Дальтоном¹, носил звучное имя, имел тесные связи с марихуаной, но главное — был пятым, что позволило нам называть себя Пентагоном во главе с Фиделем.

В первые месяцы лидером был Паскуаль, и нас скоро стало больше чем пять. Откуда-то посыпались, как из рога изобилия, девчонки, хлопавшие глазами в восхищении от нашей альтернативной гениальности. Они занимались с нами любовью, а не войной, и пели наши дурацкие песни. Сначала мы хотели просто развлекаться и разгонять густую островную тоску, и были уверены, что скоро создадим лучшую кубинскую литературу к удивлению всего общества, которое будет жить теперь не хлебом единым, а еще и нашими произведениями. Но, чтобы оно смогло оценить все намеки и оттенки смыслов, нужно, конечно, эстетически перевоспитать его, что будет, впрочем, «лайтовой» — как, отдавая дань моде, сказал бы мой друг Дж.В. — частью великой задачи.

Первый раз мы попробовали травку, когда ее принес Фидель Наварро. Он любил повторять: траву надо не топтать, а курить. И вот он явился с экземпляром «Голого завтрака», заметив: с таким совпадением не поспоришь. Достал из книги три сухих разлапистых листика и сказал, что это его личный урожай. Паскуаль захлопал в ладоши. Остальные нервно сгрудились вокруг. Поднесите лампу, — попросил он, — нужно ее измельчить, сделать что-то вроде волшебной горы. Скрутить. Это целое искусство, особенно для неофитов. Паскуаль принес полоску папиросной бумаги и равномерно насыпал нарубленную травку, пояснив: а теперь надо представить, будто ласкаешь клитор, но в итоге сам же сотворил такую халтуру, что нам в голову невольно пришла ассоциация с грубым насильником. Бумага смялась, травка рассыпалась, и Фидель, заявив, что он все сделает лучше, и пусть уже отдадут Кесарю кесарево, перешел от слов к делу. Косяк мира пошел по кругу. Мы, не нарушая правил благопристойности, боролись за право обладания дымящейся самокруткой и жадно затягиваясь, медленно выпускали колечки дыма. Моя очередь шла за Паскуалем, на которого Русский смотрел словно со дна колодца. Я заглотил едкий дым в легкие. На то это и косяк — пояснил Фидель — ты давай полегче, цепляйся, чтобы совсем не улететь. Теперь я был владельцем сокровенного дыма, я дорожил им, хотя он ничего особенного собой не представлял, только неопределенный кислый вкус и саднящее горло.

В тот день, обкуренные, с пересохшими глотками, мы решили напечатать брошюру. Паскуаль обрисовал идею: три-четыре страницы, пара стихов, статья и эстетический манифест. Мы будем раздавать их на улицах, напористые, как Маяковский, блаженные, как Джим Моррисон, и мудрые,

---

¹ Роке Дальтон (1935-1975) – сальвадорский поэт-коммунист.

как Диоген. Мы не ищем дорогу, мы сами есть путь в определенном смысле, и нам совершенно ясно, яснее лунного света, отраженного в воде: *К чему дорога, если она не приводит к храму?*

И вот в какой-то момент, не зафиксированный часами, пришли три наших девчонки. Помню, откуда-то взялся цилиндр, из него — два кролика, мы все смотрели на цилиндр, а потом на двух кроликов, которых Русский превратил в бутылки рома. Помню море. И фразу: «Море — это время, потерянное в поисках другого берега». Нам было плевать, когда мы обнаружили, что представляем собой восемь голых животных, что вода льнет к голым грудям девушек, или их бедра льнут к бокам гиппокампов. Помню еще одну фразу: «Это черный морской конек Рембо!»¹ Плевать нам было и на слепых рыбок, живущих в отверстиях человеческого тела. Помню тень от кораллов под водой. А еще — как я говорил с Паскуалем о рае забвения.

Сейчас, смотря на это сквозь призму прошедших дней, я думаю, что именно той ночью все и случилось. Кто-то крикнул: «Мы едины страхом, не любовью, потому и повязаны кровью». Все, что было после этого — вариации на тему той протоночи. Спустя десять месяцев, когда группа уже выказывала признаки декаданса, я смог свести поведение моих друзей к определенной логике.

После истории с брошюрой кто-то заметил нам, что такого рода романтизм может быть опасным. И именно я оказался путем, который привел нас к этой опасности (по крайней мере тогда я так думал), поскольку уговорил маму распечатать брошюру у нее на работе. Явились двое агентов, сразу же показавших матери, что знают о нас все. Она же, защищая нас, изложила им всемирную историю невинности. Но это было не официальным визитом полиции, а скорее обещанием доверия, вот-вот готовым воплотиться в жизнь.

Отец произнес ключевое слово: УЧЕТ. Вы на учете. Это означает, что в какой-то конторе, где нечем дышать, перед упорядоченной по алфавиту картотекой сидит некто, кому платят зарплату за то, что по необходимости он достаёт учетную карточку, чье содержание тянет на все твои восемнадцать лет. К тебе придут два товарища, — сказал он, — предложат помогать им, и если ты сделаешь решительный шаг и согласишься, то останешься в плюсе. Решительный шаг состоит в том, чтобы открыть глаза, остановиться, научиться подстрекать, а потом доносить. И я согласился. Не из принципа. Не во имя идеалов. Я думал так: время от времени я буду рассказывать им что-то, что не очень навредит другим, а всемогущие они, как и обещали, помогут мне поступить в университет. Воображая себя Раскольниковым, не испытывавшим чувства вины, я заменил убийство на доносительство и обещал себе сделать его безобидным и даже притворным. В конце концов, это было необходимой жертвой для того, чтобы мое литературное призвание, всегда просившееся воплотиться, действительно

---

¹ Цитата из романа Алехо Карпентьера «Потерянные следы», отсылающая в тексте стихотворения Артюра Рембо «Пьяный корабль».

состоялось. История, которую я сейчас пишу, должна была стать моим отмщением.

— Прочти, старик. Вот что я успел написать. — обращаюсь к Дж.В.

Уже темно, он садится за компьютер и погружается в чтение, словно весь день следил за работой моих пальцев. Исправляет опечатки, советуется со мной по поводу пунктуации и все время улыбается. Я включаю зомбоящик, ищу 46 канал: там опять Бивис и Баттхед. Они сидят на диване и смотрят клип Smashing Pumpkins. Вдруг Бивис впадает в истерику, и Баттхед, чтобы успокоить друга, решает нанести ему Чумовой Удар в лицо, в то место, где у людей обычно бывает нос. У Бивиса из носа течет кровь, но он приходит в себя, повторяя: *I'm bleeding, I'm still bleeding*. Тогда Баттхед, всегда готовый прийти на помощь, идет за кухонной тряпкой, чтобы остановить кровотечение. На кухне полно мух и тараканов. В следующем кадре Баттхед со всей своей Чумовой Силой прикладывает тряпку к носу безутешного Бивиса. *I'm bleeding, I'm still bleeding* — повторяет тот, но теперь все его лицо в крови. Я бросаю взгляд на все еще улыбающегося Дж.В. Бивис ужасно боится, поскольку его друг, страшно взволнованный, решает звонить в скорую. Диспетчер спрашивает, что случилось, и он говорит: *Beavis is bleeding*, но потом зачем-то поясняет: *Beavis' nose is bleeding*. Диспетчер вешает трубку, предварительно объяснив, что так бывает, из носа иногда идет кровь. Баттхед пробует остановить ее с помощью простыни, трусов, носков, но Бивис *is still bleeding*. Замечаю, что Дж.В. по-прежнему улыбается. Следующий кадр: Баттхед привязывает веревку к кончику носа Бивиса, а другой ее конец — к ручке открытой двери. Затем он производит Чумовой Рывок, мы слышим дикий вопль, и весь экран окрашивается в красный цвет. Дж.В. помрачнел. Он подобрал плечи и вжался в стул. Осталось дожидаться нервного покашливания.

— Дерьмо, чувак, — говорит он.

В итоге Баттхед тащит Бивиса в аптеку, покупает пару женских тампонов и запихивает ему в нос. Благодарный Бивис не устает повторять, что все это *cool*.

— Что, плохо написано? — ничего не могу поделаться: когда мне стыдно, я всегда говорю ужасные глупости.

— Написано хорошо.

Я понимаю. Решаю смотреть в телевизор. Бивис и Баттхед охотятся. У каждого в руке мухобойка — они ловят мух по всей квартире. Дж.В. спрашивает:

— И много ты накатал?

— Много. Мне казалось, что почти ничего им не сообщаю, а они делали из этой малости все, что хотели. Но в то время я воображал себя Раскольниковым. Стыдно мне было лишь за один случай.

Рассказываю ему. Меня попросили сфотографировать, как Фидель Наварро курит марихуану. Сказали, что это только для архива, что дела заводить не будут. Я пришел на одно из последних наших собраний,

похожих, скорее, на поминки. Когда мы раскурились, я поднес никем до того не замеченный фотоаппарат к лицу Фиделя и сказал: на память грядущим поколениям. Он не был против, и я отнес снимок куда надо. Прошли месяцы, группа к тому времени развалилась, и вдруг я встречаю его на улице. Он предложил мне покурить и распить бутылку водки. Когда действие алкоголя довело нас до слезливых излияний, я рассказал о фотографии. «Береги себя, старик, и пожалуйста, прости». Фидель заржал как припадочный, извиваясь будто червяк на асфальте и брызжа на меня слюной. Больше мы не виделись. Он сказал мне тогда: «Не волнуйся, коллега, я тоже осведомитель. Мы в одной лодке».

Дж.В. смотрит в зомбоящик и начинает нервно покашливать. Бивис и Баттхед наловили Чумовую Кучу мух. Баттхед складывает их в стеклянную банку и убирает в холодильник, затем подходит к Бивису, положившему несколько штук на паутину. Оба визжат от радости, когда появляется Чумовой Паучище и начинает пожирать мух.

День третий

Прозвище «резиновая башка» отвалилось, имени оказалось достаточно. В нем соединились немудреная религиозность и отсутствие воображения: Паскуаль. Правда, ассоциация с резиновой головой была почти неизбежна, когда вы впервые видели его морщинистую улыбку, желтоватое сыроподобное лицо, усыпанное угрями, и то, как эластично выражение радости на его лице сменялось грустью и наоборот. А теперь он вдруг решил сознаться, что был стукачом. Таким же, как Фидель Наварро или как я.

Судя по кассетным записям — лучше бы им было молча лежать на дне пластикового пакета — официально он стал агентом в 1979, как раз когда наша группировка умерла от старости, но к тому времени уже четыре года был информатором.

Сквозь помехи кассетной пленки пробивается его глухой голос: «Я стал осведомителем по собственному желанию, потому что считал дело Революции справедливым. Своими отчетами я пресекал поползновения пятой колонны и защищал Революцию. Я всегда был суров. Любое несогласие является агрессией со стороны врага».

Я ничего не могу сказать о его шизофрении, поскольку предполагаю, что слишком много данных остаются для меня неизвестными, да и специальных знаний у меня нет. Однако, из его рассказов о детстве становится ясно, что его дядя по материнской линии, Северино Гонсалес, страдал параноидальной шизофренией.

Его детство — это Ломас-дель-Брухо, место, не указанное на карте, где-то в районе Кордильера-де-лос-Органос, в западной части острова. Его детство — это до сих пор не имеющие названия горные речки, в которых дядя Северино все время порывался утопиться. Дядя не умел работать на земле, но в какой-то момент стал кричать налево и направо, что он

коммунист. Его детство — это, наконец, две истории, которые нельзя пропустить.

Одним из первых воспоминаний Паскуаля был случай, когда он подслушал разговор своих собак. В полночь, спустив ноги с кровати (в доме был земляной пол, такой же, как и снаружи), он выглянул в окно. Там стояли три облезлые собаки и тихонько вели беседу. Спустя время, признается Паскуаль, он предпочел думать, что ему это приснилось. Однако, неоспоримым фактом остались испачканные землей пятки и собачьи глаза, уставившиеся на него сквозь ночь.

Второй случай произошел незадолго до его отправки в школу. Паскуаль раскрыл какую-то книгу и понял, что там написано. Естественно, когда начались занятия, ему пришлось учиться читать по слогам. Но он запомнил, что в одной из толстых маминых книг, которые она держала у постели, в самом конце говорилось: «И дан мне шест наподобие погонной меры и сказано: пойдй измерь Божий Храм и алтарь. Узнай, сколько там поклоняющихся¹».

Когда он стал подростком, новые воспоминания стали оттеснять предыдущие, и воды новых воспоминаний впадали в воды забвения. Я подозреваю даже, что те две истории из детства могут оказаться миражами больного сознания.

Его единственного друга звали Хосе Луис. Любопытно, что он упоминается лишь в конце третьей кассеты, когда вы уже прослушали описание десяти лет жизни. В этой части Паскуаль рассказывает о работе осведомителя: «Хосе Луис был моим единственным другом благодаря тому, что на момент знакомства я еще не осознавал, что такое дружба. Ему было десять лет, а мне — восемь. Не помню его лица, зато помню руки — крепкие, с вечными царапинами от колючек дикой мимозы. Когда я приехал в Гавану, знакомиться с ровесниками мне мешали стеснительность и чутье, которое превратилось затем в основу моей работы».

Я тоже был информатором. Но мои жертвы (выбираю это неуместное и отдающее мелодрамой слово) всегда оставались моими друзьями. Что, понятное дело, не слишком лестно меня характеризует. А для Паскуаля Гонсалеса окружающие его существа, эти человеческие единицы, были лишь содержанием его работы. Он бы предпочел овеществить их и оставить в стороне, в пространстве, неподвластном чувствам. На той же кассете, чуть далее, он признается: «Мои ближние мне не близки. Моим ближним не стоит ко мне приближаться».

Не очень понятно, как они с матерью оказались в Гаване. Паскуаль рассказывает о переезде как о пороге, переступив который, он оказался в шумной гаванской школе, и предпочитает не задерживаться по пути. В начале было не слово, а ужасная робость. Но его призвание к доносительству помогло с ней справиться. Паскуаль всегда считал, что должен докладывать учительнице о проделках одноклассников, о всех мышинных плясках в

---

¹ Откр. 11:1.

отсутствие кота. В старших классах случалось, что учителя не хотели его слушать. Тем не менее, всегда можно было найти внимательное ухо и анонимную аудиторию. Так что, когда на его немигающий глаз и раздвоенный язык поступил официальный запрос, Агент 0—0—0 Паскуаль Гонсалес уже мог предъявить резюме с опытом работы. Оформившийся характер соглядатая превратил его в политическое животное. Вот он размышляет вслух: «...возможно, вся шваль, которая собралась вокруг меня, покушается на дело Революции. Постепенно я укрепляюсь в этой мысли. Если кто-то ведет себя неправильно, необходимо защищать от него Революцию, даже не задумываясь».

Самыми плодотворными были для него шестидесятые — тогда он потерял невинность, и тогда же появились в его жизни «военные части поддержки народного хозяйства». Остановимся сначала на невинности.

Ее звали Елена. Вся она словно сливалась со своими черными волосами. Казалось, она появилась на свет уже в джинсах, забрызганных масляной краской, акрилом, темперой и другими физическими признаками авангарда, согласно последней уличной моде. Ее любимым выражением было: «все течет». Бродя в окрестностях парка Альмендарес, она повстречала Паскуаля и сказала: «как же он одинок» и даже начала напевать *where do they all come from*¹, что тот принял за особую проницательность, поскольку действительно считал себя одиночкой и даже повторял за Сесаром Вальехо «я родился таким одиноким, и только» или напевал «откуда взялись все одинокие люди», хотя Битлы и были под запретом. На самом деле она говорила это всем мужчинам, с которыми была готова заняться любовью, а не войной. И даже не Троянской войной, хоть и звалась Еленой. И не идеологической войной — это было слишком сложно. А любовь в чистом виде. Естественно, с этим одиноким парнем все потекло в обозначенном направлении. Как часто с ней бывало, в Гаванском парке произошло слияние потоков. Все случилось преждевременно, потом не получилось вообще, потом опять не получилось — и она влюбилась. Свела его с ребятами, постоянно тусовавшимися в сырой тени речки Альмендарес, под мостом. Тунеядцы, решил Паскуаль, называют себя «Грибами», вероятно, намекая на привычку закинуться галлюциногенными грибочками, в изобилии плодящимися на коровьих лепешках. В компании «Грибов» у Паскуаля с Еленой все наконец получилось как надо. Другого выхода не было: эти ребята все время повторяли «любовники должны быть качественными и дисциплинированными». Потом все получилось с Сандрой, той еще штучкой. Потом — с Беренисе, чье дыхание отдавало табаком. А затем и с другими неприятными девчонками.

Его доносы на «Грибов» были пространны и полны недоумения. Там говорилось, что лишь по недосмотру в нашем обществе, совсем к этому не располагавшем, развелась такая микрофлора. Правда, политику у них обсуждать было не принято. «Грибы» просто хотели быть — влажными,

---

¹ Цитата из песни «Битлз» «Элинон Ригби» (1966): «откуда они [одинокие люди] все?» (англ.).

бледными, способными к фотосинтезу. Но существовать им пришлось недолго, поскольку на горизонте появились «военные части поддержки народного хозяйства», а Паскуаль Гонсалес считал первостепенной задачей стереть врагов с лица земли, и вот его свидетельство: «Благодаря ВЧПНХ эти тунейдцы исчезнут. Их посадят и заставят трудиться ради общего блага, чего они еще никогда не делали». В день облавы он предупредил свою Елену: не ходи к ребятам, сегодня привезут троянского коня. Эта метафора, считал он, должна была ей намекнуть на опасность, не нарушая конфиденциальности. Больше они никогда не виделись. Никогда больше не встречались и те поздние карибские грибы под мостом Альмендарес.

После того случая, как выразился бы математик, объясняющий уравнение, у Паскуаля изменилось значение. И тут образовалось «Голое войско неприкаянных теней». Мы были целиком его детищем, продуктом Революции, совершаемой его руками. Он посвятил нам свой талант, свой внимательный слух, свое недреманное око и зрелое осмысление своего призвания. В начале пятой кассеты он говорит: «Для борьбы со всякой швалью не нужно ждать, чтобы она замарала тебя. Можно самому пойти к ней, заглянуть внутрь и найти грязь. Ее легко можно узнать по запаху, а у меня хороший нюх».

Боюсь, сейчас я могу уступить ассоциациям, способным нарушить верность памяти. Вспоминаю его резиновое лицо. Помню, он всегда усмеялся и вел себя осторожно-нерешительно. Когда мы заговаривали о политике, он обязательно спрашивал, что мы собираемся делать. Он принес нам Джорджа Оруэлла, рассказал о Солженицыне, Булгакове и о Пастернаке. Вспоминаю, как он прервал песню, которую мы запели нестройным хором, и уточнил: «Все это писатели второго ряда, типа соцреалистов, но с обратным знаком». Помню еще, как он сказал, что Падилья буржуазен, прекрасный поэт, но буржуа, решивший выйти из игры¹. Для Паскуаля «выйти из игры» означало покинуть остров. «Надо исправлять ошибки изнутри, не предавая дело Революции», — говорил он.

Он кратко описывает доклады, составленные о каждом из нас. Но то, что я услышал о Фиделе Наварро и обо мне, таких же, как и он, осведомителях, было жалко и смешно. Агент 0—0—0 ни на секунду не подозревал, что мы могли быть из «своих». В одном из собственных аккуратных отчетов я написал: «Паскуаль не представляет угрозы для дела Революции, разве что собирает людей, чтобы они вели смелые разговоры, и распространяет сомнительную литературу». Когда я сдавал его, меня попросили объяснить, что я имел в виду под «сомнительной литературой» и непременно выяснить, где он берет книги. Я, кстати, так и не узнал, возможно, сама же полиция его и снабжала.

В конце Паскуаль признается, что лишь однажды почувствовал ничтожность своего дела — когда смотрел фильм «Остров Паскали».

---

¹ Эберто Падилья (1932-2000) – кубинский поэт, подвергшийся преследованию со стороны режима после выхода сборника стихов под названием «Вне игры» (1968).

Действие там разворачивается на одном из островов в Эгейском море во времена Османской империи. Паскали, главный герой, — доносчик. Всю свою жизнь он посвятил составлению подробных докладов для императора, чьего лица никогда не видел. Наблюдательный, скрытный, как все стукачи, он привык к настоящему, непритворному одиночеству. Дружил только с английским археологом и одной красивой женщиной. И тут при раскопках обнаруживают статую Афродиты, не успевшую стать жертвой имперских грабежей. В конце концов он пишет донос. Пригоняют солдат. Несчастный случай. И Паскали видит, как статуя с высоты падает на тело его подруги.

Сходство имен произвело на него впечатление, и Паскуаль узнал себя в ужасной сцене: Паскали снится сон, в котором доносчик (он сам) бессмысленно мечется, преследуемый навязчивыми мыслями, по темным улицам. Внезапно он оказывается в лабиринте из стен, в глубине какого-то нежилого здания. Открывает одну из дверей, и на него высыпается кипа бумаг — его же докладов, всех составленных за его жизнь доносов, которые никто никогда так и не прочел.

День четвертый

— Ооой, бля.

На 46 канале снова Бивис и Баттхед. Бивис психует, потому что хочет выпить пива, но хозяин соседнего бара отказывается продавать алкоголь несовершеннолетним. Тогда они решают сделать все возможное, и даже больше, чтобы выпить пива и отправляются в Клуб анонимных алкоголиков. Там они видят лишь очень ответственных раскаявшихся чуваков, которые делятся своим печальным опытом.

— Хочешь прочитать, что я уже написал?

Представьте себе пустое пространство, равное Целой Вечности: примерно столько времени прошло, прежде чем Дж.В. мне ответил.

— Нет. Я лучше прочту все вместе, в конце.

Тем временем, Бивис и Баттхед пытаются соблазнить ответственных чуваков и говорят, что было бы очень клево пойти в соседний бар и пропустить по пивку — холодному, пенящемуся и тому подобное, все такое *cool*.

— Мне нужно пойти поговорить с Паскуалем — говорю я Дж.В. — Задам ему несколько вопросов, чтобы закончить рассказ.

— Ну так пошли.

Перед уходом я замечаю, что Бивис и Баттхед убедили очень ответственных ребят из Анонимных Алкоголиков снова стать Знакомыми Алкашами из бара на углу; там все очень *cool*, ребята за что-то пьют и говорят о бейсболе, а Бивис и Баттхед препираются с барменом, чтобы тот продал им холодного пива. Я также замечаю, что в такси, сидя рядом со мной, Дж.В. стал самым молчаливым типом в Лиме.

— Паскуаля выписали, — говорит мне Дж.В., наведя справки в информационном бюро больницы «Ларко Эррера».

— Я должен взять у него интервью, старик, выясни, где он живет.

Пачакамак — опасное место, это дело известное. Полтора часа ты сидишь в такси и изучаешь разнообразные пейзажи, в то время как Лима постепенно остается позади. Пачакамак — туристическое место, но похуже, чем пригородные трущобы. Именно туда впервые отвез меня на экскурсию Дж.В., когда я только приехал в Лиму. Я был в археологическом экстазе, однако, облазив храмы Луны и Солнца, сказал ему с издевкой: «Значит, это и есть те глиняные горы, где сидели индейцы, — поэтому они и вымерли». «Их истребили, чувак», — сказал мне Дж.В., не переставая улыбаться. Времена меняются. Пейзаж меняется по мере удаления от Лимы. Вдоль шоссе, как столбы, стоят продавцы. Они предлагают кукурузу, пляжные полотенца, запчасти для автомобилей, газеты «Эль Комерсьо» и «Ла Република». Слева, в иссохшей пыли, «расцветают» так называемые «молодые пригороды», новые трущобы. Указываю Дж.В. на огромный транспарант с надписью: Коллективное поселение им. Сесара Вальехо. Пытаюсь представить себе большой человеческий муравейник на Кубе, названный в честь Алехо Карпентьера, но потом вспоминаю, что на улице Трокадеро, в подобном доме 162 жил Лесама.

Мы приехали. Пачакамак не просто похож на опасное место, это действительно опасное место. Это метафизическое захолустье лабиринтообразной формы, пронизанное невыносимым запахом фританги и едва скрываемыми враждебными взглядами его обитателей.

— Это кубинцы, — говорит мне Дж.В. — Поговори с ними.

Я спрашиваю у них, как найти адрес. Я друг Паскуаля Гонсалеса. Они показывают мне пыльную улицу, затем какую-то глиняную лачугу, покрытую циновками, которая без изменений воспроизводится до тех пор, пока мы не подъезжаем к дому нашего человека в Пачакамаке.

Он приветствует нас без эмоций, и я задаю ему свой первый вопрос:

— Ты узнаешь меня?

Под его взглядом я представляю, что он что-то ищет на дне моих глаз, а потом говорит:

— Да, конечно, узнаю, ты тот самый писатель, который приходил ко мне в больницу, чтобы рассказать мою историю. Я ждал тебя.

Здесь поддельный журналист (то есть я) приходит в отчаяние, потому что он вынужден втискивать в смирительную рубашку полезное содержание истории, а не повторяющиеся отступления, которым подверг нас Паскуаль Гонсалес, как будто взимая оплату за то, что мы слушали его.

Он исчезает и появляется с тремя чашками.

— Кофе по-кубински, — объявляет он.

Я задаю ему свой второй вопрос:

— Как ты оказался в Перу?

— Это жуткая история, — говорит он.

Он отрывает фильтр от сигареты «Кэмел» — самые крепкие, что здесь продаются. Затем поджигает один конец (зажигалка жестяная, в форме пистолета). Закуривает — но волнообразное колебание его живота не соответствует целенаправленным движениям руки, — и начинает рассказывать мне свою жуткую историю.

После работы с той группой, с «Голым войском...», его начальство поняло, что теперь он может стать агентом государственной безопасности и выполнять настоящие задания. «Представьте себе, что я почувствовал, когда меня проверили на моральное соответствие, отправили отдыхать в специальный санаторий в Эскамбрае, а затем провели курс обучения. Это был как раз 1980 год, который запомнился тем, что кубинские подонки, числом в несколько тысяч, силой захватили посольство Перу», — рассказывает он. Его задача заключалась в том, чтобы перепрыгнуть через ограду посольства, как любой другой перебежчик, покинуть Кубу и через Перу отправиться в Майами, где он получит новые инструкции. «Я никогда не чувствовал такой ненависти, — говорит он мне, — как во время этих трех недель в посольстве. Представьте, что вы живете с тысячами людей и ненавидите не то что всех, а каждого в отдельности, испытываете отдельную ненависть к каждому, терпите двойное дерьмо — то, которым они гадят ежечасно и повсеместно, и то, что они говорят. Ненависть продолжала расти, пока не стала невыносимой, пока не перестала казаться ненавистью, когда он приехал в Лиму и был вынужден несколько месяцев жить в палатках в парке Тупака Амару. По словам Паскуаля, тогда произошло откровение. Он украл Библию, которую кто-то оставил без присмотра, открыл ее наугад и прочитал отрывок из книги Бытия, где Авраам готов принести в жертву своего сына. Сын спрашивает его при виде ножа: *«Где же агнец для всесожжения?»* На что Авраам отвечает: *«Бог усмотрит Себе агнца для всесожжения, сын мой»*. Долгими ночами, казавшимися одной единственной ночью, он обдумывал этот отрывок, но так и не понял его. Наконец он не смог больше терпеть и обратился за помощью в кубинское посольство. Они нашли ему комнату в районе Римак и дали немного денег. Это были дни и ночи, разделенные лишь страхом, с которым Паскуаль раз в неделю забегал в винный магазин на другой стороне улицы. Затем наступил его первый большой кризис, который он упорно называет фатальностью...

Он берет свою жестяную зажигалку, направляет мне в лоб и нажимает на курок. Следующие слова надо услышать его голосом, а не читать:

— Как видите, это подделка. Безвредное пламя, дозированное, только чтобы поджечь кончик сигареты «Кэмел», — единственное, что могут курить кубинцы в этой стране, кроме самокруток... Я спал в своей комнате в Римаке — был жертвой сна, в котором непрерывно звучали евангельские слова о том, что вера может все. Вдруг меня разбудили крики футбольных болельщиков. Матч закончился, и фанаты «Альянса Лима» праздновали какую-то победу над университетской командой «Ла У». Ребята хотели повеселиться в соответствии с древней традицией, насажденной полчищами саранчи. Нет такого вида спорта, который кубинец ненавидел бы больше, чем футбол. Он

противоположен бейсболу. Мяч огромный, его бросают на траву, начинают гонять вперед-назад, пытаюсь загнать в клетку. Потом все выплескивается на улицу. Ээе-оле-оле-оле, мы надрали задницу Университету, и так далее. Машина соседа поднята на воздух и плывет над морем ребят, которые просто хотят немного повеселиться. Я ворочаюсь в постели, ложусь так, чтобы одно ухо было прижато к матрасу, а другое затыкаю рукой. Но беспорядок усиливается, спортивный энтузиазм нарастает (к этому моменту соседская машина похожа на ковер-самолет, на котором пытаются взлететь примерно двадцать парней). Я переворачиваюсь на другой бок и пытаюсь задохнуться под подушкой, но у меня ничего не получается. Звуки бьющегося стекла, разноцветные взрывы петард. В этот момент важно представлять, что петарды взрываются в пустоте, возможно, влетев в чьи-то окна. Я вскакиваю с кровати (Бог знает почему), как будто все еще во сне: вера может все. Беру зажигалку и через щель в окне направляю ее на парня, чья функция, похоже, заключается в том, чтобы расшевелить отставших. Нажимаю на курок, и вот он уже лежит на асфальте. Некоторые в ужасе смотрят вверх, ракеты продолжают взрываться, от запаха пороха кружится голова. Я снова нажимаю на курок два, три, четыре раза, и столько же болельщиков беззвучно падают на асфальт. Потом я спал, как, наверное, спят ангелы мщения. На следующий день было одиннадцатое августа 1981 года. Вы можете посмотреть газеты того дня. Это был фатальный случай.

После этого, по словам Паскуаля, он потерял рассудок. Бродил по улицам и, сам не зная как, оказался в Пачакамаке у кубинцев. Разум продолжал подводить его, как птица Феникс на пепелище здравомыслия. Из страха он откладывал свой визит в кубинское посольство, пока этот страх не пересилил все и возвращение не стало невозможным. Прошло пятнадцать лет.

Я задаю ему свой третий вопрос:

— Почему на тебя произвела такое впечатление сцена сна в "Острове Паскали"?

Лицо Паскуаля словно погружается в болезненное отрицание. "Я не люблю говорить об этом, — признается он, — я не хочу, чтобы ты вспоминал об этом, когда будешь писать мою историю... Мне вдруг подумалось, что смысл жизни информатора заключается не в том, что он пишет в своих отчетах. Его начальство все это не интересуется. Их интересуется только, чтобы ты занят, и все. Это абсурдная мысль, которая тогда вдруг пришла мне в голову».

— Это ужасная мысль, — говорю я.

— Да, но это неправда. Не знаю, как другие, но мои отчеты были важны.

Я не решаюсь противоречить ему и задаю последний вопрос:

— Почему ты хочешь, чтобы кто-то написал твою историю?

Он одаривает меня незатейливой улыбкой.

— Очень просто. Если ты опубликуешь мою историю здесь, в Лиме (а это мое условие), кто-нибудь из кубинского посольства прочитает ее, и тогда они узнают, что я не предатель. Я жду не дождусь возвращения на остров. Ни один кубинец не сможет привыкнуть к этому грязному небу.

Мы пожимаем руки и благодарим друг друга. Я заверяю его, снова без всякой уверенности, что скоро мы опять встретимся.

По возвращении в Мирафлорес, Дж.В. становится самым молчаливым человеком не только в Лиме, но и во всем Перу. Это сгущенное, грустное, вопрошающее молчание. Я решаю укрыться в зомбоящике. На этот раз Бивис и Баттхед тащатся от одного типа: он старше их, водит машину с откидным верхом и, судя по всему, является самым крутым парнем в округе. Но когда Бивис пытается с ним поздороваться, тот называет его тупорылым сопляком и идет своей дорогой. Бивис в восторге смотрит на Баттхеда и говорит, что это самый клевый чувак, которого он когда-либо видел. В следующем эпизоде чувак напивается до беспамятства, и Бивис и Баттхед тащат его до дома. Парень не может связать ни слова, но видно, что в этот момент они ему нравятся. Когда его рвет на Бивиса разноцветной зернистой субстанцией, тот говорит, что это самое крутое, что с ним когда-либо происходило. Дж.В. наблюдает за мной молча, и его молчание сейчас так же красноречиво, как молчание Хуаны Инес де ла Крус¹. Затем говорит мне:

— Старик, я бы хотел, чтобы ты переехал на этой неделе. Я не сужу тебя, но кто-то, наверное, должен показать свое отношение к тому, что ты был стукачом. Жаль, что это приходится делать мне.

— Понимаю, — говорю я, — мне давно пора задуматься о самостоятельной жизни.

В последней серии парень просыпается с ужасным похмельем, и когда Бивис и Баттхед здороваются с ним, он называет их сопливыми придурками и идет своей дорогой. Я думаю, что это будет последняя сцена в моем рассказе. Я говорю Джей Ви:

— Можно мне иногда заходить к тебе? Мне будет не хватать кабельного телевидения.

Перевод Марии Толстой

---

¹ Хуана Инес де ла Крус (1651-1695) – мексиканская поэтесса, монахиня. Через некоторое время после принятия пострига дала обет не прикасаться к перу и бумаге, «замолчав» до конца жизни.

*Переводы Дмитрия Буракова
из Сары Тисдейл*

Родился в Челябинске в 1979 году, переезжал по отцовым местам службы, в 2001 году окончил мехмат МГУ. Лауреат нескольких поэтических конкурсов. Победитель Конкурса перевода им. Э. Л. Линецкой 2023 года. Публиковался в альманахах, сборниках. Живет в Москве, за седьмым холмом (buov@yandex.ru).

Sara Teasdale, 1911. Helen of Troy

WILD flight on flight against the fading dawn
The flames' red wings soar upward duskily.
This is the funeral pyre and Troy is dead
That sparkled so the day I saw it first,
And darkened slowly after. I am she
Who loves all beauty – yet I wither it.
Why have the high gods made me wreak their wrath –
Forever since my maidenhood to sow
Sorrow and blood about me? Lo, they keep
Their bitter care above me even now.
It was the gods who led me to this lair,
That tho' the burning winds should make me weak,
They should not snatch the life from out my lips.
Olympus let the other women die;
They shall be quiet when the day is done
And have no care to-morrow. Yet for me
There is no rest. The gods are not so kind
To her made half immortal like themselves.
It is to you I owe the cruel gift,
Leda, my mother, and the Swan, my sire,
To you the beauty and to you the bale;
For never woman born of man and maid
Had wrought such havoc on the earth as I,
Or troubled heaven with a sea of flame
That climbed to touch the silent whirling stars
And blotted out their brightness ere the dawn.
Have I not made the world to weep enough?
Give death to me. Yet life is more than death;
How could I leave the sound of singing winds,
The strong sweet scent that breathes from off the sea,
Or shut my eyes forever to the spring?
I will not give the grave my hands to hold,
My shining hair to light oblivion.

Have those who wander through the ways of death,
The still wan fields Elysian, any love
To lift their breasts with longing, any lips
To thirst against the quiver of a kiss?
Lo, I shall live to conquer Greece again,
To make the people love, who hate me now.
My dreams are over, I have ceased to cry
Against the fate that made men love my mouth
And left their spirits all too deaf to hear
The little songs that echoed through my soul.
I have no anger now. The dreams are done;
Yet since the Greeks and Trojans would not see
Aught but my body's fairness, till the end,
In all the islands set in all the seas,
And all the lands that lie beneath the sun,
Till light turn darkness, and till time shall sleep,
Men's lives shall waste with longing after me,
For I shall be the sum of their desire,
The whole of beauty, never seen again.
And they shall stretch their arms and starting, wake
With "Helen!" on their lips, and in their eyes
The vision of me. Always I shall be
Limned on the darkness like a shaft of light
That glimmers and is gone. They shall behold
Each one his dream that fashions me anew; –
With hair like lakes that glint beneath the stars
Dark as sweet midnight, or with hair aglow
Like burnished gold that still retains the fire.
Yea, I shall haunt until the dusk of time
The heavy eyelids filled with fleeting dreams.

I wait for one who comes with sword to slay –
The king I wronged who searches for me now;
And yet he shall not slay me. I shall stand
With lifted head and look within his eyes,
Baring my breast to him and to the sun.
He shall not have the power to stain with blood
That whiteness – for the thirsty sword shall fall
And he shall cry and catch me in his arms,
Bearing me back to Sparta on his breast.
Lo, I shall live to conquer Greece again!

Сара Тисдейл (1884–1933)
Елена Прекрасная и др. стихотворения

Елена Прекрасная

1

Рассвет и сумрак – третий лишний
Над павшей Трои алым пепелищем:
В сиявшей прежде несравненно
Тускнеет пламени излет. Я та,
Чья суть – прекрасному благоволенью,
И та, кто увядание несет.
За что моей рукой в разливах крови
Богам по нраву сеять гнев суда?
Как горек вкус опеки горней,
Которою с девичества сыта. Вот вновь
Их тщанием – под ветром жженым
В берлоге в час сей будет кров.
Олимп дозволит прочим женам,
Дух испустив, опрыгнуть скорбный ров –
Но я, с бессмертьем половинным,
В круг щедрости такой не вхожа.
Причина в Леде, на которую похожа,
И в Лебеде, с походкой не гусиной;
От матери – краса мне страшным даром,
Зла кипа за спиной – от господаря.

2

Поистине, не даст соврать земля,
И небеса не станут в том перечить,
Что столько бед от женщин до меня
Не знала знать, не знало просторечье.
Здесь ныне океан огня, непрошен,
До срока небу дал рассвета ношу,
Затмив сиянье звезд. Ответьте –
Сполна ли причинила людям слёз?
Прошу я смерти... Осеклось. Жизнь больше.
Как без меня весенней быть поре?
Как ветру петь? Как морю дхнуть амбре
При сомкнутых навек Елены веках?
Нет, не подам руки могильным вехам –
Их бледное забвение и хлад
Не должный ярким волосам оклад.
Ужель даны скитальцам троп Элизья,

В котором не трепещет даже куст,
Любовь, подъемлющая грудь под ризой,
Иль что-то вроде жажды страстных уст?
Грез больше нет, утихнет пусть унынье –
Уже мечтательных довольно слов;
Узрите: ненавистна люду ныне,
Я буду жить, пленяя греков вновь!

3

Не слышен глас души, коль лик прекрасен, –
И в Греции, и в Трое дух напрасен;
Им в теле правда – этим я чиста:
Дана лишь раз такая красота,
Чтоб поколенью молвить поколеньем
До багреца момента преставленья.
До шага в прах последних из людей
В краях всей суши и в грядях морей
Я сумма возжеланий и томлений
Под этим солнцем всех земных мужей.
Я жизнью их вотще бега к блаженству,
Предел и единица совершенства,
Луч безответных снов, неуловим, –
Им просыпаться с именем моим,
Чтоб каждым быть по-своему воспетой:
То с локоном озерного отсвета,
Где только звёздам полуночным плыть,
То с кудрями, в которых огонь и прыть.
О да, мной похищать сердца сюжетам,
Доколь и времени, и свету быть.

Царь, оскорбленный мной, идет по следу
Карать мечом цветок скорлупы Леды;
Я жду – не смертна мне его гроза:
Грудь солнцу обнажу, подъяв глаза, –
Палач заплачет и вернет меч в ножны,
Узрев белейшую на свете кожу.
Марать не в силах чистоту во кровь,
Обнимет, этим завершит расплату.
Прижав к груди, внесет царицей в Спарту –
Я буду жить, пленяя греков вновь!

Sappho

The twilight's inner flame grows blue and deep,
And in my Lesbos, over leagues of sea,

The temples glimmer moonwise in the trees.
Twilight has veiled the little flower face
Here on my heart, but still the night is kind
And leaves her warm sweet weight against my breast.
Am I that Sappho who would run at dusk
Along the surges creeping up the shore
When tides came in to ease the hungry beach,
And running, running, till the night was black,
Would fall foreshadowed upon the chilly sand
And quiver with the winds from off the sea?
Ah, quietly the shingle waits the tides
Whose waves are stinging kisses, but to me
Love brought no peace, nor darkness any rest.
I crept and touched the foam with fevered hands
And cried to Love, from whom the sea is sweet,
From whom the sea is bitterer than death.
Ah, Aphrodite, if I sing no more
To thee, God's daughter, powerful as God,
It is that thou hast made my life too sweet
To hold the added sweetness of a song.
There is a quiet at the heart of love,
And I have pierced the pain and come to peace.
I hold my peace, my Cleis, on my heart;
And softer than a little wild bird's wing
Are kisses that she pours upon my mouth.
Ah, never any more when spring like fire
Will flicker in the newly opened leaves,
Shall I steal forth to seek for solitude
Beyond the lure of light Alcaeus' lyre,
Beyond the sob that stilled Erinna's voice.
Ah, never with a throat that aches with song,
Beneath the white uncaring sky of spring,
Shall I go forth to hide awhile from Love
The quiver and the crying of my heart.
Still I remember how I strove to flee
The love-note of the birds, and bowed my head
To hurry faster, but upon the ground
I saw two winged shadows side by side,
And all the world's spring passion stifled me.
Ah, Love, there is no fleeing from thy might,
No lonely place where thou hast never trod,
No desert thou hast left uncarpeted
With flowers that spring beneath thy perfect feet.
In many guises didst thou come to me;

I saw thee by the maidens while they danced,
Phaon allured me with a look of thine,
In Anactoria I knew thy grace,
I looked at Cercolas and saw thine eyes;
But never wholly, soul and body mine,
Didst thou bid any love me as I loved.
Now I have found the peace that fled from me;
Close, close, against my heart I hold my world.
Ah, Love that made my life a lyric cry,
Ah, Love that tuned my lips to lyres of thine,
I taught the world thy music, now alone
I sing for one who falls asleep to hear.

Сапфо

1

Утрачен сумерек сакральный пыл
И Лесбос мой среди морей остыл –
Его блистают храмы в лунном свете.
Вуаль мне по сердцу на цвет надета,
Еще добра – к груди прильнула ночь,
И катится прилив то в брег, то прочь.
Я ль та Сапфо, которой в волнах пены
Бежать, бежать, ища изнеможенья,
Покуда алчет влагу пляжа пасть,
Всему покуда в темноте пропасть, –
И там, в песок, уж вдоволь напоенный,
Под ветром с моря трепеща, упасть?
Ах, как смиренна галька до приливов:
Их жгучих поцелуев ждет без слёз.
Со мной Любовь была куда строптивей,
И мрак успокоения не нёс:
Я ползала, взывала в лихорадке
К Любви, что пенной нежности секрет
И смертной горечи морей разгадка.
Тебе, о Афродита, мне не петь.
Твоею лаской, дочь громовержца,
Заполнено предельно мое сердце –
Единой песни сверху не вместить.
В нем дочери своей раскрою дверцу
И, боль оставив, миром стану жить.
Не ведая соблазна лир Алкея,
Уста моей Клеиды легче перьев.

2

Бывать мерцаниям бутонов вновь,
Но мне в ту пору не таить любовь

И не бежать особой птичьей ноты.
 Ужель не занимать себя заботой
 К уединенью ускользнуть весной?
 Ужель не труд – с недавнею листвою
 Под чередой облаков беспечных
 Не мучиться волнением сердечным?
 Не поминать и песен в горле ком
 За прялкой у Эринны был о ком,
 И голову тропую скоротечной
 Не опускать, боясь теней с крылом.
 Бежать наивно от Любовной страсти,
 Удрать подобного не в нашей власти.
 Будь сад, пустыня, горный ряд или рвы,
 Твоей стопе следят цветов ковры.
 Любых границ Твоя обширней сила.
 Любила я, любить меня просила,
 И вот в покое вне Твоей игры.
 Твоим обличьям не снискать упрека,
 Со мной была совсем неподалеку:
 Являла каждый грациозный шаг
 Танцующей легко, легко дыша,
 Плеяды дев, не знающих порока,
 В пленителе Фаоне Твой был взгляд,
 В изящной Анактории Твой такт,
 И в зеркале видала Твое око.
 С Твоей был лирой, о Любовь, мой путь,
 Текла из уст Твоей музыки суть.
 Теперь же допеваю одиноко,
 Скорее чтобы кто-то мог уснуть.

Song

YOU bound strong sandals on my feet,
 You gave me bread and wine,
 And bade me out, 'neath sun and stars,
 For all the world was mine.

Oh take the sandals off my feet,
 You know not what you do;
 For all my world is in your arms,
 My sun and stars are you.

Песня

Сандалии мне подвяжи,
 Дай хлеба и вина,
 Перстом на дали укажи,
 Вольна, скажи, Луна.

Ах, развяжи их, развяжи –
 Давно я не вольна;
 И у Луны свои межи:
 Она Земле верна.

The Rose and the Bee

IF I were a bee and you were a rose,
Would you let me in when the gray wind
blows?
Would you hold your petals wide apart,
Would you let me in to find your heart,
If you were a rose?

"If I were a rose and you were a bee,
You should never go when you came to
me,
I should hold my love on my heart at last,
I should close my leaves and keep you
fast,
If you were a bee."

The Song Maker

I MADE a hundred little songs
That told the joy and pain of love,
And sang them blithely, tho' I knew
No whit thereof.

I was a weaver deaf and blind;
A miracle was wrought for me,
But I have lost my skill to weave
Since I can see.

For while I sang – ah swift and strange!
Love passed and touched me on the brow,
And I who made so many songs
Am silent now.

Wild Asters

IN the spring I asked the daisies
If his words were true,
And the clever little daisies
Always knew.

Now the fields are brown and barren,
Bitter autumn blows,
And of all the stupid asters
Not one knows.

Пчела и Роза

Я лечу пчелой на розу,
И, представь, с седой угрозой
Ветр на лепестки задул –
Ты бы мне их распахнул,
Будь ты розой?

Будь я розой, ты пчелой –
Я тогда бы наконец-то
Лепестковые все дверцы
Вмиг закрыла за тобой
В ждущем сердце.

Автор

Я шустрых не чуралась русл,
Чтоб петь с берегов Любви:
Лила беспечно радость, грусть
Во все стихи свои.

Плела, ткала, – глуха, слепа, –
Покуда чуда круг
Мне прятал и прятал слова, слова...
Но я прозрела вдруг.

Я пела и – о миг! – Любовь
На краешке стиха
Меня коснулась там, где бровь,
И я теперь тиха.

Астры

Ты спроси ромашку в поле
О любви и сне –
Все ромашки так толковы
По весне.

А теперь в осеннем ветре
Пустошь держит власть,
И напрасно ждать ответа
Глупых астр.

The Wanderer

I SAW the sunset-colored sands,
The Nile like flowing fire between,
Where Rameses stares forth serene,
And Ammon's heavy temple stands.

I saw the rocks where long ago,
Above the sea that cries and breaks,
Bright Perseus with Medusa's snakes
Set free the maiden white like snow.

And many skies have covered me,
And many winds have blown me forth,
And I have loved the green bright north,
And I have loved the cold sweet sea.

But what to me are north and south,
And what the lure of many lands,
Since you have leaned to catch my hands
And lay a kiss upon my mouth.

Less than the cloud to the wind

LESS than the cloud to the wind,
Less than the foam to the sea,
Less than the rose to the storm
Am I to thee.

More than the star to the night,
More than the rain to the lea,
More than heaven to earth
Art thou to me.

Buried Love

I SHALL bury my weary Love
Beneath a tree,
In the forest tall and black
Where none can see.

Скиталица

Я видела закатов медь,
Где Нил течет в песках безлесья,—
Там всех пронзает взгляд Рамзеса,
И храм Амона давит в твердь.

Была, где деву всех белей
Снимал с скалы закланья морю
Персей, громивший рыбу горя
Чужой главою, полной змей.

С ветрами стала я на ты,
И столько видывала неба,
Что рифмы хватит лишь у Феба —
Под небом счесть мои пути.

Но что мне север, что мне юг,
Что мне людские ареалы,
С тех пор как мы поцеловались,
Не выпуская рук из рук.

Менее облака ветру

Менее облака ветру,
Менее всплеска волне,
Менее розы тайфуну —
Значу тебе.

Более дождика полю,
Более звезд темноте,
Более неба могиле —
Значишь ты мне.

Похороненная Любовь

Схороню любовь под ольхой,
Где лесные обитатели,
Вдалеке от тропы людской,
Чтоб другие не видели.

I shall put no flowers at his head,
Nor stone at his feet,
For the mouth I loved so much
Was bittersweet.

I shall go no more to his grave,
For the woods are cold.
I shall gather as much of joy
As my hands can hold.

I shall stay all day in the sun
Where the wide winds blow,
But oh, I shall weep at night
When none will know.

Coney Island

WHY did you bring me here?
The sand is white with snow,
Over the wooden domes
The winter sea-winds blow –
There is no shelter near,
Come, let us go.

With foam of icy lace
The sea creeps up the sand,
The wind is like a hand
That strikes us in the face.
Doors that June set a-swing
Are bolted long ago;
We try them uselessly –
Alas, there cannot be
For us a second spring;
Come, let us go.

Ни разочка не обернусь
На могилу без камушка,
Я губу прикушу, и грусть
Явит красное пятнышко.

Не вернусь в тот лес никогда,
И ни в зной, и ни в зámети;
Волчий куст прорастят года,
Ядовит до беспамяти.

Буду днями по́ ветру петь,
Не встречаясь с бедами,
А ночами одна реветь,
Чтоб другие не ведали.

Кони-Айленд

Зачем привел сюда,
Когда в песке слюда
И в море не вода,
А кружева из льда?
Здесь ветер по щекам,
А не прогулки дам,
И снег надел плащи
Притворным куполам.*

Качелей не ищи –
Давно стих балаган;
Замкí верны вратам,
Ропщи иль не ропщи.
Таков закон годам:
Весне черед был дан,
Второй не будет нам –
Качелей не ищи.

* речь о парке развлечений с бутафорскими постройками

Авторы перевода пьесы Ежи Журека «После Гамлета»:

Асмик Геворговна Сукиасян (asya_ccv@mail.ru). Родом из Республики Армения, город Ванадзор. Окончила Красноярский государственный педагогический университет имени В. П. Астафьева (выпуск 2018 года). Обучалась на факультете иностранных языков. Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки: английский и французский). Владеет английским, французским, испанским, польским языками. Это ее первый опыт перевода.

Марина Сергеевна Щукина (marishkaschukina@mail.ru), из Красноярска. Окончила Красноярский государственный педагогический университет имени В. П. Астафьева, филологический факультет: 2011 — бакалавр филологического образования (литературный профиль), 2013 — магистр педагогического образования (филологический профиль), 2017 — преподаватель-исследователь (аспирантура). Владеет английским и польским языками. Это первый опыт публикации перевода.

Данный перевод выполнен в рамках гранта РНФ «Английская классическая литература в мировой культуре: рецепции, трансформации, интерпретации» (№ проекта 23-28-00989). Руководитель проекта — д.ф.н. Мария Равильевна Ненарокова, профессор Кафедры теории и практики иностранных языков ИИЯ РУДН, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы имени А. М. Горького РАН (ИМЛИ РАН) (курсы «Основы теории перевода», «Грамматические трудности перевода», «Практика перевода»).

Ежи Журек. После Гамлета
Пьеса в трех актах с эпилогом
(перевод с польского А. Г. Сукиасян, М. С. Щукиной)

Действующие лица:

Фортинбрас, принц Норвегии
Гроте, друг принца
Лизон, наместник короля Норвегии
Вик, его сын
Нестор, **Джуниор**, **Мила**, актеры
Франт
Дана
Посланник короля Норвегии
Гильденстерн
Розенкранц
Драб I, **Драб II**, солдаты Лизона
Часовой
Стражники
Солдат I
Солдат II
Гораций
Первый посол

Солдаты, придворные, а также "Призрак", "Гамлет", "Король", "Королева", "Лаэрт" и другие персонажи, появляющиеся в финальной сцене шекспировского "Гамлета".

Отрывки из "Гамлета" даны в переводах Ю. Пашковского (Акт I) и Дж. С. Сита (Эпилог).

Акт I

Сцена 1

Лесная поляна, на которой разбита военная палатка. Внутри нее – едва различимые фигуры Фортинбраса, Лизона, Вика и нескольких вооруженных людей. Из леса выбегает Франт, за ним – полунагая Дана. Они падают у стенки палатки. Появляются "Призрак" и "Гамлет". Мила в капюшоне держит фонарь.

«Призрак»

Я призрак твоего отца,
Обреченный на скитания по миру ночью,
И с днем стонать в огне,
Пока весь груз грехов,
Совершенных за всю жизнь,
Не сгорит дотла. Если б тайну открыть я мог,
То такие вещи описал бы я тебе,
Малейшая подробность которых душутвою разорвала бы,
Твоя юная кровь застыла, твои глаза,
Как звезды вышли бы из орбит,
Твои гладкие локоны выпрямились,
Что каждый волос их стоял бы дыбом,
Как иглы у ежа...

Последние слова Призрака доставляют Гамлету явное удовольствие – он воспринимает их как признание своей красоты. Франт с любопытством поднимается с земли, желая услышать и увидеть происходящее. Дана опускается перед ним на колени. Франт отталкивает ее, но тут же, покоренный её пылкостью, снова притягивает к себе.

"Призрак"

О, послушай, послушай, если ты хоть немного любил своего отца.

"Гамлет"

Клянусь Богом!

"Призрак"

Отомсти за смерть его, за гнусное убийство!

"Гамлет"

Убийство?

"Призрак"

Да, убийство; все убийства гнусны, но это
Гнуснее всех и всех бесчеловечнее.

"Гамлет"

Боже, назови убийцу, назови его скорей,
Чтоб на крыльях, как молитва,
Или мысль влюбленного, я устремился к отмщению.

"Призрак"

Слушай, слушай, Гамлет. Ходят слухи,
Когда я спал в саду, меня ужалила Змея;

Так обманули Данию;
Знай, благородный юноша, что змея, убившая отца твоего,
Сегодня носит его корону.

"Гамлет"

О, Небеса! Дядя!

Фортиnbrас

Хватит шуток!

"Призрак"

(Умокнув)

Этот – бесстыдный, прелюбодейный зверь....

Фортиnbrас

Достаточно. Это плохая шутка.

Сцена освещается. Видно, что роли "Призрака" и "Гамлета" играли актеры Нестор и Джуниор.

Лизон

Не раз шутка пугала принца до потери сознания.

Фортиnbrас

И кого же вы хотите напугать, милорд? Гамлета? Неужели вы считаете его глупцом, который поверит в призрака, слишком похожего на человека, и его словам – слишком простым для призрака короля?

Лизон

Вы озабочены вопросами формы, милостивый государь. Подумайте на минуту о содержании. И сразу после этого о цели нашей затеи.

Фортиnbrас

Как вы думаете, верит ли Гамлет в призраков?

Лизон

Я не думаю, что он знает, как погиб его отец.

Фортиnbrас

И он узнает от этого капризного шута?

Нестор

Я актер, милостивый государь. Когда будет нужно, я стану призраком.

Фортиnbrас

Несомненно, но исключительно по своей воле. Правда, для этого необязательно быть актером. Достаточно быть трупом.

Лизон

Вы недооцениваете его, милорд. Он достигнет высот ради искусства. И ради денег, конечно.

Фортинбрас

Не исключено, что этот фокусник – совершенное воплощение бестелесности. Но ему не обмануть Гамлета.

Вик

Теперь он слаб. Смерть отца и сношения матери с дядей ввергли его в меланхолию, в болезнь.

Фортинбрас

Я верю. Ведь для того, чтобы удержать все это вместе, нужен сосуд, а не сердце. *(пародийно)* Ужас! О небо! Что это за слова? Кто это говорит?

Лизон

Что касается сопровождения спектакля, то мы рассчитывали на принца.

Фортинбрас

Какого принца?

Лизон

Принца Фортинбраса.

Фортинбрас

На меня? Больше не рассчитывайте. Хорошо, кстати. Я напишу Гамлету письмо. Открою ему все, что знаю. *(Протягивает Нестору монету)*. Это тебе. И мой совет: ставьте только те пьесы, которые вам действительно интересны.

Лизон

Не пишите ничего. Вы можете потерять Гамлета. Слишком рано.

Фортинбрас

И даже если бы он это сделал. У меня с ним свои разногласия. Я еще не забыл, что это его отец убил моего.

Лизон

Забудьте об этом. Речь идет не о датском принце, а о Дании.

Фортинбрас

Об обреченности Дании.

Лизон

О ее расцвете. Но под правлением норвежского короля.

Фортинбрас

Процветание, гибель – на одном дыхании, можно сказать. *(Берет Джуниора под руку)*. Что ты думаешь об этом Гамлете? Ты запыхался? Как ты думаешь, я тебе друг или враг?

Джуниор

Я не знаю, принц. Я бы предпочел, чтобы вы были другом.

Фортинбрас

Ты мудро мыслишь, Гамлет. Тебе тоже уготована награда за твои старания. *(Давая Джуниору монету, он замечает входящего Гроуте)*. А теперь я прощаюсь с вами, господа, со всеми. Я устал.

Лизон

Что это означает, принц?

Фортинбрас

Это означает "нет", господин Лизон. Я не согласен с этой бессмыслицей. Я недостаточно ясно выразился? Или вы тоже ждете пожертвований? Но у меня нет больше ни копейки. Я уже и так вам должен.

Лизон

Я не обижусь на эти слова.

Фортинбрас

А почему?

Лизон

Ради вашего дяди.

Фортинбрас

Ради короля? Я понимаю и ценю вашу деликатность.

Гро́те выпячивает губы, Лизон и остальные уходят. Фортинбрас и Гро́те падают в объятия друг друга.

Гро́те

Я мчался с бешеной скоростью.

Фортинбрас

(Обнимает Гро́те). Но с тобой все в порядке, брат. Какие новости?

Гро́те

Хорошие

Фортинбрас

Говори

Гро́те

Они ждут нас на побережье.

Фортинбрас

Когда?

Гро́те

Сегодня вечером. Через два дня мы будем в Англии.

Фортинбрас

Они не теряют времени. Сегодня вечером. Я не рассчитывал на такую спешку. Но это лучше. Здесь я тоже не могу ждать до завтра. Подозрения короля растут как на дрожжах. И даже если я доживу до этого дня, я не буду спокоен ни на минуту. Лизон следит за мной, как за пленником. А я и есть узник, хотя кандалы на меня еще не надели. В любом случае, они думают не о кандалах, а о петле.

Гроте

Именно это я и сказал английским послам – что не будет мира, пока вы не освободитесь от власти короля.

Фортинбрас

Власть, власть. Мой дядя думает, что я хочу лишить его ее, а меня пробирает дрожь при одном только звуке этого мерзкого слова. Ты также сказал им, что я отказываюсь от всякой политики, что эти амбиции мне чужды?

Гроте

Я сказал. Но все правители подозрительны. И английские тоже.

Фортинбрас

Я хоть в монастыре спрячусь. К счастью, у меня есть немного денег. Уйти будет легче. Но хватит мечтать. В конце концов, надо торопиться.

Гроте

Я все придумал. Мы пойдем травить волков. В полном снаряжении, с собаками. Поводим Лизона за нос.

Фортинбрас

Рискованная идея. Но я согласен на любой риск, лишь бы освободиться от нежной опеки дяди. С тех пор как он отобрал у меня полки, я все явственнее ощущаю его заботливые руки на своем горле. Ты слышал, какой заговор готовят против Дании? Дьяволу это и в голову не придет.

Гроте

К черту этого дьявола. Когда-нибудь он сожжет себя сам.

Фортинбрас

Ты прав. Пойдем, пока земля не загорелась под нашими ногами. Как там в Англии? У нашего извечного врага? Женщины там какие?

Гроте

У меня не было женщины две недели. Кроме одной, у которой был я.

Они выходят. С земли поднимаются невидимые до сих пор Франт и Дана.

Франт

О чем не говорят сильные мира сего. Но нас это не волнует. Пусть говорят, пусть обманывают и даже убивают друг друга – нас это не касается. Понимаешь?

Дана

Что тут понимать?

Франт

Мы можем только получить пинок. Это было бы обидно для твоей округлости.
(Обнимает Дану).

Дана

А ты? Ты что-то задумал, Франт? Признайся.

Франт

Мне плевать. Я уже давно ни во что не вмешиваюсь. Это мое правило. Этим я и хорош.

Дана

Хорош? Ты такой же нищий, как и был.

Франт

Нищий, но веселый. Это тоже чего-то стоит.

Дана

Так много, что ничего не стоит.

Франт

Помни, нельзя ничего говорить. Иначе они закроют тебе рот.

Сцена 2

Актеры снимают костюмы. Нестору помогает Мила.

Нестор

Я едва жив. Больше всего, представь себе, болят плечи. От тех жалких жестов, которые они заставляли меня исполнять. Сними с меня обувь, дитя. Пусть мои ноги отдохнут. Какой недостаток воображения. Королевское достоинство не сыграешь путем жестикуляции. Тем более достоинство королевского призрака. Не так ли, Гамлет?

Джуниор делает презрительный жест.

Нестор

Что скажешь, сынок?

Джуниор

Дерьмо. Большое, вонючее дерьмо.

Нестор

Ты прав. Мы влипли. Но не надо сразу быть вульгарным. Особенно в присутствии женщин. Мы и не из таких передрыг выкручивались. Спасибо, деточка. А ты, что молчишь? Тебе понравился принц?

Мила

Понравился

Джуниор

Какой?

Мила

Действительно

Нестор

И да. Настоящий принц. Это большая редкость в наших краях. Вы должны это ценить. Если бы твоя мама могла нас видеть...

Джуниор

Скорее всего она умерла бы во второй раз. От стыда. Что мы закончили так по-собачьи.

Нестор

Если бы мы были собаками, у нас был бы лучше нюх, сынок. Мы бы держались подальше от армии. Ну, а так мы просто бедные люди. Но, может быть, хотя бы, не переставая быть людьми, мы скоро перестанем быть бедными.

Джуниор

Ты думаешь, что это единственное, что может случиться с нами?

Нестор

Пока что нам нужен золотой дукат. Ой, чуть не забыл (*он протягивает руку Джуниору. После недолгого колебания тот кладет монету*). Давайте верить, что это только начало. Без веры в успех ничего не получится. Но подождите – где мой дукат? Куда ты пропал, утешитель малюток? (*Они судорожно обыскивают все вокруг и наконец находят деньги в ботинке Нестора*). Ты меня напугал, щенок.

Джуниор

К черту все это. Я не стану лезть на рожон ради твоих прихотей. Я убираюсь отсюда. А ты делай, что хочешь.

Нестор

(*Дает пощечину Джуниору*). Это за грубость. (*Бьет по другой щеке*). А это за глупость. Ты думаешь, дурак, что я хочу остаться здесь. Мне это и в голову не приходило. Соберитесь. Я еще немного дам ногам отдохнуть.

Сцена 3

Входит Лизон с Виком и двумя Драбами.

Лизон

(*Протягивает руку в сторону Нестора*). Нет!

Нестор колеблется, но через мгновение дает одну монету. Лизон жестом подзывает Джуниора.

Лизон

Теперь ты, птичка.

Джуниор не шевелится. Тогда Дрabb II прижимает его к земле ударом по шее. Нестор достает еще деньги.

Лизон

Теперь хорошо. Надо помнить, кто тебе платит. Тогда и жить легче. Меньше соблазнов. Не правда ли, принц?

Джуниор

Не знаю, я не принц.

Лизон

Ну и что. Разве вы не равны с принцем Фортинбрасом? По крайней мере, в одном – вы оба черпаете из этого кошелька. Я признаю, что он смелее.

Нестор

Не говорите так при нас, простых людях, господин.

Лизон

Ты боишься за меня, говорящего это, или за себя, слушающего это? Или ты думаешь, что кто-то донесет принцу? Не бойся – ты не успеешь. *(Он бросает кошелек на землю)*. Это тебе. Плата короля, потому что по королевскому приказу вы должны немедленно отправиться в Данию и попасть ко двору Гамлета. Что будет дальше – вы знаете сами. И молитесь, чтобы духи были к вам благосклонны.

Нестор

(Колелется, но охотно нащупывает кошелек). Благодарю вас за благосклонность, господин. Однако позвольте нам остаться здесь до утра. Я стар, я устал, мои ноги больше не хотят меня нести.

Вик

Вы получите лошадь.

Нестор

Это совсем другое дело.

Лизон

Но за это придется платить.

Нестор

Она вытряхнет из меня остатки жизни. Зачем мне лошадь. Утром я буду в полном порядке.

Лизон

Если бы вы были рыбой, то утром вас подали бы к завтраку.

Джуниор

(С неожиданной готовностью). Мы поможем тебе, отец. Давайте двигаться. Это королевский приказ.

Лизон

А не глупые слова. Я вижу, что ты одумался, мальчик. Но я не знаю, не обманешь ли ты меня. Так что только маленькая ремарка: не мы поможем тебе, отец, а я помогу тебе, отец. Потому что она останется здесь, с нами.

Мила

Отец!

Нестор

Господи, помилуй!

Лизон

Это на случай, если вам придет в голову какая-нибудь глупость. Ничего плохого с ней не случится, если вы будете благоразумны. И верны.

Мила неожиданно подскакивает и убегает в лес. Лизон и его свита молча, спокойно наблюдают за ее бегством. Наконец Лизон раздражается хохотом. Через некоторое время Милу возвращают.

Лизон

Больше никаких шуток, понял? Девушка умрет с позором, если ты предашь или попытаешься сбежать. И еще одно. Если ты потерпишь неудачу, если твое актерское мастерство не убедит Гамлета и тебя схватят, ни слова ни обо мне, ни о короле. Вас послал в Данию молодой принц. Принц Фортинбрас, слышишь?

Нестор

Да, господа.

Лизон

Вам это не повредит, а ей спасет жизнь. А теперь убирайтесь. Я и так потратил на вас слишком много времени.

Нестор и Джуниор отчаянно прощаются с Милой. Они уходят, подталкиваемые Драбом.

Мила

Отец! *(Она внезапно бросается к Лизону)*. Я ненавижу тебя!

Лизон

Вик!

Вик помогает Лизону одолеть девушку. В конце концов он крепко сжимает ее в объятиях.

Лизон

Что ты сказала, дитя?

Мила

Что я тебя ненавижу.

Лизон

Я прощаю тебе эти слова, потому что ты еще будешь мне нужна. Но молчи, если не хочешь смерти своего отца и брата. Одним щелчком пальца я могу передать тебя солдатам и подписать твоим родным смертный приговор.

Вик

Она женщина, отец.

Лизон

Она комедиантка, сынок. Тебе нравится? Ну, тогда приступай. Она не будет сопротивляться. Она будет делать то, что я скажу. Все будут делать то, что я им скажу. И то, что скажет мой сын, мой преемник. Пусть только судьба мне благоволит.

Вик

(Думая о девушке). Что ты хочешь делать?

Лизон

Скорее спроси, чего я не хочу делать. Я сразу же дам тебе ответ. Я не хочу упустить шанс, который нам послало провидение. Для начала мне нужна Дания. Но для нас, а не для Фортинбраса. Тогда... Тогда мы будем править и этой страной. И, может быть, доберемся до Англии.

Вик

Но с ней (*указывает на Милу*), что делать?

Лизон

(*с раздражением*) В монастырь. Кто знает, возможно, и тебе там самое место. Ты должен носить платье, а не одеяние рыцаря. Я люблю тебя, но, если бы не это, я бы посадил тебя в какую-нибудь темницу, где ты бы повзрослел.

Вик

Я тебя ненавижу.

Лизон

Что ты сказал?

Вик

Ничего.

Лизон

(*сердито*) Повторяю, принц, повторяю, будущий король Дании, Норвегии и Англии.

Вик

Ненавижу.

Лизон

(*бьет его по лицу*). Что ты можешь знать о ненависти? Настоящая ненависть не ищет слов, не кричит, не выставляет себя напоказ. Она сворачивается клубком в самых потаенных уголках души и ждет, как голодная собака, удобного случая, чтобы нанести удар. Пока не дожидется. Ты понял?

Вик кивает.

Лизон

Ты ничего не понимаешь. Принц хочет сбежать в Англию этой ночью.

Вик

Откуда вы знаете?

Лизон

У меня тысячи глаз и ушей. Всегда кто-нибудь узнает и донесет. В бухте их будет ждать английский корабль. Это измена. Открытое предательство.

Вик

Будете ли вы отправлять погоню?

Лизон

Наконец ты начинаешь думать. Я дам тебе отряд и отправляйся в путь. До рассвета я хочу, чтобы ты вернул его. Мертвым или... мертвым. Англичане – эти гнусные похитители и убийцы Фортинбраса – перебить всех до единого, корабль сжечь.

Вик

А принц?

Лизон

Он проявлял героизм до конца. При нападении англичан он защищался. И погиб. Или – это был несчастный случай. Он упал с коня и напоролся на собственный меч. Посмотрим.

Вик

Король не простит вам этого.

Лизон

Король озолотит нас. Мы избавим его от страха перед преемником. Хотя, конечно, он поймет, что мы сейчас делаем всё за его спиной. Но оставь это мне.

Вик

А если нет?

Лизон

Что – нет?

Вик

Если я не поеду?

Лизон

Ты можешь. Конечно. Человек свободен и обладает свободой выбора и действия. Пока, конечно, кто-нибудь не прижмет его к стенке. Я не один. Другие могут подумать, что ты слишком много знаешь, что ты можешь предать. Даже я.

Вик

Неправда.

Лизон

Я считаю, что это не так. Но другие могут в это не поверить.

Вик

Это угроза?

Лизон

Хуже. Приговор.

Вик

У вас может быть тысяча глаз и ушей. Но вам не хватает одного – сердца.

Лизон

Ты смеешь говорить мне это? Что у меня нет сердца? И для кого я это делаю? Для кого я борюсь за власть? А знаешь ли ты, что такое власть? Это свобода. Высшая форма свободы на земле. Величайшее сокровище человека. Я хочу, чтобы у тебя было это сокровище. Чтобы ты наслаждался им. Ты и твои дети. Но пока над тобой есть король и принц, ты – никто, раб, который в любой момент может попасть в немилость. Их правление, однако, не вечно. Неужели ты думаешь, что я, королевский наместник, самый прославленный человек этой страны, соглашусь скитаться по этой пустоши только для того, чтобы присматривать за принцем Фортинбрасом?

Вик молчит.

Лизон

В общем, может быть, ты и прав – я не люблю людей. Просто наличие сердца часто означает отсутствие головы. Поживешь – узнаешь.

Вик

Если это так, то жить не стоит.

Лизон

Стоит. Увидишь завтра утром, когда вернешься. А девушку я тебе все равно отдам.

Вик

(кричит) Сам – слышишь – я сам!

Появляются Фортинбрас и Грот. Они не хотели этой встречи, но уже слишком поздно для незаметного отступления.

Фортинбрас

Что это – семейный спор? Мы не будем мешать.

Вик

(спешно) Принц куда-то едет? Ночью?

Фортинбрас

В окрестностях появилась стая волков.

Вик

Не на прибрежной ли стороне!

Гроте

Да, действительно. В прибрежной части. А что, разве не там?

Вик

Возьмите меня с собой, принц. Я видел эту стаю сегодня утром. Все прекрасные экземпляры.

Лизон

Принц не любил охоту. Почему такая резкая перемена.

Фортинбрас

Хочу проверить, что не заржавел от безделья в этой глуши. *(Обращаясь к Вику)*. Вы слишком молоды для таких походов. Вы можете заблудиться в темноте.

Вик

У меня хорошее зрение и слух.

Фортинбрас

Не ставьте нас в неловкое положение. У сына такого отца должно быть хорошее зрение и слух.

Вик

Как это понимать?

Фортинбрас

(мягко) На этот раз нам хватит собственной компании.

Лизон

Ты слышал? Не суйся туда, где в тебе не нуждаются.

Гроте

Поехали. Мы уже проговорили пол ночи.

Они видят Милу.

Фортинбрас

Какой красивый цветок здесь прячется. Я бы с удовольствием понюхал его.

Лизон

Она – дочь нашего Призрака и сестра нашего Гамлета. Дело в том, что они ...

Вик

Они сбежали.

Фортинбрас

Сбежали?

Лизон

Я отправил патрули. Пока безуспешно. Ее нашли недалеко отсюда. Наверное, она заблудилась.

Фортинбрас

Браво! Они исчезли, как настоящие призраки. Значит, я недооценил их игру. Но если именно их отсутствие является условием ее пребывания здесь – они могут сбежать по своему усмотрению. Пусть она подождет в моей палатке. Я расспрошу ее о том и о сем утром – до свидания.

Лизон

Прощайте, принц. Желаю вам спокойной и долгой ночи.

Франт

Посланник от короля к принцу Фортинбрасу и наместнику Лизону.

Сцена 4

Входит посланник, Фортинбрас, готовый к худшему, хватается за меч.

Посланник

Добро пожаловать, благородные господа.

Лизон

Какие новости ты принес? Неужели ты не мог подождать с ними до утра?

Посланник

Король посылает Вам три полка войск и приказывает, собрав всю армию, перейти датскую границу.

Гроте

И вот война

Посланник

И, не причинив никому вреда, отправиться дальше. В Польшу. Там продемонстрировать свою доблесть в покорении заносчивых славянских племен.

Лизон

Что это... это? Это почерк короля?

Посланник передает ему письмо.

Лизон

Меня это не касается.

Посланник

Касается, сударь. Написано четко – королевскому наместнику, графу Лизону.

Лизон

И это все? Неужели у вас нет для меня больше ничего? Конфиденциальные советы от короля?

Посланник

Нет, господа. Это все.

Фортинбрас

Где находятся войска?

Посланник

Примерно полдня пути. Они продвигаются вдоль побережья.

Гроте

Так что мы все еще можем поохотиться.

Фортинбрас

(неуверенно) Мы не успеем.

Гроте

Успеем. У нас еще есть ночь и полдня, принц.

Фортинбрас

Они перетравят нас волками.

Гроте

(Отводит Фортинбраса в сторону). Принц.

Фортинбрас

Я должен подумать.

Гроте

Мы не можем терять ни минуты.

Фортинбрас

Нам есть что терять. В том числе и наши жизни.

Гроте

Через два дня мы будем в Англии.

Фортинбрас

Или по дороге в Польшу. Не хочется воевать? Послушай, нам не придется убегать, как трусам. Мы уйдем из страны с армией, как подобает будущим завоевателям. Это уже кое-что.

Гроте

Это уловка короля.

Фортинбрас

Уловка? Может быть. Но разве мы сами не хотели воспользоваться уловкой?

Гроте

Чтобы спастись, а не погибнуть.

Фортинбрас

Кто знает.

Гроте

Принц, я прошу вас. Во имя нашей дружбы. Идемте.

Фортинбрас

Прости меня, Гроте. И не ставь на карту нашу дружбу. Может быть, я просто не так смел.

Гроте

Смелость здесь не нужна. Только лошади.

Фортинбрас

Пойми, здесь я хотя бы знаю, что и кто мне угрожает. А англичан я не знаю, и у меня нет оснований им доверять.

Гроте

Такая возможность может больше не представиться.

Фортинбрас

(Громко) Мы поохотимся в другой раз. Сейчас не стоит утомлять лошадей.

Вик

У нас нет недостатка в лошадях, принц. Я дам вам своего гнедого.

Лизон

Вы можете спокойно идти. Я позабочусь о подготовке к походу.

Фортинбрас

Нет. Я опять недостаточно ясно выражаюсь? Я должен кричать "нет"? Кричать так, чтобы вы все оглохли?

Лизон

(насуя). Будет так, как вы прикажете, принц. Я не думал, что на старости лет мне придется участвовать в военном походе.

Они уходят. Принц ласково останавливает Милу.

Фортинбрас

Вы свободны. Вы можете идти туда, куда хотите.

Франт раскидывает руки, пытаясь остановить ее. Мила бросается на шею Фортинбрасу. Она целует его.

Посланник

Одно слово, принц.

Фортинбрас

Что еще?

Посланник

Это ваши бывшие полки, пришедшие с севера.

Фортинбрас

Что вы говорите? Вы уверены? Король, кажется, сошел с ума. Он возвращает мне мои полки, наши полки, Гроте! Мы не позволим отнять их у нас во второй раз.

Гроте

Черт, да что это может значить?

Фортинбрас

(к посланнику) Все просто. Сокровищница пуста?

Посланник

Пуста.

Фортинбрас

У короля разыгрался аппетит к добыче. При этом он избавляет страну от меня. Прибыль одна, Гроте. Он не упустит. И я не намерен. Что ж, не унывай. Об остальном подумаем в походе. Итак, друг мой – в Польшу! Где это на самом деле?

Гроте

(Пожимает плечами) Где-то.

Фортинбрас

Где?

Франт

Скорее всего, нигде.

Акт II

Сцена 1

Лесная просека. Входят Гильденстерн и Розенкранц, утомленные дорогой.

Гильденстерн

Стоп. Я не пойду дальше. У меня не осталось сил.

Розенкранц

(сидя) А когда у тебя были силы? Наверное, только на словах. Иначе ты бы не одурачил меня, по-моему.

Гильденстерн

Никто тебя не обманул. А если и так – это был не я. Мне было что сказать, как и тебе. То есть ничего.

Розенкранц

Собачья судьба. Делай, что тебе говорят, а тебе говорят делать, что хотят. А все потому, что в детстве нам посчастливилось быть товарищами Гамлета по играм.

Гильденстерн

Теперь нам предстоит дорого заплатить за эту честь.

Розенкранц

Было бы дешевле, если бы мы не стремились сюда. Плохо ли нам было в Виттенберге? Лежали животом вверх с утра до вечера, а с вечера до утра на животе у каких-нибудь красавиц.

Гильденстерн

Не волнуйся за свой живот. Он еще не раз вздуется.

Розенкранц

Скорее всего в могиле. Потому что именно на это у нас, похоже, больше всего шансов. Мне не нравится эта поездка в Англию.

Гильденстерн

Что делать? Это приказ короля.

Розенкранц

Я не знаю, действительно ли Гамлет сумасшедший, или он только притворяется сумасшедшим, но в любом случае он принесет нам неприятности.

Гильденстерн

Он уже это сделал. Отобрать у нас лошадей и заставить идти пешком до побережья. Безумная выходка.

Розенкранц

Не будь наивным. Скорее, шальная идея весельчака.

Гильденстерн

Это шутка, кажется, сделала меня хромым. Я едва могу передвигаться.

Розенкранц

А кто не захотел купить лошадь на постоялом дворе, а настоял на том, чтобы идти пешком? Теперь ты стонешь от собственной хитрости.

Гильденстерн

Я стону, потому что сочетаю свою бережливость – в той мере, в какой можно быть бережливым, не имея ни гроша за душой, – с отсутствием у тебя воображения.

Розенкранц

У меня воображение, как раз в той мере, которая для меня уместна. Я не хочу сойти с ума, как Гамлет.

Гильденстерн

Но если бы ты был догадливее....

Розенкранц

Тогда бы я остался в Виттенберге.

Гильденстерн

Тогда бы ты сам купил лошадь.

Розенкранц

Еще чего. Ты бы скорее уговорил меня взять тебя в седло. Или нет?

Гильденстерн

Может быть и так.

Розенкранц

А еще через два дня сдохла бы лошадь. У меня был бы хороший бизнес.

Гильденстерн

Исключено.

Розенкранц

Почему?

Гильденстерн

Она бы не успела, потому что мы ехали всего полтора дня.

Розенкранц

Ты меня убедил.

Гильденстерн

И даже если бы она сдохла. Тогда ты мог бы считать себя великодушным, а я – хитрым. А так мы оба выгядим хитрыми дураками.

Розенкранц

Говори за себя, если тебе угодно.

Гильденстерн

Кляча – за два дня, а я – за три, может быть, четыре. Большая разница между скотом и человеком.

Розенкранц

Боюсь, что и ты не успеешь. Мы должны быть на корабле завтра вечером. В любом случае, без нас они не уплывут, я думаю.

Гильденстерн

Переживаешь, что я не смогу помереть?

Розенкранц

Покажи мне эту ногу.

Гильденстерн

Только будь осторожен. Я не лошадь.

Розенкранц

Не самая лучшая. Надо было сказать раньше.

Гильденстерн

Ты уже час не даешь мне говорить.

Розенкранц следит за ногой Гильденстерна.

Розенкранц

(серьезно) Зачем нам это нужно, Гильден?

Гильденстерн

Не знаю. Розен. Но, наверное, так и должно быть. Таких людей, как мы, никто не спрашивает об их мнении.

Розенкранц

А что если мы...

Гильденстерн

Что?

Розенкранц

Не знаешь?

Гильденстерн

Может быть и знаю, но скажи.

Розенкранц

Если бы мы сбежали.

Гильденстерн

Куда?

Розенкранц

Не знаю. Может быть, в Англию.

Гильденстерн

В конце концов, мы все равно едем туда – с Гамлетом.

Розенкранц

Но мы могли бы остаться там. Без него. Я уже вижу со вкусом оформленную вывеску "Ювелирная мастерская Гильденстерна и Розенкранца" на какой-нибудь роскошной улочке, конечно, через некоторое время.

Гильденстерн

Люди короля найдут нас. И вообще, я не намерен торговать побрякушками.

Розенкранц

Тогда давай отправимся на юг. В Италию. "Гильденстерн и Розенкранц. Тутти фрутти"

Вдалеке слышен неясный стук телеги. Гильденстерн на мгновение прислушивается, но голос умолкает.

Гильденстерн

Идем. Горы по пути.

Розенкранц

(Указывая на аудиторию) Это там.

Гильденстерн

Там ничего нет. Темно и страшно. Они бы съели нас сырыми.

Розенкранц

Едят ли они людей?

Гильденстерн

Они должны что-то есть.

Розенкранц

Глупо. Но ты прав. Ничего там для нас нет. Теперь я спрошу тебя – так что?

Гильденстерн

Ничего

Розенкранц

Ничего? Тогда съешь это "ничего" сам. Я не собираюсь.

Гильденстерн

Остановись, куда ты хочешь пойти?

Розенкранц

Я не знаю. Но не туда, куда мне прикажут. Я даже запишусь в армию того норвежца который здесь проходил.

Гильденстерн

Ты с ума сошел?

Розенкранц

Наоборот, я поумнел.

Гильденстерн

У нас есть письмо. Мы должны передать его английскому королю.

Розенкранц

(поднимается) Побеспокойся об этом сам.

Гильденстерн

Ты не оставишь меня здесь одного.

Розенкранц

Тогда пойдем со мной. А нет – тогда прощай.

Гильденстерн

Негодяй!

Он бросается на Розенкранца, хватая его за ноги и опрокидывает, они начинают бороться. Все отчетливее и отчетливее слышится грохот повозки.

Розенкранц

Ты слышишь?

Гильденстерн

Я считаю, что это чудо.

Розенкранц

(встает) Вставай и ты. И сделай хотя бы грозное лицо.

Появляется повозка, управляемая Даной. Из-за дерева выходит Розенкранц с уверенным лицом и узловатой палкой в руке.

Розенкранц

Куда, госпожа? Боюсь, вам придется повернуть назад. Мы спешим, но только не в вашу сторону.

Сцена 2

Розенкранц уверенно подходит ближе, и тут из повозки поднимается сначала Мила, а затем две мужские фигуры: Фортинбрас и Гроте, в полном боевом снаряжении, с лицами, скрытыми светлыми забралами. Розенкранц пытается убежать, но через некоторое время, видя неуклюжие попытки Гильденстерна угнаться за ним, покорно останавливается, возвращается.

У входа в лагерь часовые останавливают Фортинбраса и Гроте, ведущих за собой Гильденстерна и Розенкранца. Гроте хочет что-то гневно сказать, но Фортинбрас заставляет его замолчать. Часовой направляет их к Дарбу I, который лежит на земле и жадно ест. На приличном расстоянии от него разместился Франт.

Драб I

Шпионы? *(Указывает на ветку, свисающую сверху).* Это будет как раз для них. Только подождите, пока я поем.

Франт

Что вы здесь делаете, красавица?

Дана

А ты?

Франт

Я дышу свежим воздухом.

Дана

Хочешь сбежать?

Франт жестом заставляет ее замолчать. Она смотрит на мужчин с осторожным любопытством.

Гильденстерн

(Драбу) Мы не шпионы, господа.

Розенкранц

Мы бедные студенты. Мы заблудились.

Драб I

Студенты или шпионы – без разницы. *(Показывает на шею).*

Фортинбрас

(Гроте) Пойдем, потому что этот мясник действительно готов их повесить.

Драб I

Куда?

Гроте

Ешьте спокойно, а мы проводим их до лагеря.

Драб I

Вы никуда не пойдете. У меня приказ задержать любого подозрительного.

Гроте

И кто здесь подозрительный? Скорее всего, не мы.

Драб I

Я тебя знаю. А это кто? *(Показывает на Фортинбраса).*

Гроте

Наш человек. Из моего отряда.

Драб I

Но тех я должен осмотреть сам.

Фортинбрас

Эти двое, скажу вам по секрету, у них важное письмо для принца Фортинбраса.

Драб I

Теперь я не могу вас впустить. Есть приказ проверять все письма. (*Гильденстерну и Розенкранцу*) Идемте! Сейчас же!

Фортинбрас

Один момент. Вы хотите контролировать письма для принца. За это можно получить соответствующее наказание.

Драб I

Приказ есть приказ.

Гроте

Чей?

Фортинбрас

Вероятно, короля, так как он единственный, кто наделен большей властью, чем принц.

Драб I

Короля не короля – давайте!

Гроте

Может быть, королевского наместника?

Драб I

Давай! Не болтай! Ты! (*Хватает Гильденстерна и начинает его досматривать*) Где оно?

Гильденстерн

У меня нет письма, это какая-то ошибка.

Драб I

Теперь я по ошибке сломаю тебе шею.

Франт

Да ладно тебе, идиот. Ты ничего не понимаешь...

Фортинбрас

Почему именно письмо? В конце концов, ты даже читать не умеешь.

Драб I

Я не могу, но я знаю, что такое приказ.

Гроте

Убери лапы.

Начинается комедийная драка, к которой присоединяется и Мила. Франт хочет ускользнуть, но его то и дело хватают дерущиеся. Гильденстерн и Розенкранц толкают друг друга, пытаясь ускользнуть от Драба. В конце концов Драб I выхватывает меч и приближается к ним. Гильденстерн достает письмо. Драб I хочет схватить его как добычу. И тут Фортинбрас обнажает свое лицо. Драб I на мгновение останавливается, но не опускает меч.

Фортинбрас

Браво! Ты будешь вознагражден за свое усердие. Ты мужественно выдержал это испытание.

Драб I

Откуда здесь принц?

Фортинбрас

Видите ли, друг мой, я забочусь о своих войсках. Хорошо ли они охраняют. Но я вижу, что бояться нечего (*он подходит к Драбу, который держит в одной руке меч, в другой – письмо*) – мышь не проскочит. Об этом позаботятся другие (*протянув руку к письму*).

Драб I, после минутного колебания, отдает письмо. Потом – меч. Пользуясь случаем, Франт пытается улизнуть из лагеря. Его останавливают. Франт в неожиданном порыве выхватывает оружие и – сам не зная как – оказывается с лезвием копья, направленным в сторону Драба I. Драб возвращает меч Фортинбрасу.

Фортинбрас

Уведите его. Мы поговорим с ним позже.

Гильденстерн

Это письмо, сударь, предназначено для королевских глаз.

Фортинбрас

Очень хорошо. (*Пытаюсь открыть его концом меча*).

Розенкранц

Это королю Англии по поводу принца Гамлета, милорд.

Фортинбрас

Гамлета?

Розенкранц

Он сошел сума.

Гильденстерн

Говорят, что призрак помутил его рассудок. Дух умершего отца.

Фортинбрас

Ты слышал это, Гроте? Призрак потревожил чувства Гамлета. (*Миле*) Я недооценил твоего отца. Он великий актер.

Гильденстерн

Датский король отправляет его в Англию.

Розенкранц

Для улучшения здоровья.

Фортинбрас

Очень милосердно. Наш король скорее отправит меня в ад, чем в Англию. А вы?

Гильденстерн

Мы вместе с ним.

Гроте
Да? Пешком?

Гильденстерн
Принц...

Розенкранц
Он отобрал у нас лошадей.

Фортинбрас
Наверное, он сошел с ума. *(Ему удается открыть письмо. Он читает).*

Драб I
(К связывающему его Франту) Ты что, Франт, за кого ты теперь?

Франт
Я расскажу вам по секрету, сам за себя. Это самая надежная позиция в этом мире.

Драб I
Не притворяйся. Я же вижу, какой ты.

Гильденстерн
Что будет с нами, светлейший принц? Как мы явимся без письма к королю?

Фортинбрас
Вы немедленно получите свое письмо обратно. Только никому об этом не говорите ни слова. Иначе дорого заплатите. *(Гроте)* Возьми сургуч из моей сумки. Запечатай своим гербовым знаком.

Гроте
У меня нет кольца.

Фортинбрас
Нехорошо. Тогда возьми моё. *(Понимает, что и у него тоже нет. Он протягивает руку к Миле).* Извините.

Гроте
(Запечатывая письмо) Что вы нашли внутри?

Фортинбрас
Тайна.

Гроте
Говорите. Как насчет Гамлета?

Фортинбрас
Если я правильно понял, его хотят отправить куда подальше.

Гроте
Не в Англию?

Фортинбрас

Дальше. В иной мир.

Гроге

Король Клавдий?

Фортинбрас

Да.

Гроге

Что мы будем делать?

Фортинбрас

Я не знаю.

Гроге

Мы должны предупредить Гамлета.

Фортинбрас

Но как?

Гроге

Напишите ему письмо. Откройте ему то, что вы знаете.

Фортинбрас

Нет, не можем. Мы не можем делать это открыто. Против нас будет не один, а два короля, если это станет известно. А может быть, и три, потому что англичанину, наверное, тоже не нравится, когда письма, предназначенные ему, читают. Какой дьявол искусил меня на это.

Мила

(К Гильденстерну) Есть ли при дворе короля актеры?

Гильденстерн

Да, госпожа. Целая труппа.

Мила

И как у них дела?

Розенкранц

Лучше быть не может. Наместник заплатил им больше, чем мы видели за всю жизнь.

Мила

А все здоровы?

Розенкранц

Здоровы.

Гильденстерн

А кто вас, барышня, интересует? Младший?

Мила кивает.

Гильденстерн

Красавец? Это только на первый взгляд.

Мила

Да, и что?

Гильденстерн

По правде говоря, у этого все плохо. Его ограбили в городе. Но он выкарабкался, они его только немного побили.

Мила

Боже!

Гроте

Готово.

Фортинбрас

Дай (*он берет письмо*), я уже решил. (*Он дает его Гильденстерну*). Спрячь и отдай принцу. Слышишь?

Гильденстерн

Да, милорд.

Фортинбрас

И ни слова никому. Теперь езжай с Богом. Я бы принял вас лучше, но у нас тоже впереди дорога. Против нас готовится несколько тысяч славян. (*с сомнением*) Скажи Гамлету, что принц Фортинбрас.... В общем... ничего не говори.

Гроте

Это все, Принц?

Фортинбрас

Печать предупредит Гамлета.

Гроте

А если нет?

Драб I

(*Франту*) Сделай что-нибудь для меня.

Франт

Все готово. Я знаю, что ты не любишь железо. Ты будешь висеть.

Драб I

Я расскажу вам все, что знаю. О наместнике Лизоне.

Франт

Шшш... Я не уверен насчет этих деревьев. И вообще отстань от меня.

Франт послушно встает рядом с часовым.

Фортинбрас

Поехали. (к Драбу) И ты пойдешь с нами. Вперед. (к Франту) Присмотри за ним. Поехали.

Франт оглядывается по сторонам, как будто обращаются к кому-то другому, наконец с покорностью подходит к Драбу I.

Фортинбрас

Жизнь – это борьба, Гроте. Разве ты еще не заметил?

Гроте

Хотите ли вы смерти Гамлета?

Фортинбрас

Мы все смертны. А если серьезно – мы больше ничего не можем сделать. Потому что он нам даже не поверит. Эти двое, наверное, все-таки люди короля.

Гроте

Черт, наверное, вы правы. Я об этом не подумал.

Они уходят. Гильденстерн и Розенкранц подходят к часовому.

Гильденстерн

Принц сказал – поезжайте. Слышал ли ты?

Часовой

И что?

Гильденстерн

Поезжайте, а не идите.

Розенкранц

Разве ты не понимаешь? Нам нужны лошади.

Часовой

Лошади? Вы сошли с ума. Они здесь дороже золота. Сами решайте свои проблемы.

Розенкранц резко подается вперед. За ним, прихрамывая, следует Гильденстерн.

Гильденстерн

Он сказал: поезжайте, а не – идите. Я все-таки услышал ясно.

Розенкранц оборачивается и без слов, покорно, взваливает Гильденстерна на плечо. Так они уходят.

Сцена 3

Ночь. В палатке Фортинбрас с Милой. С другой стороны притаились Лизон и Вик.

Фортинбрас

У тебя прекрасное тело. Полное сокровищ. Ты чувствуешь, как во мне бурлит кровь?

Мила

Я люблю тебя, принц.

Лизон

(К Вику) Остановись, не подходи слишком близко. И следи за шагами. Нужно оставаться незамеченными.

Вик

Не бойтесь.

Лизон

Видишь, как галопом понесся Гамлет. Нам нужно поторопиться.

Вик

Я знаю.

Лизон

Если мы сделаем это сами – никто не узнает. И никто не посмеет нас заподозрить. Целься в шею. Из нее хлынет кровь и раздастся крик.

Вик

Вы так легко говорите об этом, отец.

Лизон

Потому что я знаю, как тебе тяжело. Он отнял у тебя девушку и власть.

Вик

У меня не было ни того, ни другого.

Лизон

Но ты мог бы всем этим владеть. И будешь владеть. И тем, и другим.

Фортинбрас

Давай посмотрим на эти сокровища.

Мила

Нет, пожалуйста. Что вы делаете? Принц.

Фортинбрас

(Он зажигает огонь) Только на мгновение.

Вик

Свет. Это знак.

Лизон

Подожди. Она должна была зажечь факел, а это только огонек.

Мила

Нет. Мне стыдно.

Фортинбрас

Бог дал нам наготу.

Мила

(Гасит пламя рукой) И стыд

Вик

Он погас. Вы были правы.

Фортинбрас

Стыд придумали люди. Забудь об этом хотя бы на время.

(Вновь зажигает огонь).

Вик

Теперь.

Мила

(Снова гасит свет) Время прошло.

Вик

Нет. Что, если она предаст нас?

Лизон

Будь спокоен. Она не предаст.

Вик

Почему такая уверенность?

Лизон

Ей есть что терять, кроме собственной жизни.

Фортинбрас

Есть еще один уголок, куда завело меня любопытство.

Мила

Подождите. Не включайте свет. Я сама отведу вас туда.

Вик

Вы слышали?

Отчетливо слышны звуки любовного акта.

Лизон

Нет.

Вик

Я думаю, это она. Они...

Лизон

Подумай о его шее. Какая скользкая и упругая у него спина, как она набухает кровью от страха, как он отворачивается, чтобы избежать твоего удара. И она течет до самого неба.

Вик

Я больше не могу это терпеть. Я убью его!

Лизон

Она еще не отослала охранников. Стой, дурак!

Вик бросается вперед с обнаженным мечом. Лизон следует за ним, ставя Вику подножку. Меч со звоном падает на землю. Из темноты выходят два часовых. Лизон поднимает сына и пинком заставляет его бежать.

Фортинбрас

Что это? Охрана!

Стражник I

Кто-то подкрадывался к вам, сударь.

Стражник II

Он потерял свой меч.

Фортинбрас

Показать. (*Смотрит на меч*) Хорошо. Но об этом никому ни слова.

Стража

Слушаемся.

Мила выходит из палатки с фонариком. Появляется Дана.

Дана

Вы звали меня, госпожа?

Мила

Нет, уходи!

Она возвращается в палатку.

Мила

Что вы теперь будете делать, принц?

Фортинбрас

В первую очередь, я собираюсь добраться до одной шеи. Она слишком долго носила голову некоего влиятельного господина. Видишь? (*Он показывает ей меч*) Это оружие Лизона.

Мила

Вы хотите его убить?

Фортинбрас

Я не хочу никого убивать. Но я должен защищаться. Они не дадут мне покоя. Я не хочу власти. Но чем громче я это говорю, тем больше мне не верят. Король предпочитает отправить меня не в Польшу, а на тот свет. Они следят за мной, перехватывают мои письма, расставляют свои сети. И если я буду продолжать спокойно наблюдать за этим, то в один прекрасный день со мной может произойти какой-нибудь загадочный,

необъяснимый случай. Или я сойду с ума, как Гамлет.

Мила

Как Вы думаете, он действительно сумасшедший?

Фортинбрас

Я знаю, что не хочу сходить с ума. Ну и ладно. Я принимаю вызов. Видимо, если кто-то уже родился принцем, он не может им не быть. Хотят – будет у них настоящий принц Фортинбрас. Бегите, Прячьтесь, свиньи. Но не бойся, даже если я получу власть, я не стану одним из них. Перед судом они признаются в своих преступлениях. А как же. Они поют все о величии закона. Если, конечно, я доживу до этого возвышенного момента.

Мила

Вы прекрасны, когда говорите это. Я люблю вас.

Фортинбрас

Я тоже тебя люблю.

Мила

Как вы хотите это сделать?

Фортинбрас

Пока не знаю.

Мила

(Стоя перед ним голая) И когда?

Фортинбрас

Возможно завтра.

Сцена 4

*Фортинбрас и Грот во главе вооруженных людей врываются в лагерь.
Лизон со своими людьми, как будто ожидает их.*

Лизон

Вы обнажили меч как раз вовремя, принц. Мы должны спешить. На передовые отряды напали поляки.

Фортинбрас

Что, где?

Лизон

Примерно в пяти милях. Между холмами за рекой.

Вик

Они убили воина. *(Показывает лежащий труп Драба I).*

Фортинбрас

Наконец-то. Поехали.

Лизон

Прости меня, принц, я слишком стар для таких походов. Я буду поддерживать вас только правой рукой. *(Указывает на сына).*

Фортинбрас

Я отплачу тебе своей десницей. *(Гроту)* Ты примешь командование лагерем. Ты обеспечишь должную защиту королевскому наместнику.

Лизон

Я сам позабочусь о своей защите.

Гроте

Приказ – обеспечить безопасность королевского наместника.

Лизон

Нам здесь ничего не угрожает.

Фортинбрас

Врага нельзя недооценивать. Ждите вестей от нас. *(Дает знак к выступлению).*

Лизон

(Прощается с сыном) Будь мужествен. И не медли.

Гроте

(Обнимая принца) С Богом, принц.

Фортинбрас

Если только с дьяволом, Гроте.

Гроте

С Богом против дьявола.

Фортинбрас

Да будет тебе *(Выезжает).*

Гроте подходит к лежащему трупу Драба I. Переворачивает его.

Лизон

Что с вами, господин Гроте? Вас не тянет в бой?

Гроте

После того, что я вижу здесь – не совсем.

Лизон

Или солдату просто не хватает мужества?

Гроте

Мне кажется, я знаю этого человека. Мы встречались в лесу под Эльсинором. Странно. Сейчас он должен быть под стражей.

Лизон

Вы больше заботитесь о трупе, чем о собственном достоинстве.

Гроте
Достоинство? И что это за зверь, можно узнать?

Лизон
Действительно, зверь, очень опасный зверь, если у тебя мокрые от страха штаны, когда друзья идут в бой.

Гроте
(смеётся) Они справятся сами, в этом я уверен.

Лизон
Откуда такая уверенность?

Гроте
Из моих мокрых штанов. (Он поворачивается к Лизону спиной). Они действительно мокрые. Глаза вас не подвели. Но подвел слух. Вы ничего не слышали в эту ночь?
Лизон озабоченно молчит.

Гроте
Это роса. Утром я привел второй полк принца. Две тысячи верных ему солдат.

Лизон
Вы лжете!

Гроте
Мое достоинство не позволяет мне лгать.

Лизон
Зачем это войско принцу?

Гроте
Разве вы не знаете? Враг становится все более наглым. Сегодня он напал на наших стражников. Ночью он даже потерял свой меч. Может быть, он заманивает нас в ловушку?

Лизон
Где они находятся?

Гроте
Там. Между холмами. За рекой. В пяти милях отсюда. Они сметут любого противника за час. Даже самого хитрого.

Лизон
Я должен быть там! (Он хочет уйти, но солдаты преграждают ему путь). Что такое? С дороги! Пропустите!

Гроте
Они не пропустят. Таков приказ.

Лизон
Немедленно отмените его.

Гроте

Я не могу. Это приказ принца.

Лизон

Он ответит за это оскорбление перед королем!

Гроте

Зачем так угрожать. Вы должны скорее поблагодарить его, милорд.

Лизон

Слова будут стоять у вас в горле.

Гроте

Здесь скорее речь идет о вашем горле. Надо ли добавлять, что нам все известно?
(*Касается ноги лежащего*) От него, но не только от него.

Лизон

Собака. Он умел только лаять.

Гроте

Но громко и четко. Не поляки должны были ждать принца у реки, а ваши люди.

Лизон

Я ничего об этом не знаю.

Гроте

Скоро мы это узнаем.

Лизон

(*примирительно*) Мне нравится благоразумие, с которым вы выполняете свою задачу. Вы молоды, но не опрометчивы. Я всегда хотел, чтобы мой сын был таким. Вас ожидает большое будущее, если Вы и дальше будете благоразумны.

Гроте

Храни Вас Господь за добрые слова.

Лизон

Королю нужны такие люди, как вы.

Гроте

Королю?

Лизон

Да, королю. При его дворе можно подняться высоко.

Гроте

И чем бы я мог заслужить такую благосклонность?

Лизон

Каждому владыке нужны молодые, жизнестойкие люди.

Гроте

Прежде всего, готовые ко всему, верно?

Лизон

Вы могли бы лучше использовать свой интеллект. Так может говорить каждый второй дурак.

Гроте

Так что давайте раскроем карты. Должен ли я предать принца?

Лизон

Спаси меня. Убежим вместе.

Гроте

Скорее всего, в ад.

Лизон

Я тебя озолочу, сделаю своим преемником. Нет! Не будь глупцом, мальчик. Прояви мужество.

Гроте

Либо мы говорим о чем-то разном, либо ваш язык не похож на мой. Что вы называете мужеством? Что я называю вероломством?

Лизон

Подумай о себе. Что ты можешь получить.

Гроте

Можете ли Вы, господин Лизон, представить себе жизнь без обмана, подлости, преступлений? Вы видите такой мир хотя бы в своих мечтах? А нам он снится, принцу и мне.

Лизон

(Снимает с руки кольцо) Возьми это в залог.

Гроте

Ненужная расточительность. Такие, как вы в нашем сне, предстают перед судом за свои поступки и получают справедливый приговор.

Лизон

Если со мной что-нибудь случится – вы оба умрете. Все здесь умрут. И от грез вы должны проснуться однажды.

Гроте

(Четко проговаривая). Эти солдаты существуют для того, чтобы не дать другим солдатам расправиться с вами по-своему, когда те узнают, какой сюрприз ждет их у реки. Так что я в любом случае спасаю вам жизнь. А это кольцо я могу взять. Это будет еще одна улика против вас.

Лизон

Вы полны высокомерия, молодой человек.

Гроте

Скажем иначе – презрения.

Лизон

Можно легко погибнуть. Политика – это занятие не для детей.

Гроте

Вы слышите? Они возвращаются. Это длилось недолго.

Сцена 5

Входят вооруженные люди. На носилках из веток они несут тела Милы и Вика. За ними следует растерянный Фортинбрас. Лизон бросается к носилкам сына.

Лизон

Он ранен?

Фортинбрас

(Отвечает на немой вопрос Гроте) Это была моя вина. Я не уследил за ней.

Гроте

Но – что произошло?

Фортинбрас

Она висела на белом дереве у реки. Она как будто хотела остановить меня, не дать перебраться на другой берег.

Лизон

(Догоняет Драба II, сбивает его с ног). Что? Как? Скажи мне, или я вырву тебе кишки.

Драб II

Когда господин увидел это, он вместе с лошастью прыгнул в реку. Когда мы его вытащили, он был уже мертв.

Лизон

Проклятие. Он сам себя убил. Дурак. Но почему ты жив, когда он мертв? Почему ты не остановил его?

Драб II

Я не успел.

Гроте

Но откуда ей знать обо всем?

Фортинбрас

Я не знаю. Я больше ничего не знаю. Моя кровь холодеет. Я не могу думать. *(Он внезапно встает, яростно смотрит на Лизона).* Это его рук дело. Я чувствую это кожей. Я покончу с ним. Пусть эта бешеная собака сдохнет!

Гроте

(Не дает) Принц, подождите.

Фортинбрас
Я устал ждать.

Гроте
Будете играть его картами. Вы проиграете все.

Фортинбрас
Тогда я проиграю. Я снесу эту голову одним ударом, пока из нее не вытекут все пустопорожние мысли этого мира.

Гроте
Вы не смоете эту кровь до конца жизни.

Фортинбрас
Уходи, а то и тебе достанется. *(Вынимает меч).*

Гроте не двигается. Меч падает. Фортинбрас опирается на плечо Гроте.

Фортинбрас
Я мертв.

Гроте
(солдатам) А что с остальными?

Франт
Они ушли в лес. Этот труп отнял у них желание сражаться.

Лизон
Злодеи, искушенные в предательстве. Скоро ваши шеи перестанут служить вашим головам. Идем, сын мой. *(Тащит труп Вика).*

Гроте
(Дает знак пропустить его) Дайте ему минуту, чтобы пришел в себя. А потом поймать и заточить. И не спускать с него глаз.

Солдат
А мы?

Гроте
Мы пойдем дальше. Как только принц придет в себя.

Сцена 6

Лизон охраняется Франтом и Солдатом I. Входит Фортинбрас. Он слегка пьян.

Фортинбрас
Как стать злодеем?

Лизон
Это вопрос или просьба о совете?

Фортинбрас

Возможно, и то, и другое.

Лизон

Но тогда и ответ будет не тот.

Фортинбрас

Итак, сначала вопрос.

Лизон

Нужно родиться. Но мы все рождаемся, поэтому это условие легко выполняется. Лучше всего родиться сильным и иметь власть. А если она есть, то хочется сохранить ее любой ценой. Или получить еще больше. Это уже совет.

Фортинбрас

(Франту) Слышал ли ты? Хотелось бы, чтобы ты иногда напоминал мне об этом, брат. Когда его не будет.

Франт

У вас будут другие советчики. И вообще...

Фортинбрас

Мне любопытно, солдат. Что с остальными?

Франт

Такие напоминания нужны только тогда, когда они все равно уже бесполезны, потому что все зашло слишком далеко. Я вам не помогу. А себе я могу навредить. Причем раз и навсегда.

Фортинбрас

Я понял. Ты умный шут.

Франт

Я глупый человек. Если бы у меня было хоть немного мозгов, я бы сейчас спокойно сидел в деревне и тискал какую-нибудь пышногрудую молодую женщину, а не валялся в этой вонючей грязи.

Лизон

Подожди, у тебя и здесь будут молоденькие. Местные, говорят, не хуже наших.

Франт

Я не люблю вдов.

Лизон

С ними трудно сладить. Утешением является то, что это они должны ладить с нами, а не мы с ними.

Фортинбрас

Молчите. Вы уже сказали свое слово.

Лизон

(Падает на колени) Простите меня, принц. Я согрешил по глупости. Я недооценил ваше благоразумие и силу. Вы можете убить меня. Но если нет – позвольте мне служить вам.

Фортинбрас

Мне? Почему не ему или не моей кобыле? Они мудрее меня.

Лизон

Вы будете великим правителем, принц.

Фортинбрас

Вас будет судить королевский суд. Решение уже принято. Вы отправитесь завтра с эскортом.

Лизон

Это смерть для меня. Король не пощадит меня. Он воспользуется случаем.

Фортинбрас

Он примет решение на счет вас. Так же, как вы принимали решение о жизни других. (Франту) Что бы вы сделали на моем месте, советчик?

Франт

Я бы купил его первым. За то, что он действительно стоит. А потом продал бы его за столько, во сколько он сам себя оценивает.

Фортинбрас

Это была бы хорошая сделка. Я просто не знаю, захочет ли кто-нибудь купить. (*Хочет уйти*).

Лизон

Подождите, принц. Мертвый я бесполезен для вас. Живой я могу спасти вас всех.

Фортинбрас

Спасайте себя, если можете. Но не пустыми разговорами.

Лизон

Вас ждет поражение. Мои войска будут преследовать вас.

Фортинбрас

Мы раздавим их, как насекомых.

Лизон

Нет, вы не должны сражаться.

Фортинбрас

Что это значит, разве не этого вы хотели сегодня утром? Вы забыли.

Лизон

Сейчас это не имеет значения. Это было давно.

Фортинбрас

Это было вчера.

Лизон

Согласен – вчера. Но тогда он – он был жив. Позвольте мне кое-что открыть, принц. Сегодня прибыл мой человек из Дании.

Франт

Вернее сказать – шпион. И он скорее приполз, чем приехал.

Лизон

Большой переполох в Дании. Все более странные новости о Гамлете.

Фортинбрас

Гамлет уже давно находится в Англии.

Лизон

(Подает знак – из темноты появляется Джуниор, потрепанный, истощенный). Он не доехал.

Джуниор

Пираты похитили его с корабля, на котором он плыл.

Фортинбрас

Счастливчик. А те двое, что ехали с ним?

Джуниор

Они поплыли дальше.

Фортинбрас

(Хитро смеется) Он перехитрил этих бедных парней. Я мог бы это предсказать.

Франт

А вы не предполагали?

Фортинбрас

Что?

Франт

Вы могли это предсказать или предсказали?

Фортинбрас

(Серьезно) Молчи. Или я отправлю тебя вслед за ними.

Франт

Я бы с удовольствием съездил в Англию. Хотя говорят, что оттуда не возвращаются.

Джуниор

(Подстрекаемый Лизоном) Принц Гамлет все же спасся.

Фортинбрас

Бедняга

Джуниор

Но он сошел с ума.

Фортинбрас

Однако ему повезло. Сумасшедших оставляют в покое.

Лизон

Если они сами спокойны. А он уже продырявил несколько человек.

Джуниор

Он убил свою невесту Офелию.

Фортинбрас

Что вы говорите?

Джуниор

Говорят, что он утопил ее, столкнул в воду.

Фортинбрас

Чушь. Люди несут невероятную чушь. А некоторые сами по себе бредят. Ваше лицо мне знакомо, напомните, откуда.

Лизон

(быстро) Ситуация складывается исключительно благоприятно для нас, принц. Власть короля тоже ослабла. Брат Офелии, Лаэрт, собирает большое войско против Гамлета. Нам стоит лишь поддержать его маленькой суммой, и он поднимет такой шум, что они не смогут оправиться от него. Одним ударом мы сможем сокрушить их, установить контроль над Данией.

Фортинбрас

Басни. Скорее молитесь, чтобы датчане не раздавили вас или не повесили, когда вы будете проходить через их земли. Можно также сыграть призрака, но это опасная роль. Из нее трудно выйти. До свидания.

Лизон

Стой! Ты умрешь, принц.

Фортинбрас

Что скажешь, призрак?

Лизон

Вы все погибнете. Вы молоды, энергичны, вы погибнете сами и погубите других.

Фортинбрас

Что это значит? Говорите!

Лизон

Каждый солдат чуть дальше – чуть ближе от гибели.

Фортинбрас

Чьей?

Лизон

Выгоните этих людей.

Франт выжидающе смотрит на Фортинбраса, но принц жестом приказывает ему остаться.

Фортинбрас

Говорите!

Лизон

Король...

Фортинбрас

(Поспешно отсылает Франта) Что – король?

Лизон

Король отправил вас сюда на погибель. Понимаете ли, вы? Я знаю, что вы не понимаете. Я могу уйти и ничего не говорить вам. Я говорю это потому, что вы неопытны. Как мой сын. Я могу дать вам один совет.

Фортинбрас

(неуверенно) Я не нуждаюсь в ваших советах. Сам себе посоветую не хуже.

Лизон

Не говорите так. Вы еще не знаете, какие ловушки готовит вам судьба!

Фортинбрас

Теперь тебя так зовут – судьба? Хорошее короткое имя.

Лизон

Давайте будем откровенны, Принц. Нам обоим тяжело, но время поджигает. Вы должны отдать приказ об отступлении. Бегите из Польши, потому что здесь с вами ничего хорошего не случится. Это жестокий народ. Они схватят вас и не отпустят.

Фортинбрас

Мы не хуже их.

Лизон

И что? Даже если вы победите – вы ослабнете, вы потеряете людей. На это и рассчитывает король. Именно для этого он послал вас сюда.

Фортинбрас

Откуда такая уверенность?

Лизон

Я бы и сам так поступил на его месте, если бы у меня за спиной был молодой, энергичный племянник. Таковы правила игры.

Фортинбрас

Скорее, преступления.

Лизон

Каждая власть в первую очередь заботится о том, чтобы продолжать быть властью.

Фортинбрас

Я думал, что речь идет о том, чтобы править хорошо.

Лизон

И это тоже. Но учтите, что сначала вы сказали править, а потом только – хорошо. На втором месте – меньшими буквами. Именно в таком порядке это и применяется.

Фортинбрас

Я постараюсь переломить ситуацию. Прежде всего, позвольте мне сказать, что я не приму ваши советы. Я хочу сохранить руки чистыми.

Лизон

Скорее нужно думать о том, чтобы не потерять их.

Фортинбрас

Вы мне угрожаете? Это смешно.

Лизон

Мои полки ушли от преследования. Вам не удастся так легко избавиться от них.

Фортинбрас

Они сдадутся без боя, когда вас не будет рядом.

Лизон

Не верьте в это. В бой их поведет кто-то другой.

Фортинбрас

Кто?

Лизон

Вы не знаете всех своих врагов. Некоторые из них даже считаются друзьями.

Фортинбрас

Ложь.

Лизон

Вы думаете, у короля нет здесь своих людей?

Фортинбрас

Я просто трачу слова на одного из них.

Лизон

Вы не тратите впустую. Вы делаете умную вещь – вы слушаете. И пусть к этому слушанию вы добавите самое мудрое слово – отступление.

Фортинбрас

Я вам не верю.

Лизон

Я тоже хочу сохранить свою голову. И только вместе нам это удастся.

Фортинбрас

Отступление. А что дальше?

Лизон

Мы захватим Данию. Считайте, что мы сделаем доброе дело. Мы свергнем братоубийцу с престола.

Фортинбрас

Может быть, Гамлет уже правит.

Лизон

Правит дядя.

Фортинбрас

Я бы не хотел обидеть Гамлета.

Лизон

Этого и не нужно. Он будет вашим верным вассалом. Если, конечно, он еще жив. А потом мы займемся страной. Народ поддержит вас, принц. Им надоело неумелое правление короля.

Фортинбрас

Не получится.

Лизон

Почему?

Фортинбрас

Для этого нужны средства, деньги.

Лизон

У меня есть влиятельные друзья при английском дворе.

Фортинбрас

Английском?

Лизон

Помощь нужно принимать даже от дьявола. Так что?

Фортинбрас

Нет.

Лизон

(Подходит к Фортинбрасу, понижает голос) Я не причастен к ее смерти. Клянусь.

Фортинбрас

Я должен вам верить?

Лизон

Верьте. Вы точно не пожалеете.

Фортинбрас

Кого вы имели в виду? Кто это?

Лизон

Кто?

Фортинбрас

Кто меня предал?

Лизон

Вскоре вы убедитесь в этом сами.

Фортинбрас

Вы, вероятно, дьявол.

Лизон

Я хочу помочь вам.

Фортинбрас

Для меня или для себя?

Лизон

Я возложу на вашу голову корону.

Фортинбрас

Возможно, из грязи.

Лизон

Если не прикажете повернуть назад, то будет из грязи.

Фортинбрас

(Истерично) Нет, вы слышите? Нет, нет и нет.

Акт III

Сцена 1

На высоком дереве висит Джуниор. Входят Гроте, Франт и солдаты.

Гроте

Минутный привал. Установите знак для основных сил.

Франт

Может быть, лучше прикрепить его к дереву, потому что в этих болотах земля любит двигаться.

Гроте кивает в знак согласия. Франт и Солдат I подходят к дереву.

Солдат I

Чертов туман. Уже неделю он сопровождает нас.

Франт ударяется о ствол дерева, пробуждая Джуниора от обморока.

Джуниор

Люди, помогите!

Гроте

Спокойствие. Кто вы?

Джуниор

Мужчина, господин.

Франт

Это актер. Принц Гамлет, брат девицы.

Гроте

Как вы туда попали?

Джуниор

Я не знаю. Я знаю только, что не могу спуститься.

Франт

Вы так же напуганы, как и мы только что?

Джуниор

Нет. Что-то держит меня сзади.

Гроте

(к солдатам) Опустите его. Но как он попал сюда раньше нас?

Франт

Я видел его в лагере два дня назад.

Гроте

Как он нас опередил? Ведь мы – передовой отряд.

Джуниора спускают с дерева, и он от слабости падает на землю. На его спине закреплена веревка.

Гроте

Хотел ли ты повеситься, Гамлет? Значит, правда, что Дания становится все слабее и слабее?

Джуниор

Я не знаю. Я ничего не помню.

Драб II

Это дьявольское дело. У него на лице сера. Его нужно зарыть раз и навсегда.
(Собирается это сделать).

Гроте

Стой! Ты что, с ума сошел? Он пьян и все.

Джуниор

Я немного выпил.

Гроте

И тебе захотелось полезть на дерево?

Джуниор

Очнулся я на дереве.

Франт

Но как ты опередил нас, брат? Мы два дня неслись галопом, а ты спокойно сидишь перед нами?

Джуниор не знает, что ответить. Франт уходит в глубину сцены.

Солдат II

Наверное, кто-то послал его на поиски. Один раз он уже догнал нас на дороге, значит, и сейчас мог догнать.

Гроте

Ты служишь Лизону?

Джуниор

Я служу тому, кому должен служить.

Гроте

А кто, по-твоему, помог твоей сестре умереть?

Джуниор

Мне кажется, я вас не знаю, сударь.

Гроте

Правду ли говорят, что Гамлет сошел с ума, что трон шатается?

Джуниор

Правда.

Драб II

Я впервые вижу парня, который знает правду.

Гроте

Почему они послали тебя сюда?

Джуниор

Меня никто не посылал. Я ничего не знаю.

Драб II

Он дурак. Он еще не протрезвел.

Солдат I

Кто-то хотел убить тебя, неужели ты не понимаешь? Ты не повесился бы сам на этом дереве. Если бы не мы, ты бы гнил здесь годами.

Джуниор только сейчас по-настоящему испугался.

Джуниор

Они хотели меня убить. Мама! *(Он хочет бежать, но ноги подкашиваются под ним. Его ловит Драб II).*

Драб II

Кто? Ты их знаешь?

Джуниор

Я не знаю. Нет.

Гроте

Не бойся, со мной ты можешь не бояться.

Джуниор

К воронам попал – по-вороньи каркай.

Солдат II

На дереве он притворился вороном.

Драб II

(кричит) Помогите! Люди!

Франт

(прибегает) Ребята, слушайте. Он нас не опередил.

Гроте

Это как это?

Франт

Он ждал нас. Вернее, дождался. Мы были здесь два дня назад. Там остались следы лагеря.

Гроте

Что? *(Он убегает вперед, через некоторое время возвращается, яростно бросается на Драба II).* Как ты едешь, дурак! Мы вернулись на то же место из-за твоей глупости. Я тебя разжалую, я тебя отдам под суд.

Драб II

(спокойно) Нет, господин.

Гроте

Да, ты не заслуживаешь ничего другого.

Драб II

Нет. Это приказ принца.

Гроте

О чем ты говоришь? О каком принце?

Драб II

О принце Фортинбрасе. Он велел отступить.

Гроте
Ложь.

Драб II
Зачем мне врать. Мы возвращаемся на родину.

Гроте
На родину? Ради бога, почему? Что все это должно означать?

Сцена 2

Фортинбрас, Гроте, Лизон.

Фортинбрас
(смеется) Зачем? Я хотел увидеть выражение твоего лица, когда ты это поймешь. Но я не думал, что это будет что-то настолько мрачное.

Гроте
А если серьезно, принц?

Фортинбрас
Мы поворачиваем назад. Этот поход бессмыслен. Ни добычи, ни славы мы здесь не получим. Но мы можем многое потерять. Даже жизнь.

Лизон
Мы едем в Данию, молодой господин.

Гроте
В Данию? *(К Фортинбрасу)* Хотите помочь Гамлету?

Фортинбрас
(Неуверенно) Я хотел бы.

Лизон
Кстати, принц. Вы должны быстро послать деньги Лаэрту. Пусть он соберет против Гамлета как можно больше людей. О деньгах не беспокойтесь. У меня еще есть некоторый запас из королевской шкатулки. Об остальном позаботится английский посланник.

Фортинбрас
(к Гроту) Видишь ли, все не так просто. Я еще не знаю, что мне делать.

Гроте
Я понимаю. Вы хотите захватить Данию.

Лизон
Мы хотим помочь датчанам справиться с кризисом.

Гроте
Они не просят об этом.

Лизон

До нас дошли сведения, что в стране царит анархия.

Гроте

Это их дело.

Лизон

Они хотят видеть Фортинбраса королем. И наши тоже. Если они просят нас о помощи, мы не можем отказать.

Гроте

А если они не подчинятся?

Лизон

Они подчинятся. Будьте спокойны. Если мы этого хотим, конечно. А если нам не понравится план, что ж, мы выберем другой. Во время марша против нас вспыхнет бунт. Придется отвечать в полную силу и жестко.

Гроте

(к Фортинбрасу) Это правда?

Фортинбрас

У меня были такие предложения. В настоящее время я их рассматриваю. Я хотел обратиться к тебе за советом.

Гроте

Хотите мой совет? Овладейте своим воображением, потому что оно становится вашим врагом. Это дорога в бездну, которой вы так опасались.

Лизон

(иронически) Вам нравится, принц, такая невинность?

Неожиданно вбегает Драб II с Даной на плечах. Они быстро отступают.

Фортинбрас

Действительно, Гроте, ты ведешь себя несколько по-детски.

Гроте

Потому что я вижу сводника рядом

Лизон

Ты слишком смел, парень. Я прощаю тебе только потому, что у нас есть дела поважнее.

Фортинбрас

(примирительно) Не спорьте, господа. Вместе мы должны что-то сделать. Иначе мы будем вечно стоять в этой грязи. Продолжаем путь. Обиды должны быть забыты.

Гроте

А идеалы?

Лизон

Идеалы живут не дольше нас самих.

Гроте

Часто гораздо меньше.

По принуждению принца они пожимают друг другу руки. Лизон хватается его за руку.

Лизон

Ай, какой острый человек. Я порезал себе руку.

Гроте

Довольно неудачная актерская попытка.

Лизон

И хорошо. Я всегда предпочитал быть режиссером, а не актером. Но это настоящая кровь.

Фортинбрас

Каким образом?

Лизон

Это кольцо. Опасный экземпляр.

Гроте

Не было необходимости так сильно сжимать.

Фортинбрас

Прекрасно. Я не видел его у тебя раньше.

Гроте

Потому что я его не носил. Это отдельная история. Я как раз хотел...

Лизон

(быстро) Действительно, красиво. Очень похожее кольцо принадлежало когда-то герцогу Норфолку, моему английскому другу. Он хотел убежать от нас, но его предали. На корабле, на котором он должен был плыть, его ждали люди короля. Он не успел даже вытащить меч.

Гроте

Что это значит?

Лизон

Ничего не значит. Я пойду и подготовлю приказ, если принц мне позволит.

Лизон уходит.

Сцена 3

Фортинбрас

Ты стал очень раздражительным. Я не люблю драки. И еще больше их не любит мой мочево́й пузырь. *(Прячется за дерево).*

Гроте

Я вас не понимаю. Что случилось? Почему вы стали верить этому старому мошеннику?

Фортинбрас

Пусть он будет мошенником, лишь бы его сообразительность помогла нам. И я верю ему не больше, чем ты.

Гроте

Слабое утешение для меня. Вы изменились, принц.

Фортинбрас

Что ты сказал? *(Он выходит из-за дерева. Застегивает брюки).*

Гроте

Вы изменились *(Хочет обнять Фортинбраса).*

Фортинбрас

(ускользает) Я должен измениться. Мир тоже не стоит на месте, и еще недавно он двигался с такой скоростью, что мог упасть нам на голову. Я знаю все, что ты хочешь сказать. Я изменился, ты прав. Но я должен. Я должен быть жестким сейчас, может быть, даже бессердечным, чтобы мы могли дожить до того времени, когда я стану мягким и добрым. Ты понимаешь это?

Гроте

Я понимаю. Но берегитесь. За благие намерения держится дьявол. Я знаю одного, который ждет не дождется этого момента.

Фортинбрас

Лизон? Ерунда. Я устрою ему взбучку, как только мы выберемся отсюда.

Гроте

Он будет крепко за нас держаться.

Фортинбрас

(смеется) Мы отдерем его чем-нибудь острым.

Гроте

Он останется на руках.

Фортинбрас

Мы помоем руки в чистой воде. Как Пилат, пусть так и будет. Но я забуду об этом, когда начну править. Все будет так, как мы мечтали, Гроте, – мы поднимем страну, дадим людям мир и процветание. Я буду ломать себе руки, чтобы это сделать. Но сейчас я готов перерезать вены тем, кто хочет мне в этом помешать.

Гроте

(иронически) И в одиночку вы не справитесь. У вас должен быть надежный отряд телохранителей, готовых ко всему.

Фортинбрас

(серьезно) Ты прав.

Гроте

На убийство, шантаж, мошенничество.

Фортинбрас

(сердито) Ты позволяешь себе слишком много.

Гроте

Я знаю, но, возможно, никто вам этого не скажет. Из-за страха за свои вены. Почувствовав вкус неограниченной власти, вы уже не откажетесь от нее, она поглотит вас раз и навсегда. Сколько из тех, кто сейчас угнетает людей по всему миру и использует все свои силы для поддержания своего правления, когда-то думали так же. Даже ваш дядя.

Фортинбрас

Он – нет. Он уже родился хитрым стариком. Но гори он в аду. Мне не нравится то, что ты говоришь. Может быть, это правда, что у всех негодяев когда-то были добрые намерения. Но я не подлец. У меня должно получиться. Я знаю, чего надо остерегаться – это самое главное. Но это потом. А пока надо действовать по-другому – хитростью, силой. Как советует Лизон. Ты что, молчишь? Не веришь мне? Думаешь, я забыл про наши идеалы? Тогда позволь мне сказать еще кое-что. Я не буду цепляться за трон. Я дам себе пять лет, не больше. Потом я покажу всем, как король уходит. Что ты на это скажешь?

Гроте

Я удивлен.

Фортинбрас

Ты не веришь мне. Ты не веришь в меня. Это грех, Гроте, тяжкий грех против нашей дружбы. А что будет, если я перестану тебе верить?

Гроте

Я не заслужил этих слов.

Фортинбрас

Знаешь, что я собираюсь делать после этих пяти лет? Я уеду в Англию. Наконец-то я это сделаю. Чтобы не раздражать нового короля своим присутствием. Ты сможешь мне организовать это.

Гроте

Конечно.

Фортинбрас

Естественно, в тайне, конфиденциально, чтобы не стать похожим на герцога Норфолка.

Гроте

Зачем вы про это говорите, принц?

Фортинбрас

Действительно, зачем? В конце концов, я не знаю, как погиб герцог Норфолк. Зарубили ли его мечом или топором? Или, может быть, прибили копьём к борту корабля? Или подвесили за яйца к мачте? Что ты думаешь, мой друг? Что бы ты выбрал для меня: голову или яйца?

Гроте

Если вы хотите меня оскорбить – оскорбляйте. Я не знаю, что с вами случилось?

Фортинбрас

Лизон знал все о нашем побеге в Англию.

Гроте

Не от меня.

Фортинбрас

Только мы двое знали правду.

Гроте

Я никому ничего не говорил, клянусь.

Фортинбрас

Значит, это я. Ты думаешь, я бы поставил на кон свою жизнь. Все-таки люди Лизона собирались меня убить.

Гроте

Не знаю. Это какая-то интрига.

Фортинбрас

Несомненно, только чья?

Гроте

Он хочет разделить нас. Настроить нас друг против друга.

Фортинбрас

(резко меняет интонацию) Значит, это не ты. Извини. Мне пришлось подвергнуть тебя испытанию *(обнимает Гроте)* Вижу, ты напугался.

Гроте

Зачем это было нужно, принц?

Фортинбрас

Я не знаю, я действительно не знаю. Я явно не контролирую себя. Протяни руку в знак согласия. И давай забудем обо всем, хорошо? Я ненавижу насилие так же, как и ты. Но не спорь со мной больше. Я знаю, что я делаю и зачем.

Гроте

Вот почему...

Фортинбрас

Что?

Гроте

Поэтому вы отделили меня от полка?

Фортинбрас

Кто тебя отделил! Я хочу, чтобы ты был со мной. А полк был нужен в тылу. Вот и все.

Гроте

И все же я хотел бы вернуться к своим солдатам.

Фортинбрас

Об этом мы поговорим позже. А сейчас иди проверь посты. Скоро будет жарко. А это кольцо... Отдай его первой встречной шлюхе. Так оно будет служить тебе лучше.

Гроге хочет еще что-то сказать, но сдается – уходит. Фортинбрас подает знак Драбу II.

Фортинбрас

Держи ухо востро. Что он делает – с кем разговаривает. Если он захочет сбежать из лагеря – поймать.

Сцена 4

Джуниор бежит по лесу, за ним – запыхавшийся Гроге.

Гроге

(останавливается) Подождите. Я запыхался. Где вы спрятали лошадей?

Джуниор

Это уже недалеко, сударь. За теми деревьями.

Гроге

Хорошо ли Вы знаете дорогу?

Джуниор

На днях я прошел этим путем.

Гроге

Через несколько часов мы вернемся сюда. И не одни. Ну что ж, тогда – вперед.

Они уходят, но тут же наталкиваются на группу вооруженных людей, среди которых Фортинбрас и Лизон.

Фортинбрас

Что такое, ты куда-то едешь?

Лизон

Теперь вы видите, принц, что я говорил правду.

Гроге

(Яростно бросается на Джуниора) Ты, злодей?

Джуниор

Простите меня, сударь. Я должен был.

Фортинбрас

Куда ты шел, мой друг? Кого предупредить? Гамлета или короля?

Гроге

Я хотел предупредить вас.

Фортинбрас

Что вы скажете?

Гроте

Я хотел помочь вам.

Лизон

Сомневаюсь, что одного полка будет достаточно.

Гроте

Чтобы убить тебя, это точно.

Драб II

(держит Гроте) Что с ним делать?

Лизон

Отведите его в лагерь. Принц будет судить его завтра.

Фортинбрас

(неопределенно) Да. Пусть будет так.

Лизон

(конфиденциально Драбу II) Поместите его в одну из палаток и хорошо за ним следите. И следите, чтобы его солдаты ни о чем не узнали. А потом приходите ко мне. В любом случае, нет – я приду сам.

Драб II

А этот? *(Показывает на Джуниора)*.

Лизон

Машет рукой.

Джуниор

Вы обещали, сэр, я сделал то, что вы хотели.

Лизон

Правда – я тебе кое-что должен. *(аплодисменты)* Ты был очень убедителен в роли беглеца. Может быть, даже слишком. Ты мог бы привыкнуть к этой роли. Вперед!

Джуниор

Для чего все это? За что вы меня преследуете? Что вы сделали с моим отцом?

Лизон

(иронично) Я ничего об этом не знаю.

Фортинбрас

(останавливает Гроте) Зачем ты это сделал, дурак?

Гроте

Зачем ты это делаешь, дурак?

Фортинбрас дает пощечину Гроту. Тот уходит вперед. Фортинбрас идет своей дорогой.

Фортинбрас

Ты предал меня. Не в первый раз.

Гроте

Я не обманывал.

Фортинбрас

Ты выдал наш побег королю. А теперь ты хотел предупредить Гамлета.

Гроте

(тихо) Нет.

Фортинбрас

Да, Гроте, не отрицай.

Гроте

Я не скажу больше ни слова. Я буду молчать, если вы мне не верите.

Фортинбрас

(кричит) Ты хотел выдать меня королю. Ты предал нас!

Гроте молчит. Драб II вопросительно смотрит на Лизона, тот кивает. Он выводит Гроте.

Сцена 5

В той же комнате, где был заключен Лизон. Драб II наблюдает за Гроте.

Гроте

Это вы, принц? Говорите громче. Я знаю, что это вы.

Вспыхивает свет факела. Его держит Лизон

Гроте

Я буду говорить только с принцем.

Лизон

При твоём несомненном интеллекте ты немного зануда, парень. То ты хочешь говорить с ним, то нет. Что касается меня, то не бойся. У меня нет намерения разговаривать с тобой. Я сам не знаю, зачем я сюда пришел. Мне тебя жалко, проще говоря. Ты понимаешь, что тебя ждет за предательство. Ничего не ждет. Потому что то, где ты оказался – это не что иное, как большое и безвозвратное ничто. Жалко тебя за такое будущее. Ты все еще думаешь, что принц спасет тебя от смерти? Он уже не верит тебе.

Гроте

Уходи, ворон.

Лизон

Ворон? Жаль, что ты не лис. У тебя было бы больше шансов в этой игре.

Гроте
Для чего?

Лизон
Чтобы спасти свою голову. Я все еще могу что-то сделать для тебя. Завтра ты во всем признаешься.

Гроте отрицательно качает головой.

Лизон
Да, и я добьюсь помилования у принца. Ты будешь в немилости у Фортинбраса некоторое время, но сохранишь свою жизнь.

Гроте
Какая плата за это?

Лизон
Что ж, я рассчитываю на твое воображение.

Гроте
В смысле?

Лизон
Ты будешь наказан за предательство, которого не совершал. Природа не терпит дисбаланса. Ты должен наполнить это наказание содержанием, придать ему предмет. Ты понимаешь?

Гроте
(колеблясь) Да. Но говорите яснее.

Лизон
Может быть... Может быть, мы выдадим принца датчанам, например. Они будут нам благодарны и не откажут в войске, с помощью которого мы двинемся домой. На короля. Мы захватим трон. Может быть, я сделаю тебя своим преемником. Или даже зятем.

Гроте
(с ужасом) Не верю.

Лизон
Почему бы и нет. Ты мне нравишься больше, чем принц. По рождению ты почти равен ему, а по талантам превосходишь его. И что? Выбирай – со мной или против меня.

Гроте
Я не предаю принца.

Лизон
Не повезло, я дал тебе последний шанс.

Он дает команду Драбу II, который накидывает петлю на шею Гроту.

Гроте
Что это значит? Принц все узнает!

Лизон

(Повторяет знак, затыкает рот Гроту) Прости, но ты меня подвел, мальчик. Я хотел посмотреть, что у тебя внутри. Сможешь ли ты спасти жизнь, пусть и дорогой ценой. Ты не можешь, ты не хочешь. Поэтому ты должен умереть. Из-за таких, как ты, декламирующих с закрытыми глазами о чести, добродетели и правах, может произойти много зла. Теперь ты знаешь слишком много и не можешь осторожно обращаться с правдой. Ты не оставишь принца в покое. Ты будешь сталкивать его со мной и с тем, что внутри него толкает его ко мне. Ты все равно умрешь, но после тяжелейшей борьбы, в которой могут погибнуть многие. В том числе и те, кто верил в тебя и хотел служить тебе. Теперь ты останешься один, как и подобает герою. Или дураку. Если только...

На мгновение отпускает Гроте.

Гроте

(тихо) Нет.

Лизон

Как пожелаешь. Я уйду. До свидания.

Гроте

Подождите. Скажите мне хотя бы одну вещь.

Лизон

Я слушаю. Но только на секунду.

Гроте

Кто же тогда предал принца? Тот, с кем я собирался бежать?

Лизон

(смеется) Что значит кто? Ты, ты предал его. *(Резким движением гасит свет).*

Гроте

Нет!

Крик отчаяния переходит в крик боли, слышен стон и, наконец, стук щуплого тела.

Сцена 6

Франт преследует Дану.

Франт

Подожди, подожди, я открою тебе один секрет. У меня от этого язык чешется.

Дана

Я уже знаю, чего жаждет твой язык.

Франт

О, как чешется.

Дана
Так укуси его.

Франт
Было бы жаль. Я бы тебе тогда был не нужен.

Дана
Ты мне все равно не нужен.

Франт
Я в это не верю. Хотя, раз уж ты общаешься с этим болваном Лизоном...

Дана
Тебе не нравятся болваны. Кем ты себя считаешь?

Франт
Ты мне нравишься. Пойдем, я докажу тебе это.

Они перекапываются по земле. Дана садится на Франта, замечает рядом с ними вырытую яму.

Дана
Что это такое?

Франт
Где?

Дана
Там.

Франт
Ничего.

Дана
Это могила.

Франт
Дно. Обычное дно.

Дана встает, подходит к яме.

Дана
Для кого предназначена эта яма?

Франт
На мой взгляд, ни для кого.

Дана
Кто-то здесь, наверное, собирается лечь?

Франт
Именно что никто.

Дана

Никто, кто был кем-то?

Франт

Я тоже так думал. Но нет.

Дана

Ты надоел мне с этими загадками (*хочет уйти*).

Франт

Подожди, милая. Ты слышала, что случилось с господином Гроте? Они собираются похоронить его здесь.

Дана

Он умер?

Франт

Об этом, похоже, знают только черти. Они говорят, что его укусила гадюка, и он умер. Но говорят также – только это секрет – что он сбежал.

Дана

До сих пор ты был смешон, но не глуп. Все это не сходится, в конце концов....

Франт

И, конечно же, он этого не сделал. Один раз он убежал, но его поймали. И в ту ночь он снова убежал.

Дана

Если бы он сбежал, кого бы они хоронили?

Франт

Вот этот узел. (*Он кладет ее руку себе между ног*).

Дана

Смотря для чего. Отпусти – кто-то идет.

Франт крепко хватает ее, они борются, теряют равновесие и падают в яму. Входят Фортинбрас и Лизон.

Сцена 7

Фортинбрас

Там?

Лизон

Вы будете говорить над могилой. Мы не должны ничем пренебрегать.

Фортинбрас

Нет, не знаю.

Лизон

Научитесь контролировать себя. Мы не должны раскрыть его предательство. Солдаты должны поверить, что он погиб. Иначе они начнут бежать, как он, бунтовать, восставать. Лучше иметь героя в могиле, чем мятежника за спиной.

Фортинбрас

Но, в конце концов, он жив, он сбежал. *(Ждет подтверждения от Лизона).*

Лизон

Живой, живой.

Фортинбрас

Когда-нибудь он все равно появится.

Лизон

Мы будем далеко отсюда. Дания будет у наших ног. Нам больше ничто не будет угрожать.

Фортинбрас

(Почти с радостью) Ты недооценил Гроте. Он дважды ускользнул от охраны. И все же он заставил нас разыграть эту комедию. *(С неожиданной серьезностью)*. Я все ему прошу, слышишь?

Лизон

Все будет так, как вы прикажете, принц. А теперь пойдемте возглавим шествие. Из пней и травы удалось собрать вполне добротный труп. Завернутые в саван, они будут выглядеть как настоящий труп.

Они выходят на улицу.

Сцена 8

Франт высовывается из-под земли.

Франт

Ты видишь, что я был прав. В этой яме никто не будет похоронен. Камни и пни в форме и подобию господина Гроте. Созданный из праха в камень обратится.

Дана

Понимаешь ли ты что-нибудь из этого?

Франт

Я догадываюсь, но лучше не понимать. Тебе тоже лучше забыть то, что ты здесь слышала.

Дана

Ты уже советовал мне это сделать *(смеется)*, Балбес.

Франт

(встревоженно) Ты слушала тогда, я думаю?

Дана

Вероятно. *(Садится на край ямы).*

Франт

Нет?

Дана

Занимайся своими делами.

Франт

Ты кому-нибудь рассказывала?

Дана

Какая тебе разница, дурачок! Отпусти.

Они борются. Дана кусает Франта за руку и убегает.

Франт

Стерва. Как я теперь буду застегивать молнию?

Сцена 9

Входит похоронная процессия. Во главе ее – Лизон с Фортинбрасом.

Фортинбрас

Он... *(больше не может говорить. Лизон заменяет его).*

Лизон

Пусть четыре офицера по военному обычаю несут тело Гроте. Возможно, он стал бы великим рыцарем, если бы судьба предоставила ему такую возможность. Поднимите тело. На поле боя это радостное зрелище, а здесь – жалкое.

Солдаты несут завернутый в мешковину труп, опускают его в могилу и быстро поднимаются обратно. Фортинбрас, опираясь на меч, задумчиво стоит на коленях.

Лизон

Принц, пора идти.

Фортинбрас

Уходите.

Лизон

Мы будем ждать у лошадей.

Они уходят. Фортинбрас остается один.

Сцена 10

Фортинбрас

Я не верю! Не верю! *(Внезапным отчаянным движением он вонзает меч в могилу. Он с ужасом смотрит на залитый кровью клинок).* Боже, это невозможно! *(Он падает на колени, обхватывает могилу руками).*

К нему приближается Франт, до этого скрывающийся за деревьями.

Франт
Принц...

Фортинбрас
Ты идешь убивать меня?

Франт
Нет, я просто хотел...

Фортинбрас
(Вручает ему меч) Тогда сделай это. Ты окажешь мне услугу.

Франт берет меч левой, неповрежденной рукой, но не знает, что с ним делать. Фортинбрас не узнает его.

Фортинбрас
А, это ты? Что тебе нужно?

Франт
Он не изменял. Я это хотел сказать.

Фортинбрас
Я уже знаю. Почему я не позволил ему сбежать тогда? Почему я не убежал вместе с ним? Ты знаешь, кто его убил?

Франт
Нет, принц. Но я знаю, кто от этого выиграл.

Фортинбрас
Они думают, что я уже у них в руках, что они меня поймали, что я буду им подчиняться. Они говорят мне "мы". Они говорят "мы будем", они говорят "мы должны". А я – это "я", и я ничего не буду делать, и я ничего не должен делать. Я не хочу править вместе с ними. Понимаешь? Я убегу, я спрячусь в мышиную нору, я уеду за границу. А сначала смою с рук грязь и кровь. Я отдам убийц Гроде под суд, как только мы выберемся отсюда. Власть – самая страшная в мире шлюха. Я не буду иметь с ней дела. Ты веришь мне, парень?

Франт
(уклончиво) Я не знаю о власти. Что касается шлюх...

Фортинбрас
Веришь ли ты? Верь!

Франт
Я верю. Кто-то же должен вам верить, в конце концов.

Эпилог

Зал замка в Эльсиноре. Сразу после смерти Гамлета. Входит принц Фортинбрас. Английские послы и солдаты. Рядом с первым послом – Лизон. Здесь же Франт и Нестор.

Фортинбрас

Дайте мне увидеть своими глазами.

Гораций

Что бы Вы хотели увидеть?
Если страдания или чудеса –
Не смотрите дальше, принц.

Первый посол

Ужасное зрелище!
Наши вести из Англии опоздали. Тот, кто должен был их услышать, погиб....
Кто отблагодарит нас, если мы скажем, что приказ был выполнен – что Розенкранц и Гильденстерн мертвы?

Гораций

Эти уста не отблагодарят, даже если бы могли.
Не они отправили этих людей на смерть.
Но раз уж вам пришлось приехать в такое проклятое время из Англии,
Поспеть с войны с поляками, господа – отдайте приказ,
Чтобы эти тела были на виду у всех подняты высоко.
И я расскажу незнающему миру, как это произошло.
Вы узнаете, господа, о кровавых делах,
О поступках, жестоких и бесчеловечных,
О случайных убийствах, о прихотях случая.
Смертях, подстроенных хитростью,
Наконец, о планах, господа, которые рухнули
На головы тех, кто их создавал.
Я расскажу вам обо всем.

Фортинбрас

Я бы хотел это услышать.
Созывайте знатнейших.
Я, сожалея, приму свою судьбу.
У меня есть права на это царство,
Я должен заявить о них.

Франт замечает Нестора. Он подходит к нему. Нестор беспомощно открывает рот – у него вырван язык.

Гораций

И об этом я должен сказать,
Передав слова того, кто больше не будет говорить.
Поспешить придется, пока умы людей взбудоражены,
Чтобы предотвратить ошибки, смуты и бедствия.

Фортинбрас

Сначала нерешительно, потом, увидев, что к нему приближаются Лизон и Драр II, все смелее и смелее.

Пусть четыре офицера как воина Гамлета несут.
Он был бы великим королем,
Если бы судьба привела его на датский престол!

Пусть музыка и бранные обряды гремят о его кончине,
И пусть пушки говорят о нем.
Поднимите тело.
Это пристойное зрелище на бранном поле.
Но здесь – тягостное.
Солдаты – залп!

Конец

**ОПЫТ ХУДОЖЕСТВЕННОГО
ПЕРЕВОДА В ДОНБАССЕ**

**Материалы конкурса «Мои первые переводы»
(Донецк, ДНР, 2024)**

Amy Lowell (1874-1925). Opal

You are ice and fire,
The touch of you burns my hands like snow.
You are cold and flame.
You are the crimson of amaryllis,
The silver of moon-touched magnolias.
When I am with you,
My heart is a frozen pond
Gleaming with agitated torches.

Эми Лоуэлл (1874-1925). Опал

Ты огонь и лёд,
Мои руки, как снегом, твоё касание жжёт.
Ты холод и искра
Ты малиновый цвет амариллиса,
В серебряном цвету магнолия.
Когда с тобою я,
Моё сердце – как вода замёрзшая,
От зажжённых факелов блестящая.

*Перевод Камелии Крохмалевой (kameliakrohmaleva@gmail.com), ученицы 9 класса
МБОУ Школы № 78, Донецк*

***

Ты льдинка да огонёк,
Прикосновения к тебе палят рученьки мои, подобно снегу.
Ты холодна да горяча,
Ты — оттенок багрянцев в амариллисе,
Сребро магнолий, тронутых царицею ночи.
Когда я с тобой,
Моя душа – замёрзший пруд,
Мерцающий в свете взволнованных светочей.

*Перевод-стилизация Никиты Лепского (lepskiynikita33@gmail.com), ученика 10
класса ГУ ЛНР «ЛОУСШ № 57 имени Г. С. Петрова», Луганск*

***

Ты – лед и трепещущий огонь,
Руки снегом обожгло прикосновение к тебе.
Ты – холод и буйный пламень,
Цветов багрянец, магнолии лунные в серебре.
С тобой мое сердце замерзает,
Словно заледеневший пруд
Взволнованными факелами мерцает.

Перевод Натальи Муц (mutsnatv@mail.ru), ученицы 9 класса ГБОУ «Геническая школа №3 Генического муниципального округа», Геническ

***

Ты лёд и пламя,
Прикосновенье твоё обжигает мне руки как снег.
Ты холод и страсть.
Ты багрец амариллиса,
Серебро магнолий, чуть тронутых луной.
Когда я с тобой —
Сердце мое как студёный пруд
В отражении света мерцающих факелов.

Перевод Софии Ляпкиной (lyapkinasofia@gmail.com), ученицы 11-АФ класса Многопрофильного лицея-интерната ФГБОУ ВО «ДонГУ», Донецк

***

Ты – лед и пламя.
Твое касание, как снег, жжет руки мне.
Ты хлад и жар,
Цвет амариллиса в огне,
Цвет серебра магнолий, тронутых луной.
В то время, когда я взволнована тобой,
Мое сердце – пруд замерзший, ледяной,
Мерцающий в свете факела волной.

Перевод Софии Шевченко (sonyasevchik@mail.ru), ученицы 9-А класса школы № 40, Луганск

***

Ты как лёд и огонь
Твоё прикосновение обжигает,
Словно снег, мою ладонь.
Ты холод и свет
Ты амариллиса багровый цвет.
Ты серебро магнолий, тронутых луной.
Когда я рядом нахожусь с тобой,
Сердце мое, как пруд заледенелый,
Огнями пробуждёнными блестит.

Перевод Дарьи Кузавы (darakuzavashka@gmail.com), ученицы ГУ ЛНР ЛУВК «Новое поколение», Луганск

***

Ты — огонь и лёд,
Потому, когда пытаюсь прикоснуться я к тебе,
Ты обжигает мои пальцы,
Словно снег.
Ты — лёд и пламя.
Как амариллис багряный,
Серебро магнолий, тронутых луной.
И потому, когда я рядом с тобой,
Моё сердце – замёрзшее озеро,
Где пылает факел души встревоженно.

*Перевод Анны Сибилевой (sibilevanna23@gmail.com), ученицы 11 класса МБОУ
«Средняя школа № 50», Макеевка*

***

Ты лёд и огонь,
Твои прикосновения жгут, словно снег,
Ты холод и пламя.
Словно багровый цвет амариллиса;
Ты серебро магнолий, укрытых лунным светом.
Когда я с тобой
Моё сердце – пруд подо льдом,
Отражающий свет взволнованных факелов.

*Перевод Виктории Милейко (vika.mileyko07@mail.ru), ученицы гимназии
«Интеллект», Горловка*

***

Ты – лёд, ты – огонь
Прикосновения твои обжигают, как снег.
Ты – холод, ты – жар.
Ты – амариллиса алого цвет,
Лунных магнолий серебро.
Когда я с тобой,
Сердце моё – замёрзшее озеро,
Мерцающее в свете дрожащих фонарей.

*Перевод Софьи Даниловой (danilovasophiya@mail.ru), ученицы 11 класса МБОУ
«Средняя школа № 50», Макеевка, в настоящее время студентки факультета
иностраных языков Донецкого государственного университета*

***

Ты – лёд и огонь,
Касание твоё обжигает мою ладонь.
Ты – холод и пламя.
Словно амариллис малиновый,
Или цветок магнолии, луной поцелованный.
Когда я с тобой,
Сердце моё – пруд, льдом укрытый,
Подсвеченный фонарями забытыми.

*Перевод Дианы Юськовой (murkotak@gmail.com, lugnovpokolenie@schlnr.ru),
ученицы 9 класса ГУ ЛНР «ЛУВК «Новое поколение», Луганск*

***

Ты огонь и лёд,
Коснусь лишь ладонью – и снег меня обожжёт.
Ты пламя и холод.
Амариллисов багряный цвет,
Коснувшийся серебром магнолий лунный свет.
Когда я с тобой –
Моё сердце, как замерший пруд,
Мерцающий пламенного факела игрой.

*Перевод Эльмиры Алмазовой (elymira2211@gmail.com), ученицы 11 класса МБОУ
Школа № 118, Донецк*

***

Ты лёд и пламя,
И, как снег, прикосновеньем обжигаешь.
Под внешним хладом страсти пыл,
Багровым светом взор ласкаешь.
Хладееет сердце пред тобой,
Волнение скрыв сердечной боли,
Как отблеск замерзшей реки,
Как в лунном свете цвет магнолий.

*Вольный перевод Любви Черенковой (cherenkova.lyubasha@gmail.com), ученицы
11 класса ГУ ЛНР ЛУВК «Новое поколение», Луганск*

ИЗ КАСТАЛЬСКОГО ИСТОЧНИКА

Из поэзии и переводов Йоэля Матвеева

Йоэль Матвеев — трехязычный писатель, поэт и литературный переводчик. Пишет на идише, русском и английском языках, владеет в разной степени эсперанто, ивритом, арамейским и ирландским, достаточно хорошо знаком с рядом других языков. Родился в 1976 году в Ленинграде, самостоятельно выучил идиш в школьном возрасте, начал писать стихи на этом языке в 1990-е годы, живя тогда еще в России. С конца 1990-х жил в хасидских районах Лондона, Нью-Йорка и пригородов, где идиш является основным языком бытового общения. С 2002 до 2016 года работал в редколлегии идишеязычной нью-йоркской газеты «Форвертс»; с 2010 года начал публиковаться в английскоязычной прессе. В 2017 году вернулся в Санкт-Петербург. С 2019 года — корреспондент двуязычной российской газеты «Биробиджанер штерн», выходящей на русском и идише. Перевел на идиш десятки известных советских песен, систематически переводит стихи Осипа Мандельштама, а с с английского и ирландского — Уильяма Батлера Йейтса и многих других ирландских поэтов. Пишет на идише и по-русски научную фантастику и фэнтези, часто параллельно на обоих языках.

В 2021 году, к 60-летию первого полета человека в космос, Йоэль Матвеев перевел на идиш песню Владимира Мигули на стихи Анатолия Поперечного «Трава у дома». В том же году, к 50-летию песни Александры Пахмутовой и Николая Добронравова «Надежда», она прозвучала в переводе Матвеева на российском телевидении. Оба песни были также переведены им на английский. С начала 2024 года Матвеев начал писать свои стихи на английском языке, а также выполнил новые переводы известных советских песен, которые мы предлагаем читателям нашего альманаха.

He Walks on the Hills of Shapki

A sudden blow: they're laughing loud,
One fisherman, her thighs caressed,
Has caught a little silver trout.
The second looking at her breast.

There was a man who wore a beard,
A Cuban cap with Che Guevara,
To those two lads and lass he neared
And she had named him: avis rara.

That man was me; in piercing cold,
With vodka, balalayka, kasha
And swear words never growing old
He walks among the bears of Russia.

Of his high comrade dreaming, he
(of one who named him *avis rara*)
had whispered to a hazel tree:
Is ainm álainn é, a chara.

Why use a tool that, frankly, is
Ubiquitous beyond proportions?
To answer some ironic quiz
Stuck like a quab in space distortions?

And yet, I do love English words
As simple as a plumber's wrench,
Like tunes of doubtedly two chords
And love, and curses crudely carved
By someone on a wooden bench:
Cars. Clones. Cannabis. Clorox.
Laugh, *corvus corax*, laugh!..

There is a train whose stations are
Named merely after magic numbers;
Enchanted chars in woods bewitched,
And what's unreachable by cars:
Delightful wonders.

Popovka, Shapki, Volochyok,
Shambhala, Asgard, Sahasrara.
In search of Russian *Tír na nÓg*,
In marshes, wetlands, swamps and bog
In Dreamtime moss of Ushaki,
I'm not a man who's lost his key —
My druid name is *avis rara*.

* * *

May winter spill enough confusion
To sigh;
We may consider it illusion,
But why?

While gone acausally together
Astray,
Are we to chart the path? Yet rather
We may.

Clocks break in clash of universes
On time;
We utter pseudo-random verses:
They rhyme.

The earth plays ball by turning silly,
It seems.
But cosmos is forever hilly
In dreams.

* * *

I will be brief, your time to spare:
'Twas midnight and I was aware
Of my location in dreamscapes
Observing shifting of the shapes,
A tomb — Amenhotep's, perhaps,
And then this voice, I recollect,
Although I may not be exact:

"Beware, you hunter of my steps,
I am the mirror and the light
Of what's beyond and what's inside,
The golden dawn, the hazel grove,
What is below, it is above,
A fire that turns into fine earth,
The lunar womb, the solar north,
The Cailleach's cry, the maiden's kiss,
A fairy's song, a banshee's hiss.
I am the furnace and the Grail,
I am the train, I am the rail,
A shell, an echo and the shore,
I simply am — a holy whore.
For those who wonder and for those who wander,
My name is Thunder."

3 1 4 1 5 9 2 6

There is a time for magic mix,
Behold: the products of twin primes
Will never make a perfect square.
I am ascending to the tower,
Of ancient Greeks I am aware,
I stare. I'm picking up a flower.

A, ruby red and masochistically restrictive
Like rhyming ravens' roar
In twilight of Hathor;
Go welcome your twin mystic
Before Imbolc.

Signed: ~SOROR BOJK

E, ancient monochrome machines
Luminophore, bog iron slates,
A clever hack, a kludge, of sedge a broom.
Doom. Zoom into forbidden states.
A vial. Map your sins, adept.

I, crystal iodine, azure,
A quantum turn of reverie,
Distorted eyes in shortwave noise
Of broken time devices.

I. Aum. Aeon. Æ.

U, serpentic beads of realms Hyperborean.
Forgotten homes, street lights and Christmas gnomes.
Superintendent. Winter salt. Your fault on ruined bridges.
Life convoluted like your rhyme. A thrown dime
Into the fountains of Walpurgis.

U. Too. Discedere ab vulgis.

AI SF

At this very moment
I happen to translate
Someone's malformed haiku
From some obscure language.

TWIT

Tired of illusions,
Weary of all shit,
I invent cold fusion,
Turn the wheel. That's it.

* * *

Oh, New Year, you bring us kittens,
Curled up and wearing mittens,
Shine upon us, Northern Star,
From all sorrows far-far-far.

* * *

Walk a well built way:
Call no car, nor care.

So, should one ask, say:
When we are far — where?

Pick by wide walls blooms,
Still at high hills stare.

Hills dream, the day dims,
Birds back and forth flair.

See it as some sense:
Stop, seem like light air.

TRANSLATIONS

By Osip Mandelstam

* * *

A dull and cautious sudden sound —
A fruit cut from its tree was falling
Amid the ceaseless chant and calling
Of forest silence deep around.

* * *

On blue enamel faintly glazing,
Conceivable in April's shimmer,
The birches had their branches raising,
Unnoticedly becoming dimmer.

Such sharply patterned, detailed matter,
Thin frozen meshes weave and tangle,

Like drawn on a ceramic platter,
Designed from an exacting angle —

Some lovely artist who his rigger
To glassy hardness was applying,
While conscious of the moment's vigor
In sad oblivion of dying.

* * *

I find out of spacial existence
The garden of variables gauzed,
I cut the illusive persistence,
Awareness effected and caused.

Infinity's guidebook apropos
I'm reading alone, as it suits,
A leafless wild remedies' opus,
A tome of enormity's roots.

* * *

I was not merited to witness Oisín's telling,
Not happened to partake of ancient wine;
Why do I dream of meadows so compelling,
The moon of Scotland and its scarlet shine?

An echo of a harp and raven rolling
In silence mighty ominous they croon,
And whirling scarves of Fenians patrolling
I see to glimmer under wind and moon!

A blessed bestowal I indeed inherit —
The wander world of other singers' dreams;
Our kinship and our neighbors' boring merit
We are entitled to despise, it deems.

Perhaps, again a gem of olden riches
Will pass the grandsons, to their scions flown —
A skald who others' song from dreamlands stitches
Is destined to pronounce it as his own.

The Tavern Girl's Ballad *By Novella Matveyeva*

You were afraid in vain of my love
Not mighty strong to be vile,
Just seeing you was for me enough,
My chance of facing your smile.

When you were gone to some lady friend,
Or who knows where on your stormy boat,
It was enough that you used to lend,
Hung up on the nail, me your coat.

Then came the time, oh my fleeting guest,
Towards new fate you had fled, and all,
It was enough and I still felt blessed
To see that nail on my wall.

Oh, tides of days, silent sough of years
In fog, in wind and in rain.
What happened then was the worst of fears:
My nail was gone — what a pain.

In fog, in wind, stormy rain and hail,
Oh, tides of days, seasons' soughing pace,
It was enough for me that the nail
Still left a minuscule trace.

And then the trace had been gone as well...
Some old man's brush — not a chance to spare,
It was enough on the nail to dwell:
Its trace was yesterday there.

You were afraid in vain of my love
Not mighty strong to be vile,
Just seeing you was for me enough,
My chance of facing your smile.

Some fiddles' cry or some brassing band
For me to catch in warm wind again,
And what I may from that doing gain,
You never will understand.

My Hope Is *By Nikolai Dobronravov*

Under an unknown and lonely star,
Once again the foreign heaven twinkles,
Once again between us lay afar
Air fields with their nightly take-off signals.
Here we may have fog and may have rain,
Here we may have freezing cold sunrises,
On the path unknown we will again
Find some inexplicable surprises.

My hope is my compass on earth,
And my luck comes from being courageous,
And only one song's truly worth —
Which sings of our home through the ages.

Trust me that from here, from far away,
Many things start losing their meaning,
Thunder clouds dissolving in their sway,
Old resentments seem not worth forgiving.
All you need — to only learn to wait,
All you need — be ready for bestowment:
To accept from life itself your fate,
Telegrams in rare delightful moments.

My hope is my compass on earth,
And my luck comes from being courageous,
And only one song's truly worth —
Which sings of our home through the ages.

We should not forget and need to know,
Every song imagined and desired,
Blue and white windstorms of Moscow snow,
And the lovely eyes that looked so tired.
Once again between us lay afar
Lands and starry skies beyond horizons,
The unknown and lonely distant star
Like a tribute to our hope is rising.

My hope is my compass on earth,
And my luck comes from being courageous,
And only one song's truly worth —
Which sings of our home through the ages.

Behind the Porthole Is the Earth *By Anatoly Poperechny*

Behind the porthole is the Earth,
Behind the porthole is the Earth,
The Earth looks like a wonderful blue stone.
Like for their mother children long,
Like for their mother children long,
We're longing for our Earth — she is alone.

The stars as seen aboard our ships,
The stars as seen aboard our ships
Get closer, but remain as always cold,
Like when the sun is in eclipse,
Like when the sun is in eclipse
We miss the light and see our dreams of old.

And we are dreaming not of spaceports' thunder,
Not of blue ice behind the frozen glass,
But we are dreaming of our simple wonder,
Our home and its green grass, and its green grass.

We set our orbits on our own,
On paths entirely unknown
Along with asteroids in the space.
It's worth our risk and bravery,
Our daily music's scenery
Becomes attuned to cosmic tones and waves.

There shines below a hazy dawn,
Auroras green and sunsets brown
Are seen behind the porthole in the north,
But for their mother children long,
But for their mother children long,
She's waiting for her sons, as does our Earth.

And we are dreaming not of spaceports' thunder,
Not of blue ice behind the frozen glass.
But we are dreaming of our simple wonder,
Our home and its green grass, and its green grass.

To See So Great a Snowfall *By Lydia Kozlova*

To see so great a snowfall,
To see so great a snowfall
Is such a rare occasion, to be sure.
The snow kept further falling,
The snow kept further falling,
The earth was in its beauty
So beautiful and pure.

And the winter casts spells like a wizard,
Swirls and flurries from above,
Sweeps away, sweeps away in this blizzard
All that was before our love.

While snowflakes are still flocking,
While snowflakes are still flocking
On weightless snow that lies behind the doors,
Somebody's softly walking,
Somebody's softly walking,
Whose steps resound like knocking,
Whose footprints seem like yours.

And the winter casts spells like a wizard,
Swirls and flurries from above,
Sweeps away, sweeps away in this blizzard
All that was before our love.

May distances lie bleakly,
May distances lie bleakly
As far as the most distant morning star,
I still believe that quickly,
I still believe that quickly,
On snowy roads will reach me
Your footprints from afar.

And the winter casts spells like a wizard,
Swirls and flurries from above,
Sweeps away, sweeps away in this blizzard
All that was before our love.

Содержание

<i>От составителя (О.В. Матвиенко)</i>	3
<i>Слово о конкурсе (К.С. Корконосенко)</i>	4
Материалы конкурса начинающих переводчиков им. Э.Л. Линецкой (Санкт-Петербург, 2023)	5
<i>Переводы с английского</i>	6
АНГЛИЙСКАЯ ПРОЗА	7
Alison L. Randall. <i>Angel's Landing</i> — Эллисон Л. Рэндалл. Приют ангелов. Перевод Я. Скворцова. Элисон Л. Рэнделл. Здесь ангелы с небес нисходят. Перевод А. Сафиной	
АНГЛИЙСКАЯ ПОЭЗИЯ	18
Edmund William Gosse. <i>A Dream of November</i> — Эдмунд Уильям Госс. Ноябрьский сон. Перевод В. Жарковой	
<i>Переводы с немецкого</i>	20
НЕМЕЦКАЯ ПРОЗА	21
Wolfgang Borchert. <i>Unterwegs. Generation ohne Abschied</i> — Вольфганг Борхерт. В дороге. Поколение без прощаний. Перевод И. Бобылевой. Вольфганг Борхерт. В пути. Поколение без прощания. Переводы Н. Небогатиковой, О. Воронковой. Вольфганг Борхерт. По пути. Поколение, которое не прощается. Перевод К. Кроона. Вольфганг Борхерт. В дороге. Поколение без прощаний. Перевод К. Морабито	
НЕМЕЦКАЯ ПОЭЗИЯ	30
Rainer Maria Rilke. <i>Begegnung</i> — Райнер Мария Рильке. Встреча. Переводы Н. Небогатиковой, А. Кондратьевой, Г. Волошиной, К. Белого, Н. Лучкиной	
<i>Переводы с французского</i>	34
ФРАНЦУЗСКАЯ ПРОЗА	35
Xavier Marmier. <i>Lettres sur la Russie, la Finlande et la Pologne (1843), fragments</i> — Ксавье Мармье. Записки о России, Финляндии и Польше (1843), <i>отрывки</i> . Перевод А. Гличевой. Ксавье Мармье. Письма о России, Финляндии и Польше (1843), фрагменты. Перевод А. Князевой. Ксавье Мармье. Письма о России, Финляндии и Польше (1843), <i>отрывки</i> . Перевод И. Масловой	
ФРАНЦУЗСКАЯ ПОЭЗИЯ	41
Félix Arvers (1806–1850). <i>Sonnet</i> — Феликс Арвер (1806–1850) Сонет. Перевод В. Лоевой, М. Литвиненко. Феликс Арвер. Сонет (посвящен Марии, дочери писателя Шарля Нодье). Перевод О. Матвиенко	
<i>Переводы с испанского</i>	44
ИСПАНСКАЯ ПРОЗА	45
Noracio Quiroga. <i>La justa proporción de las cosas</i> — Орасио Кирога. Справедливая соразмерность мира. Перевод Д. Пожиловой. Орасио Кирога. Мера вещей. Перевод И. Ачкасовой. Орасио Кирога. Строгий порядок вещей. Перевод С. Капустина	
Антонио Мачадо. Хуан де Майрена (отрывок). Перевод О. Кулагиной	53

ИСПАНСКАЯ ПОЭЗИЯ	54
Francisco de Quevedo. Al ruiseñor. Décima — Франсиско де Кеведо. Соловью. Десима. Перевод И. Ачкасовой. Франсиско де Кеведо. К соловью. Перевод Н. Филимоновой. Франсиско де Кеведо. К соловью. Децима. Перевод Е. Мольковой. Франсиско де Кеведо. К соловью. Децима. Переводы С. Капустина, О. Матвиенко	
<i>Переводы с итальянского</i>	57
ИТАЛЬЯНСКАЯ ПРОЗА	58
Camillo Boito (1836–1914). Senso (1883) — Камилло Бойто. Чувство (отрывок). Перевод Ю. Харитоновой. Камилло Бойто. Чувство. Из тайного дневника графини Ливии. Перевод А. Мишутиной. Камилло Бойто. Чувство. Из тайной тетради графини Ливии. Перевод О. Рогозы. Отрывок из новеллы Камилло Бойто (1836–1914) «Senso» (1883). Перевод М. Курноскиной	
ИТАЛЬЯНСКАЯ ПОЭЗИЯ	76
Франческо Мария Пиаве (1810–1876) и Арриго Бойто (1842–1918). Симон Бокканегра (1881). Предлагаемый отрывок написан Бойто для редакции 1881 г. — А. Бойто. Симон Бокканегра (1881). Переводы И. Ачкасовой, М. Челаукиной, М. Курноскиной. Фрагмент (акт 1, сцена 12) музыкальной драмы Франческо Марии Пиаве (1810–1876) и Арриго Бойто (1842–1918) «Симон Бокканегра» (1881). Музыка Дж. Верди. Перевод О. Матвиенко. Ф. М. Пиаве, А. Бойто. Симон Бокканегра. Перевод Н. Юренко	
<i>Переводы с венгерского, турецкого, арабского</i>	79
ВЕНГЕРСКАЯ ПРОЗА	80
Aradi Péter: A csend, amire vágytál (részlet) — Аради Петер. Желанная тишина (отрывок). Перевод О. Воронковой	
ВЕНГЕРСКАЯ ПОЭЗИЯ	84
Kemény István: Remény — Иштван Кемени. Надежда. Перевод В. Сурняевой	
ТУРЕЦКАЯ ПРОЗА	86
Ömer Zülfü Livaneli. Kardeşimin Hikayesi (2013) — Омар Зюльфю Ливанели. Жизнь моего брата (фрагмент романа). Перевод Е. Зиминой	
ТУРЕЦКАЯ ПОЭЗИЯ	90
Ataol Behramoğlu. YAŞADIKLARIMDAN ÖĞRENDİĞİM BİR ŞEY VAR — Атаол Бехрамоглу. Я знаю этот мир немало дней... Перевод О. Матвиенко. Из своих испытаний извлек я урок. Перевод Д. Ванюковой. Мне жизнь моя преподала один урок... Перевод Е. Зиминой	
АРАБСКАЯ ПРОЗА	94
Ахмад Аль-Хамиси. Любви один лишь миг. Перевод Н. Ворониной	
АРАБСКАЯ ПОЭЗИЯ	98
Уроки мироздания. Перевод Н. Калитиной. Притча о сущем. Перевод Е. Кольшкиной	

<i>Переводы с китайского</i>	102
КИТАЙСКАЯ ПРОЗА	103
梁实秋 (1903-1987). 《北平的街道》 — Лян Шицю (1903–1987). Улицы Бэйпина. Переводы Ю. Алексеевой, Д. Власюк, Т. Грохотовой	
КИТАЙСКАЯ ПОЭЗИЯ	114
何其芳 (1912–1977) 预言 — Хэ Цифан (1912–1977). Пророчество. Переводы С. Симахиной, В. Григорьева, В. Жуковой, Т. Грохотовой.	
 <i>В переводческой мастерской</i>	 121
Кубинские рассказы.	122
Дарья Синицына. Вступление	
Абель Фернандес-Ларреа. Один день в жизни Даниэля Горовица. Перевод А. Байковой	
Алекс Ромай. Дневник (но не ежедневник) для заметок. Перевод М. Непомнящей	
Антонио Хосе Понте. Лето в парикмахерской. Перевод Е. Желтовой	
Йосс. Гость из другого завтра. Перевод М. Малинской	
Карла Суарес. Я хочу летать. Перевод П. Когана	
Рональдо Менендес. Остров Паскали. Перевод М. Толстой	
 <i>Переводы Дмитрия Буракова из Сары Тисдейл</i>	 193
Sara Teasdale (1884–1933), 1911. Helen of Troy — Сара Тисдейл (1884–1933), 1911. Елена Прекрасная	
Sappho. Song — Сапфо. Песня. The Rose and the Bee — Пчела и Роза. The Song Maker — Автор. Wild Asters — Астры. The Wanderer — Скиталица. Less than the cloud to the wind — Менее облака ветру... Buried Love — Похороненная Любовь. Coney Island — Кони-Айленд	
 Ежи Журека. После Гамлета. <i>Пьеса в трех актах с эпилогом.</i>	 203
Перевод с польского А. Г. Сукиасян, М. С. Щукиной	
 <i>Опыт художественного перевода в Донбассе. Материалы конкурса</i>	 271
«Мои первые переводы» (Донецк, ДНР, 2024)	
Amy Lowell (1874–1925). Opal — Эми Лоуэлл (1874–1925). Опал. Переводы К. Крохмалевой, Н. Лепского, Н. Муц, С. Ляпкиной, С. Шевченко, Д. Кузавы, А. Сибилевой, В. Милейко, С. Даниловой, Д. Юськовой, Э. Алмазовой, Л. Черенковой	
 <i>Из Кастальского источника</i>	 276
<i>Из поэзии и переводов Иоэля Матвеева</i>	277
He Walks on the Hills of Shapki	
*** (May winter spill enough confusion)	
* * *(I will be brief, your time to spare)	
3 1 4 1 5 9 2 6	
5 3 5 8 9 7 9	

3 2 3 8 4 6 2 6

AFTER

AI SF

TWIT

* * * (Oh, New Year, you bring us kittens)

* * * (Walk a well built way)

TRANSLATIONS

By Osip Mandelstam

* * * (A dull and cautious sudden sound)

* * * (On blue enamel faintly glazing)

* * * (I find out of spacial existence)

* * * (I was not merited to witness Oisín's telling)

The Tavern Girl's Ballad *By Novella Matveyeva*

My Hope Is *By Nikolai Dobronravov*

Behind the Porthole Is the Earth *By Anatoly Poperechny*

To See So Great a Snowfall *By Lydia Kozlova*

Литературно-художественное издание

Отражения. Выпуск 14

Первые опыты художественного перевода

Редакторы и составители: К. С. Корконосенко, О. В. Матвиенко

Иллюстрации: В. В. Бондаренко